

**ОЛЬГА
БОНДАРЕНКО**

**Предназначены
друг другу**

2017

Annotation

Сегодня Зоя была абсолютно свободной. Чувствовалось, она любит и знает секс. Подобного огромного наслаждения мужчина не получал ни от одной женщины. Зоя словно угадывала все его мысли, все движения. Она не спешила, вела мужчину по дороге медленных наслаждений. Это было что-то невероятное. Владу показалось, что его подхватил порыв сильного ветра и вознес на высокую гору, потом швырнул вниз. Замирало сердце. Слабый стон вырвался из уст мужчины. Он в последний раз вздрогнул и изо всех сил прижался к женщине. По телу разлилась все пронизывающая волна умиротворения. Вздрогнула, всхлипнула также в последнем экстазе женщина, даря радость мужчине, та же сладостная волна прошла по её телу, и это было все одновременно с Владом. Оба лежали молча, без сил. Первой пришла в себя Зоя. Она тихо прошептала «спасибо» и начала опять ласково целовать мужчину.

Ольга Бондаренко

Предназначены друг другу

Неожиданная встреча

Зоя сидела на скамеечке возле подъезда четырехэтажного дома, что был расположен в поселке городского типа, в Кочетовке. Давненько не была она в родимой деревне. Когда были живы мама и отчим, она старалась как можно чаще навещать родителей. Но их давно нет, ветшает старенький деревенский дом. Брат Андрей и его жена Римма живут в многоэтажном доме, в этом самом, возле которого сидела сейчас женщина, в благоустроенной квартире со всеми удобствами. Римка сколько раз намекала Зое, чтобы она продала родительскую усадьбу, а деньги поделила пополам. Но отчим, умирая, завещал дом Зое, а не сыну Андрею. Жалко женщине свои старые стены, ей хорошо было здесь. Покойный муж Зои, Антон Наумов, состоятельный человек, все обещал перестроить этот деревенский дом, да так и не сделал. Теперь Зоя сама себя обеспечивает в жизни, о перестройке нет и речи, но в этом доме она еще отдыхать будет летом когда-нибудь.

Женщина немного устала. Но что поделаешь! Невестка Римма, жена единственного брата, подвернула ногу. А них хозяйство почти что кулацкое: в их небольшом сарае, что метрах в пятистах от дома, овцы, куры, гуси и еще коза, чтобы ей пусто было. Так и не дала Зое подоить её, своенравная скотина. Брат как назло в рейсе, работает дальнобойщиком, должен через день, два вернуться. А пока пришлось после звонка невестки собраться Зое и поехать в деревню. Впрочем, она давно собиралась. Надо было самой посмотреть, в каком состоянии родительский дом. Может, стоит пустить в него жильцов. Все лишние деньги. А с другой стороны, как бы самой с дочерью не пришлось туда перебираться. Уж больно родственники, они же, как выяснилось, единственные наследники Антона, заинтересованы в бабулиной квартире. Пока жива Аделаида Семеновна, они не тронут, скорее всего, Зою, но бабуле уже под девяносто.

Проходящий мимо, хорошо одетый мужчина, с располагающей мужественной внешностью, с красивыми карими глазами, замедлил шаги.

— Зоя? — полуутвердительно, полувопросительно произнес он.

Сидящая на скамеечке женщина выругалась про себя. Это был Владислав Елизаров Владька! Особая страница в её душе и жизни. Когда-то она была влюблена в него. Только всегда молчала о своей любви. Что там молчала! Ни намеком, ни жестом не показала, что страдала, когда Владька женился на Милке. И сама сгоряча замуж за другого вышла. Удачно, кстати. Только неожиданно вдовой осталась. Сейчас Зоя далеко не в лучшем виде. Она убиралась в сарае у невестки, чистила навоз, кормила скотину, пыталась козу подоить, но та подала рогами в бок. Женщина упала. Больно! На женщине старые драные спортивные штаны, нелепая бесформенная куртка, ядовито-розового цвета, пышные каштановые волосы захвачены крепко резинкой, но женщина не уверена, что выбившиеся пряди не стоят дыбом. Ну и, конечно, полное отсутствие косметики, даже губы не накрашены. Так, сельская доярочка-крестьяночка с запашком навоза. Нет, в таком виде совсем не хотелось показываться перед Владькой, ставшим с годами еще более самоуверенным, красивым, неотразимым.

— Она самая, — не моргнув глазом, произнесла женщина.

— Сколько же лет я тебя не видел?

— Много, Владик, много...

— Вроде ты в А-ске жила с мужем?

— Жила, — ответила женщина. — Но это было в прошлой жизни.

— Как это в прошлой?

— Я вдова, — жестко ответила Зоя.

— Извини, — смутился мужчина. — Не знал.

Зоя смягчилась.

— Все уже в прошлом, Владь, все! Я ненадолго вернулась в родные пенаты. Вот временно дояркой работаю, — указала женщина на свой вид.

— А, — протянул мужчина. — Родители же умерли, оставили тебе дом. Так у тебя вроде состоятельный был муж... Зачем в доярки-то? В деревню тем более. Квартира-то должна быть в городе.

— Без меня нашлись наследники у мужа, — прервала Зоя, с тоской думая, какой же запах исходит от её одежды, раз Владька всерьез принял её слова про работу дояркой.

Владька же присел рядом, в светлой футболке, чистый, душистый; казалось, колхозный вид женщины его несколько не смущает.

— А почему ты здесь? Дом твой в другой стороне. У речки.

— К Римке обещала зайти. Отмечать будем день работника сельского хозяйства, — не моргнув глазом, лягнула Зоя.

Она ни за что не покажет, что смутилась при виде Владьки, что екнуло по привычке сердце, стоило Зое увидеть Елизарова Владислава.

— А сегодня день работника сельского хозяйства? — поднял брови Владислав. — Что-то я не помню такого.

— У нас точно будет, он у нас каждый раз, когда встречаемся с Римкой, — засмеялась Зоя.

— Зоя, ты теперь одна живешь? — задал непонятный вопрос Владислав.

— Одна, а что? — прищурилась женщина.

— К тебе, значит, теперь можно приходиться? — в голосе Владислава слышался явный намек.

Зоя с интересом глянула на мужчину и прокомментировала про себя:

— Вот стоило одеться по-свинячьи, и неотразимый деревенский ловелас на меня обратил внимание. Впрочем, у Владьки всегда был извращенный вкус. Одна неряха Милка чего стоила! И Белла его интересная штучка!

— Ты в родительском доме живешь? — продолжал спрашивать мужчина. — Ты там сегодня будешь ночевать?

— Там, конечно. Только я не знаю, когда там появлюсь, — ответила женщина чистую правду.

Её, в самом деле, ждала Римма. Они хотели посидеть, поговорить по душам, выпить бутылочку винца, они давно уже так не проводили время. За это время многое накопилось, что хотелось бы рассказать.

Влад и Зоя сидели довольно долго на скамеечке, болтали, хохотали, привлекая внимание любопытных деревенских жителей. Вспоминали свою юность, школьные годы — они учились в одном классе. Потом у Зои зазвонил телефон.

— Мне пора, — сказала женщина, глянув на дисплей мобильного, — Римка ждет. До свидания, Владь. Рада была увидеться.

— Так я зайду к тебе сегодня вечером? — вместо прощания многозначно ответил мужчина.

Зоя засмеялась, не стала отвечать и ушла.

— Женщины долго сидели за столом. Римма лихо опрокинула стопочку водки, сказав свой излюбленный тост:

— За нас с вами и за черт с ними.

Уставшая, голодная Зоя выпила бокал сухого вина, захмелела больше закаленной Римки и начала весело болтать. Она, смеясь, рассказывала невестке про Влада.

— Ты понимаешь, я, как заправская вонючая доярка сижу возле твоего подъезда на скамеечке, отдыхаю после праведных трудов в твоём сарае, ни кожи, ни рожи, одна розовая куртка чего стоит, особенно если учесть, что благодаря твоей козе я еще и упала, а Владька — ты одна, я к тебе приду! Ты представляешь?

— Да он ко многим бабам в деревне ходит, — подхватила Римма. — Помнишь, у нас такая толстая жила Машка Лагунина, разведенная, он к ней ходил. Потом загулял с Любкой Кочкиной, вы вместе еще учились, подруга твоя была, а сейчас, говорят, так и пасется у Аньки Бычковой, соседки твоей по деревенскому дому. Вот будешь там ночевать, можешь полюбопытствовать.

— Больно надо, — фыркнула Зоя.

— Я правду говорю, — не отступала Римка, которая знала все, что происходило в родной деревне.

— Так Владька вроде женат. Милка ему еще двух дочерей родила, — Зоя притворилась, что ничего не знает про Владислава, про его вторую жену, породистую, аристократичную художницу Беллу Светлицкую.

— С Милкой своей Владька давно расстался. Как загулял, так Милка, говорят, его и выставила. А может, и сам ушел. Он вон какой напмаженный ходит, а Милка всегда грязнуха была. Как он ухитрился на ней жениться?

— Влад, что, свободен сейчас?

— Нет, женат на ком-то. Вроде на художнице. Красивая, говорят. Ну, помнишь, мы еще вместе с тобой свадьбу ходили смотреть.

— Я не смотрю деревенские свадьбы, и никогда не смотрела, — ответила Зоя. — Ты что-то путаешь.

— Может, и путаю, может, не с тобой была, — согласилась невестка. — Говорят, жена у Владьки известная художница. Её весь мир знает...

— Слушай, а они все ведь толстые, — сказала неожиданно Зоя.

— Кто толстый, — не поняла Римма.

— Ну эти бабы, к которым Владька ходит. Машка, Любка, Анька. Да и Милка его была упитанная.

— Ага, — согласилась Римма. — Его на толстых тянет.

— Жаль, — пьяненько протянула Зоя. — Я когда-то была в теле, но вроде похудела после смерти Антона. Чего это Влад ко мне решил подбить клинья? Не вписываюсь я в его симпатии.

— А давай, ты растолстей, Владька тогда точно мимо тебя не пройдет. Я помню, как он к тебе подбивал в юности клинья, но у вас так и не сладилось. Ты быстренько замуж за своего Антона выскочила. Так что срочно начинай много есть и толстей. Владька любит толстеньких, особенно вдовушек.

— А я и есть вдовушка, но вторую порцию есть не буду, иначе лопну. Все так вкусно, — ответила Зоя. — Пойду-ка к себе ночевать. А вдруг Владька придет? А я у тебя. Непорядок

получается.

— А он тебе нужен? — спросила Римма.

— В том-то и дело, что нет, — засмеялась Зоя.

Сработал старый рефлекс: никто не должен знать её истинного отношения к Владу. Но тем не менее женщина ушла. Она попрощалась с невесткой и по темной уже улице пошла в родительский дом.

Дом родителей был в конце деревни. Зоя медленно шла по узкому дощатому тротуару, наслаждаясь наступившей неожиданно теплотой. Если днем еще было прохладно, то пришедшая ему на смену июньская ночь была ласковой, теплой. Заливались в кустах какие-то птицы, одуряющее пахло расцветшим жасмином. Навстречу женщине медленно двигался высокий мужчина. Разойтись на узенькой дорожке было мудрено. Зоя посторонилась. Но он замедлил шаги возле женщины, схватил её за руку.

— Владик, это ты? — удивилась Зоя.

— Я, — ответил мужчина. — Ты бы хоть немного испугалась для приличия. Повизжала что ли!

— Зачем? Мужчинам надо радоваться, а не пугаться, — рассудительно изрекла женщина. — Откуда ты?

— От тебя.

— Да, и я была дома? — наивно поинтересовалась Зоя, освобождая руку.

— Нет, — засмеялся Владислав, перехватив поудобнее и покрепче руку женщины и разворачиваясь назад.

— Ты опять ко мне собрался? — уточнила женщина.

— А почему бы и нет? Ты думаешь, я все забыл?

— А, правда, а почему бы и нет, почему не прийти ко мне, я же одинокая вдовушка. Можно и навестить. Правда, не толстая, — согласилась женщина.

— Я не об этом! Я все помню. И ты знаешь!

— Знаю, — ответила Зоя совсем другим тоном: — Но того, Владик, что ты помнишь, не было, это был сон, приснилось все тебе.

— А тебе? Тебе тоже приснилось!

— И мне тоже!

— Двух одинаковых снов не бывает.

— Значит, Владик, мне ничего не снилось!

Любопытная подруга Римки, Анька Бычкова, скучая в своем дворе, видела, как Зоя поздно вечером шла с каким-то мужиком под ручку. И вроде он похож на любвеобильного Владьку Елизарова. Но это мало вероятно. Владька ходит к самой Аньке уже целый год. И мать Владьки терпеть не может Зойку. Она же изничтожит и сына, и Зойку. А Владька до сих пор побаивается свою решительную мамашу. Ярая сплетница, Анька долго сидела во дворе, выжидая, когда мужичок выскользнет назад, чтобы завтра утром доложить Римке и всей деревне, кто грешил этой ночью с городской соседкой. Не дождалась. «А может, это была и не Зойка, может, Владька с какой другой бабой к речке пошел искупаться ночью? Это вероятнее всего. Ведь дом Зойки у самой речки», — подумала Анька и пошла спать.

Владислав Елизаров, с точки зрения окружающих, бабник и щедрый любовник, не пропускал ни одной одинокой юбки. Он уже был дважды женат, имел двух детей от первого брака, жена ушла от него, потому что Владька бессовестно гулял. Он вскоре женился на другой, та тоже ему родила дочь. Зоя знала все это. Она всегда все знала про Владислава.

Умела выспросить украдкой так, чтобы не догадалась, ту же самую всезнающую и порой не очень догадливую Римку. Слушая сочные комментарии невестки про Влада, влюбленная в него Зоя порой думала:

— Бог миловал меня, что я не стала Владькиной женой. Что бы ждало меня в семейной жизни? Сидела бы в одиночестве по вечерам и ночам, как Милка, с двумя детьми. Хотя Милка тоже потом загуляла, первой ушла от Владьки, вышла за другого замуж и уехала отсюда... А может, со мной было бы все по-иному?

Ответа женщина не знала. У самой Зои был удачный брак, но одиночество настигло и её. Вот уже два года, как женщина была вдовой, а ведь она не старая. Хотелось тепла, счастья. Тело тоже требовало своего, снились по ночам мужчины. И Зоя решилась и пустила к себе на ночь Владьку.

— А почему бы и нет? — сказала она себе. — Чем я хуже Машки, Любки и Аньки? А Владичка любвеобильный. На всех его хватит...

Покойный муж Зои, Антон Наумов, был старше её на пятнадцать лет. Зоя очень благодарна судьбе, что встретила этого человека. С ним она стала настоящей женщиной, муж научил её любви, физической любви. Ей сейчас было трудно одной. Трудно и морально, и материально, и физически. Вот и решила провести эксперимент — нужен мужчина, пусть придет только на одну ночку, пусть будет Владька. На Владислава женщина долго идущих планов не имела. Он не подходил для семейной жизни. Для семьи нужен более спокойный, уравновешенный человек, пусть даже в возрасте, только не мартовский кот Владислав Елизаров.

Владислав. Интересный, высокий темноволосый мужчина с карими выразительными глазами, смотрит всегда в упор, раздевает взглядом любую женщину. В школе он был таким, как и другие. Любопытным, оценивающим взглядом окидывал девчонок-одноклассниц, и ни за что не признался бы друзьям, что ему очень по сердцу темноволосая Зоя Королькова. Когда у всех девчонок грудь только намечалась, у Зои уже была сформировавшаяся фигура. Сколько она снилась Владиславу в его полудетских снах. Но не решился подойти парнишка и предложить дружбу. Зоя всегда была недостижимой для него, да и Сашка Попов без конца вился вокруг неё. И если бы она сегодня не сидела, уставшая, одетая по-крестьянски, с выбившимися из прически темными прядями густых волос, такая необычно обычная не подошел бы к ней мужчина. Поздоровался, может, немного поговорил ни о чем и прошел бы дальше. А, увидев женщину в нелепом розовом наряде, удивился, остановился, разговорился. Зоя изменилась! Не такая уж она небесно-далекая натура, хохочет, даже намеки делает полупрозрачные. Владу было не в новинку обхаживать понравившуюся женщину, и он решился, сказал, что придет, ответа четкого не получил, значит, вся ясно: сегодня он ночует у Зои. Вторая его жена, Белла, была старше на пять лет. Он до сих пор не знает, зачем женился на ней. Не любит он её, и никогда не любил. И она прохладно к нему относится. Вот только дочка у них родилась спустя три месяца после свадьбы. Шурочка. Владислав очень её любит. Но сегодня Влад не вернется домой ни к Белле в город, ни к матери в деревню, он останется у Зои, лишь бы мать не узнала. У неё просто какая-то патологическая нелюбовь к Зое. Но именно эта непонятная женщина всегда привлекала внимание Владислава, прямо притягивала к себе, если оказывалась в поле его зрения. Только раньше рядом с ней всегда был на правах мужа-собственника богатый предприниматель Антон Наумов. Но его больше нет, он умер. Владу немного было стыдно, но он год назад

обрадовался этому известию.

Зоя вошла в дом. Как хорошо, что она приехала вчера, сначала зашла сюда и привела все в порядок: обмахнула паутину, смела пыль, вымыла мутные стекла, приготовила себе кое-чего поесть. Хоть жилым духом пахнет. Следом за женщиной в дом зашел Влад. Дальше началось само настоящее безумие. По-скорому захлопнув дверь, Влад тут же начал обнимать женщину. Истосковавшая по мужчине, Зоя ответила тем же. И как ответила! Одежда моментально полетела в разные стороны, они еле добрались до кровати. Такого от далекой недосыгаемой женщины Владислав не ожидал. Хотя уже как-то раскованность и непредсказуемость Зои поразила его. А может, правда, приснилось в тот раз все? Сегодня Зоя была абсолютно свободной. Чувствовалось, она любит и знает секс. Подобного огромного наслаждения мужчина не получал ни от одной женщины. Зоя словно угадывала все его мысли, все движения. Она не спешила, вела мужчину по дороге медленных наслаждений. Это было что-то невероятное. Владу показалось, что его подхватил порыв сильного ветра и вознес на высокую гору, потом швырнул вниз. Замирало сердце. Слабый стон вырвался из уст мужчины. Он в последний раз вздрогнул и изо всех сил прижался к женщине. По телу разлилась все пронизывающая волна умиротворения. Вздрогнула, всхлипнула также в последнем экстазе женщина, даря радость мужчине, та же сладостная волна прошла по её телу, и это было все одновременно с Владом. Оба лежали молча, без сил. Первой пришла в себя Зоя. Она тихо прошептала «спасибо» и начала опять ласково целовать мужчину.

— А ты ненасытная, — засмеялся Влад.

— Ага, — согласилась женщина. — Я люблю мужчин! Это плохо?

— Ты что? Это замечательно!

И все повторилось сначала. Мужчина опять пережил водопад чувств. Во всем теле разлилась приятная истома. Владислав с таким темпом даже проголодался. Руки Зои продолжали обнимать его и ласково поглаживать. И Владу не хотелось её отпускать. Казалось, Зоя уснула. Но вдруг она открыла глаза.

— Знаешь, я что-то хочу есть, — сказала жалобно женщина. — Пойдем, перекусим чем-нибудь.

— Пойдем, я тоже проголодался- согласился Влад, удивляясь, что совпали его и Зоины мысли.

Нисколько не стесняясь, обнаженная, Зоя встала перед мужчиной. Тот невольно залюбовался её фигурой. У женщины была идеальная фигура. Гладкая кожа матово белела в полумраке, высокая грудь сохранила девическую упругую форму, узкая талия, длинные стройные ноги завершали обнаженный портрет женщины. Пышные волосы рассыпались по плечам. Влад не отводил от неё глаз. Он уже не думал о еде. Та, словно, угадав мысли мужчины, медленно повернулась перед ним, словно в пируэте, засмеялась, погрозила пальцем: «Сначала поедим!» — и плавно выскользнула в кухню. Владислав пошел следом. Женщина быстро включила электрический чайник, нарезала колбасы и сыра для бутербродов. Оба, в чем мать родила, сидели за кухонным столом и ели.

— А теперь спать, — это тоже произнесла Зоя.

— Мне совсем не хочется, — ответил мужчина.

Женщина опять действовала на него возбуждающе.

— А я тебя усыплю, — сказала Зоя. — Пойдем в постель, пойдем бай-бай! Владик-

Славик хочет бай-бай.

Женщина встала, подошла сзади, обняла мужчину, после размяла своими сильными пальцами сначала ему мышцы шеи, потом плечи. Далее руки её бежали по телу мужчины, плетя какой-то таинственный языческий узор. Влад медленно поднялся. Они дошли до кровати. Мужчину начал окутывать голубой туман.

— Зойка-Зайка, — произнес он школьное прозвище женщины. — Я, кажется, тебя люблю.

— Я тоже тебя сегодня люблю, — прошептала женщина. — Сегодня ты мой, Славик-Владик! Спи, Славик, спи, Владик, спи, спи, спи... Сегодня нам можно немножко полюбить друг друга.

Последняя мысль, скользнувшая в полузасыпающем мозге:

— Неужели такое бывает, неужели это со мной? Неужели это недоступная, моя небесная Зойка-Зайка? Такая далекая от меня...и такая огненная...

Он, наверно, сказал вслух это. Зоя тихонько засмеялась:

— Я это, я, Владичка. Со мной всегда так. Запомни. Только я не небесная. Я земная колдунья-язычница, умею владеть мужскими душами. И сегодня я забираю твою душу в плен. Если, конечно, ты согласен.

— В обмен на твою, — пробормотал Владислав. — А моей ты давно владеешь. Только скрываешь даже от себя...

— Хорошо, хорошо, — не дослушала его Зоя, — меняемся, меняемся душами... Не пожалей только... Я ведь не отпущу....

Оба уснули. Утром Владислав проснулся оттого, что кто-то нежно целовал его плечо. За окном едва теплился рассвет. Широко распахнутые, голубые, с веселой искринкой, глаза Зойки-Зайки смеялись и лучились нежностью, обещали многое. «Язычница!» — вспомнил он.

— Зоя, — улыбнулся он. — А я думал, что ты мне снилась.

Женщина не ответила. Её руки ласково бежали по широкой груди мужчины. Они опять плели языческий узор, только он теперь не усыплял, а обещал неземное наслаждение.

— Ты фантастическая женщина, — сказал Влад.

— Я знаю, — улыбнулась Зоя.

— Почему я всегда думал, что ты недостижимая для меня? Ты всегда была так далеко...

— Мне так хотелось, — ответила она.

Было совсем еще рано. Но Владислав спешил в город. Ему позвонили, что-то случилось на линии. Год назад Владислав получил повышение, теперь он возглавлял энергосбыт в Аске, где когда-то начиналась его карьера. Вторая жена Белла с радостью вернулась сюда из небольшого соседнего городка, где они прожили пять лет. И сейчас Владиславу надо было срочно в центральный офис. Мужчина быстро собрался и уехал, хотя расставаться с Зойкой-Зайкой жуть как не хотелось. Уже поздно ночью он вернулся в деревню, остановил машину на краю деревни и постучал в дом Зои, свет в окнах не горел, и никто ему дверь не открыл. Зоя уехала домой, в город. Брат после обеда вернулся из рейса, помощь её была не нужна. Владислав немного расстроился. Но ненадолго. Он вспомнил про свою деревенскую пассию, соседку Зои, пышнотелую Анну Бычкову, и шагнул к другой калитке. До встречи с Зоей мужчина считал, что все женщины одинаковы. Он любил секс со всеми. Но в этот вечер, сидя за столом с упитанной Анной, вспоминал Зою.

— Кто бы мог подумать, что своенравная, высокомерная Зоя умеет дарить такое

наслаждение мужчине? — с удивлением спрашивал он себя.

Влад не стал ночевать у Анны, и никакого секса не было, мужчина, к удивлению Анны, быстро оделся и, ничего не объясняя, отправился домой, к матери и отцу. Большой дом Елизаровых был расположен на другом конце деревни.

Зоя ехала в автобусе и ругала себя, что поддалась минутной слабости и пустила к себе Влада. Нельзя позволять физическим желаниям властвовать над разумом. Но признавалась себе, что так хорошо ей давно не было, что с мужем такого она не переживала, не было такой бури эмоций, чувств, такого острого пронизывающего наслаждения.

— Я же всех теперь буду с Владькой сравнивать, — думала она. — А с другой стороны, кого мне с ним сравнивать? С кем? Я одна. Владька первый, кто захотел меня. Или я его захотела. Но все было здорово!

Недолгая работа в школе

Подступившие заботы отодвинули мысли о Владе. Опять заболела воспалением легких пятилетняя дочка Ксюша. Врач настаивал на госпитализации. Зоя легла с девочкой в больницу. Это было третье воспаление легких за этот год. Девочка болела после смерти Антона без конца, болела долго, тяжело, вся исхудала, заранее плакала при виде белых халатов. Плакала с ней и Зоя, видя, как исчезает веселый беззаботный ребенок, вместо маленькой девочки появляется рассудительная серьезная старушка. Больше всего Зоя испугалась, когда Ксюша начала ей рассказывать один и тот же сон. Покойный отец приходил за ней, Антон уговаривал дочку идти жить с ним, там хорошо. Зоя просила ничего не понимающую девочку не бросать её, не уходить с отцом.

— Ты прогони его, — говорила женщина. — Вот придет опять он к тебе, ты скажи, чтобы уходил.

— Но это же мой папа, — отвечала грустная Ксюша. — Я хочу к папе. Почему он умер? Он хороший!

— Но все равно, дочка, не покидай свою маму и меня, — говорила бабуля, слышавшая этот разговор. — Ты уйдешь, где мы себе еще найдем такую хорошую девочку? А папу тебе мама другого найдет.

— Хорошо, мама, хорошо, бабушка, — согласилась покорно дочка, которая спутала сон и явь. — Я останусь с вами. Только пусть мой к нам папа вернется. Вы позовите его назад.

Старая бабушка покойного мужа, Аделаида Семеновна, которой Зоя рассказала об этих снах девочки, сходила в церковь, молилась за здоровье правнучки, за упокой души Антона, поставила всевозможные свечки, а потом записалась на прием к гадалке. Черноволосая кудрявая женщина цыганистого типа, неплохой психолог, выслушала старую испуганную женщину и не стала гадать.

— Девочка тоскует по отцу, — сказала она. — Пусть твоя внучка мужика хорошего найдет, чтобы заменил отца девчонке.

— А ты все-таки посмотри в свой шар, — попросила старая женщина. — Вот я фото внучки и её дочки принесла. Что их ждет?

Гадалка глянула на фото, на шар.

— Ох, и клубок здесь сплелся. Не разберу я. Вроде есть отец у девочки, то ли далеко он от неё, то ли рядом. Пока не пойму. Но твоя внучка сильная. Выдержит, — она отвернулась от шара. — А отца девочке обязательно найдите. Тогда она болеть бросит. Замуж для этого должна выйти твоя внучка.

Дочку подлечили, хрипы прошли. Зоя, сняв остатки денег с банковской карточки, уехала с Ксюшей на юг, на все оставшееся лето. Здоровье девочки важнее всего на свете. Пусть подышит морским воздухом.

Вернулась женщина в конце августа. Денег на её счету оказалось совсем мало, в квартире, где она жила с Антоном, в дверь были врезаны новые замки. Зоя давно ожидала подобного. Свекровь неоднократно намекала, что Зоя и Ксюша должны освободить эту квартиру, она принадлежит им по документам. Зоя грустно глянула на свое бывшее жилье. Пришлось ехать к бабуле — Аделаиде Семеновне. Свекровь позвонила вечером, брюзжала по телефону:

— Пора оставить барские замашки, Зоя. Зачем ездила на юг? И была там так долго!

Живи, Зоенька, по средствам. Ты теперь вдова. Больше на твою карточку перечислений не будет. Мы так решили.

— Спасибо, мамочка, — ответила Зоя. — И от вашей внучки большое спасибо. Бог не забудет ваших благодеяний.

— Зоенька, ты нам чужая, и внучка не наша. Я уверена, что Антон не был отцом твоей Ксении.

— А мне чихать, в чем вы уверены, мамочка, — разозлилась Зоя. — Я ведь у вас ничего не прошу. Вы, самое главное, больше не звоните нам.

— Но еще не решен вопрос с квартирой, — противно-ласково протянула свекровь.

— По-моему, я после приезда туда не попала, — ответила Зоя. — Вы в мое отсутствие, как владельцы квартиры, через суд выписали меня и девочку.

— Я о бабулиной квартире.

— О бабулиной... — протянула женщина.

Аделаида Семеновна, бабушка мужа, у которой теперь жили Зоя и Ксюша, стоящая напротив, выхватила трубку.

— Вот что, Арина, — начала старая женщина решительным тоном, — сюда больше не звони. Все не угомонишься, жадность тебя душит. Смотри не задохнись! А сюда не лезь! Здесь мои владения. Это моя квартира. Даже не суйся! Мне Антон её подарил! А то, смотри я заявлю, что вы должны мне платить алименты. Через суд заставлю платить. Мне уже за восемьдесят. А я уж с вас, знаешь, сколько стрясу.

Свекровь что-то ответила и быстро бросила трубку. Аделаида Семеновна торжествующе засмеялась.

— Зоюшка, — ласково обратилась к расстроенной женщине бабушка покойного мужа. — Плюнь ты на них. Не получают они квартиры моей. Я на тебя завещание написала. Проживем мы с тобой. Ты устроишься на работу, я буду с Ксенией сидеть... Много ли нам надо?

— Проживем, — согласилась Зоя. — Я на них и не рассчитывала. Мне за Ксюшу обидно. Антон так её любил. А ей ничего не досталось из денег отца, — она помолчала минуту. — Ну ничего. Выживем. Я пойду работать. Буду сдавать мамин дом в деревне и работать.

— Вот и хорошо, — согласилась Аделаида Семеновна. — Только живите со мной, не уходите, мне хорошо с вами. Сразу тоска моя куда-то исчезла. Я Ксюшеньку буду учить играть на пианино.

Бабушка мужа, старенькая, но вполне еще крепкая, добрая интеллигентная женщина, сказала, что будет сидеть с правнучкой. Нельзя отдавать девочку в садик, опять заболеет. Но о прежней работе для Зои, что была при Антоне, и мысли не было. В магазинах ей делать нечего. Её вышвырнули, как ненужную вещь. Хотя новый владелец магазина «Обувной мир», Игорь Вальяжников, муж сестры Антона, предложил ей пойти в продавцы на определенных условиях. Не дождется. Этот магазин Зоя вместе с мужем создавала. Но на другую, хорошо оплачиваемую работу, оказалось, устроиться было невозможно. В стране бушевал кризис. Зоя вспомнила свою профессию и вышла учителем в родную свою деревенскую школу, что была в пяти километрах от города. В деревне платили чуть побольше, чем в городе. В этот год умерла старая учительница географии Елизавета Степановна Семенова, бывшая классная руководительница Зои. Зою Александровну Наумову взяли на её место. Директором школы была Лебедева Надежда Николаевна, дальняя родственница Зои.

Поползли один за другим одинаковые дни. Зоя вспоминала географию, удивлялась, как хорошо она все помнит. С учениками контакт легко установился. Зоя смеялась: «У нас принцип ненападения. Я их не трогаю, они меня».

Дома тоже было все в порядке. Ксюша после юга болела совсем мало. С бабушкой у них было полное взаимопонимание. Только ребенок упорно сопротивлялся музыке. Ксюша не хотела сидеть за инструментом. Приближался Новый год. Пятилетняя Ксюша попросила бабушку написать письмо Деду-Морозу. Зоя всплакнула, когда Аделаида Семеновна подала ей с извинениями конверт:

— Ты уж прости, Зоюшка. Но не смогла я сказать девочке, что не надо такого писать. Вот записала её просьбу, старая дура.

В письме были слова: «Дед-Мороз. Приведи мне, пожалуйста, моего папу. Не надо мне никаких игрушек и конфет, я не буду у мамы никогда просить мороженого, я даже буду слушаться бабушку и играть на пианино. Пусть только у меня будет папа!» Женщина вытерла невольной набежавшую слезу, пряча письмо в сумочку.

— Знаешь, что еще сказала Ксюша, когда мы писали письмо? — спросила Аделаида Семеновна.

— Что? — грустно улыбнулась Зоя.

— Маленькая хитрюшка сказала: «Если у меня будет папа, он мне купит и игрушки, и конфеты, мороженое. А маме мы опять не будем говорить, что я ем мороженое. Я буду кусать его маленькими-маленькими кусочками».

— Как при Антоне, — ответила женщина.

— Ты думаешь, Ксюша помнит отца?

— Не знаю, — ответила женщина. — Но он ей по-прежнему часто снится, она говорит о нем.

— Наверно, не может никак успокоиться душенька Антона, что послушал свою мать Арину и в результате оставил дочь без средств к жизни. Переживает, как тут его малышка живет, на какие деньги...

— А я на что? — сердито возразила Зоя. — Пусть Антон лучше своей мамочке во снах является. Может, совесть у неё проснется?

— Не проснется, — уверенно произнесла старая женщина.

Зоя успешно работала. В школах в феврале проходили вечера встречи. Пятнадцать лет назад Зоя окончила школу, в которой сама теперь работала. Её одиннадцатый класс отвечал за вечер встречи. Старшеклассники были оживленны и тщательно подготовили большую программу. Сделали несколько ярких газет, разыскали старые снимки, продумали вопросы интервью для выпускников, организовали дискотеку. Зоя дергалась, переживала за свой класс, когда начался вечер. Но все шло благополучно. Официальная часть завершилась, все стали танцевать. Женщина всматривалась в пришедших людей: вдруг кто мелькнет из её класса. Ведь нет в живых Елизаветы Степановны, можно будет собраться вокруг Зои, она и бутылочку конька припрятала для этого дела. Но, увы, никого не было. Как-никак пятнадцать лет прошло.

Уставшая Зоя пошла в свой кабинет. Прошла в лаборантскую, где хранились карты, глобусы и прочая дребедень. Девчонки из её класса сидели на партах и вполголоса обсуждали вечер. Они устали, но были довольны. Вечер явно удался. Зоя вспомнила: когда она принимала этот класс, то получила самые нелестные характеристики: непослушные,

своенравные, Елизавета Степановна находила как-то с ними общий язык, и они её любили, но классная мама уже болела, вот детишки и распустились. Правда, класс был не из легких. Учились кое-как. Прогуливали. До сих пор Зоя улыбается, вспоминая свой первый классный час в этом классе.

Красивая стройная женщина в обтягивающем модном костюме, совсем не похожая на учительницу, уверенно вошла в класс. Ничего не скажешь, встали при её появлении. Мальчишки бросили заинтересованные взгляды: еще бы такая фигура. Девчата насторожились. Зоя начала знакомиться. Одиннадцатиклассники вежливо её выслушали. Зоя все сказала и решила их отпустить. Как вдруг один, самый красивый и, как впоследствии оказалось, самый наглый парнишка из класса протянул:

— И это все?

— Все, — ответила Зоя.

— А сказку? — красивые карие глаза Березкина Георгия, в окружении длинных черных ресниц, смотрели, не мигая, на Зою.

Юный нахал имел в виду сказку о замечательной жизни в их дружном одиннадцатом классе, как будут учиться, как проводить время.

— Сказку? — переспросила Зоя. — Вы уверены, что хотите сказку.

— Хотим, очень хотим, — подтвердила озорная Наташка Прохорова, которая обычно за словом в карман не лезла.

— Тогда слушайте. Сами напросились.

И одиннадцатый класс с удивлением начал слушать настоящую сказку. Новая классная руководительница рассказала большим мальчикам и девочкам замечательную сказку, собранную из десяти, наверное, книжек. Когда-то в детстве Зоя очень любила сказки. Она перечитала все, что было в их сельской библиотеке. Рассказывала подругам. Потом попробовала сочинить сама. И сочинила. Став взрослой, она прекрасно понимала, что ничего нового она в сказку не внесла, ничего своего. Она сделала свой вариант из многих сказок. Назвала её «Они были предназначены друг другу». Друзья женщины любили слушать эту сказку. Зоя вспомнила, как рассказывала её в роддоме соседкам по палате. Катька, веселая деревенская деваха, тогда простодушно прокомментировала:

— Я и не знала, что сказки такие интересные.

«Они предназначены друг другу». Сказка

Когда-то, давным-давно на белом свете жил-был прекрасный юноша. У него имелось все в этой жизни: друг — царь страны, прекрасная белокурая невеста, предназначенная для юноши самой госпожой Судьбой. А что еще для счастья надо? Юноша был счастлив и считал, что все вокруг тоже такие счастливые.

Только раз он заметил, что его друг, царь той страны, где жил этот юноша, вытирает украдкой грустные слезы.

— Что случилось, мой друг. Почему ты грустишь? — спросил он царя. — Могу ли я тебе помочь?

— Я плачу потому, что завидую тебе.

— Но ты ведь царь, у тебя есть все.

— Нет, не все... — царь помолчал. — У тебя есть прекрасная белокурая невеста...

— Ты любишь её? — взволнованно прервал юноша своего друга.

— Нет, это твоя невеста, как я могу любить её? Вы предназначены свыше друг для друга, сама госпожа Судьба соединила ваши сердца, вы скоро поженитесь, будете счастливыми, у вас родятся замечательные дети. А у меня... У меня никогда не будет детей, не будет жены, не будет счастья.

— Но почему? — воскликнул юноша. — Как может такое быть! Ведь где-то же должна быть та, кому ты хочешь отдать свое сердце. Пойдем к госпоже Судьбе, спросим её...

— Нет, не надо этого делать... Я люблю одну девушку, её волосы черны, как смоль, глаза зелены, как молодая хвоя лиственниц. Она дочь лесного дива. И она меня любит, но мы никогда не будем вместе. Судьба предназначила нас друг другу, я знаю это, но её отец не признает судьбы, не хочет покоряться силам мироздания, он ни за что не отдаст свою дочь простому смертному царю.

— Но если сама госпожа Судьба благословила вашу любовь, то как этому может помешать лесной див? — удивился юноша.

— Судьба устала спорить с ним. Она сказала, если найдется такой человек, который ради дружбы готов отодвинуть свое счастье и привезти зеленоглазую дочь лесного дива её суженому...

— Где она живет? — прервал своего друга прекрасный юноша. — Я привезу девушку тебе. Я не могу быть счастливым, когда у моего друга нет счастья.

— Нет, это невозможно, — пытался его остановить царь. — Я несколько раз пытался увезти свою зеленоглазую, но лесной див всегда догонял меня. У него очень быстрый и могучий конь.

— А я увезу, — ответил юноша и пошел собираться в дорогу.

Он зашел попрощаться к своей белокурой невесте. Девушка была в саду. Она радостно вскрикнула, кинулась к нему и обвила его шею своими нежными руками. Но тут же радость сменилась грустью: она узнала о предстоящей разлуке.

— Ты уезжаешь, — загрустила белокурая невеста.

— Да, я еду за дочерью лесного дива.

— Знай же, — ответила невеста, — я не перестану плакать, пока ты не вернешься.

Её прекрасные глаза, не отрываясь, смотрели на жениха, с которым предстояло расстаться. Крупные слезы падали на изумрудную траву, сверкая в ней чистейшими

бриллиантами. Опечаленные прощанием, они не заметили небесного лика неземной женщины в белых одеждах, что простирала над ними руки, благословляя их вечную любовь. Это была Божья Матерь, Дева Мария.

— Я скоро вернусь, — ответил юноша.

Он нежно отвел в сторону руки невесты и ушел.

Взяв самого сильного и рослого коня, юноша направился во владения лесного дива. А вот и его дом, скрытый в гуще темно-зеленых ветвей могучих дубов. В окошко на юношу настороженно смотрела черноволосяя красавица, дочь лесного дива. Она тихо заговорила, будто беседуя сама с собой:

— Мне приснился сегодня удивительный сон. За мной приехал прекрасный юноша. Он приехал от царя, который меня любит, которого сама госпожа Судьба предназначила мне в мужа, — девушка, покраснев, спрятала свое лицо среди цветов, что стояли в вазе на окне.

— Это не сон, — ответил юноша. — Не надо спорить с Судьбой. Собирайся. Я приехал за тобой.

— Нельзя спорить с Судьбой, — согласилась дочь лесного дива, — я и не спорю, я люблю земного царя, твоего друга, но мой отец... он ненавидит Судьбу... Отец будет в гневе. Он догонит нас. У него сильный конь.

Юноша уговорил девушку, и они сели на могучих коней и уехали. В это время под лесным дивом споткнулся конь.

— Что ты, тварь четвероногая, спотыкаешься на ровном месте? — недовольно проронил лесной див.

— Да чудится мне, что дочь твою увез юноша. И увез он её к царю, который её любит и которому она предназначена госпожой Судьбой.

— Опять эта Судьба... Я не подчиняюсь ей... Мы успеем их догнать?

— Успеем. Мы успеем поохотиться, отдохнуть, выспаться и тогда догоним. Но стоит ли это делать. Не надо спорить с госпожой Судьбой. Прошу тебя, примиришься с ней... Ты ведь когда-то тоже любил...

Но лесной див не стал слушать верного коня. Он пришпорил его и в мгновение ока догнал юношу и свою дочь.

— На первый раз я тебя прощаю, — прогремел голос лесного дива. — Но предупреждаю — больше не появляйся на моем пути. Не трогай моей дочери. Мой гнев страшен. Никакая Судьба тебе не поможет!

Он схватил дочь, посадил на своего коня и исчез, словно ветер. Задумался юноша.

— Надо искать другого коня.

Через день он прискакал на новом, более сильном коне к дому лесного дива.

— Собирайся, мы едем к моему другу, — сказал юноша девушке.

— Нет, — не согласилась девушка, — отец убьет тебя. У него сильный конь. Он нас догонит.

— Мой новый конь гораздо сильнее старого. Не догонит, — ответил юноша. — Собирайся. Мы едем!

Он забрал дочь лесного дива, и они помчались вперед. Под лесным дивом опять споткнулся верный конь.

— Что опять случилось, тварь четвероногая? — недовольно обронил лесной див.

— Да чудится мне, что прекрасный юноша вновь увез твою дочь. Увез к царю, который её любит и которому она предназначена...

— Не смей мне говорить про Судьбу... Мы их догоним?

— Конечно. Ведь у меня два сердца, ты знаешь. У юноши обычный конь, с одним сердцем.

Лесной див пришпорил коня и мгновенно догнал юношу. Див был разгневан.

— Я предупреждал тебя, — громом проревел его голос. — Ты ослушался меня. За это расплатишься.

Сверкнули две молнии, сжигая девственный непроходимый лес — это были глаза дива. Руки плели сложное заклинание, творя волшебство, направленное против самой Судьбы, чтобы разлучить сразу две пары — дочь лесного дива и земного царя, прекрасного юношу и его белокурую невесту. Исчез лес, исчез юноша, на этом месте была лишь пустыня, среди горячих песков журчал хрустальный источник и пел песню о несбывшейся любви. Заплакала дочь лесного дива, навсегда прощаясь с надеждой на счастье, с обидой на Судьбу, которая пообещала счастье и ничего не могла сделать против лесного дива. Она не видела, как за её спиной появилась женщина в белых одеждах и тихо шептала:

— Не плачь, дочка, не плачь. Я позабочусь о твоём счастье. Никто еще не победил Судьбу. Сама Дева Мария на вашей стороне.

Шли годы. Журчал источник, пел свою вечную песню. Люди приходили к нему, пили прозрачную холодную воду, освежали лицо и руки, слушали пение источника, но никто не понимал слов.

Как-то по пустыне проходили Святой Петр и Иисус Христос. Оба утолили жажду водой из хрустального источника. С наслаждением Иисус зачерпнул воды и омыл ею свои уставшие босые ноги. А Святой Петр слушал журчание источника. Вдруг среди журчания струй он услышал слова о белокурой невесте, что плачет уже много времени, ожидая жениха своего, о царе, который любит дочь лесного дива, о девушке, что распрощалась с надеждой на счастье, о госпоже Судьбе, которой не покорился лесной див.

— Да пусть этот источник станет тем, кем он был всегда! — пожелал от всей души Святой Петр.

— Аминь, — отозвался Иисус Христос.

И в тот же миг исчез хрустальный источник, исчезла безжизненная пустыня, вокруг был прежний густой девственный лес, и стоял прекрасный юноша с горящими глазами. Задумчиво смотрел он вокруг. Вдалеке показалось мягкое сияние. К юноше приближалась женщина в струящихся белых одеждах.

— Госпожа Судьба? — узнал юноша.

— Да, это я. Я расскажу тебе, почему ты не можешь уехать от лесного дива, — сказала женщина.

Юноша внимательно выслушал её.

— Я знаю, что мне теперь делать! — воскликнул он и опять направился к дому лесного дива.

Судьба задумчиво смотрела ему вслед, предсказывая всем счастье. Ласково улыбнулся Иисус Христос, посылая свое благословение юноше, и пожелал удачи Святой Петр.

Рано утром юноша пришел к дому лесного дива. Все также сидела у открытого окошка грустная девушка.

— Уходи, — сказала дочь лесного дива и заплакала. — Уходи. Мой отец страшен в гневе. Силы его велики. Если он увидит, что ты вернулся за мной, то уничтожит тебя, уничтожит всех: и царя, который меня любит, и твою белокурую невесту, и госпожу Судьбу,

а с ней все человечество.

— А почему у твоего отца такой сильный конь? — вместо ответа спросил юноша. — Как ему удавалось всегда догонять нас?

— Не знаю, — ответила девушка.

— Узнай, — попросил юноша. — Это очень важно. А меня спрячь на время куда-нибудь, чтобы не знал лесной див, что я вернулся.

Девушка пригласила войти юношу в дом, что-то пошептала над ним, и не стало юноши, вместо него появился большой красный цветок. Девушка бережно поставила его в вазу, что стояла тут же на окошке.

К обеду вернулся лесной див. Он задумчиво посмотрел на дочь.

— И почему мне чудится, что здесь опять был тот юноша, что хотел увезти тебя к царю? — спросил отец.

— Кто же может теперь меня увезти, — с горечью ответила дочь. — Сам знаешь, нет больше прекрасного юноши, есть только хрустальный источник и его вечная песня любви. Люди его слушают и не понимают. Прощу тебя, прости его, отец. Давай, я навсегда останусь с тобой, а ты верни юношу его белокурой невесте.

— Нет, — ответил лесной див. — Он не подчинился мне. А мне подвластна сама Судьба. Я доказал это.

— И юноше всегда быть хрустальным источником?

— У него есть надежда на спасение. Юноше быть до тех пор хрустальным источником, пока кто-либо не разгадает слов, спетых им. А их никто никогда не разгадает.

— Отец, а откуда у тебя такой могучий конь? — спросила дочь. — Почему его никто не может догнать?

— А почему ты этим интересуешься? — прищурился лесной див.

— Меня дважды увозил юноша, его конь был могуч и силен, но твой летает быстрее ветра. Почему у тебя такой могучий конь? — объяснила дочь, быстро ставя на стол еду.

— Когда я был молод и добивался твоей матери, — ответил лесной див, — то её отец тоже не соглашался отдать её мне в жены. Чтобы увезти твою мать, я должен был найти могучего и сильного коня. Для этого мне пришлось трое суток пасти двух чудесных коней Бабы-Яги. Это было трудно, но я справился. В награду Баба-Яга обещала мне одного из коней. Ночью старая ведьма встала и вытащила сердце у одного коня, вложила его в грудь другого. Она предложила мне выбрать. Я выбрал коня с двумя сердцами. С тех пор у моего коня два сердца, поэтому нет никого быстрее его на свете. Ты все поняла, дочь моя?

— Все, — задумчиво ответила девушка.

Отец засмеялся и набросил ей на лицо пушистый платочек. И девушка забыла рассказ своего отца. Но никто из них не обратил внимания на большой красный цветок в вазе, который, казалось, внимательно прислушивается к разговору.

Лесной див пообедал и уехал. Девушка вернула юноше его первоначальный облик и растерянно посмотрела на него.

— Ты все узнала? — спросил юноша.

— Да, — прошептала она. — Узнала. Только...

— Что только?

— Только я все забыла, — девушка пыталась вспомнить слова отца, они, словно обрывки сновидения, мелькали в памяти, но никак не складывались в единую картину.

— Зато я все помню, — ответил юноша и отправился в дальний путь.

Владения Бабы-Яги был за далекой пустыней. Уставший, измученный юноша шел через неё по горячим пескам из последних сил. Не было здесь чудного оазиса, не журчала песня хрустального источника, негде было утолить жажду, один белый песок расстился на много тысяч верст. Юноша страдал от жажды, сберегал остатки воды, что нес с собой в кожаном бурдюке. Но вдруг перед ним на горячий, раскаленный песок с небес упал орел. Гордая птица умирала от жажды.

— Я не долетел всего ничего, — прохрипел обессиленный орел. — Близок конец пустыни, у меня нет сил. Я хочу пить. Только вода может спасти меня.

Глаза орла подернулись мутной пленкой и закрылись. Пожалел юноша, раскрыл клюв птицы, влил туда несколько капель драгоценной влаги.

— Меня этот поток воды не спасет, а орел теперь долетит до края пустыни, — подумал он.

Пришедший в себя орел взмахнул могучими крылами и растаял в жаркой дали. Юноша продолжил путь. Тот путь, что был небольшим для птицы, для человека оказался огромным расстоянием. Горячий пот заливал глаза путника, песок забивал дыхание. Складывались из песков причудливые миражи, пытаясь сбить с истинного пути юношу. Вдруг среди фантастических видений ему показалось, что возле камня трется лев. Юноша подошел ближе. Это была львица, возле небольшого бархана от жажды умирал её львенок. Столько страдания было в глазах детеныша, что юноша достал остатки воды и влил в пасть львенка.

— Спасибо тебе, добрый юноша, — прорычала львица.

Львенок медленно поднялся на ноги, и они заковыляли дальше. А юноша упал. Силы его были на исходе. Около камня он увидел пчелу. Она еще слабо жужжала и перебирала крылышками.

— Наверно, у меня есть еще капля воды, — сказал юноша пересохшими потрескавшимися губами и потряс пустым бурдюком. — Но её не хватит даже смочить мне губы. А пчелке как раз и надо каплю. Живи, божье создание.

Из последних сил он открыл бурдюк и долго держал его перевернутым, прежде чем упала драгоценная капля на ладонь. Юноша посадил на неё пчелу. Та окунула свой хоботок в воду. Капля исчезла вскоре, то ли высохла, то ли пчела её собрала вместо нектара, только видел юноша, как пчела взвилась в воздух и растаяла в знойной синеве неба. А сам юноша впал в бессознательное состояние, готовый уже умереть. Душа готовилась покинуть тело, как вдруг перед взором умирающего появилась его белокурая невеста, она плакала и тянула к нему руки через время и пространство.

— Встань, — заклинала она, — встань. Слышишь меня. Спасение близко. Ты сильный, ты дойдешь до края пустыни. Он рядом.

Слезы, не переставая, текли из её прекрасных глаз. И юноша встал и пошел. Он не знал, куда идет, не видел жаркого солнца, он шел на зов своей белокурой невесты. Вдруг песок исчез под его ногами, желто-белый цвет впереди сменился голубым и зеленым. Это текла река, за ней кудрявился лес. Юноша подошел к реке и упал в светлые прохладные воды. Он пил и пил живительную влагу, отдыхал и снова пил. Мысли его прояснились, он вспомнил, куда и зачем шел, и уснул крепким, исцеляющим сном.

На другой день юноша разыскал жилище Бабы-Яги. Его окружал частокол, украшенный черепами людей. Лишь один кол был свободен.

— Зачем пожаловал? — не приветливо встретила юношу Баба-Яга. — Хотя я и так знаю! За конем?

— Нет, послужить тебе хочу, — ответил юноша. — А за службу можно и конем вознаградить.

— Можно, — согласилась Баба-Яга. — Заходи. Будешь пасти моих кобылиц. У меня их нынешний год семь. Эй, служанка, дай новому работнику поесть!

Служанка Бабы-Яги, молодая молчаливая девушка, смуглая, с впалыми строгими глазами и иссиня черными волосами, накормила юношу. Тот лег спать. Утром чуть свет он был на ногах. Семь могучих кобылиц смирным шагом выходили из конюшни. Следом за ними пошел юноша. Но только они отошли от дома, как лошади взвились в воздух и улетели. В отчаянии схватился юноша за голову. Он потерял кобылиц, и теперь его голова будет украшать свободный кол. День приближался к вечеру. Но вдруг неожиданно сильно потемнело вокруг. Это огромная туча птиц, во главе которых был гордый орел, гнала назад кобылиц. Юноша собрал их, стреножил. Всех семерых привел юноша назад. Скрипнула Баба-Яга зубами, но промолчала. Ночью она встала и начала бить своих кобылиц. Те покорно объясняли ей:

— Мы вышли за ворота, сразу превратились в птиц и улетели в поднебесье. Но откуда не возьмись, орлы всей земли слетелись, стали нас клевать и гнать назад. Завтра мы лучше спрячемся.

Утром также покорно шли кобылицы из конюшни. Сегодня они дошли смирным шагом до края пустыни, а там превратились в сайгаков и бросились в разные стороны. Юноша сильно расстроился. Что теперь делать. Орел ему не сможет помочь. Но среди песков выросла огромная львица с окрепшим подросшим львенком. Она гневно рычала, ей вторил окрепший сын. Сайгаки, прибежавшие из пустыни, робко сбились вокруг юноши, превращаясь в лошадей. Все семь кобылиц были приведены назад. Потемнела лицом Баба-Яга, но опять ничего не сказала. Ночью снова стала бить своих кобылиц. Те робко оправдывались:

— Не пустила нас в пустыню грозная львица. Грозилась разорвать. Нам пришлось вернуться.

— Завтра, чтобы лучше спрятались, — предупредила старая ведьма.

Наутро свой путь кобылицы направили к лесу. Дойдя до первых деревьев, превратились в мелких мошек и разлетелись. В отчаянии сел юноша на траву и заплакал. Мошек собрать невозможно. Сегодня свободный кол из ограды Бабы-Яги примет свое украшение. Никогда юноша не привезет своему другу дочь лесного дива, никогда не увидит своего жениха белокурая невеста. Как вдруг юноша услышал гудение. Это приближался пчелиный рой. Внутри его были семь мошек. Упали они на землю и стали чудесными кобылицами.

И в этот вечер юноша привел всех кобылиц назад. Почернела лицом старая ведьма, но опять говорить ничего не стала и кобылиц бить не стала, приказала только юноше:

— Поешь и ложись спать. Завтра получишь награду за труды. Выберешь одну из моих кобылиц.

Юноша пошел в дом. Смуглая служанка Бабы-Яги тайком шепнула ему.

— Не ешь ничего сегодня, потерпи, Баба-Яга отравила твою пищу. Ложись спать голодным.

Юноша так и сделал. Ночью к нему опять проскользнула служанка Бабы-Яги и быстро зашептала:

— Ночью хозяйка встанет, вытащит сердца у всех кобылиц и спрячет их в грудь паршивого жеребенка, что лежит на куче навоза за конюшней. Выбери себе его. Откажись от

прекрасных кобылиц.

Утром Баба-Яга, стоящая у свободного кола, увидев юношу живым и здоровым, удивилась, но ничего не сказала и повела его выбирать коня. Посмотрел юноша на прекрасных кобылиц и сказал:

— Я недостойн таких прекрасных созданий. Я не заслужил их. Кто я? Обычный смертный. Смертному и награда должна быть под стать. Отдай мне лучше паршивого жеребенка, что лежит на навозе.

Словно гром прогремел после слов юноши. Черная лицом и душой старая ведьма проскрипела зубами:

— Будь по-твоему. Бери жеребенка. Но мой дом ты покинешь завтра.

Ночью, когда юноша уже засыпал, быстрой тенью проскользнула в его комнату черноволосая служанка, быстро зашептала:

— Здесь больше нельзя оставаться. Садись, юноша, на паршивого жеребенка, возьми меня с собой и быстро покинь дом Бабы-Яги. Иначе всем нам приходит конец. Мы не доживем до рассвета.

Юноша послушался. Взял девушку, оседлал паршивого жеребенка. Быстрее ветра понес их он через пустыню. Напрасно пыталась догнать Баба-Яга беглецов. Лошади быстро устали. Не было сердец у её кобылиц, не под силам им было тягаться паршивым жеребенком, в груди которого бились их сердца.

Паршивый жеребенок через час остановился. Юноша опять был посреди пустыни. Солнце клонилось к закату. Что-то непонятное творилось со смуглой служанкой Бабы-Яги. Девушка молчала. Лицо её стало темно-красным, горело, потускнели волосы, закрылись глаза, она упала на песок и ничего не говорила, только крупная дрожь сотрясала девичье тело. К юноше обратился паршивый жеребенок.

— Хозяин, — прозвучал его тонкий голос. — Прости мя, что ты останешься голодным и в эту ночь. Но отпусти меня на эту ночь к моей матери-кобылице. Я слетаю, напьюсь её молока и вернусь к тебе сильным могучим конем.

— Хорошо, — согласился юноша. — А что делать с ней? — он кивнул на девушку.

— С ней все будет в порядке, — ответил жеребенок, — она на пути к себе домой. Не трогай её и не мешай ей. Девушка принадлежит другому миру.

Паршивый жеребенок улетел, молча лежала на песке девушка — служанка бабы Яги. Юноша смотрел на ясные крупные звезды, видел вместо них глаза своей белокурой невесты и незаметно задремал. Во сне он увидел, как луна упала на землю и раскинула свои серебряные призрачные лучи. Из них на недалеком холме сложился замок. Погибшие в пустыне в разные времена люди встали из песка, закутались в плащи из серебряных лучей луны и пошли в этот замок. Они шли приветствовать свою вернувшуюся королеву. С удивлением увидел юноша сидящую на троне в пышном одеянии из серебряных лунных лучей королеву мертвых. Это была служанка Бабы-Яги. Только теперь её голову украшала корона из серебряных лунных лучей. Юноша понял, что девушка была вызвана из небытия злыми чарами старой ведьмы. Но, вернувшись в место своей гибели, она поспешила к тем, кого любила, кто ей был дорог и близок. Вдали стояла госпожа судьба и тихо говорила:

— Никому нельзя изменить ход времени. Все подвластны законам бытия и мироздания. У каждого в этом мире своя судьба.

Проснувшись утром, юноша не нашел служанки Бабы-Яги. Он задумчиво смотрел на холм, где ночью стоял призрачный замок. Туда вели множество следов.

— Значит, это был не сон, — в раздумье произнес юноша.

— Хозяин, — прервал его мысли задорный голос.

Юноша обернулся и увидел могучего, прекрасного коня.

— Хозяин, я готов в путь. Летим.

— Куда?

— За дочерью лесного дива. Госпожа судья приказала увезти её.

Быстрее солнечного света домчал могучий конь прекрасного юношу до дома лесного дива. По-прежнему грустно смотрела в окошко его дочь.

— Едем, — крикнул юноша. — Мы едем к царю, который тебя любит и которому ты предназначена Судьбой.

— Не надо, — ответила девушка. — Мой отец жесток, он не пощадит тебя больше. На этот раз он попросту убьет тебя.

— Лесной див не сможет догнать нас! — воскликнул юноша. — Подо мной могучий конь с восьмью сердцами. У твоего отца конь только с двумя сердцами.

Девушка села впереди юноши на коня, и они помчались вперед. Под лесным дивом упал на колени его могучий конь.

— Что с тобой, тварь четвероногая? — воскликнул в изумлении лесной див. — Почему тебя перестали носить ноги?

— Да чудится мне, что увез твою дочь прекрасный юноша. Он везет её к царю, которому она предназначена Судьбой.

— Как, этот юноша жив? Он больше не источник среди пустыни.

— Нет, — ответил конь. — Иисус Христос вернул ему человеческий облик.

— Мы их догоним? — лесной див не стал слушать своего разумного коня.

— Нет, — ответил конь — Их несет мой старший брат, у него восемь сердец, у меня только два. Я не догоню его. Тебе лучше отпустить дочь и не спорить больше с госпожой Судьбой.

Но лесной див не пожелал слушать разумных слов своего коня. Он больно вдавил шпоры ему в бока, зло ударил хлыстом.

— Вперед, четвероногая тварь. Я не подчиняюсь судьбе! И никогда не подчинюсь ей. Она когда-то предсказала, что я стану лесной чащей, непроходимым лесом. А я жив. И по-прежнему лесной див.

И конь полетел изо всех сил, но не мог догнать старшего брата. Лесной див гнал и гнал, не щадя своего коня. Кровавая пена стала застилать конские глаза, оба сердца стали вырываться из груди, когда зазвучал строгий голос госпожи Судьбы. Он шел отовсюду.

— Остановись, неразумный! Твоя судьба известна, твой путь на земле окончен, но ты погубишь своего коня.

— Я не отдам свою дочь простому смертному!

— Но её мать была человеком!

— Поэтому я не хочу, чтобы моя дочь пережила такое же горе, как я, когда не стало её матери, — лесной див опять хлестнул коня.

— Так иди к ней. Откажись от бессмертия, освободи душу от зла. Посмотри за черту мироздания.

Далеко-далеко за линией горизонта металась в узком светящемся проходе душа его умершей жены, умоляя мужа подарить счастье их единственной дочери.

— Твоя жена ждет тебя, — тихо звучал голос госпожи Судьбы. — Вы опять можете

быть вместе.

— Я пойду к ней, но только с дочерью, — зло прокричал лесной див.

— Ты хочешь смерти своей дочери? — удивилась Судьба. — Ты не отец!

Тихо заплакала давно умершая жена лесного дива, взяла в руки лежащий на черте мироздания обоюдоострый меч. Лесной див знал этот меч — только он мог прекратить его жизнь. Но это не остановило неразумного отца. Он прибегнул к колдовству. Сверкнули две молнии, выпущенные из глаз лесного дива, но Блестящий зеркальный меч в руках жены лесного дива отбросил назад молнии. Они не смогли дотянуться до прекрасного юноши и девушки, сидящей с ним рядом. Добрые силы мироздания встали на сторону добра и любви, сокрыли беглецов. Подчиняясь приказу госпожи Судьбы, конь сбросил хозяина. Перед лежащим на земле лесным же дивом появилась сама госпожа Судьба в белых одеяниях, рядом с ней стояла его прозрачная жена.

— Ты опять споришь с судьбой? — укоризненно спросила она.

— Я не подчиняюсь судьбе, — ответил лесной див. — Я перестал подчиняться ей в тот момент, когда полюбил тебя. Я сам делаю свою судьбу.

— Зря ты так говоришь, — грустно продолжила прозрачная женщина. — От Судьбы никто не уходил. Наше с тобой счастье тоже было предсказано ей. Ты был счастлив со мной и не видел этого.

— Но ты отказалась от бессмертия. Ты рано ушла от нас. Где была госпожа Судьба? Почему она не продлила твою жизнь? Почему наша девочка росла сиротой?

— Я земная женщина. Смертна моя плоть. Она подчиняется законам мироздания. Душа моя бессмертна. Я не отказалась от бессмертия. Я просто жду тебя за той чертой. Давно жду. А ты не идешь. И, пожалуйста, прости меня. Я люблю нашу дочь и хочу счастья ей.

Она отдала острый меч госпоже Судьбе, которым та перерезала тонкую обычную нить — жизнь лесного дива.

— Нет, — закричал он в последнем отчаянии, пытаясь выхватить меч. — Нет! Я не оставлю дочь одну.

— Твоя дочь и царь рождены друг для друга... — услышал лесной див последние слова.

Умер упрямый лесной див, оборвалось его земное существование. Скрылась за линией мироздания его умершая жена, а душа дива полетела на Божий суд, чтобы в скором времени вернуться в лесную чащу, в непроходимый лес и стать его хранителем. Там же лесной див встретит душу своей умершей жены. Больше их никто не сможет разлучить.

Двусердечный конь, оставшись без седока, в одно мгновение ока догнал старшего брата, который остановился по приказу госпожи судьбы. Дочь лесного дива пересела на него, и все они отправились в страну царя, что был судьбой черноволосой девушки.

Сколько было счастья и радости, сколько было горя и печали, и все в один день, когда вернулся прекрасный юноша и привез своему другу невесту. Счастлив был царь, счастлива была дочь лесного дива. В этот день она отказалась от бессмертия, как когда-то сделала её мать, подчиняясь законам мироздания.

Радовался прекрасный юноша, придя к своей невесте. Радовалась его белокурая невеста, но их счастье было омрачено. Невеста юноши плакала, не переставая, со дня разлуки. Девушка выплакала свои прекрасные глаза и ослепла. Но, даже не видя белого света, она собирала на ощупь солнечные лучи, пряла из них тонкую пряжу и вязала своему жениху одежду. Юноша надел её и стал еще прекраснее, но не могла этого видеть белокурая невеста. Юноша знал, он никогда больше не расстанется со своей невестой.

Вскоре должны были состояться две свадьбы. Женился царь на дочери лесного дива и прекрасный юноша на своей слепой невесте. Он с грустью думал, глядя в её прекрасные глаза, что они никогда не смогут его увидеть. А девушка была счастлива.

Накануне свадьбы ей снился чудесный сон. К ней пришла сама Божья Матерь, она взяла с неба утреннюю звезду и положила на лоб белокурой невесте. Небесное сияние разлилось по комнате. Утром девушка проснулась зрячей. Широко открыв свои прекрасные видящие глаза, она шла под венец. Счастлив был юноша, счастлива была его белокурая невеста, сияли радостью лица царя и дочери лесного дива. Высоко в небе, сидя на облаке, смеялась и радовалась людскому счастью Дева Мария. Юноша и его белокурая невеста, царь и дочь лесного дива были предназначены друг другу судьбой. Дева Мария их благословила их любовь.

Класс выслушал сказку в полном молчании. Георгий вздохнул и сказал безо всякой усмешки:

— Ну и ну! И, правда, сказка. Хорошая сказка.

— Так, ребята, — встала красивая своенравная Наташка Прохорова. — Власть меняется. Нашей доброй мамы Лизы больше нет. Мне её очень жаль. Но с сегодняшнего дня слушаемся маму Зою. Она мне нравится.

Вот только прозвище «мама Зоя» не прижилось. Новую классную руководительницу прозвали сначала Фотомодель Зоя, потом Классная Модель Зоя, которая превратилась в Супермодель Зою, спустя месяц ученики соединили все прозвища воедино и подсократили, так появилась Супер-Зоя.

Вечер встречи

Зоя, находясь в лаборантской, услышала, как распахнулась дверь её кабинета, раздался чей-то уверенный мужской голос. Она выглянула. И сразу спряталась, тихонько прикрыв дверь. В дверях стоял все еще молодой и привлекательный Владька Елизаров в обнимку с самой стервозной красавицей из её одиннадцатого класса — Наташкой Прохоровой.

— Нет, ну каков, — подумала Зоя. — Спит со всеми бабами бальзаковского возраста в деревне и совсем молоденьких обнимает. Хотя, весьма возможно, у Наташки за её короткую жизнь было мужиков больше, чем у меня и этих баб вместе взятых. Нам далеко до современного поколения. Послушаю-ка я лучше, что Владька моим девицам-красавицам на уши вешает, какую такую лапшу.

Владислав стоял настоящим орлом перед её стервочками, красовался. Первый красавец на деревне! Не знает он современных девиц, не замечает, что хихикают над ним, а Наташка скоро откровенно начнет хамить. Им тридцатилетние женщины и мужчины кажутся древними стариками.

— Нет, только подумать, что Владька говорит! — думала возмущенно Зоя, притаившись за дверь. — Рассказывает о знакомых режиссерах, о съемках клипов, то ли в актрисы, то ли в проститутки соблазняет моих девиц. А они-то делают вид, что внимательно слушают, верят ему. Да они давно ничему и никому не верят! Ни в какие сказки! Только потешаются. Вон как переглядываются между собой. Сейчас сморозят какую-нибудь пакость. Мне Владичку уже жалко. Пожалуй, помогу ему. Итак, решено. Пора выходить из сумрака.

Но Зоя задержалась на минуту. Прятала вино. Её стервочки вполне могут зайти и в лаборантскую, и в шкафы слазить. Надо убрать в закрывающийся. Девицы-то без комплексов! Краем уха Зоя услышала, как говорит в классе голосом примерной ученицы-отличницы её любимица стервочка Наташка:

— Так вы тоже учились у Елизаветы Степановны? Так давно? Ой, вы такой уже старый! А вы хорошо сохранились, **дядя Владик!** — в голосе Наташки звучала явная издевка. — Как интересно! Елизавета Степановна у нас тоже классной была. Жаль, умерла она. Хорошая бабуля была. Мы её любили, звали мамой Лизой.

— А теперь кто у вас классная мама? — спросил Владька, поспешно уводя разговор от своего возраста в другое русло.

— О, теперь у нас не мама, — ответила Наталия, — теперь у нас, как бы лучше сказать, продвинутая современная тетка, примерно вашего возраста, нет, помоложе лет на пять! Красивая! А по фигуре — настоящая модель... Девяносто, шестьдесят, девяносто. И рост, и бюст, и талия! Словом, Модель, Классная Модель, Супермодель...

Она не договорила, прервалась на минуту; девчонки, сидящие на партах замигали, начали сигнализировать, что Зоя рядом, стоит за дверью лаборантской, но Наташка не поняла или сделала вид, что не поняла:

— Вы чего? Я все так говорю. Чистую правду! У нашей классной и вывеска красивая, и прикид, как в модном журнале, и фигура, как у фотомодели... На такую сразу западешь, хоть и старая уже, лет двадцать пять...

— Все, выхожу, еще не хватало слушать комментарии Наташки по поводу моей внешности и возраста, — сказала себе Зоя и вышла из лаборантской, громко стукнув дверью.

Но смутить стерву Наташку было невозможно.

— Вот и наша Классная Модель, Супер-Зоя, — ухмыльнулась она в сторону Владьки. — Что застыли? Понравилась она вам, дядя Владик? Мы тоже такими когда-нибудь будем.

Зоя знала это свое прозвище, как знала и то, что у неё после родов сохранилась идеальная фигура: тонкая талия, высокая грудь, соблазнительная линия бедер, и на лице пока, слава Богу, нет морщинок. А сегодня, рассчитывая в школе встретить давних друзей, в том числе и Владьку, она надела закрытое обтягивающее платье черного цвета выше колен, черные колготки подчеркивали стройные длинные ноги. Под высокой грудью, словно поддерживая её, был большой широкий атласный бант, плотно прилегающий по выкройке, отчего еще выше казалась её красивая грудь. Прическу Зоя делала всегда. Вот и сегодня её иссиня-черная волна волос (Зоя недавно красила волосы и подобрала не тот номер краски — волосы стали черными, как вороново крыло) лежала на плечах строго волосок к волоску. Брови закрывала густая ровная челка. Про макияж и говорить не стоит. Женщина не позволяла себе показаться на улице ненакрашенной. Один раз в кои веки по-свинячьи оделась и тут же встретился Владьку... Но это было давно, уже быльем поросло, хотя, что греха таить, очень часто вспоминала Владьку Зоя, чаще, чем надо. Хотела встретить, надеялась на это, вот и была сегодня во всеоружии: прическа, маникюр, макияж, одежда и стервозное настроение. Как у Наташки. Жила в душе мысль: а вдруг придет Владька на вечер встречи?

Владька застыл на минуту, все еще по инерции обнимая Наташку. Любимая Зоина ученица, добрая, все понимающая Надя Докучаева, пояснила Владьке.

— А это и есть наша классная руководительница Зоя Александровна. Вы не смотрите, что она такая красивая, она очень строгая у нас. Ребята пытались её не слушаться, но она быстро их всех привела в чувство. Это у нашей Зои Александровны только вид несерьезный, как у пустоголовой модели, а характер даже не железный — титановый. Её даже ребята сначала между собой называли Зоюшка-финтифлюшка, разукрашена игрушка. Но быстро примолкли. А мы с девочками первыми стали называть её Зоя Александровна.

— А я придумала прозвище — наша Модель Супер-Зоя, — засмеялась Наташка. — У нашей классной и лицо, и фигура классная, как у настоящей модели.

— Я замечал это, — прорезался голос у пришедшего в себя Владьки. — Верю, что ваша Супер-Зоя, простите Зоя Александровна строгая, верю, что она классная. Хотя думаю, она таит еще в себе много секретов и талантов, которые вам неизвестны.

Владькин намек был понятен. Зоя быстро предприняла контратаку:

— Узнаю неотразимого покорителя женских сердец Владислава Елизарова. Только учти, Владик, ой, простите, Владислав Сергеевич, девчонки мои тебе не по зубам. Зубки-то уже староваты.

— Но это как сказать... — начал Владька.

— Не по зубам, не по зубам, — поддержала Зою нахальная Наташка. — Мы помоложе любим. Ну хотя юы в таком возрасте, как наша С...С...С... Супер Зоя Александровна Староват ты для нас, дядя Владик.

Владька слегка покраснел. Зоя мысленно заплодировала любимой стервочке, но рано. Хитро улыбаясь, Наташка продолжила:

— Вам уж лучше обратить внимание на нашу Классную Модель. А? Согласны, дядя Владик?

Зоя тоже медленно покраснела:

— А что, — продолжила нахалка Наташка с наивной интонацией и ехидной

улыбочкой, — вы высокий, широкоплечий, мужественный. Зоя Александровна — красивая, изящная, хрупкая, Я вам открою секрет, одинокая, в защите мужской нуждается... Кстати, вы смотрите рядом, со стороны прямо идеальная пара, словно судьбой предназначены друг для друга, как в сказке нашей Супер-Зои...

— Идеальная, — неожиданно согласился Владька и подмигнул Зое. — Вы также считаете, Зоя Александровна? Из нас получается идеальная пара?

Она поняла и этот его намек. Да, бурная была у них как-то ночь. Все было идеально! Спасло Зою от ответа и дальнейшего покраснения следующее обстоятельство. В кабинет стремительно влетела двадцатипятилетняя Настя Бабочкина, полненькая, подвижная и удивительно красивая молодая учительница химии, тоже одинокая, развелась год назад. Зоя всегда любовалась тонкими полукружьями её бровей, быстрыми черными глазами, яркими сочными губами. И сама она, несмотря на полноту, была сочная, сексуальная. Мужчины моментально возбуждались при виде аппетитной Насти. И Вадька сразу завис, его глаза переместились на другой объект, подернулись туманом.

— Вот, — констатировала про себя Зоя, — есть с кем провести Владьке ночь. На фиг ему идеальная модель, когда рядом аппетитная сдобная булочка. Я бы тоже выбрала булочку, а не вчерашний хлеб.

— Зоя Александровна, — затараторила Настя, — вас зовет директор школы. Срочно пусть идет, так сказала Надежда Николаевна.

— Сейчас, иду, иду, — кивнула Зоя. — Последите, Анастасия Алексеевна, чтобы мои чистых и честных девушек не обхаживали местные великовозрастные ловеласы.

Она кивнула в сторону Владислава. Владька засмеялся.

— Я лучше с тобой пойду, Супер-Зоя. Твои девицы мне прозрачно намекнули, что ты мне больше подойдешь. Пойдем, молодость вспомним, все бывшее...

— Так вы знакомы? — сообразила, наконец, Наташка.

— Да, мы когда-то учились в одном классе, — ответил Владислав. — И прозвище у вашей модели было куда лучше — Зойка-Зайка называли мы её. Что, не соответствует сегодняшней Зое Александровне?

Девочки молчали. Зойка-Зайка со строгой Зоей Александровной никак не вязалось.

— А у тебя было прозвище Положительный Папаша, что тоже абсолютно не соответствует истине, — парировала Зоя и ушла.

Вадька вышел следом.

— Зоя, — окликнул он.

— Да, — повернулась женщина.

— Зоя, не спеши. Я хочу сказать, ты сегодня удивительно красивая, — Влад с нескрываемым интересом и легким восхищением смотрел на неё. — Далекая от меня, как в юности. Модель, верно тебя прозвали. Прекрасно выглядишь. Ты сегодня словно сошла с обложки глянцевого журнала, Супер-Зоя.

— Нет, — ответила та и вдруг улыбнулась тепло, ласково, кокетливо прищулив глаза. — Нет, я сегодня могу быть и Зойка-Зайка. Тебе этого хочется?

— Зоя, я приду к тебе сегодня. Ты одна?

— Я всегда одна... — ответила Зоя. — Владичка...

Но следом за ними вышла Настя, и Зоя замолчала. А внимание мужчины переключилось на красивую молодую учительницу химии.

— Если Настя уведет сегодня Владьку, — подумала Зоя, — то...то мы никогда вместе

не будем. — И тут же себя иронично спросила: — А мне это надо? Муж-гулена, расстроенная изменами жена, дети и жены от первых браков... Сними розовые очки, Зойка-Зайка. У тебя есть дочь. Расти её. Оставь утопические мечты.

Владька клюнул на Настю. Он не пошел за Зоей. Возвращаясь к себе в кабинет географии, женщина заметила стоящую парочку в темной рекреации возле окна.

— Вот, сучка Наташка опять с кем-то хочет целоваться. Сейчас я её посмущаю, — решила Зоя. — Узнаю, кто её жертва на этот раз.

Она включила свет и тут же выключила. Это был Влад и Настя, которые стояли довольно-таки близко друг от друга.

— Ну вот и нормалек, все возвращается на круги своя, Владька нашел дамочку на ночку, — подумала Зоя, но все же было грустно.

Она в темноте, держась противоположной окну стороны, пошла в свой кабинет. Учителя разгулялись, а горячее кончилось. А у Зои было припасено — она надеялась на встречу одноклассников. Её девчонки уже плясали в зале, Зоя решила запереть кабинет. На её пути вырос Владислав, (Настя, увидев Зою, сбежала). Горячие сильные руки обхватили женщину, втолкнули назад в темный кабинет и не выпускали, губы нахально побежали по обнаженной шее, искали её губы.

— Зойка-Зайка, я по тебе скучал. Думал о тебе. Куда ты скрылась? — прошептал Владислав.

— Владька, ты чего? — удивилась Зоя. — Это же я, а не Настя. Ты же с ней только что целовался!

— Не целовался, только говорил, — несколько удивленно ответил мужчина, прижимая к себе женщину. — Целоваться я буду с тобой.

Зоя пыталась вывернуться из его рук. Мужчина не дал этого сделать. Он закрыл на замок дверь кабинета, пытался овладеть её губами. Зоя невольно подчинилась его властным губам, немного поцеловалась, приятно все-таки было, потом почувствовала, что еще минута, и она потеряет контроль над собой, начнет раздеваться. Она оторвалась от губ мужчины, заставила себя заговорить иронично:

— Владька, я, конечно, современная женщина, и без комплексов, но в школе я даже целоваться с тобой не буду. Не соблазняй меня!

— Зойка-Зайка, а что мы сейчас делаем? Разве не целуемся? Признайся, ведь тебе нравится со мной целоваться.

— Нравится, но ты только что целовал другую, — вспомнила красивую Настю женщина. — Я так не умею.

— Конечно, не умеешь, ты целуешься лучше всех, — ответил мужчина, переиначивая все по-своему. — Так как ты, никто не умеет целоваться. У тебя удивительно нежные губы. И еще кое-что.... - его нахальные руки побежали ниже талии.

— Все, Владька, табу! — крикнула Зоя.

Она решительно вывернулась из его рук, открыла дверь, распахнула её, приглашая мужчину уйти.

— Ты все равно будешь сегодня со мной целоваться, и не только целоваться, я проведу с тобой ночь, и не одну! И никуда ты от меня не денешься, — засмеялся Владислав. — Зойка-Зойка, лучше не сопротивляйся.

И Владька, нахал, не отстал от неё, приперся за ней следом в их учительскую компанию. Откуда-то, как фокусник, ловко извлек бутылку хорошего коньяка. Зоя пыталась

мужчину вежливо выпроводить. Но работающая тоже первый год в их школе учительница истории отчаянная Елена Ивановна Бекетова, полноватая блондинка, тут же подцепила Владьку под руку, закричала:

— Ни за что не отпущу, хочу, чтобы мужчина за нами ухаживал. Не хочешь себе, Зоя, уступи другим! И потом, я люблю коньячок! Владичка, налейте дамам коньячка.

И не отпустила. Зоя вспомнила, как Елена ловко увела на День учителя у Валентинь Николаевны, учительницы труда, её давнего бой-френда, и предоставила Владьку в распоряжение озорной блондинки. А что? Елена соответствует всем его требованиям: одинокая женщина, с пышными формами, веселая, энергичная. Вот как ловко крутит Владькой, уже ест из её рук, к Насте его так и не подпустила. А та сидит, стреляет в его сторону своими красивыми глазами. Надеется все же. Интересно, к кому сегодня ночью пойдет любвеобильный Владька Елизаров?

Учителя разгулялись. Вечер встречи давно закончился, ушли домой или еще куда старшеклассники и гости, а учителя сидели в мастерской трудовика — там было хорошее затемнение — и продолжали веселиться. Зоя веселилась тоже и опоздала на последний автобус, она позвонила бабуле, что придется заночевать в деревенском родительском доме. Хорошо, что хоть там работало отопление, спасибо брату, следил. Но никто в том доме Зою не ждал, поэтому она не спешила, долго сидела с коллегами. Ушла в числе последних. Уже ушла Настя, умотался Владька, тут же следом за ним поднялась веселая Елена Ивановна. Зоя отметила: «Вот молодец. Не выпила ни грамма водки или вина, а остальных упоила. Кроме меня. И то потому, что я не переношу крепких спиртных напитков!» А оставшиеся учителя разгулялись. Лишь в первом часу ночи Зоя подошла к родительскому дому. На крылечке, на темных ступеньках кто-то сидел.

— Где ты так долго? Сколько можно гулять? Я тут замерз уже, — раздался мужской голос.

— Владик? — удивилась Зоя.

— Почему я всегда тебя жду? — спросил он.

— Нужна я тебе, значит, — в тон ответила женщина.

— А почему бы и нет, — засмеялся Влад. — К себе пригласишь?

— А почему бы и нет? — улыбнулась и Зоя. — А Настя не пустила, что ли?

Влад промолчал. Пышная блондинка, Елена Ивановна, которая весь вечер его обхаживала, сказала, догнав его и Настю, с которой он ушел после того, как Зоя сделала вид, что не понимает его намеков:

— Вы куда, Владислав? Сегодня вы мой.

— Ленка, тебе не много, — возмутилась Настя. — Ты у Вальки Костика отбила, у меня тоже хочешь мужчину увести.

— Не много, — ответила веселая блондинка. — Мне всегда мало мужчин. Владик, я вас забираю.

— Нет, не отпущу, — сказала Настя.

— А давай, Насть, будем тянуть его в разные стороны, кто осилит, тому и достанется наш мужичинка, — предложила веселая блондинка на полном серьезе.

— Девочки, есть предложение: давайте проведем ночь втроем, — выдал свой вариант, смеясь, Владька.

— Давайте, — тут же в тон ему откликнулась блондинка. — Я согласна!

— Да ну вас, ненормальные, — Настя повернулась и ушла.

— Так что, идем к тебе? — Влад нахально подошел к пышной блондинке.

— Нет, — ответила та, оглядываясь, ушла ли Настя. — У меня тебе делать нечего. Место это занято. А дом Зои в конце деревни. Знаешь ведь. Она сегодня там ночует. Иди. Тебя, что, подтолкнуть?

— Как догадалась? — спросил Влад, ему, в самом деле, больше всего хотелось обнять Зою.

— А между вами искры летели. Особенно из глаз Зои, когда ты Настю и меня обхаживал. Как школу не спалили! Гляди, сожжет тебя когда-нибудь наша Супер-Модель. А знаешь, я на вас поглядывала и думала: вы с Зоей, со стороны, идеальная пара. Просто предназначены друг для друга, — почти что слово в слово повторила Елена Ивановна за Наташкой Прохоровой.

Это была вторая сумасшедшая ночь в жизни Владислава Елизарова. Или третья? Он запутался! Фантазии так и сыпались из Зои.

— Я сегодня жрица из индийского храма, — объявила она, войдя в дом. — Я жрица любви, баядера, исполняю чувственный эротический танец перед своим господином.

Она запела что-то на манер песен из индийского кино и стала медленно раздеваться. Влад в очередной раз был поражен этой женщиной.

— Сколько же в Зойке-Зайке энергии, темперамента, — думал мужчина, пока был способен.

Он сорвался с места, не дал женщине дотанцевать и раздеться, подхватил на руки, понес в постель. Только полетели на пол еще не расстегнутые пуговицы. Уставший, после он лежал на чистых хрустящих простынях, ему не спалось. Зоя водила пальчиком по его груди и что-то приговаривала.

— Колдую, — пояснила она. — Привораживаю... Может, навсегда... Владь, ты не боишься?

— Чего?

— Что не забудешь меня?

— Я и так помню всегда, особенно один случайный эпизод. Зоя, а можно попросить тебя... — начал Влад.

— О чем? — насторожилась женщина и тут же предупредила: — Про сон свой не говори! Не было его!

— Я не про это, я про сегодня...

— Учти, Владька, я хоть и сумасшедшая, и секс люблю, но я за естественные отношения между мужчиной и женщиной.

— Вот-вот, — засмеялся Владислав. — Изобрази самые естественные отношения, любящую жену, обычную такую, муж устал, ему нет особого дела до секса...

— А зачем мне такой муж? — ответила женщина в недоумении. — Которому нет дела до секса. Нет, я не согласна!

Влад не выдержал, опять засмеялся:

— Ну тогда изобрази просто жену, которая уже много лет живет с мужем, они все знают друг о друге. Какой у них будет секс?

— Ладно, изобразу, — заулыбалась женщина. — При одном условии, муж и жена друг друга любят.

После слов Владислава Зоя ни на минуту не задумалась. А чего изображать, она и так любит Владьку, любит долгие годы. Женщина придвинулась потеснее к мужчине и начала

ласково поглаживать его тело. Все свои чувства она вложила в эти ласки. Губы побежали по широкой груди мужчины, Влад мигом возбудился. Но в этот раз он перехватил инициативу, не он, а Зоя подчинялась ему. С радостью, с желанием. И это было восхитительно! Сколько ласки, нежности таилось в этой женщине!

Уставший Влад, придя в себя, с удивлением констатировал, что подобного у него не было ни с кем, даже с той же Зоей. Зоя от обрушившихся на неё чувств даже заплакала. Потом прошептала:

— Боже мой, как мне хорошо с тобой. Владька, так больше нельзя, я ведь могу и влюбиться...

Она свернулась калачиком, прижалась к нему и уснула. Впервые быстрее его. А Владу не спалось. Зойка-Зайка в который раз удивляла его. И это всего за две встречи. Или все-таки три было встречи? Как теперь жить без неё? Нет, нельзя потерять связь с этой женщиной.

Утром Зоя рано проснулась, было совсем еще темно, Владька тут же обнял её. Зоя откликнулась с большой радостью. После сказала:

— Владичка! Есть у меня в доме абсолютно нечего, даже сухарика нет, поэтому пора нам отсюда.

— Едем, — согласился мужчина. — Я довезу тебя. Сейчас схожу за машиной, посигналю на обратном пути.

— Я больше часа ждать не буду, — предупредила женщина. — Иначе на автобус опоздаю.

Владислав направился к родному дому. Было темное зимнее утро. Сильно морозило. Мужчина не стал заходить домой, знал, мать развыступается, что опять неизвестно где и с кем ночевал, а если дойдут слухи про Зою, шума будет выше крыши. Мать почему-то очень не любила Зою. Мужчина завел машину, кивнул вышедшему на шум двигателя отцу и крикнул, что спешит в город. Через двадцать минут Зоя сидела рядом с ним.

— Как хорошо, просто замечательно, — говорила она. — Не надо мерзнуть на остановках. Дома будем через минут пятнадцать.

Но Владислав пропустил поворот на А-ск, поехал прямо.

— Владька, ты куда? — забеспокоилась Зоя. — Я там не живу.

— А ты думала, я тебя так быстро отпущу, — засмеялся мужчина. — Мы с тобой, Зойка-Зайка, едем в одно хорошее место, где нас никто не знает. Ну или одну тебя не знают.

— А там накормят?

— Накормят! — заверил Влад.

Они не расставались еще несколько дней. Влад, не спрашивая, увез Зою в соседний небольшой городок, где он работал еще год назад, там недалеко, за городом, был уютный домашний пансионат, с хорошей кухней, оформленный под русскую старину, но с европейским обслуживанием.

Бывший помещичий дом, а ныне пансионат, расположенный прямо посреди леса, пришелся по душе женщине.

— Какое чудо! — воскликнула она. — Владь! Ты посмотри, какая красота! Словно в девятнадцатый век попали. А природа! Да это чудо!

Уже рассвело. Был мороз. Лес стоял весь в бахrome серебряного инея, солнце бросало на него свои слабые зимние лучи, они не несли тепла, но зажигали миллионы бриллиантовых искр. Чистый девственный снег довершал картину.

Зое и Владу, не задавая лишних вопросов, показали комнату, сразу заинтересовались,

будут ли они завтракать.

— Только принесите в номер, и побольше положите булочек, — попросил мужчина, пропуская вперед себя женщину.

А Зоя мучительно думала, что надо позвонить и что-то сказать доброй Аделаиде Семеновне, как объяснить свое отсутствие. Узнать, как Ксюша. Словно подслушав её мысли, зазвонил мобильник.

— Алло, — ответила женщина.

Это беспокоилась Аделаида Семеновна. Но Владька не дал спокойно поговорить. Он повесив табличку: «Не беспокоить», стал обнимать Зою, целуя тоненькую голубую жилку на длинной шее. Голос женщины сразу зазвучал хрипло, измененно.

— Алло, — повторила Зоя.

— Зоенька, ты заболела? — испугалась бабушка.

— Да, — не нашлась сказать что другое Зоя. — Горло у меня болит.

Владька тихо засмеялся, его нахальные руки сжали грудь женщины. Зоя судорожно вздохнула, горячая волна желаний захлестнула её. От этого голос её только ухудшился, стал прерываться, для убедительности женщина кашлянула.

— Зоенька, может, ты не поедешь домой, побудешь в деревне? — предложила бабушка, — а то Ксюшу заразишь. Сама знаешь, наша девочка к любой инфекции восприимчива. Не дай Боже, у тебя ангина.

— Хорошо, — согласилась Зоя.

— А как же ты одна? — беспокоилась бабуля.

— Здесь Римма, — ответила Зоя. — Я спала, она пришла. Смеется надо мной, что слабая я стала. Покушать принесла. Я звонила ей, что приболела.

— Ну и слава Богу! — облегченно вздохнула бабушка, — я знаю, где Римма, там порядок. Отдыхай, Зоя, выздоравливай, набирайся сил, не буду тебя беспокоить, — Аделаида Семеновна отключилась.

— Ну, Владька, — Зоя откинула телефон. — Ты сейчас у меня получишь!

— Всегда готов, — мужчина распахнул свои объятия.

Подошедшая с подносом горничная увидела табличку «Не беспокоить», понимающе усмехнулась и ушла. Утомленные предыдущей ночью, когда Влад и Зоя фактически не спали, ранним подъемом, длительной дорогой, они уснули моментально, тесно прижимаясь друг к другу. Им было хорошо вместе. Проснулись к вечеру.

— Знаешь, Зоя, я бы все-таки поел, — сказал Владислав.

— И я, — жалобно откликнулась Зоя. — Я никогда так есть не хотела.

Влад взял телефон.

— Сейчас принесут нам полный обед, — сообщил он. — Минут через десять. Я заказал суп из куриных потрошков. Объеденье!

— Я пока в ванную, — заторопилась Зоя.

— Может, я с тобой? — глаза мужчины смеялись и лучились нежностью.

— Можно, — согласилась женщина, — но тогда мы опять останемся без еды. И я умру первой, а ты за мной следом. И все-таки ты, Владька, поросенок, хоть бы намекнул, что увезешь меня сюда, я бы халатик прихватила.

Обнаженная женщина поднимала с пола их разбросанные второпях вещи: костюм Владислава, рубашку, свое роскошное платье и другие детали гардероба.

— Ну платье я потрясу, весь день все-таки на полу валялось, и костюм твой с рубашкой.

А вот бельишко с пола на себя надевать... Бр-р-р, не хочется, придется простирнуть, — заметила она, выстрелив своими красивыми глазами в мужчину.

— Не переживай, в ванной должны быть махровые халаты, — подмигнул Влад. — Принеси мне один, я приму завтрак или ужин. Не знаю что уже.

Зоя прихватила с собой кое-какие вещи, скрылась в ванной — Держи!

На кровать Владиславу полетел теплый мягкий халат. Сама Зоя с наслаждением стала под душ. Она слышала, как постучала горничная, как принесли еду, но не торопилась, наслаждалась теплыми струями. Потом все-таки занялась и плавками. Поездка была неожиданной, запасных не было. Зоя быстренько все выстирала, похихикала и развесила свой с Владькин гардеробчик на теплой трубе. «Идиллия! — иронически прокомментировала женщина, — почти что семейная. Рядом сушатся трусы! Да и Бог с ними!» Когда она вышла из ванной, Владислав, скрестив ноги, сидел в позе лотоса на кровати, одетый в махровый халат.

— Ты прямо шейх персидский, — засмеялась Зоя.

На женщине был точно такой же халат, который скрывал её фигуру, макияж был смыт с лица, матовая кожа сияла чистотой.

— Зойка-Зайка, ты такая молоденькая стала, — произнес удивленно мужчина. — Совсем девчонка!

— О, великий и всемогущий шейх, это не Зоя, это тебе прислали новую рабыню, дабы она угождала прихотям своего господина, — Зоя встала на колени и покорно склонила голову.

— Иди сюда, рабыня, — величественно произнес Владислав.

Зоя смиренно встала с колен, приблизилась к мужчине мелкими шагами.

— Я здесь, мой всемогущий господин. Что прикажете?

— Я хочу, чтобы моя новая наложница родила мне сына.

— Но...

— Не спорь со своим господином!

— Слушаю и повинуюсь! — она робко остановилась у кровати.

Влад притянул к себе женщину, потянул концы пояса, халат распахнулся, обнажая безупречное тело.

— Зойка-Зайка, какая же ты все-таки красивая.

— Владик, — голос женщины был жалобен. — Давай сначала поедим.

— Давай, — засмеялся мужчина.

Они с аппетитом съели суп, жареную курицу с картошкой, салат. После Зоя взяла кофейник, налила Владиславу кофе, подала, подвинула домашнее печенье. Она явно заботилась о мужчине, это у неё получалось само собой. И, черт побери, Владиславу это очень нравилось: он любил, когда проявляли внимание по отношению к нему.

— Набирайся сил, — заметила насмешливо Зоя. — Со мной сегодня спать будешь, если я тебе дам.

— Сама не сдайся, — смеялся Влад.

— Я? Ни за что!

После ужина или обеда, по времени было уже поздновато для обеда, Владислав тоже пошел в ванную. Он засмеялся. На теплой батарее сушились его выстиранные носки и кое-какие детали его туалета, а рядом Зоины.

— Чего смеешься? — сердито сказала Зоя, незаметно подошедшая. — А если с собой только одна штука?

— А мои зачем постирала?

— Так чтобы чистые были, — в недоумении ответила Зоя.

Владислав в задумчивости встал под душ. Ни одна женщина не додумывалась такого делать. Правда, ни с одной он не уезжал на несколько дней, обычно ограничивался одной ночью. Зоя ушла, из комнаты донесся её голос:

— Мой господин, твоя рабыня ждет тебя.

— Ну и Зойка-Зайка. Я где-то ошибся в этом мире, — произнес про себя Владислав. — Почему жизнь нас столкнет, и тут же в разные стороны. Пожалуй, пора взять свою судьбу в свои руки. Развестись с Беллой...

Быстро сполоснувшись, мужчина поспешил к женщине. В теплом махровом халате Зоя лежала поперек кровати, работал телевизор.

— Ой, — вспомнил Влад, — сегодня же футбол! Как я мог забыть. Зоя! Ты любишь футбол?

— Нет, Владь, я люблю кое-что другое, — смеялась женщина.

— Рабыня, — голос Влада был нарочито строг. — Твой господин приказывает тебе смотреть с ним футбол! Все остальное потом.

Мужчина скинул халат и быстро лег с краю на широкую кровать. Зоя устроилась головой на его животе, по-прежнему лежа поперек кровати. Владислав увлеченно смотрел на экран.

— Я не хочу быть больше рабыней, — капризно заметила женщина.

Влад отвлекся на минуту, глянул на Зою. Что она опять придумала?

— Я буду распущенной женщиной, буду тебя соблазнять.

Махровый халат полетел на пол. Обнаженная женщина заняла прежнее положение — поперек кровати.

— И ты так и будешь смотреть футбол? — поинтересовалась Зоя.

— А ты ненасытная, — засмеялся Владислав.

— Ага, — ответила женщина. — Я всегда с тобой хочу. Футбол — это скучно.

— Скоро реклама, — многозначительно заметил Влад.

— И нам хватит времени? — удивилась женщина.

Влад посмотрел на её соблазнительную фигуру. Рука помимо воли потянулась к высокой груди женщины. Неожиданно в дверь словно нечаянно стукнули.

— Войдите, — крикнула Зоя, не меняя позы, не стараясь укрыться.

— Зойка, — Влад сердито набросил на неё свой халат.

Зоя смеялась, скидывая халат. Она знала, никто не зайдет. На двери опять висела табличка «Не беспокоить». Зоя сама её прицепила, пока мужчина был в душе. И в самом деле, никто в номер не зашел. Послышались шаги уходящей горничной.

— Тебе не холодно? — рука Влада ласкала женщину

— Холодно, — жалобно ответила Зоя.

— Тогда быстро ко мне под одеяло. Здесь твое место, распущенная женщина.

Замерзшая Зоя моментально переместилась под одеяло. И Владу стало не до футбола. Ему удалось посмотреть только последний период. Зоя лежала рядом с ним, говорила:

— Смотри, Владик, смотри. Я тоже смотрю. Но ни черта не понимаю. Но ты смотришь и я буду смотреть.

Она ласково целовала то его шею, то плечо, то руку. Только эти ласки были спокойные, домашние, под стать пансионату.

Следующие три дня Влад и Зоя провели в пансионате, точнее сказать, в постели. Потом Зоя задумчиво сказала:

— Все, Владик! Нам пора. И так предстоит на работе как-то объяснить, где я была два дня. И Аделаида Семеновна меня ждет.

— Кто такая Аделаида Семеновна?

— Бабуля. Я с ней живу.

— А-а-а, — протянул мужчина.

Влад согласился. Ему тоже было пора. Надо будет что-то врать Белке. Так долго он еще ни разу не задерживался.

Владислав довез женщину до дома, не спрашивая адреса. Промолчала и Зоя, хоть мужчина вез её не туда. В этом элитном доме не было больше её жилья, здесь она жила когда-то с Антоном, но её выставили оттуда. Не стала женщина говорить всех этих подробностей. Она только вскользь поинтересовалась:

— А почему ты не спрашиваешь адреса?

— А ты думаешь, что я не знаю, где жила семья состоятельного предпринимателя Антона Наумова?

— А-а-а-а, — протянула женщина.

Она вышла из машины, поцеловав в последний раз Владислава.

— Все, встреч больше не будет, — сказала Зоя.

— Почему?

— У тебя семья. Мне нет места в твоей жизни, — решительно сказала она.

— Но нам так хорошо вместе. Мы можем встречаться.

— Нет, — повторила Зоя. — Это все опять тебе приснилось. Не ищи встреч со мной. Я не встречаюсь с женатыми мужчинами.

И Владислав сделал вид, что подчинился. «Я к тебе еще не раз заеду!», — подумал он. — Адрес-то я знаю!» Зоя подождала, когда скроется машина Владислава, и поехала на автобусе домой, где её ждали бабушка и Ксюша. Надо врать сейчас будет, как и сколько болела, да и в школе что-то предстоит сказать. Ну там Надежда, как-нибудь договорится Зоя с ней, отработает эти дни.

Влад тоже поехал домой, где была жена Белла и дочка Шурочка, дорожке которой на свете у Влада не было человека. Зоя отказалась встречаться с Владом, но он помнил, как она стояла и смотрела вслед.

Владислав приехал за Зоей на другой день и выяснил, что Зоя Наумова давно не живет в этой квартире. Пожилая молодящаяся женщина, неприятная на вид, как видимо, это и была бабуля, визгливо прокричала в ответ мужчине:

— Нет здесь твоей шлюхи, и не будет никогда.

— А где мне найти Зоя Александровну? — вежливо спросил Влад.

— У очередного хахалю, — женщина захлопнула дверь.

— Кажется, у Зои из-за меня неприятности с бабулей, — подумал мужчина.

Владислав ошибся. Это была Арина Андреевна, свекровь Зои. Она теперь жила здесь точнее встречалась с любовником.

После февральского вечера встречи пробежали шесть с небольшим месяцев. Ни разу не встретились Владислав и Зоя. Так сложились обстоятельства. С конца февраля и до начала

июля Владислава не было в городе, он три месяца учился на курсах повышения квалификации в Москве, а летом уже Зою не было в деревне. Болтливая Римка наотрез отказалась дать её адрес, с братом Зою Влад так и не встретился. В справочном бюро упорно выдавали старый адрес женщины, где она не жила.

Владислав заехал в обувной магазин. Стоял самый конец июля. Все лето было холодное, неприветливое. Но в эти дни, наконец-то, после противной дождливой погоды установилось теплая ласковая погода. Хоть и поздно, но люди радовались ненавязчивой жаре, спешили поймать солнышко, загореть. Городские пляжи были переполнены. И август синоптики обещали теплым, настоящим летним месяцем, а июнь и июль были холодными.

Владькины легкие кроссовки совсем развалились. Стыдно на люди показаться. А он не последний человек в городе, все-таки весь энергосбыт областной на нем. Надо соответствовать должности. Да и сотрудницы, в основном, женщины. Но жена в ответ на просьбу купить новые кроссовки высокомерно ответила:

— Я не домработница, я творческая натура, я тоже имею право на личную жизнь. Хочешь, чтобы за тобой убирали, стирали, пылинки счищали, заведи прислугу. Я в служанки к тебе не нанималась.

Да, Белла — художница, известная художница Светлицкая, пишет неплохие картины, продает их дорого. А в доме неуютно. Нет, на порядок и чистоту Влад не жаловался. Для творчества у жены есть мастерская. В доме Белла строго следит, чтобы каждая вещичка лежала на своем месте, чтобы ни соринки не было, везде царит холодная неуютная чистота, как в больнице. Влад вспомнил, как болеющая дочка, в полубредовом состоянии, с высокой температурой, ползала по детской и убирала свои игрушки. Её мать с удовлетворением за этим наблюдала. Испуганный Влад подхватил дочку, уложил в постель, слушая, как она хриплым голосочком бормочет извинения: «Мамочка, прости меня, я больше не буду, я сейчас все соберу», — сам убрал все игрушки. Тогда он крупно поссорился с женой, орал, что она не женщина, не мать, что ему не хочется домой заходить, что Белла и дочь запугала, Шурочка боится лишней раз слово сказать, конфетку попросить. Только тихо сидит в своем уголке и играет, ребенок разучился улыбаться. В ответ жена дулась почти месяц, не разговаривала, ушла спать в другую комнату, принципиально перестала что-либо покупать мужу, даже стирать отказалась. Считала, что она права во всем.

— Сам делай все, — заявила она. — А то я тебе угодить никак не могу. Я не так убираюсь, я не так готовлю, и дочь не так воспитываю. Вот тебе стиральная машина, вот щетка, утюг. Плита тоже есть. Стирай, гладь, чисть, готовь еду сам! Создавай уют. Занимайся дочерью, води в садик, из садика. Няню ты тоже не согласен завести.

— Но ведь была уже одна. Она обижала девочку, — возразил Влад. — Ты знаешь, не будет больше нянь у Шурочки.

— Вот и ищи сам выход, — ответила жена. — У меня скоро выставка. Родион Бородин предоставляет свою галерею. Мне надо закончить картину.

— Опять мрачные городские пейзажи рисуешь? Это важнее дочери?

— Не понимаешь, не суди. Мои картины покупают.

Шурочку тогда Влад отвез к своей матери в деревню. Галина Ивановна поворчала, поворчала и оставила внучку у себя. Девочка была тихая. Могла часами не напоминать о себе, сидеть одиноко с куклами или книжками. Вот и ездил с тех Владислав в деревню регулярно к дочке, скучал он по ней, там и пересеклись его пути с Зоей шесть месяцев назад на вечере встречи. И все! После той февральской встречи он её не видел. Иногда хотелось до дрожи в руках встретить Зою, обнять, прижаться, почувствовать её тепло, но он вспоминал

сказанные ею слова: «У тебя, Владь, семья. Мне нет места в твоей жизни!» А может, думал все чаще мужчина, бросить Белку, найти Зойку-Зайку, сойтись с ней, забрать с собой дочку? Как Зоя бы отнеслась к такому предложению?

Откуда мать узнала про него и Зою, Владислав не знал. Но Галина Ивановна орала громко, долго, потом предупредила сына, когда он навещал Шурочку: «Гулять не перестанешь, будешь к Зойке бегать, Шурку забирай отсюда. Сидеть не буду! Что ты делаешь? Одну семью уже бросил, старшие твои дочки сам толком не знаешь где. Другую теперь семью хочешь развалить, чтобы и Шурку куда-нибудь увезли? Хорошо устроился. Сам по бабам в деревне бегаешь, а мать в няньках?» Галина Ивановна была рассержена не на шутку. Что на неё нашло? Что за Беллу так сильно заступается. Ведь она и Белка явно не любили друг друга. Мать равнодушно смотрела на связь Влада с Анькой, с Машкой, Любкой. А, узнав про Зою, разозлилась. И ведь знала все точно, следила за Владом, чтобы его машина не остановилась на другом конце деревни, возле Зоино дома. А чего следить? Не останавливался там Влад. Зои не было в деревне. А городского её адреса Влад не знал. Ни разу не пересеклись их пути.

С женой тоже мир ни в какую не наступал. Рубашки Владислав гладил сам уже больше полгода, только стиркой не утруждался, покупал новые, если автомат не отстирывал воротнички и манжеты. А сейчас еще и носки прорвались, надо опять купить сразу упаковку, и кроссовки развалились. Как не любил магазины Владислав! Не любил даже заходить в них. Особенно в одиночку! Он, важный начальник, любимец своих подчиненных женщин, весельчак и балагур, терялся перед продавцами. Сколько раз ему всучивали некачественный товар: и видел, и покупать не хотел, а покупал почему-то. С кем бы ему вместе в магазин податься? Он попросил с утра Белку купить ему кроссовки и носки, та заявила:

— Некогда мне. У меня встреча с владельцем галереи. Я готовлю очередную выставку.

— А дочерью когда заниматься будешь? — спросил Влад. — Опять одну в доме оставишь? Она же маленькая еще.

Он недавно привез дочку домой. Та ехать не хотела из деревни, спряталась под кровать. Но Белка настояла на своем. В ней вдруг проснулись материнские чувства. Оказалось, ненадолго. Дочка нужна была для фотосессии, чтобы показать, какой хороший человек известная художница Белла Светлицкая, какая она хорошая мать, как она нежно любит свою дочь.

— Её опять бабушка в деревню заберет, я ей позвонила, предупредила, Александру надо туда отвезти, — ответила жена. — А с магазином на меня никоим образом не рассчитывай. Сам все купишь!

— Куплю, отвезу, — уныло думал Владислав. — И так уже несколько лет. Надо разводиться. Вот только Шурочку бы мне отсудить.

Владу нравилось, когда женщины о нем заботились. Может, поэтому и шлялся по деревенским вдовушкам, тепла и понимания искал. А жена видит только себя. Зачем ей нужно было рожать дочку, женить Влада на себе, если у неё на первом месте картины? Ответа мужчина не знал.

Влад давно стал думать о разводе, но держала маленькая Шурочка. Белла неоднозначно дала понять, что в случае развода он дочь не увидит. А ребенок и так матери боится, слово лишнее не скажет. Жена и от секса уклонялась, не любила супружеских отношений, а Влад без этого не может. Еще и поэтому начал гулять от жены Влад — женщина ему всегда нужна. Вот и обхаживает знакомых одиноких женщин. Но, дважды обжегшись в браке, все

чаще мужчина думал об одинокой жизни. Женщину он всегда себе найдет. Вот только дочка Шурочка, как без неё? Нет. Нужна все-таки семья. Где бы найти такую женщину, чтобы полюбила его девочку, стала ей настоящей матерью? Влад рано ли поздно ли, но заберет у Беллы дочку, если решится и разведется. Владислав сам очень любил детей. Все дети знакомых к нему льнут, а он с ними возится. И так старших дочерей от первого брака Влад не видит, а если еще и Шурочки не станет в его жизни, хотя бы на время...

Вот такие мысли одолевали мужчину, когда он, наконец-то, решил, что пора поменять кроссовки. Он отвез дочку в деревню, облегченно вздохнул, что теперь Шурочка будет присмотрена, накормлена, дед еще и сказку ей почитает, и поговорит, и приласкает, он хороший у них, спокойный, интеллигентный, бабушка Галя была посуровей и погрубей. Вот и сегодня позорила, позорила сына за старые кроссовки... На обратном пути Владислав решил сразу заехать в магазин.

В городе года четыре назад на улице с лиричным названием «Утренняя» открыли магазин «Обувной космос», большой, в три этажа: там была обувь всевозможных моделей и размеров, начиная от самых маленьких пинеток и кончая размером с чемодан, здесь же продавались все сопутствующие товары, в том числе и носки. Влад давно не заходил сюда, терялся в больших торговых точках, и сегодня попал сначала не в свою секцию. Это был отдел для маленьких модниц. Мужчина невольно засмотрелся на красивую детскую обувь. Чего только не было: и туфельки, и босоножки, и кроссовки, шлепанцы, тапочки. Надо Шурочке что-нибудь купить. Она любит красный цвет. Белка никогда не слушает девочку и терпеть не может красного. Её любимые цвета черный и серый. И дочку так одевает, словно это не ребенок. Как-то Шурочка в магазина попросила купить яркие желтые сапожки.

— Нет, — отрубил мать, — обойдешься.

И так всегда. Купит, что самой нравится. А нравится Белке, что помрачней, подешевле, порой и ножку жмет Шурочке, и натирает, и давит. Дочка терпит. Для себя Белка денег не жалеет, всегда модный прикид, одежда для всех случаев жизни. И вечно плачет потом потихоньку дочка, роняет слезинки и обувает неудобные, но дешевые туфельки.

И тут внимание мужчины привлекла пара: мама и дочка. Девочка со светлыми волосами, худенькая, худенькая, почти прозрачная, совсем незагорелая, чем-то напомнила Владиславу его дочку.

— Болеет, наверно, часто девочка, — подумал мужчина.

Незнакомой девочке было лет пять, как его Шурочке. Она, не отводя глаз, смотрела на красные детские туфельки.

— Мама, мама, смотри, туфельки на настоящих каблукках. А ты говорила, что для маленьких девочек таких не делают, — зазвенел её восторженный голосок.

В голосе ребенка было столько восхищения, что мужчина невольно остановился. Мама, она стояла спиной к Владу, приветливо откликнулась:

— Выходит, доча, делают.

— Конечно, делают, — подхватила продавщица. — Мы сейчас тебе примерим. Проходите. Присаживайтесь.

Владиславу показалось, что продавец и женщина хорошо знакомы.

— Не надо, — сказала женщина. — Мы не будем покупать эти туфельки.

— Ну вы просто померьте, — не отступала приветливая продавщица, зная, сколько раз так было: наденет туфли ребенок, а снимать не хочет, и раскошеливаются родители.

— Мама, ну давай померим, — девочка повернула к маме умоляющие глаза.

— Я так и думал, голубые у неё глаза, а огромные какие, — сказал про себя Влад, — прямо настоящие озерца.

Он с интересом стал наблюдать, что будет дальше.

— Вы сами посидите, отдохните, — все также приветливо сказала продавщица матери, — а я обслужу нашу маленькую покупательницу.

Женщина присела на предложенный стул, все также спиной к Владу. Продавщица ловко обула худенькую девочку. Девочка встала, пошатнулась с непривычки, но тут же распрямилась, бойко прошла, притопнула каблучком. Туфельки были впору.

— Мама, — раздался голосок маленькой покупательницы, — мама, смотри, как красиво. Туфельки с бантиком. И каблучок настоящий! Мама!

— Ксюшенька, — ласково сказала женщина. — Давай договоримся, что мы не будем покупать туфельки. У тебя есть туфельки. Скоро наступит осень, ты не будешь их носить, на улице будет холодно. А туфельки дорогие.

По щекам девочки потекли слезы.

— Мамочка, а в садик нужны туфельки.

— Нет, Ксюша, в садик ты не будешь ходить, ты болееешь часто, — ответила мать.

— Мама, я дома буду носить их. Вместо тапочек. Каждый день. Они такие красивые. Ну, мамочка, ну, пожалуйста!

Женщина вздохнула и, сдаваясь, спросила цену. В это время в секцию откуда-то сзади, с другой стороны, вошел мужчина, неприятный на вид. Владу показалось, он его где-то видел. Мужчина увидел маленькую покупательницу, услышал вопрос матери.

— Сколько стоят? — переспросил он. — Вам не по карману, мадам-с. Десять тысяч стоят эти туфельки.

— Неправда, ты врешь, — спокойно сказала женщина. — Проверь по накладным.

— Тебе дешевле не продам, — с наглой улыбкой сказал мужчина. — И накладных не получишь! Что смотришь? В общество потребителей позвонишь?

— Ксюша, пойдем отсюда, — начала вставать женщина. — У нас сейчас таких денег. Ты уже большая девочка, должна понимать.

— Я понимаю, — ответила девчушка, хотя слезы текли по её личику. — Нам нужны деньги для маленьких братиков, тебе скоро за ними ехать. Я обойдусь без новых туфелек.

— Вот-вот, обходитесь! — продолжил мужчина. — Твоя мама не имеет никаких больше денег. Зато детей рожает, неизвестно от кого, и квартиру чужую прибрала к рукам. Но ненадолго. Скоро и её заберем. В деревню жить поедете.

Женщина не ответила. Глаза Влада скользнули по фигуре женщины, которая устало поднималась со стула.

— Пойдем, дочка.

Девочка молча снимала туфли, она с досадой сказала, обращаясь к матери:

— Когда же вернется папа? Он бы дал мне денежек на туфельки, — потом посмотрела на мужчину. — И ты, дядя Игорь, не обижал бы маму. Папа сразу бы выгнал тебя отсюда. Это его магазин, а не твой!

— Кыш, малявка, а то получишь по одному месту, — ответил мужчина и махнул рукой на девочку.

Девочка метнулась и прижалась к матери, испуганно смотрела на мужчину.

— Да это владелец магазина, Как его... Игорь Вальяжников, — узнал его Влад. — Он вчера был у меня. Насчет документов на подключение электричества в загородном доме.

Ишь, стервец, как издевается над женщиной и ребенком. Погоди, придешь ты еще ко мне! Я тебе тоже волокиту устрою!

И тут женщина повернулась, Владька узнал её: это была Зоя. Да, Зойка-Зайка. Но что-то в ней было не так. Прическа, отросшая и зачесанная набок челка? Каштановые, а не черные волосы?

— Нет, не в этом дело, не в волосах и причёске, — понял Влад. — Зоя поправилась сильно. Раздобрела.

Он с интересом смотрел на эту, так его удивившую несколько месяцев назад женщину. Но что-то опять было не так в его рассуждениях.

— Да, Зоя беременна, — понял он, наконец. — А не поправилась!

К беременным женщинам Владислав относился с большим уважением. Они носят и рожают детей, они будущие матери. Мужчина решительно шагнул вперед, желая проучить наглого хозяина:

— Здравствуй, Зойка-Зайка, здравствуй, малышка, — он ласково провел по волосам незнакомой девочки, которая совсем не испугалась и с любопытством смотрела на него. — Вот вы где! Туфельки примеряете! А я вас ищу по всему магазину, зайчики мои. Что же вы не сказали, что будете в детском отделе?

Женщина вздрогнула, но тут же узнала Владислава:

— Напугал, Влад.

Девочка не отводила своих больших любопытных глаз от незнакомо­го дяди.

— Зоя, меня нельзя пугаться. Я добрый, — он подмигнул малышке, та заулыбалась. — Что будем покупать, солнышко мое? — он наклонился и поцеловал сначала руку женщины, потом щеку. — Вы присмотрели себе что-нибудь?

— Ничего, — ответила Зоя, которая никак не понимала, что Владислав хочет немного проучить противного владельца магазина. — Ксюше понравились туфли на каблучках, но у них заоблачная цена. Владелец необоснованно завышает...

— Сколько? — осведомился Влад.

— Десять тысяч.

— Заюшка, когда ты запомнишь, что у твоего Владика много денег. Ну что такое десять тысяч? Заверните, — царственно кивнул он остолбеневшему Вальяжникову.

Вытащил небрежно две пяти­тысячные купюры и протянул продавщице. Та с радостью бросилась пробивать чек. Удивленно смотрел владелец на появившегося мужчину, на его лице мелькали вопросы, которые он не решился задавать вслух. Похоже, богатый. Где-то он видел этого человека. Зоя, наконец-то, поняла, что Влад изображает её любовника, желая проучить Вальяжникова, и тоже стала подыгрывать.

— Дорогой, — пропела она. — А мы с дочкой ждали тебя только завтра.

Никто не заметил, как продавщица положила в коробку сдачу, быстро упаковала, кивнула Зое и подала коробку с туфлями девочке. Та радостно подбежала к кассе, прижала к себе коробку. Игорь нагнулся и тихо о чем-то спросил Ксюшу. Та уже его совсем не боялась, она что-то ответила и показала ему язык.

— Пойдемте, мои самые красивые девочки, — величественно кивнул Влад. — Еще мне надо купить кроссовки. Так, Ксюша?

— Так, — радостно смеясь, ответила девочка.

Влад бережно взял Зою под ручку.

— Ксюша, — позвала Зоя.

— Иду, мама, иду! — ответила дочка, прижимая к груди коробку с красными туфельками.

Девочка подбежала и доверчиво взяла за руку Владислава. Влад с Зоей и Ксюшей вышли из секции. Куда-то исчез владелец магазина. Зоя весело засмеялась:

— Спасибо, Влад! Ксюша, — обратилась она к дочери. — Туфли придется вернуть. Мы не можем принять такой дорогой подарок.

— Да, мама, — ответила тихо девочка, сразу погрузившись

— Зоя, — пытался остановить её Влад. — Ну что ты? Порадуй девочку. Ребенку понравились туфельки, значит, надо их купить! Так, малышка?

— Так, — отозвалась девочка.

Но женщина настояла на своем. Влад сам отнес назад коробку, но не сдал туфли, а сказал, что зайдет за ними позже. Продавщица согласилась. Она тоже плохо понимала происходящее. Но всей душой сочувствовала Зое. Когда-то этот обувной магазин принадлежал покойному мужу Зои Александровны. Именно благодаря ей, был открыт отдел для маленьких модниц. Но вот уже много времени, как сменились хозяева. Всем распоряжается противный муж сестры покойного Антона Владимировича — Игорь. Он очень не любит Зоя Александровну. Говорят, что она отказалась быть его любовницей, а он за это обобрал её. Зое и её дочери после смерти Антона Владимировича ничего не досталось. И продавцам стали платить меньше. При старом хозяине работалось лучше. Девушка вспомнила, как положила сдачу в коробку.

— А, все равно, я уже получила расчет, работаю последний день, — подумала она. — Пусть Игореша позлится.

Многие продавцы после перемены хозяев сбежали. Таня оставалась дольше всех. Но и её допекли бесконечные придирки и штрафы.

Влад стоял с Зоей в широком фойе. Она сказала, что ей пора, что они с Ксюшей сейчас едут домой. Больше Зоя упорно ничего не объясняла. Не хотела.

— Ты куда сейчас? — спросил мужчина. — В деревню? Так давай подвезу, — и подумал про себя: — Заодно расспрошу, как и где живет Зоя.

— Зачем в деревню? — удивилась женщина. — Мы здесь живем.

— Мы, это кто?

— Я и моя дочь, Ксюша.

— Так это твоя дочь?

— Дочь, а почему ты так удивлен?

— Знаешь, каждый раз при наших встречах я убеждаюсь, ты земная, обычная. Ты не Супермодель Зоя, или как там тебя прозвали стервочки из твоего класса.

Супер-Зоя, — улыбнулась женщина.

— Это одно и то же. Модели не рожают и не беременеют, они берегут фигуру.

— Ты прав, я самая земная. Ксюша, — спохватилась женщина.

Девочка стояла у стеклянной перегородки и грустно разглядывала опять туфли на каблучках.

— Зоя, давай я тебя подвезу, все равно я свободен.

— Спасибо, не откажусь. Что-то мне нехорошо после встречи с Игорем. Да и устаю я быстро теперь.

— А кто этот Игорь?

— Бывший родственник, — коротко обронила Зоя, всем видом показывая, что говорить

на эту тему больше не будет. — Но мне еще в аптеку надо.

— Ты спешишь?

— Нет.

— Тогда подожди, мне нужны новые кроссовки. А может, сможешь мне выбрать? — с надеждой взглянул на женщину Владислав. — Мне всегда впихивают плохой товар. Ты в мужской обуви разбираешься?

— Немного, — ответила женщина. — Мужу когда-то покупала.

Зоя умолчала, что муж последние годы занимался торговлей, что этот магазин принадлежал ему. Она ему помогала, знала все про обувь.

Позвав Ксюшу, Зоя пошла помочь Владу. Ксюша грустно шла рядом. В мужском отделе Зоя раскритиковала всю обувь. Одна из новеньких продавщиц, что не знала Зою, принесла, наконец, то, что устроило женщину. Влад послушался и купил предложенную пару. Он сразу переобулся в магазине и не пожалел. Кроссовки будто были сшиты для него на заказ, ногу не жали, было нежарко в них. И не так уж дорого. Ноге было удобно и комфортно. И носки ему Зоя выбрала. Все что-то трогала, щупала, резинку потянула. Искала хлопчатобумажные. Носками Владислав тоже остался доволен. Уже когда мужчина усадил в машину Зою и её грустную дочку, оказалось, что он оставил пакет со старой обувью в магазине.

— Выбросят продавцы, — сказала Зоя. — Можно не забирать.

— Неудобно, — возразил Владислав. — Вы подождите, я мигом.

Он оставил женщин в машине и побежал за пакетом. Но в первую очередь он забежал в детский отдел.

— Девушка, где тут наш пакет с туфельками?

— На каблучках? — спросила продавщица, радостно улыбаясь. — Вот они.

— Знаете что, заверните еще одну пару. Сколько с меня?

Продавщица ответила.

— Жук ваш хозяин, — заметил Влад вскользь, — услышав истинную цену детских туфель.

Таня не стала объяснять, что сдача с десяти тысяч лежит в коробке.

Тут же рядом с этим отделом стоял лоток с мороженым. Влад слышал, что здесь вкусное мороженое. Он купил всем: и себе, и Зое, и её девочке. Ксюша обрадовалась:

— Мам, можно? — засияло её личико.

— Ох, дочка, — вздохнула Зоя. — Мы же договаривались. У тебя слабое горлышко. Ты часто болеешь.

— Мам, я маленькими кусочками. Я уже целый месяц не болела. Ну можно? Мороженое такое вкусное.

— Ладно, — махнула рукой женщина. — Но только понемножку.

— А Белка бы ни за что не дала бы Шурочке, — подумал Влад. — Развыступалась бы про грязные руки, про инфекцию, дурной вкус... Довела бы дочку до слез...

По дороге мужчина долго расспрашивал Зою про жизнь.

— Ты опять замуж вышла?

— Нет, — ответила женщина. — Никто не берет!

— А вроде рожать собираешься?

— Собираюсь.

— А где же отец?

Зоя с юморком ответила:

— Вот, я тоже надеялась, что он на мне женится. Но не вышло по-моему. Что-нибудь да не так.

Вмешалась Ксюша. Девочка подозрительно повеселела. Сидела на заднем сидении и лизала мороженое, что купил ей Влад.

— Мама пришла и заплакала, а бабушка сказала: «Нечего реветь. Рожай. Ксюшка одна не будет, как ты», — прокомментировала разговорчивая девочка.

— Вот я и рожаяю, — продолжила, смеясь, Зоя рассказ дочери.

— Скоро?

— В ноябре, — ответила женщина.

— Работаете?

— Уже нет. Да и Ксюша болеет часто. Придется с работой повременить.

— А как живешь? На что? — Владислав стал догадываться, что от богатого мужа Зое ничего не досталось, но говорить об этом женщина не хочет.

— Пока деньги есть. Заплатили декретные. Экономлю. В случае чего продам родительский дом в деревне. Будем жить с Ксеньей только в городе. Я выживу, Влад. Я сильная женщина. А дети — это хорошо. Я люблю детей.

Влад довез её до дома.

— Теперь я знаю, где ты живешь, — заметил он с явным намеком.

— Только, Владик, приходить не будешь, — в тон ответила ему Зоя и красноречиво показала на большой живот.

А Влад подумал:

— Приходить не буду, жить я с тобой буду. В одном доме. Ты сейчас, Зойка-Зайка, одна. Если я тебя упусти, я себе этого не прощу... Я уйду от Белки... Шурочку заберу и уйду... К тебе уйду...

Лишь дома Зоя обратила внимание на большой пакет, который принесла собой Ксюша.

— Это что? — строго спросила мать.

— Туфельки, — тонким голоском ответила дочь, прижимая к себе пакет.

— Какие туфельки?

— На каблучках. Мне дядя дал.

— Какой дядя? — не поняла мать.

— Дядя Владик, — задумчиво ответила дочка. — Знаешь, мама, мне кажется, он мой папа. Он к нам вернулся. Наш папа. Я так и сказала противному дяде Игорю в магазине, что это мой папа вернулся.

— Эх, дочка, — грустно ответила женщина. — Умершие папы не возвращаются. Это не папа, это чужой дядя.

— А мой папа вернулся, — упрямо наклонила голову девчушка. — Он купил мне туфельки. Я пригласила его к нам в гости. Он приедет завтра вечером. Мам, не сердись. Дядя Владик хороший.

— Хороший, — в задумчивости повторила Зоя.

Дочка быстро распечатала коробку, оттуда высыпались деньги. Зоя засмеялась:

— Смотри, Танюша сдачу положила. Сожрет её теперь дядя Игорек. Эх, Таня, добрая душа. Куда бы её устроить на работу. Хотя с её опытом...

Но девочка не слушала мать, ей не было дела до денег, до Тани с её опытом работы, она обула туфельки и радостно цокала по квартире каблучками. Улыбалась Зоя, глядя на неё. Спасибо Владке, что подарил немного радости её девочке, что заступился за них перед

Игорем. Надо как-то деньги ему вернуть.

Ксюша два дня ждала дядю Владика, он не пришел. Зое еще как-то предстояло объяснить девочке, что не будет ходить к ним дядя Влад: ни в гости, ни так. У Зои шесть месяцев беременности, а Владька к женщинам ходит лишь с одной целью — переспать. А здесь полный облом!

Зоя была неправа. В первый день Влад был в деревне у дочки — отвез ей туфельки. Смотрел на радостное личико дочки и радовался. И ни к какой женщине его не тянуло. Мать довольно хмыкнула. На второй день сильный ветер обрушил одну из опор электролиний. Часть населенных пунктов осталась без света. Два дня работала бригада, устраняя аварию. Владислав, как глава энергосбыта, был там. Вернулся он на третий день, поздно. Лишь к одиннадцати часам. Дома его ожидал крупный скандал. Кто-то донес Белле, что Влад вез в машине беременную женщину с ребенком, доброжелатель пояснил жене Владислава, что это его вторая семья. Жена бушевала весь вечер:

— Мне давно говорили, что у тебя две семьи. Я не верила. Считала, что ты дочь любишь! Про себя я молчу! Но убедилась сегодня собственными глазами. У тебя есть дочь и женщина, которая ждет ребенка.

— А просто помочь я не мог этой женщине? — саркастически осведомился мужчина. — Например, довезти её до дома.

— Ты врешь. Не мог! Моя знакомая сняла вас на телефон. Просто так не помогают. Вот смотри, Юлька прислала эмэмэску.

Бела швырнула телефон. Влад взял мобильник, включил просмотр и увидел, как он целует Зою в отделе маленьких модниц, как он небрежно платит деньги, как Зоя придирчиво выбирает ему обувь. Вот он, когда Зоя ушла в аптеку, отдал туфельки Ксюше, и девочка бросилась и обняла его. И последний кадр, Влад обнимает Зою. Когда же это он успел? «Ах, да, — вспомнил мужчина. — Зоя чуть не упала, поскользнулась на банановой кожуре, я и подхватил её. Ну, подумаешь, что чуть дольше подержал, что чуть сильнее прижал, и поцеловал так, слегка. Зоя засмеялась». Он улыбнулся, вспомнив, как она сказала ему:

— Слушай, Владька, а мне приятно, что ты меня обнимаешь. Черт побери! Когда я избавлюсь от твоего навязчивого очарования!

Его мысли прервал крикливый голос жены:

— Улыбаешься, думаешь, какая дура Белка, всему верит. Вешай больше лапши на уши! Надо же, завести две семьи. Султан какой нашелся!

— А что? — думал Владислав, ничего не говоря. — В самом деле, семья со стороны, когда смотришь на фотографии в телефоне. Зоя, как придирчивая жена, заставила меня перемерять кучу обуви, все швы, петельки просмотрела, даже носки мне выбрала. И выбрала какие хорошие. Ноги в них не потеют. Резинка в самый раз, не жмет, и не спадают. Все смотрела на процент хлопка и чтобы тонкие были...

Но, глядя на разъяренную жену, не стал ничего объяснять. Мужчина медленно удалил снимки Зои и её дочери из телефона жены. Белка — дура, будет всем показывать, еще чего наколдует. Устало отвернулся. Надоели скандалы. Ой, как надоели. Нет счастья, и не было. Верности Владислава второй жене хватило после свадьбы... А на сколько хватило? Ни на сколько. Никогда и не было настоящей семьи... У Белки вечные мысли о картинах, о творчестве... К дочери неласковая. Вот и дочка вечно чего-то боится. Брак с Беллой с самого начала был обречен. Все, что связывало Влада с женой, была дочь, пятилетняя Шурочка. Мужчина только устало сказал:

— Ты неправа, Белла. Дай лучше поесть чего-нибудь. Хоть бутерброд с чем-нибудь и чаю горячего хотелось бы... Я же несколько дней дома не был, авария на линии, работали в поле, питались всухомятку. Устал все-таки.

— Обойдешься, — буркнула жена, на минуту утихла, потом спросила медленно: — Ты можешь хоть раз сказать мне правду?

— Могу, — согласился Влад.

— Только не ври. Я все равно пойму. Вот скажи честно и откровенно, что у тебя ничего не было с этой женщиной, что ты не спал с ней, — она махнула рукой в сторону телефона.

Влад замялся. Как ответить?

— Ну говори же. Было или нет? — жена стояла грозно, как танк.

— Было, — ответил мужчина.

Белла торжествующе, словно обрадовалась, заявила:

— Значит, я права. У тебя очередная шлюха.

Влад неожиданно разозлился:

— Зоя не шлюха. Она порядочная женщина, хорошая внимательная мать.

— Значит, Зоя. Зоя... Зоя... Где же я её видела.... Ах, да, Зоя её звали... Я вспомнила её. Она была женой Антона Наумова. Да, недолго плакала вдовица... И чем вдовушка лучше меня? — задала вопрос Белла. — Эта твоя порядочная шлюха.

Влад разозлился окончательно.

— Она лучше тебя тем, что у неё не болит голова, когда я к ней прикасаюсь. Она ласковая и горячая женщина. Она, как и я, любит секс и не считает его чем-то недостойным, грязным. И тебе до неё далеко. А что ты хотела? Я здоровый мужик, а ты допускаешь до себя два раза в месяц. То тебя тошнит, то голова болит, то женские проблемы. Когда ты только ухитрилась забеременеть? Для чего?

Белла стояла, оглушенная неожиданным признанием мужа. Потом пришла в себя. Медленно и зло выговорила:

— Я всегда знала, что ты животное, кот, мартовский кот, грязная обезьяна, гамадрил, что ты постоянно едешь с одной целью в деревню, что ты там всех баб оттрахал. В городе боишься гулять. Как же? Глава энергосбыта. Полностью положительный муж и отец в глазах своих подчиненных. Да у тебя там, в основном, одни женщины! Что же с ними не спишь? Не положено на работе? Нет! Я поняла! Чем отвратительнее деревенская баба, тем больше она тебе нравится. А теперь тебя потянуло еще на беременных. Ты, Влад, извращенец. Самый настоящий извращенец. Ко мне больше не подходи. Сегодня можешь переночевать здесь, а завтра вон из моего дома к своей беременной шлюхе. Или у неё после Антона кроме тебя еще кто-то есть? И ты там не нужен?

— Ты, Белла, фригидная дура, всю жизнь одна проведешь в своей спальне, — не остался в долгу мужчина и с ходу сочинил, сам не зная зачем. — У Зои я есть. Зоя от меня беременна, и я всегда ей нужен! Да, ты права. Это моя вторая семья. Лучшая! И я уйду к ней. Но, учти, здесь и мой дом. Квартиру покупал я. Не рассчитывай, тебе все не достанется. Будем разменивать. А пока я буду сюда приезжать в любое время, а тем более к дочери. Нет, лучше я Шурочку заберу с собой. Тебе она не нужна.

— Не заберешь, — зло ответила жена. — У тебя нет дочери! И не было! Твоя фригидная дура жена тоже изменяла, тоже имела любовника. Только одного и уже многие годы, в отличие от тебя. Шурочка — его дочь, — врала вдохновенно Белла, движимая одним желанием — сделать Владиславу как можно больнее. — Твоего нет здесь, в этом доме, я его

обставляла, я создавала интерьер, а твоего только рыжий драный кот, которого ты приволок от какой-то очередной бабы и который ободрал всю квартиру. Но его я уже два дня назад выгнала, пока ты был у своей шлюхи. И тебя я выгоню! И ты тоже уходишь к ней, прямо сегодня, сейчас, сию минуту, а я приведу сюда своего Родиона.

— Какого Родиона? — не понял мужчина. — Владельца галереи? Бородина?

— Да, он много лет уже мой любовник.

— Врешь, — в полной уверенности сказал Влад, вспомнив спокойного рыжевато-Родиона Бородина и его полную невозмутимую жену, которой принадлежали все деньги. Без них Родион был ничто.

— А ты врешь про беременную от тебя сучку Зою, — выкрикнула Белла. — Не от тебя она беременна.

Жена, чувствуя, что скандал перешел все границы и имел противоположный результат — муж вместо того, чтобы почувствовать себя виноватым, наоборот, пошел в наступление — хотела повернуть на попятную. Но Влад разозлился не на шутку. Он устал, вымотался за эти дни, был голодным, а вместо отдыха и горячего ужина очередная ссора. Да еще его рыжего любимца, подобранного им на дороге, в самом деле, не было дома. То ли сам ушел с голодухи, то ли выгнала Белка.

— А я не вру, — упрямо повторил он. — Зоя — это лучшая среди женщин, которых я знал. И во время секса она не лежит, как бревно. Она живая, темпераментная. Она фантастическая женщина. Мне с ней хорошо! А тебе, Бела, никогда не сравняться с нею! И я, пожалуй, приму твой совет к сведенью! Уйду к ней! Сегодня уйду!

Влад оделся и ушел. Но ночевать было негде. Поехал в деревню к родителям. Сказал, что будет разводиться с Беллой. Те были недовольны его разрывом с женой, требовали примирения. Мать так и сказала:

— Не помиришься, недельку поживешь у нас, а потом подавайся куда хочешь. У тебя есть ребенок. Возвращайся в семью. И Шурочку забирай. Не дело это, все по разным домам разбежались.

— Девчонку-то довели, спит и плачет во сне. Ребенок во сне смеяться должен, — добавил малоразговорчивый отец.

Вот так и промотался Влад неделю, жил временно у родителей. Но примирение с Беллой вряд ли состоится. Хорошо, если бы у Беллы, в самом деле, был кто-нибудь. «А может, всегда у неё кто-то был?» — пришла неожиданно мысль. Влад опять вспомнил Родиона, владельца галереи, невысокого, с рыжеватыми волосами, и подумал:

— А вдруг правду Белка говорит про Шурочку, и я не её отец, дочка наша тоже рыженькая, вроде похожа на Родьку. Может, и первая жена не от меня родила Лену с Валушкой? Я ни в чем не уверен уже.

А потом мысли перебежали на Зою и её светловолосую девочку. Почему такой усталой, невеселой выглядит Зоя? Что с ней произошло? И почему её девочка сказала, что у неё нет папы? Может, новый муж Зои плохо относился к Ксюше, не разрешал называть себя отцом? Влад вспомнил Шурочку, он никогда не обижал девочку. И даже сейчас, если Белка сказала правду про Родиона, отношение Влада к дочери не изменилось. Шурочка — его девочка! Он её из роддома нес на руках.

— А поеду-ка я сегодня вечером не в деревню, а к Зое, мне хочется видеть и её, и забавную дочушку, — неожиданно подумал Влад. — Где она живет, я теперь знаю. Ксюша все рассказала потихоньку, когда Зоя по пути вышла в аптеку. Такая разговорчивая деловая

малышка, как моя мать, все знает.

Освободился Влад только в девятом часу. И в самом деле, приехал к Зое. Та открыла дверь, не удивилась, словно знала, что приедет. Но все же, мужчина заметил это, на лице промелькнула тень радости.

— Здравствуй, Зоя. Я обещал твоей девочке, что заеду к вам, — приветливым тоном сказал он женщине.

— Здравствуй, Влад. Я помню.

— Ты словно ждала меня, — улыбнулся мужчина.

— А почему бы и нет, ты же обещание дал Ксюше, — без следа улыбки ответила Зоя. — Девочка привыкла верить людям. Заходи.

Владислав зашел. Осмотрелся. Большая четырехкомнатная квартира. Большие комнаты. Уютно. Сколько много цветов в доме! Светлые обои. Мебель тщательно подобрана по цвету, тоже светлая, пушистые ковры на полу. Нигде ни пылинки. Но это не злая стерильная чистота Белки, от которой делается холодно, это домашняя, ласковая, так и хочется прилечь на цветное покрывало на диван, вытянуть ноги...

Разговор не клеился. Владислав прошел, сел на диван, смотрел и думал, одна или не одна живет Зоя. Не знала, о чем говорить, и Зоя. Больше всего она пыталась скрыть радость, которая против её воли забилась в сердце при появлении мужчины. Поэтому Зоя была строга и совсем не улыбалась.

— Есть хочешь? — спросила она будничным тоном.

— Хочу, — нагло протянул Владька.

— Тогда руки мой и на кухню. Только тихо. Ксения уже спит.

— Ты так строго следишь за её режимом? — удивился мужчина. — Еще только девять!

И на улице светло.

— Нет, Ксюша опять заболела, — грустно ответила мать. — Опять болит горло. У нас это просто беда.

— Можно я ней зайду? — попросил Влад.

— Нет, — тихо, но решительно ответила женщина, — она и так несколько дней ждала тебя. Что ты ей наплел? Зачем обещал прийти? Она поверила. Ждала. Только сегодня Ксюша поняла, что ты не умеешь держать слово. Не ходи, не вселяй надежду девочке. Она и так сильно скучает по отцу.

— Зоя, я тебя не понимаю.

— Это долгий разговор, — махнула рукой женщина. — Пойдем, накормлю. Только разносолов у нас нет. Картошка тушеная с косточками, да салат.

Ужин был вкусный, простой и сытный, а главное — горячий, огненный просто. И кухня такая уютная, оформлена под гжель: простые занавески с гжельским рисунком на окнах, посуда, расписанная синим кобальтом на открытой широкой, во всю стену полке. На стуле прикорнул забытый плюшевый мишка. Из открытого окна тянуло вечерней прохладой. Запел на плите свою песню чайник. Хорошо!

— Зоя, расскажи о своей жизни, — попросил Влад, съев огромную тарелку картошки и запивая её горячим чаем.

— А тебе домой не пора? — ответила вопросом женщина. — К Ксюше все равно не пуцу!

— Зой, а я к тебе хочу напроситься ночевать. Разрешишь? — Владислав, видя, что мужчин в доме нет, и Зоя явно не ждет никого, решил не отступать, здесь остаться.

— Владька, ты молодец, — впервые засмеялась женщина. — Начал с простого визита вежливости, заканчиваешь... — она красноречиво замолчала, потом продолжила: — Ты бы мог заметить, я немного беременна.

— Много уже беременна, — в тон ей сказал Влад. — Я заметил.

— Чего тогда просишься? Тебе ничего не обломится ночью. Я не в форме. Даже голой перед тобой ходить не буду.

— А жаль, — ответил мужчина. — Мне нравятся беременные женщины. Правда, правда! Прошлась бы разочек. А где все-таки твой муж?

— Не поняла, какое дело тебе до моего мужа? — Зоя слегка все-таки покраснела. — А если ты про Антона, то его давно нет...

— Ну ты же рожать собираешься.

— А-а-а, — протянула женщина. — Я без мужа буду рожать. Я же уже говорила тебе. Не женился он на мне.

— Бросил, что ли?

— Можно и так сказать. И ты, Владичка, собирайся домой.

— Зоя, у тебя роскошная квартира, большая. Сдай мне комнату, — выпалил Владька. — Мне негде ночевать!

— Что? — женщина широко распахнула глаза.

— А меня жена выставила, — признался мужчина. — Уже неделю назад. Я и вас почему не навестил эти дни, в деревне ночевал. Но мать меня тоже сегодня выпроводила. Да! Я бездомный, Зоя... В гостинице дороговато...

— Мама! — раздался хриплый голосочек. — Мама! Ты где? У меня опять сильно головка болит...

В дверях, в розовой пижамке со слониками, стояла худенькая светловолосая девочка с красными горящими щеками и блестящими глазами. В руках она держала туфельки на каблучках. Девочка увидела Владислава. Глаза её так же, как и у матери, широко распахнулись.

— Мама! Ты почему меня не разбудила? Ты обещала! Я ждала дядю Владика. Я знала, что он приедет, — девочка была обижена.

— Ксюша быстро в постель, — строго ответила мать. — Не стой босиком на полу. Сейчас я опять смерю температуру. Ты отказалась выпить таблетку, тебе поэтому опять плохо, поэтому и болит сильно головка. Ты вся горишь. Надо выпить лекарство.

— Я не хочу глотать таблетки, они такие горькие, меня опять стошнит, — тихо заплакала девочка.

Владька встал, взял легкую девочку на руки, прижал к себе, ребенок весь горел. Девочка доверчиво положила ему голову на плечо.

— Ксюша, выпей лекарство, — ласково попросил он. — Я научу тебя, как это сделать, ты даже не почувствуешь. Положишь на язычок таблетку и быстро водичкой запьешь.

— А ты не уйдешь?

— Нет.

— Ладно, — согласилась девочка. — Мама. Давай мне только таблетку. Как дядя Владик сказал.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласилась Зоя.

Ксюша послушно проглотила горькую таблетку, запила водой, не слезая с рук мужчины, и опять положила голову на его плечо. Столько было доверия в этом жесте, Владислав

почувствовал странное щипание в глазах. Так было жалко больного ребенка. Он продолжал носить девочку на руках, стал укачивать, напевать незамысловатую песенку, как это он делал, когда болела Шурочка.

— Спасибо, дядя Владик, — девочка доверчиво обнимала его за шею. — Меня давно никто не брал на ручки. А мне так хотелось... Папа умер, бабушка тоже, а маме сейчас нельзя. У неё в животике ребеночки...

Ксюша стала засыпать, но не разжимала слабых горячих рученок. Постепенно дыхание стало её ровнее, Влад осторожно положил девочку в кровать.

— Туфельки, — встрепенулась девочка, — где мои туфельки?

— Здесь.

Зоя поставила красные туфельки на каблучках рядом на детский стульчик. Мужчина стоял рядом.

— Знаешь, у Ксюши нет температурки, — сказал он. — Или она стала значительно ниже. Проверь сама.

Зоя припала губами ко лбу девочки. Лоб был холодный, покрыт капельками пота. Девочка спокойно спала.

— Ладно, Владька, убедил, — подобрела Зоя. — Оставайся. Я постелю тебе вот в той комнате, с балконом. Там раньше бабушка наша жила...

Когда они выходили, Ксения встрепенулась, подняла головку, проговорила то ли наяву, то ли во сне.

— Папа! Папочка!

Зоя насторожилась. Вид у неё стал сразу расстроенный.

— Я здесь, — вылетело у Владьки. — Я здесь, Ксюша. Я не уйду. Я спать буду рядом, в другой комнате.

— В бабушкиной. Это хорошо, — ответила девочка.

Она опустила головку и затихла. Девочка уснула спокойным сном.

Предложенная комната Владиславу понравилась. Здесь стояла старая массивная мебель, темная, добротная. Огромный пузатый гардероб на ножках, красивый, сделанный под старину комод из дерева, удобное вольтеровское кресло перед небольшим телевизором. Большая широкая кровать. На стене уютный красный ковер, такого же цвета пушистый палас на полу. Окно закрывала густая тюлевая занавеска с частым рюшем.

— Располагайся, — кивнула Зоя. — Только здесь еще есть бабулины вещи. Положи пока свои на кресло, я после разберу гардероб и комод. Будешь туда убирать, — женщина задумалась на минуту. — Тебе надо во что-то переодеться, у тебя костюм чем-то измазан, на рубашке тоже пятно на рукаве.

Владислав взял пиджак, глянул на пятно на рубашке и даже слегка расстроился, завтра опять будут за его спиной шептаться женщины, что жена за ним не следит. Надо как-то отчистить. Зое стало его жалко.

— Давай посмотрю, может, отчищу.

Мужчина с облегчением протянул ей свой пиджак.

— Я побуду в рубашке, все равно ничего больше с собой нет, — сказал он.

— И рубашку снимай. Её тоже надо привести в порядок.

Смеясь, Зоя предложила Владиславу свой широкий длинный халат. Владька засмеялся и согласился. В плечах халат был явно узковат, а на животе сошелся. Зоя пошла в ванную чистить костюм. Снятая рубашка еще меньше вызвала её одобрение.

— Воротник потертый, — сказала она про себя, окинув оценивающим взглядом одежду мужчины. — И манжеты тоже. Надо бы простирнуть, но лучше её уже не носить, купить новую. Хотя, какое мне дело!

— Я завтра куплю новую рубашку, — словно услышав её мысли, сказал Владька, тихо подошедший следом. — А в этой еще можно походить денек.

— Но лучше не надо, — ответила Зоя. — Да ладно. Постараюсь привести в порядок. Я постираю. Лето. Высохнет быстро. Утром погладишь.

О, как Владиславу было приятно, что за ним ухаживает женщина. Он помогал Зое приводить в порядок костюм и рубашку, хотя, с точки зрения женщины, больше мешал. Рубашку постирал сам под руководством Зои.

— Мне тебя жалко, — сказал он. — Вон ты какая большая. Тяжело, наверно, ходить.

— Тяжело, Владь, тяжело, — неожиданно для себя созналась женщина.

Ей тоже хотелось, чтобы кто-нибудь пожалел её, хоть чуточку.

Потом Зоя постелила мужчине.

— Влад, — сказала она, выходя из бабушкиной комнаты, — только, прошу тебя, не дай Ксении к тебе привязаться. Она подсознательно ищет во всех мужчинах отца. Девочка не поняла, что Антон умер. Она была еще маленькая. А теперь Ксюша мечтает о папе. Он постоянно ей снится... Не надо её обнадеживать ничем. Не разрешай называть себя папой, и не делай больше подарков.

— Зоя, — вместо ответа спросил Влад, — когда тебе рожать?

— В середине ноября.

— А почему у тебя живот такой большой?

— Так я двойню жду, — вздохнула женщина.

— Двойню? — Владислав даже обрадовался, сам не зная почему, но Зоя в очередной раз удивила его. — Это здорово! И кого ждешь?

— Мальчишек, — улыбнулась женщина, лицо её на минуту осветилось гордой материнской гордостью.

— Счастливая! — искренне сказал мужчина. — Я всегда хотел иметь сына. А у меня только девчонки рождались. У тебя сразу двое мальчиков будет! — немного помолчав, он продолжил: — Зоя, можно задать вопрос?

— Задавай.

— А почему ты хочешь продавать дом в деревне? Ты же была жена состоятельного человека. Антон тебе ничего не оставил? — повторил Владислав уже как-то заданный свой вопрос.

— Ничего, — отрезала женщина, всем видом показывая, что больше говорить на эту тему не намерена.

Она повернулась и пошла из комнаты.

— Зоя, — окликнул её мужчина. — Вот и сдай мне комнату, я платить буду! И мне угол есть, и тебе доход! Я и помочь могу в случае чего...

— Да ну тебя! Придумал.

— Зоя!

— Да, — она остановилась.

— А поцеловать тебя дашь?

— Владька, ты все же нахал, — засмеялась она.

Но мужчина уже подошел, обнял её и закрыл губы властным поцелуем.

— Жаль, что ты беременна, — шепнул он.

— Почему?

— Я давно не переживал фантастической ночи.

Зоя засмеялась.

— Знаешь, таких женщин, как ты, в средние века объявляли ведьмами и сжигали на кострах, — высказал предположение Влад.

— Это потому, что я, беременная, и целуюсь с женатым мужчиной? — женщина отстранилась от него.

— Нет, просто после тебя меня ни одна женщина не устраивает. Что-нибудь да не так, — честно признался мужчина.

— Глупости говоришь, Владичка, — смутилась Зоя. — Женщины все одинаковые.

— Чистую правду говорю. Всех с тобой сравниваю...

— Спокойной ночи, — прервала его женщина и решительно ушла.

— Ага, — подумал, Влад, — очень спокойная будет ночь, всю ночь буду вертеться... ты рядом, огненная моя женщина, и мне ничего не обломится. Обидно, черт побери. Зойка-Зайка, ты и беременная прекрасна, и я хочу только тебя. Сколько же еще тебя ждать? Надо посчитать! Значит, рожать тебе в ноябре...

Какое-то смутное чувство тревоги, словно сигнал: «Внимание, важный знак», — мелькнуло в сознании мужчины. Причины он не нашел и уснул, вопреки предположениям, здоровым крепким сном. Снился ему его рыжий котяра, он сидел на капоте его машины и всем своим обиженным видом говорил: «Ага! Устроился хорошо! Нашел теплый дом. А я? Я тоже хочу к Зое. Забери меня».

Последний месяц лета выдался теплым, благодатным. Но Зое уже было тяжело ходить. Живот увеличивался в размерах не по дням, казалось, а по часам. Росли близнецы, били изнутри маму по ребрам. «Футболисты», — улыбалась про себя Зоя. В эти минуты женщина становилась одухотворенной и просто прекрасной. Именно эти мгновения, когда мать говорила с не рожденными еще детьми, всегда замечал Владислав. Он, не уставая, тайком любовался Зоей. Мысль остаться с ней навсегда все больше занимала ум мужчины. «А что? — говорил он себе. — В Зое есть все то, чего я искал в женщинах. Она домашняя уютная, вкусно готовит. А если вспомнить наши несколько ночей... Мне просто нравится в её доме. И Ксюша — просто прелесть. Такая умная, разговорчивая, совсем не запуганная. Надо Шурочку с ней познакомиться, они обязательно подружатся. И кажется, в этом доме мне рады. А родятся дети? Ну и пусть. Я люблю детей». Владислав вспомнил, как на второй день пребывания в качестве квартиранта в доме Зои он вернулся замерзший и промокший. Неожиданно, когда он, оставив машину в гараже, уже подходил к дому, хлынул дождь, резкий, холодный, как из ведра. Мигом промочил мужчину. Влад быстро забежал в подъезд, вбежал на третий этаж, не дожидаясь лифта. Позвонил. Ему больше всего хотелось выпить чего-то горячего: чая, кофе или какао, но обязательно с молоком, сладкого. Зоя открыла дверь. Влад даже засмеялся, услышав её слова.

— Попал все-таки под дождь! Не успел добежать до дома. Замерз весь. Промок, наверно, до последней нитки! Надо же, откуда только взялся этот дождь? — говорила она. — Владь! Хочешь горячего шоколада? Я только что Ксюше сварила.

— Хочу, — вылетело у мужчины.

Не переодеваясь, он пошел на кухню. Зоя тут же налила и протянула ему огромную

кружку горячего шоколада с молоком, сладкого, покрытого пышной шапкой пенки. Влад обхватил кружку ладонями и медленно, наслаждаясь каждым глотком, выпил все. По телу разлилось приятное тепло. Рядом с такой же кружкой и с печеньем в руке, страдая, сидела Ксюша. Девочка, глядя на дядю Владика, вздохнула и тоже выпила свое какао. Зоя была довольна. Кажется, у девочки появляется аппетит, значит, болезнь отступила.

— Еще какао? — спросила Зоя у Владислава.

— Ты настоящая колдунья, — подмигнул Владислав Зое, которая ничего не поняла, и пошел в ванную. — Обязательно еще выпьем! Так Ксюша?

— Нет, дядя Владик. Ты лучше один пей, — быстро проговорила Ксюша. — Ты большой, тебе много надо. А я маленькая, и животик у меня маленький. Мне ведь хватит, мам?

— Хватит, — согласилась Зоя.

Ксюша в этот раз выздоровела быстро. Температура как спала в первый вечер появления Влада, так и не поднималась больше. Дочери перестали сниться кошмары, она больше не звала по ночам во сне умершего отца. И Зоин сон, что повторялся с регулярностью раз в месяц, когда она видела Антона, который приходил в её снах, чтобы забрать дочь, тоже прекратился. Покойный муж приснился женщине в последний раз именно в ту ночь, когда Владислав ночевал у них первый раз.

Сон начинался как всегда. Звонок в дверь. Зоя не идет открывать, потому что поздно, уже наступила ночь, и женщина боится, что это родственники Антона пришли выселять её из бабушкиной квартиры. А за окном ночь. Автобусы не ходят. Как Зоя доедет до деревни? А Юлька, сестра Антона, и её муж Игорь не разрешат ей остаться до утра. Зоя плачет, молит о помощи умершего мужа. И Антон появляется. Но это еще хуже. Узнав, что он здесь, Юлька и Игорь уходят.

— Не переживай, Зоя, — говорит Антон, — живи здесь. Тебя не выселят. Это твоя квартира. А дочку я возьму к себе. У неё будет другой дом.

— Нет! — кричит Зоя и просыпается.

В ту ночь, когда в бабулиной комнате спал Владислав, сон опять обрушился на женщину. Только окончился он по-другому. Вот Антон прогнал Юльку с мужем, протянул руки к девочке, уговаривает Зою:

— Ты не бойся, я ведь её отец, я не сделаю ей ничего плохого. Отдай мне её. Девочке нужен отец, она ждет меня, тоскует. Нам будет вместе хорошо.

Зоя не успела сказать «нет», потому что это сказал вышедший из соседней комнаты Владислав. Он подошел, взял Ксюшу на руки, девочка обняла его и доверчиво положила голову на плечо.

— Уходи, Антон, — сказал Владислав, — никто тебе не даст Ксюшу. Ты ей не отец больше. Я теперь её отец. Правда, Ксюша?

— Правда, — ответила девочка. — Мой папа ты, дядя Владик.

Антон повернулся к Зое:

— Тогда со мной иди ты! Пусть моими будут сыновья.

Зоя страшно испугалась, схватилась руками за живот, загоразивая его, спасая своих детей от Антона.

— Нет, — встал, загоразивая Зою, Владислав. — Зоя — моя женщина. Она остается с нами. Уходи, Антон. Мы без тебя жить будем. Пусть твоя душа успокоится. Я не обижу твою

дочь, я люблю Зою.

— Смотри, ты за них теперь в ответе.

Антон медленно растаял в сумраке.

Зоя проснулась, долго лежала без сна, потом пошла к Ксюше. Дыхание дочки было ровным. Болезненный румянец покинул щеки девочки. Она спала, прижав к себе любимые туфельки. «Взяла все-таки свой талисман!», — усмехнулась мать. Но не стала забирать. Пусть все идет своей чередой. После уснула и Зоя. Этот кошмар больше никогда не снился женщине, сны стали легкими, светлыми. Зое снилось будущее, которое скоро наступит, она не помнила, что именно она видела, но в её сновидениях были яркие солнечные краски и много детей. И в них всегда был Владислав.

Ксения моментально подружилась с Владом, который, в самом, деле, остался жить в одной из комнат Зоиной квартиры и тесно вошел в их жизнь.

Складывалась дурацкая ситуация, с точки зрения Зои. Женщина думала, как же так получилось. Владьке негде было жить. Она сдала комнату. Никто её не просил, но она каждый день готовила ужин. Старалась, очень старалась, чтобы все было вкусным. Во сколько бы ни возвращался Влад, Зоя ждала его, хотя ключи ему она дала. Ждала всегда Владислава и Ксюша. Девочка радостно взвизгивала при звуке звонка и бежала к двери. Зое очень хотелось самой открыть дверь, встретить Владислава, но, видя радостно оживившееся личико дочери, шла следом за ней. Владька знал, что его ждут, не спешил доставать свои ключи, ему нравилось, как его встречают в этом уютном доме. Мужчина подхватывал девочку на руки, подкидывал вверх. Дочь Зои счастлива. Сама Зоя улыбалась, как мудрая жена, потом шла греть ужин. Пока Владислав ел, она и Ксения сидели рядом. Зоя молча, а Ксения вываливала на Влада свои детские новости: то у Барби оторвалась голова, но мама починила, то она на улице гладила киску, а мама не разрешила взять, а сегодня девочка подралась с Юркой в песочнице... Зоя чувствовала, что мужчина не любит есть один, вот и не уходила из кухни. Сама Зоя не позволяла себе после шести ничего, так как набирала лишний вес. А вот Ксюшка что-то слегка клевала, поэтому ей тоже ставилась еда. Зоя этому была очень рада, так как дочка отличалась очень плохим аппетитом. А с Владиславом понемножку ела.

Сегодня Владислав позвонил и предупредил, что обрыв на линии, он вернется очень поздно, надо ликвидировать последствия штормового ветра, что прошелся по окрестностям города уже в послеобеденное время. Зоя не легла спать, ждала, волновалась. Вместе с ней ждала Ксюша, засыпала, сидя на диване, но не соглашалась ни в какую уйти в спальню и лечь в свою кровать. Девочка привязалась к Владу. Вот скоро раздастся звонок, глазки её вспыхнут, и она побежит открывать. А пока Зоя с дочкой смотрит мультики и ловит себя на нежелательных с её точки зрения мыслях.

— Надо сказать Владу, чтобы одежду обновил. Костюм его уже не отчищается. Стыдно в таком ходить. Что обо мне подумать можно? Что не слежу за Владиславом. Надо сдать в химчистку или новый купить, и брюки вторые тоже, — думала Зоя и тут комментировала. — А какое мне дело до его костюма и брюк... И носки уже износились, старые, протерлись кое-где. Штопать я не умею. Может, носки самой купить, их мерить не надо... Черт побери, я думаю, как заправская жена...

Зоя не только думала, она заботилась о мужчине, как о муже.

Влад это принял как должное. Или виду не показал. Но вещи свои через несколько дней от жены привез. Приехал сначала расстроенный, безо всего. Был очередной скандал. Слава

Богу, не было Шурочки, она все еще была в деревне у бабушки. Разъяренная Белла под конец открыла дверь и вышвырнула вон пришедшего с Владом кота, рыжего любимца Шурочки. Мужчина побежал за котом, он его заберет, не оставит здесь. Но разве догонишь? Зверь, с большой скоростью выскочивший из подъезда, с перепугу куда-то сбежал. Влад рассердился, ругался с Беллой весь вечер, отказался ей дать денег и уехал.

— Шурочка в деревне, — зло сказал он жене. — Еду ты все равно не готовишь. Неделю назад ты получила приличную сумму от меня. Куда дела?

— Ты мой муж пока, ты должен меня обеспечивать всем, — кричала жена. — Я не работаю! Я свободный художник!

— А где деньги за проданные картины? — не остался в долгу Владислав. — Ты получила и за приличную сумму. Она в семейный бюджет не входит? Только моя зарплата на всех делится? Больше не будет такого. Дочь я буду содержать, тебя нет! Знаешь ведь, что я хочу построить себе дом в деревне.

— Он мне не нужен, — орала в ответ Белла. — Я пишу урбанистические пейзажи. Я не стану домохозяйкой с дачей и огородом.

— А я хочу отдыхать в деревне, — не соглашался Владислав. — Я хочу иметь свой дом. И дочке нужен чистый воздух!

— Ты все равно будешь нас всех содержать, — выкрикнула Белла.

— Дочь буду, тебя нет, — повторил Владислав и добавил: — Я развожусь с тобой. И дочь у тебя заберу.

— Запомни, в тот момент, когда ты подашь заявление на развод, этот день станет последним, когда ты видел дочь, — зло выпалила жена.

— Заеду за вещами, когда ты успокоишься, — сказал Влад. — Или когда дома не будет тебя. Сам соберу свои вещи. Я не вернусь к тебе, Белла. Не люблю я тебя, и никогда не любил. И ты это всегда знала! А насчет дочери еще посмотрим. Куда будешь пихать её во время очередного творческого взрыва, если не к моей матери? А она нравная, ты знаешь. Может, и не согласится нянчиться, когда мы разведемся. Так что соглашайся отдать мне Шурочку. Тебе не нужна дочь. Ты плохая мать и плохая жена, Белла.

— Беременная баба лучше? — как-то устало спросила жена.

— Лучше, — твердо ответил Влад и поехал к Зое.

Черт с ней, с одеждой, думал он. Зато ужин горячий будет. Простой и сытный. И Зоя, которая внимательно его слушает, ей все интересно: и что на работе случилось, и какой дом Владислав себе построит, и какая у него умница Шурочка растет. А Ксюша, обнимет своими ручонками, в щеку поцелует, обязательно спросит, когда дядя Владик её со своей дочкой познакомит, они обязательно подружатся и будут вместе играть. И будет выбалтывать свои важные новости и тайны. И у Владислава на душе тепло становится. Шурочка так не умеет обниматься и болтать. Просто трется, как котенок, рядом. Мужчина понял, что сильно соскучился по дочке.

— Шурочку заберу у Белки, со мной расти будет, — решительно сказал Владислав. — И надо бы узнать, как живут мои старшие дочери, Леночка и лапочка Валюшка. Давно я их не видел. Уже несколько лет. Не узнаю их при встрече. Зачем согласился, что Милка увезла их в другой город? И Милка, и Белла, Влад понимал теперь это, жадные были. Им деньги, деньги и только деньги нужны были в первую очередь. А сам Влад, его интересы их не волновали. Зоя совсем другая. Он вспомнил, как, вернувшись на второй день к Зое, уговаривал пустить его в качестве квартиранта.

— А что, — втолковывал он Зое, — мне есть где переночевать, и у тебя лишние деньги будут.

— Дурацкая ситуация, — ответила женщина, пропустив мимо ушей слова про деньги. — Бывший любовник и беременная любовница.

— Зоя, я сильно тебе мешаю?

— Да живи, — махнула она рукой. — Только...

— Что только? — спросил мужчина.

— Я не очень хорошо готовлю. Умею самую простую пищу...

Ну, про это Зоя наврала. Еда всегда была вкусная. А потом через несколько дней Зоя, извинившись, краснея, сказала:

— Владька, посмотри на свою одежду. У тебя по-прежнему старая рубашка. И на костюме еще больше пятен... Я пыталась отчистить, уже не получается. Ты же все-таки не последний человек в городе.

— Я вещи привезу свои, — ответил мужчина. — Сегодня заеду к Белле и заберу.

Но не получилось ничего кроме скандала. Влад заехал на другой день, бывшей жены не было. Он собрал свои личные вещи и поспешил к Зое. И вдруг... О радость! Во дворе, на дереве, сидел и жалобно орал здоровенный ободранный рыжий кот, худой и голодный. Он узнал хозяина, подал голос, осторожно спрыгнул с дерева и доверчиво ткнулся лбом Владу в ноги. Гладился. Влад взял любимца с собой. Принес в дом Зою.

— Ой, Рыжик, какой красивый, — обрадовалась Ксюша. — Дядя Владик, это мне? Мама! Дядя Владик мне котика привез.

Зоя молчала.

— Это мой кот, — виновато пояснил мужчина. — Его Белла вышвырнула на улицу, не пускала домой. Я стал уезжать, а он сидит на дереве, орет, еле уговорил слезть. Зоя, он умный кот. Старый уже, непакоствивый. Негулящий. Но так иногда ходит на улицу.

— Как хозяин, — иронично заметила Зоя.

Влад промолчал.

— Мамочка, киска с нами будет жить? — спросила жалобно Ксюша, возле ног которой терся котятра. — Можно я ему колбаски дам.

— Дай! А куда же его еще девать? — ответила женщина. — Только, — она повернулась к Владу, — сам вымоешь свою зверюгу. Я боюсь, что не справлюсь. Сейчас дам старое полотенце, чтобы его вытереть.

Влад засмеялся и пошел с Ксюшей мыть рыжего кота. А Зоя стала разбирать вещи мужчины и думала: что же получается в её жизни. Влад, который поселился в её квартире, Ксюша, привязавшаяся к мужчине. Вечером они с дочкой ждут Влада с работы. Зоя его кормит, следит за его одеждой. Кота даже принес. Семья получается. Вот еще мальчишки родятся...

— Черт побери, я запуталась, — сказала сама себе Зоя и выкинула очередную пару грязных дырявых носков в мусорное ведро. Да, похоже, чистоплотностью жена Владьки не отличалась. Завтра Зоя купит новые носки. Сама. Из ванной доносился возмущенный мякота и восторженные крики дочки.

— А ведь Владька благотворно влияет на Ксеню. Она с тифелек просто ожила. И болела последний раз всего два дня. Её бы на природу, к речке, пока теплые денечки. Но куда мне с таким животом, — бежали своим чередом мысли.

Влад словно подслушал мысли женщины. Он с девочкой и завернутым в старое

полотенце котом вышли из ванны. Кот вырывался.

— Вот что мы с Ксюшей решили, — сказал Влад, выпустив кота, который тут же прыгнул с видом хозяина в кресло и стал вылизываться. — Я буду приезжать пораньше, и каждый вечер будем с вами ездить на пляж. Ты, Зоя, посидишь на свежем воздухе, я и Ксения будем купаться. Дни стоят очень теплые, жаркие. Все люди купаются, хоть уже и август всюю идет.

Зоя задумчиво улыбнулась.

— Я говорила, не разрешит, — уныло сказала девочка.

— Уговорим, — подмигнул ей Влад.

— Да я не против, — сказала Зоя. — Только...

Она замолчала. Вечером, когда Ксения уснула, женщина сердито выговорила Владу:

— Зачем ты так поступаешь? Неужели ты не видишь, как девочка привязывается к тебе с каждым днем больше.

— А это плохо?

— Плохо. Ты помиришься с женой, вернешься в свою семью, у тебя есть дочь, Ксюша не будет тебя видеть. Она впечатлительная девочка, добрая, она готова любить всех. Она очень тоскует по отцу, которого, в сущности, не помнит. Она и так уже себе вообразила, что ты её отец. Не надо ранить её душу. Ей и так досталось... Ты пойми меня правильно. Я ведь скоро рожу, я меньше внимания буду уделять ей. А у неё каждое расстройство кончается высокой температурой... А у меня еще двое детей будет на руках...

— Зойка-Зайка, — Влад осмелился и обнял женщину. — Мне нравится твоя девочка. Я люблю её. А может, мне остаться у вас на веки вечные?

Зоя высвободилась из объятий.

— Не надо, Владичка, не просись. Будешь со мной жить в качестве мужа, гулять не будешь. Не позволю. А это не твоя натура. Ты мартовский котяра. Как твой любимец, — она кивнула головой на чистого, вылизавшегося Рыжика, который, с презрением понюхав колбасу, уплетал вторую порцию тушеной картошки с курицей. — Не получится у нас ничего!

— А ты святая! — парировал мужчина. — Зоя! Мы были с тобой в одной постели. Ты горячая женщина. Ты сама не можешь без мужчины. Посмотри на свой живот. Наглядное доказательство моим словам! Мы будем хорошей парой.

— Я не верю тебе, Владька, — устало ответила женщина. — Иди спать. И подумай, что я тебе сказала.

— Зоя, — окликнул Влад. — Завтра к семи вечера готовы будьте. Едем на платный пляж. Там замечательный песок! Хоть часик, но покупаемся. Погода прямо балует нас. Завтра до тридцати градусов обещали!

Ксюша весь день только и говорила о пляже, о купании. Зоя сходила с ней в магазин, купила девочке купальник, заодно, ругая себя, прихватила упаковку носков, несколько новых футболок для Владислава и, не удержавшись, взяла еще модную светлую рубашку с коротким рукавом. Довольная девочка дома надела купальник и не снимала его. Владька приехал в пять. Быстро перекусив, он забрал Зою и Ксюшу и повез на городской платный пляж. Зоя была очень довольна поездкой. Она в легком платье с удовольствием сидела в шезлонге, солнце уже не жгло, но было очень тепло, Владька то возился в воде с Ксенией, то сидел рядом, все уговаривал Зою искупаться вместе с ними.

— Думаешь, на мою фигуру приятно смотреть? — иронично осведомилась женщина. —

Танк с удвоенной мощностью.

— Приятно, — ответил мужчина. — У тебя очень красивая грудь...

— И огромный живот...

— Зоенька, ты носишь детей, — ответил искренне мужчина. — А это святое. Любая беременная женщина прекрасна. Вот, видишь, тоже беременная, а плавает.

— Она молодая, — ответила Зоя. — Ей море по колено. И живот у неё меньше. А мне уже стыдно, я думать научилась и немного стесняюсь.

— Зоя, ты замечательно выглядишь, — не сдавался Влад.

— Нет, даже и не уговаривай. Не пойду в воду.

Влад несколько не кривил душой. Беременность несколько не испортила Зою. У неё не было не единого пятнышка на лице. Кожа стала еще чище, словно светилась изнутри, густые волосы, уже не черные, а ярко-каштановые, свободно лежали на плечах густой волной. Женщина не поправилась, по-прежнему королевской выглядела грудь, и большой живот, с точки зрения Влада, делал еще очаровательнее женщину. Владу нравились беременные женщины, он любил наблюдать за ними. Вот и сейчас он прищурил глаза и смотрел тайком на Зою. Она внимательно следит за Ксюшей, что возится около берега в воде. И в то же время её глаза обращены внутрь. Женщина ни на минуту не забывает, что внутри её новая жизнь. Вот она положила руку на живот. Сколько нежности в её жесте, наверно, что-то сказала про себя будущему младенцу. Влад ощутил желание тоже погладить её живот, узнать, как там живут малыши. А вот взгляд Зои скользнул по нему. Не мимоходом. Женщина, не улыбаясь, смотрит на него, словно что хочет сказать. И испугалась, передумала. Она спрятала свои мысли и заулыбалась ласково-ласково, Влад чуть не замурлыкал, как его рыжий кот, столько неожиданно нежности было в глазах женщины. Он открыл глаза, в упор глянул на Зою. Не отвела глаз. Смеется. Чего она говорит? Он заставил вслушаться в её слова:

— Что тебе снится, мой ласковый котик, в час, когда солнце уходит домой?

— Мне снится горячая февральская кошечка Зоя, — откликнулся мужчина.

Всю неделю Влад держал слово. Строго между пятью и шестью часами он приезжал за Зоей и Ксенией и вез их на пляж. Бледная кожа девочки слегка посмуглела. Девочка стала хорошо кушать, куда-то исчез вечный насморк, прошел сам по себе кашель. Девочка даже прибавила в весе. На выходные Влад предложил поехать с ночевкой на рыбалку.

— Зоя, поехали. Знаешь, какая красота. Возьмем палатку, спальные мешки. А какой там воздух, отдохнешь. Сварим уху. Рыбу-то ловить умеешь?

— Нет, — ответила женщина.

Ксения смотрела умоляющими глазами.

— Ладно, — махнула рукой женщина. — Едем. Только вот наш Рыжик где-то шляется. Придет, а нас нет. Кто его домой пустит.

— А мы ему рыбки привезем, — невпопад ответил Влад.

— А я бабу Клаву из соседней квартиры попрошу покормить нашего Рыжика, — нашла девочка.

Ксюша тут же побежала собираться. Зоя засмеялась.

— Ты чего? — удивился Влад.

— Ну прямо-таки семейная идиллия, — ответила женщина. — Дружная семья собирается на рыбалку. Глупее не бывает ситуации.

Она подошла к зеркалу, стала убирать свои роскошные каштановые волосы. Женщина

подняла вверх руки, грудь слегка приподнялась. Зоя убрала волосы с плеч, стала закалывать их на затылке, обнажилась длинная изящная шея. Влад вспомнил, как целовал эту женщину, вспомнил их безумные ночи. Он, плохо контролируя себя, подошел сзади, руки сами собой легли на высокую грудь, слегка сжали, Влад стал целовать тоненькие жилки на шее. Зоя вздрогнула, прошептала:

— Владька! Ты что делаешь?

— Зоя, я хочу тебя.

— Владик, не надо, не говори так.

— Ты не бойся, я не насильник. Я же все понимаю, — руки его осторожно скользнули на большой живот женщины. — Ну, дай хоть поцеловать тебя.

— Отпусти, пожалей меня, — слабым голосом попросила женщина. — Или сейчас я сама наброшусь на тебя.

Их привел в чувство удивленный голосок Ксюши.

— Дядя Владик, ты целуешь мою маму?

Влад нехотя отпустил Зою.

— Дядя Владик, если ты целуешь мою маму, значит, ты должен быть моим папой, — уверенно сказала Ксения и вышла из комнаты.

И Влад, и Зоя весело рассмеялись после слов девочки.

— Ты уж поосторожнее, дядя Владик, — передразнила Зоя. — А то нечаянно папой станешь.

— Я не против, — ответил мужчина.

— Владик, не забывай, есть еще вот это, — Зоя показала на живот.

— Я это я тоже люблю.

Мужчина опять обнял женщину и ласково провел рукой по высокому животу женщины. В его жесте было столько осторожного внимания, столько нежности, что Зоя непроизвольно прижалась к нему. Под рукой мужчины живот дернулся, словно кто-то мягко толкнул мужчину.

— Зоя, что это такое? — удивился Владислав.

— Один из мальчишек толкается, — ответила женщина. — Шевелится. Приветствует, наверно... - она замолчала, потому что едва не проговорила, у неё чуть не вылетело слов «папу».

Зоя должна была родить не раньше седьмого ноября, ибо седьмого ноября было ровно двести восемьдесят дней после вечера встречи и начала безумной недели, что она провела с Владом в одном из пансионатов.

— Сама виновата в своей беременности, — думала женщина, непроизвольно прижимаясь к Владиславу. — Не надо было заявлять, что терпеть не могу презервативы, никакого удовольствия с ними. И Владька, поросенок, сразу согласился. А теперь вот...

А теперь Зоя ждала двойню, двух мальчиков. Все складывалось ничего, если бы не умерла бабушка. Как бы наследники покойного Антона не лишили Зою последнего её имущества, доставшегося от Аделаиды Семеновны, — квартиры. Отец Антона уже подал заявление на наследство. Но где-то есть завещание бабушки. Беда и была в том, что Зоя никак не могла найти ни завещание, ни документы на квартиру. Надо все-таки разобрать бабушкины вещи. Может, что и найдется.

На рыбалку было решено съездить без ночевки, с утра выехать и вернуться вечером. Ксюша и Владислав уехали в магазин за рыболовными принадлежностями, мужчина не

хотел встречаться снова с Беллой, поэтому домой не поехал, а Зоя готовила съестные припасы и впервые разрешила себе вспомнить тяжелые дни после смерти мужа. Но воспоминания прервала резкая трель дверного звонка.

— Неужели так быстро вернулись Владислав и Ксюша? — Зоя поспешила открыть.

На пороге стояла свекровь, мать покойного Антона.

— Я думала, врут, — с порога начала Арина Андреевна. — Нет, все правильно мне сказал Игорь. Святая Антошина жена беременна самым наглým образом. Может, и у этого ребенка отец — мой сын? Что скажешь, Зоя?

— А вам не все ли равно, Арина Андреевна, — со злостью ответила Зоя, встав в дверь и не давая возможности пройти в квартиру свекрови.

В душе женщина испугалась больше всего, что её могут толкнуть, стукнуть по животу, и Зоя не доносит своих мальчиков. Или еще хуже, изуродуют ей еще не рожденных детей.

— Уходите, Арина Андреевна.

Зоя пыталась закрыть дверь. Но свекровь выставила ногу, не давая этого сделать.

— Я пришла в свой дом, — протянула она. — Пропусти меня.

— Это не ваш дом, — побледнела Зоя.

— Это наш дом. Все наше, твоего нет ничего.

— А где, по-вашему, должна жить я? — спросила Зоя. — Где должна жить Ксюша?

Зоя не успела услышать ответа. Остановился лифт и из него вышли Владислав и Ксюша. Девочка, увидев Арину Андреевну, закричала и бросилась на неё с кулачками.

— Уходи, не трогай маму! — кричал ребенок. — Ты злая, уходи!

Арина Андреевна резко оттолкнула малышку, Ксюша упала, Зоя и Владислав бросилась к ней. Арина Андреевна пыталась в это время войти в квартиру, но Владислав, подняв Ксюшу, быстро передал её Зое, догнал Арину Андреевну и схватил за руку.

— Вы куда?

— В свой дом, — ответила Арина Андреевна.

— Вы здесь не живете, — он встал перед ней.

Арина Андреевна отступила перед этим крупным мужчиной. Вышла в подъезд. Зоя успокаивала дрожащую плачущую Ксюшу.

— Уходи отсюда, бабка, злая бабка, — закричала Ксения. — Ты больше не обидишь маму и меня. У нас есть теперь папа! Он за нас заступится! Он сильный. Он сильнее тебя.

Арина Андреевна посмотрела на высокого Владислава, что выставил её из квартиры и стоял в дверях, глянула на Зою и Ксюшу и отступила.

— Встретимся в суде, — процедила она, разворачиваясь. — Ты, Зоя, не можешь быть наследницей Аделаиды Семеновны, ни ты, ни Ксения. Еще жив её сын, Владимир. Он — единственный наследник. Это его квартира.

Арина Андреевна ушла. Зоя немного помолчала и расплакалась. Насупленная, сердитая Ксюша обнимала её, тоже ничего не говоря.

— Ты не хочешь со мной поговорить? — спросил Владислав.

— А тебе это надо? — спросила Зоя.

— Надо, — ответил мужчина.

Бабушка Аделаида Семеновна

— Эта квартира, — начала Зоя, — была подарена Антоном своей бабушке, Аделаиде Семеновне. Есть дарственная. Но я не могу найти документов. Когда Антон умер, то выяснилось, что вся его недвижимость была зарегистрирована на родителей. Даже квартира, где мы с Ксенией были прописаны, формально принадлежала Арине Андреевне. Антон все собирался оформить собственность на Ксюшку, но не успел. Он не собирался умирать. Через год меня и Ксению выставили из той квартиры. Я была в это время на юге с Ксенией, она сильно кашляла, нам посоветовали морской воздух, мы с ней пробыли у моря три месяца. Когда я вернулась, то нас на вокзале встретила Аделаида Семеновна, привезла сюда. В наш дом нас не пустили. Не знаю, как, но Аделаида Семеновна заставила Арину Андреевну отдать личные мои вещи. Мамочка утверждала, что даже белье мое было куплено на средства Антона. Я никто. Я бы и не стала ничего забирать, противно, но бабуля сказала: «Жирно Аринке все оставлять, и зад у неё толстый, не налезут ей твои плавки!» Поехала и привезла нашу одежду. Наша бабуля была решительный человек...

— А игрушки бабка Аринка не все отдала. Кукла моя большая, мне её папа купил, там осталась... — влезла в разговор Ксюша.

— Да, дорогая была кукла, коллекционная. Вместе с моими украшениями изъяли. Арина Андреевна цену всему знает...

Зое было неприятно все это вспоминать.

— Не хочешь, не говори, — пожалел ей Владислав.

Зоя сглотнула подступившие слезы.

— Теперь уж начала... Слушай, если хочешь... С бабулей мы жили очень хорошо, дружно. Она приняла нас со всей душой. Очень любила Ксюшу. Знаешь, она говорила, что только в Ксюше она чувствует родную душу. Аделаида Семеновна нас прописала здесь, обещала написать завещание на Ксению. Все складывалась хорошо. Мы распланировали все. Я рожая, через три месяца выхожу на работу...

Аделаида Семеновна, несмотря на возраст, все еще бойко бегала. Выглядела статной, подтянутой, в фигуре не было старческой сутулости. Известие о беременности Зои её откровенно обрадовало.

— Зоенька, ты мне еще внучков родишь. Это замечательно. У Ксюши будут братья-защитники. Я буду нянчить. Вырастим.

— Вырастим, — согласилась и Зоя.

Никогда не болело сердце у Аделаиды Семеновны, не страдала она и давлением. Но в один из вечеров ей стало плохо. Испуганная Зоя вызвала скорую. Бабулю увезли с очень низким давлением. Зоя пришла к ней в больницу на следующий день. Аделаида Семеновна была в порядке, смешила соседок по палате, рассказывала про покойного мужа, каким он был любвеобильным, но с женой обо всем советовался...

— Зоенька, заberi меня, — попросила бабуля, увидев женщину.

— Немного полечитесь, тогда заберу, — улыбнулась Зоя, она говорила с врачом, тот благоприятных прогнозов не дал.

— Зоя, дома найди банковскую мою карточку, вот я тебе код написала на листке, — Аделаида Семеновна сунула ей в руку бумажку. — Сними все деньги.

— Зачем так много? — удивилась Зоя.

— Так надо, — ответила бабуля, она наверно предчувствовала свою смерть

Зоя сделала все, как просила Аделаида Семеновна. Утром, когда она пришла, бабуле было совсем плохо. Аделаида Семеновна словно ждала Зою, она слабым голосом приказала, чтобы Зоя не заносила её тело в дом, сразу в церковь, отпеть и кремировать.

— Мне хотелось бы рядом с мужем лежать, — говорила бабуля, — с моим единственным, любимым Гришей. Это далеко, на юге. Там на кладбище лежит мой муж Григорий, жена брата его Ивана, красавица Лилиана. Про Ваньку не знаю, жив или нет. Ждут меня Гриша с Лилей. Я любила их. Лиля была добрая. А Гриша всегда ко мне возвращался, теперь мой черед к нему ехать... Отвези туда мой прах, Зоя. Сама не сможешь, попроси кого-нибудь сделать это. Я не обижусь.

Дальше Аделаида Семеновна говорила совсем что-то непонятное. Про ключ, про сейф, про золото, про ящик и опять про мужа, про своего сына, про единственного сына красавицы Лилианы...

Когда Аделаида Семеновна умирала, не было в России ни её сына Владимира, ни его жены Арины, ни внучки Юлии с мужем Игорем Вальяхниковым. Они отдыхали за границей. Зоя пыталась им дозвониться, но телефоны были или недоступны, или попросту не отвечали. Махнув на все рукой, женщина переговорила со священником, получила его благословение и сделала все сама, как просила бабушка. Тело Аделаиды Семеновны кремировали, урну с прахом захоронили в далеком южном городке. Это сделал надежный человек. Сама Зоя не могла лететь: и беременна была, чувствовала себя плохо, и опять заболела ангиной Ксения. Лишь через три месяца из-за границы вернулся сын Аделаиды Семеновны с женой и дочерью, зять еще оставался там, были какие-то важные дела. Их могила матери не волновала, только фыркнули недовольно, что расходы были лишние, а вот квартирный вопрос...

— Надо мне как-то будет побывать на могиле бабули, — говорила Зоя. — Я знаю, Аделаида Семеновна не обиделась бы на меня, что я сама не хоронила её. Но мне беспокойно на душе. Все ли сделали так, как я просила?

— Как же ты со всем справилась? — спросил Владислав. — Одна?

— Здесь Римма и Андрюша были, поминки, стол — этим Римка занялась. Андрюшка церковью, гробом и прочим. А в остальном мне помог один человек, — нехотя ответила Зоя. — Я не хотела его помощи. Но выхода не было. Он сам в эти дни вышел на меня. Заявил, что семейные ценности — это главное в жизни. Он все и организовал.

Владислав сразу понял, кто это. Так говорил местный хозяин города, Серебров Вадим, нехороший человек, он неспособен на бескорыстную помощь. Что-то надо ему от Зои.

— Уж не от него ли Зоя беременна? — подумал мужчина.

Ему стало неприятно. Он тут же себя опроверг. Серебров детей на стороне не делает, не дает своим любовницам рожать. Всех заставляет аборт делать. Вслух же мужчина спросил:

— И ты приняла помощь Сереброва?

— Догадался?

— Нетрудно. Знаю, кто говорит про семейные ценности.

Женщина кивнула.

— Он!

— Смело! Серебров бескорыстно не помогает.

— Ты прав! Не помогает, — согласилась Зоя.

— Что ты ему обещала? — спросил Владислав.

— На свадьбу Ксюши пригласить, — ответила женщина. — Он любит свадьбы. Сам знаешь. Благословляет молодых, подарки делает. И неплохие!

— И все?

— Нет, — ответила Зоя и неожиданно засмеялась. — Антон когда-то начинал свой бизнес вместе с Серебровым. Вроде совместные деньги вкладывали, так Серебров сказал, только все было оформлено на одного человека. На мать Антона. После его смерти Серебров свое решил вернуть. Пришел ко мне. А у меня ничего нет. Арина Андреевна дурочку стал играть, Вальяжников ей поддакивать. Но они не поняли, кто такой Вадим Серебров. Если ему надо, он возьмет. Не у живого, так у мертвого. Серебров решил прибрать часть магазинов Антона к своим рукам. Я обещала, что мешать не буду.

— То есть? Не понял до конца! — поднял брови Владислав.

— Серебров доказал, пока Игореша сидел за границей, что магазины фактически принадлежали Антону. Наследницы первой очереди — я и Ксюша. Он и наследство оформил на меня и Ксению. И мы якобы продали ему свою часть наследства.

— Но ведь, Зоя, ты ничего не получила. Так?

— Да, но и Игореша с мамочкой и папочкой не получили того, на что рассчитывали, вот так, Владик. А у меня и так ничего не было. Чего мне терять? Когда все это заварилось, и умерла Аделаида Семеновна. Я лишь одну просьбу попросила Вадима выполнить, когда подписывала документы о продаже своей доли.

— Какую?

— Отвезти тело Аделаиды Семеновны и похоронить рядом с мужем. Серебров сказал, что надежный человек это сделал.

— Зоя, но ведь Серебров тебя в покое не оставит.

— Уже оставил. Я ведь беременна и нищая. У него есть определенные принципы... Я ему напомнила о святых ценностях. Да и чего с меня возьмешь, если нет ничего. А если Серебров и еще обберет Игорька, пусть... Вот Владик, ты теперь все знаешь. После потери магазинов, Арина Андреевна поставила себе цель — вернуть бабулину квартиру. Но к Сереброву я больше обращаться не буду. Он, конечно, поможет, но квартира в итоге станет его. Я это знаю. В конце концов, у меня есть дом в деревне...

Знакомство с Шурочкой

Влад сколько раз пытался узнать от Зои, где отец её будущих мальчишек, почему они не вместе.

— Тебе не все равно, — смеялась та. — Я же не навязываю их тебе. Ты вообще квартирант. А квартирная хозяйка беременна. Какое дело тебе до неё?

— Я думаю, может, мне навсегда остаться, — отвечал мужчина. — Должен же я знать, чьих детей буду помогать воспитывать.

— Разоришься, — не сдавалась Зоя. — Цены повышу после родов.

— Но за некоторые виды услуг я готов платить какие угодно деньги, — не остался в долгу мужчина.

Зоя медленно покраснела.

Владислав и не думал возвращаться в семью, хотя Белла пыталась его вернуть. Съездила впервые за долгие годы в деревню, нажаловалась свекрови. Мать, услышав от Беллы, имя Зои, звонила, кричала на сына, обещала приехать, разобраться с ним и той стервой, что увела мужика из семьи. Но когда она узнала, что сын живет с той самой Зоей из их деревни, началось такое... Влад перестал отвечать на её звонки, даже сменил номер телефона.

Мужчина сдержал слово, пока было тепло, возил Зою с девочкой на пляж. Потом в выходные поехали и в лес, собирали грибы, лесные ягоды. Договорился с директором знакомого питомника, Зоя с Ксюшей набрали оставшихся осенних ягод. Зоя сварила варенья, наделала компотов. Но больше всего женщина была благодарна Владиславу за Ксеню. Девочка успокоилась, стала крепко спать по ночам, не вскрикивала больше. Несколько раз Влад привозил свою Шурочку, ровесницу Ксюши. Как и надеялись Зоя и Владислав, девочки мигом подружились.

Зоя волновалась, когда Владислав первый раз обещал приехать с дочкой, чтобы познакомить Шурочку с Зоей и Ксюшей. Но все получилось очень хорошо. Ксения всегда любила общество детей, она с удовольствием ходила в садик, и если бы не её слабое здоровье, Зоя бы ни за что не забрала её оттуда, девочка всегда на детской площадке играла с другими детьми, охотно вступала в разговоры со старшими, чем Зоя не всегда бывала довольна — дочка выбалтывала все секреты. А взрослые любили её послушать, особенно соседка баба Клава. Словом, ребенок был общительный, контактный.

Зоя и Ксюша ждали Владислава с Шурочкой. И вот, наконец, в дверь позвонили. Зоя пошла открывать. Ксения была в своей комнате, в очередной раз расставляла игрушки, приготовленные для Шурочки. В дверях стоял Владислав с маленькой, худенькой девочкой с рыжеватыми волосами, робко жавшейся к отцу.

— Не бойся, Шурочка, — ласково проговорил Владислав. — Это тетя Зоя.

Больше ни он, ни Зоя ничего не успели сказать, как из своей комнаты с радостным воплем вылетела Ксения.

— Шурочка! Шурочка! Дядя Владик, ты привез мне Шурочку!

Она подбежала к ним, обхватила девочку своими тонкими ручками, стала целовать в щечку, приговаривая: «Моя Шурочка! Ко мне приехала Шурочка». За ней робко все стала повторять Шурочка. Оно обняла Ксюшу, тоже поцеловала. Зоя и Владислав с умилением наблюдали эту сцену.

— Пойдем играть, — сказала Ксюша, она взяла Шурочку за руку и девочки побежали в

комнату.

— По-моему, мы им не нужны, — вынес вердикт мужчина.

— Не нужны, — согласилась Зоя.

Девочки моментально сдружились, часами вместе могли играть. Выстраивали куколок, ходили в гости, смотрели мультики, листали книжки. Шурочка была вообще хорошая воспитанная девочка, только очень тихая. Она с удовольствием подчинялась Ксюше и все повторяла за ней. Если чего-нибудь хотелось, Шурочка тихо говорила Ксении, та бежала и тут же приносила. В основном, это касалось конфет, печенья и фруктов. Зоя стала ставить вазу со сладостями в их комнате. Только валялись всюду фантики. Иногда, спохватившись, Шурочка начинала их убирать, робко поглядывая на Зою, а потом все начиналось сначала — фантики лежали всюду. А Зоя смотрела, как играют девочки, уплетают сладости, радовалась и думала: «Так, конфет и шоколада надо поменьше, а яблоки и груши пусть девчонки едят, да надо арбуз порезать и поставить. И йогуртов маленьких положить. Больше пользы. Шурочка еще творожки ест. Завтра куплю разных. Глядишь, и Ксюшка поклюет с ней чего-нибудь». Женщина в каждое посещение Шурочки обязательно пекла торт, девочки пили чай, с удовольствием уплетали торт. Шурочка была хоть и худенькая, но никогда не болела, в отличие от Ксени, и хорошо кушала. Глядя на неё, получше ела и Ксения. Влад, оказалось, тоже очень любит сладкое. Вот Зоя и старалась, пекла торт «Рыжик» размером с самый большой противень, Влад просто балдел от этого домашнего лакомства. Он как-то, смеясь, выдал такую фразу, оглянувшись, нет ли рядом девочек:

— Да мне даже секс не нужен, когда есть такая вкуснятина, — и положил себе на блюде огромный кусок.

Зоя про себя подумала:

— Рожу вот, не дождешься ты больше ни одного торта. Я-то хочу секса. Мне одного торта мало, — и тут же себя спросила: — Я что, с Владом собираюсь жить? — и ответила: — А почему бы и нет.

Ксюша проболталась

В доме с видом хозяина ходил рыжий, упитанный уже кот, обросший новой лоснящейся шерстью. Он быстро запомнил свой новый адрес. Безошибочно взбегал на третий этаж, дурниной орал под дверь. И если его призыва в доме не слышали, кто-нибудь из соседей звонил в дверь. А вот подъезды котяра нередко путал. И когда Владислав возвращался домой, он заглядывал в соседний подъезд, чтобы забрать рыжего любимца. А сегодня забыл. Поэтому, поужинав, собрался идти за ним. Зоя дохаживала последние недели, ей надо было скоро рожать. Она старалась выходить реже, уставала. На улице стоял холод, был конец октября. А кота дома не было. Надо идти в соседний подъезд. Ксюша попросилась с Владиславом, ради этого даже быстро оделась.

— Мы тогда немного погуляем, — сказал Владислав. — Я Ксюшу покачаю на качелях. Одевайся теплей, Ксюша!

— Холодно уже для качелей, — возразила Зоя.

— Мы совсем чуть-чуть, — пояснила Ксюша, натягивая непродуваемый и нелюбимый комбинезон. — Я не успею замерзнуть.

Весело болтая, Влад с Ксенией ушли. Зоя краем уха слушала, как дочка рассказывает что-то про старенькую бабушку. Ксюша и Аделаида Семеновна очень любили друг друга. С прогулки мужчина вернулся задумчивым, с каким-то новым выражением лица смотрел на Зою. Та раза два поднимала вопрошающие глаза на мужчину, но тот отводил взгляд.

— Сам скажет, если надо будет, — решила Зоя.

Влад в этот вечер сделал открытие. Очень важное открытие. У него скоро родятся сыновья. У него! Сразу два сына. Их его Зойка-Зайка родит. Проболталась, сама того не зная Ксюша. Девочка всегда отличалась разговорчивостью. Старая бабушка называла её своей подружкой, а малоразговорчивая соседка Клавдия — «маленькой старушкой». Ксения знала все, несмотря на свои шесть лет. Вечером, когда они качались на качелях, она рассказала Владиславу, как старенькая бабушка велела маме не убивать братиков.

— Маму начало часто тошнить, — рассказывала девочка дяде Владу. — Прямо каждое утро. Бабушка смотрела, смотрела, потом и говорит....

— Я правильно подумала, Зоя, — спросила Аделаида Семеновна, после того, как Зоя стрелой вылетевшая из-за стола при запахе жареного мяса, вернулась бледная и растерянная и отказалась в очередной раз от еды.

— Правильно, — ответила женщина и расплакалась. — Вы должны презирать меня, Аделаида Семеновна. Вы пустили нас в свой дом. Вы сидели с Ксенией, а я...

— Ты молодая женщина, — ответила бабушка. — Я не осуждаю тебя. Я знаю, как жить одной... Только скажи мне, Зоенька, отец ребенка — хороший человек.

— Хороший, наверно, — ответила Зоя. — Я не знаю, честно сказать.

— Зоя, как же так? Вот тут я тебя не понимаю... А вдруг малыш родится больным? Или с физическими недостатками.

— Да не буду я рожать, — тихо ответила женщина.

— Что? — переспросила Аделаида Семеновна.

— У меня еще маленький срок...

— Сама думай, — ответила бабушка.

— Мама пошла в больницу через неделю, хотела отдать врачам моих братиков, но бабушка спросила её, когда она уже уходила, — продолжила Ксюша...

— Зоенька! Почему ты не хочешь родить? Ты сильная здоровая женщина, ты сможешь выносить и выводить еще одного ребенка... Я знала одну женщину, у которой не было детей. Как она тосковала... А я сама! Как жалела, что смогла родить своему Грише только одного сына. Вот была бы еще и дочка... Или... Или... Отец ребенка — пьяница, наркоман? — строго спросила Зою Аделаида Семеновна.

— Господь с вами, с алкоголиками и наркоманами я не связывалась, — испугалась Зоя. — За наследственность я абсолютно спокойна. Если я ношу мальчика, то он будет черноволосым, высоким, здоровым и красивым, как ваш муж Гриша на фотографии в вашем альбоме. И у моего ребенка это черты от его отца.

Аделаида Семеновна задумалась. Сказанные шутя молодой женщиной слова задели в душе самую заветную струнку. А вдруг этот мужчина — сын её Гриши, точнее, внук по времени получается. Ведь Григорий любил погулять. И все равно любила его Аделаида. А вдруг сошлись веточки... И у Гриши будет продолжение на этом свете.

— Зоя, я знаю, ты порядочная женщина, ты всего одну неделю не была дома, болела, это было после вечера встречи, — осторожно сказала старая женщина.

— В пансионате я была, — призналась Зоя. — И не одна. Простите меня.

— Отдыхала в пансионате? — переспросила бабушка. — После вечера встречи? Ты думаешь, я тогда не догадалась. Плохо ты знаешь бабушку. Я ведь тоже была молодой. Поэтому я сама тебя отпустила. Ты была с мужчиной в пансионате, в те дни? Я права?

— Да, вы правы... Я хорошо помню эту неделю. Мы в школе проводили вечер встречи. Там я и встретила... встретила... отца своего будущего малыша. Он красивый, интересный... Ночью я была с ним. Утром он увез меня в пансионат... Все так...

— У тебя ведь УЗИ мальчика показывает?

— Не знаю, я не стала спрашивать. Мне и так нелегко далось решение об аборте... Вот посмотрите, что мне написали на направлении.

Зоя протянула Аделаиде Семеновне направление, полученное в женской консультации. На нем был нарисован малыш и крупно напечатаны слова: «Мама, я ведь живой. Зачем ты меня убиваешь, мама? Я тоже хочу жить!» Бабушка внимательно прочитала эти слова. Раскрыла направление.

— А здесь врач уже от руки написал. Ничего не понимаю. А зачем УЗИ проходила? Что-то не в порядке?

— Да со сроком беременности были проблемы. Ставили больше, чем я говорила. А у меня не может быть другого срока.

— Что еще тебе на УЗИ сказали?

— Я попросила, чтобы ничего не говорили. Молчком все писали. Вы поймите меня правильно, Аделаида Семеновна. Если я что-то услышу, я не смогу пойти на аборт. Я и так держусь из последних сил в своем решении.

— Зоенька, а ты не ходи в больницу, — загорелись глаза Аделаиды Семеновны, — роди мальчика, не бери грех на душу, ведь ты всегда была против абортов. Я помню, какой ты скандал учинила Антону, когда тот сказал, что не время сейчас рожать, — сказала бабуля. — И ты всегда хотела второго ребенка.

— Было дело, — улыбнулась Зоя. — Всеотгда против меня ополчились, и родители Антона, и его сестра с мужем. И если бы не вы... Что вы тогда сказали своему внуку? Как заставили смириться с рождением Ксении?

— Неважно, ведь потом как Антоша полюбил Ксюшку.

— Да, полюбил. Говорил мне после, когда Ксения уже родилась и подросла, что я это придумала, что он её не хотел, и добавлял: «Смотри, если только когда-нибудь скажешь дочке, что отец её не хотел, я не знаю, что с тобой сделаю!»

— Вот и сейчас, Зоенька, рожай. А я буду нянчить. Сил у меня хватит. Квартиру, что купил мне мой внук, оставлю тебе. Завещание прямо завтра напишу.

— Нет, — ответила Зоя. — Я не хочу быть одинокой матерью.

— Ты уже и так одинока, — жестоко ответила Аделаида Семеновна.

— Но вы же понимаете, если я осмелюсь родить, то не видать Ксении своих денег.

— Она и так не получит. Не отдадут тебе родители Антона ничего. Мой сынок не умеет возражать. Не в отца пошел... Не в Гришу...

Зоя вернулась из больницы этим же вечером. Не старый еще, но абсолютно седой врач, Станислав Николаевич Поздняков, осматривая её, задал странный вопрос:

— Вот почему у меня все волосы стали седыми, прямо выбелены? Как думаете?

— Не знаю, — пробормотала Зоя. — Наверно, вы что-то пережили страшное.

— Нет, не поэтому, — врач помолчал. — Несколько лет назад мы спасали одну женщину. У неё после аборта не прекращалось кровотечение. Ей уже хотели удалять матку, тогда возникло предположение, что у женщины была двойня. Пришлось делать очередную чистку. Но та женщина была ранена. Она очень хотела сохранить ребенка. До сих пор стоит она перед моими глазами... А аборт был неизбежен. Плод умер после её ранения. И та женщина хотела умереть. Но вы-то, Зоя Александровна, здоровы, прекрасно сложены. Почему не хотите рожать?

— Зачем вы мне это говорите? — стараясь быть равнодушной, спросила Зоя.

— Я сколько прервал жизней, столько сделал аборт. Когда-то расплата будет за это. А у вас, похоже, двоих сегодня выскоблю.

— Как двоих? — насторожилась женщина. — Почему двоих?

— Вы же УЗИ прошли. Двойню носите. Вам, что, не сказали? У вас, Зоя Александровна, прекрасное телосложение. Вы сможете и выносить, и родить! Не только двоих — пятерых! Поверьте мне!

Зоя ничего не ответила. Аборт должны были сделать завтра. А сегодня она лежала молча на кровати в палате. Другие женщины о чем-то переговаривались, делились своими историями о родах и абортах.

— Вот, — думала Зоя, — на пятый аборт идет соседка, и никаких сомнений и угрызений в душе. И муж есть, и бабушки, и ребенок всего один! Ангелы небесные, с кем бы мне посоветоваться? Кто бы надоумил?

Женщина задремала. Ей снился отчим. Его глаза, какими они были перед смертью. Больные, усталые глаза. Что он тогда хотел сказать приемной дочери, которой заменил отца? Что он не дописал в своем прощальном письме? Зоя наизусть помнила это коротенькое послание: «Моя дорогая, самая родная девочка. Я полюбил тебя раньше, чем твою маму. В тот момент, как взял на руки. Я любил тебя больше твоего брата Андрюши, не обижайся на меня за это, сынок! Заюшка моя, ты делилась со мной всеми детскими тайнами.

Как я был рад, когда ты рассказывала мне про свою первую любовь, про Владислава. В те дни я был счастливейшим отцом. Как я был огорчен, когда ты, не желая причинять маме лишних страданий, стала скрывать свои чувства. Я до сих пор не хочу смириться с тем, что ты вышла замуж не по любви, что вы расстались с Владиславом. И в этом моя вина. Я не успел исправить своих грехов, не сумел защитить твою любовь. Часы мои сочтены. Я завещаю вам счастье, мои дети, моя родная девочка. Тебе и...» Записка обрывалась на этом. Карандаш выпал из рук отца, когда он начал писать новое слово. От него остался один крючок. Зоя догадалась. Это отчим писал слово Андрюша, успел только начало буквы написать, когда случился повторный инфаркт. И теперь во сне отчим смотрел на неё большими укоризненными глазами, которые неожиданно превратились в сердитые глаза Владьки. Тот сказал: «Ты куда ушла? Почему мне не сказала?» «А это нужно тебе!» — ответила женщина. «А почему бы и нет! Учти, Зоя, никогда не прощу тебе, если убьешь моих пацанов», — шагнул к ней Владислав. И Зоя проснулась.

Вечером она подошла к пожилой медсестре. Зоя искала врача.

— Станислав Николаевич уже ушел, — ответила сестричка.

Но медсестра ошиблась. Станислав Николаевич еще был здесь. Уже переодетый, в куртке, он шел по коридору. Зоя метнулась к нему:

— У меня точно двойня?

— В документах так написано.

— А кто? Мальчики?

— Не знаю, — растерялся врач.

— Мальчики, — сказала медсестра, сидящая на посту.

— Верьте Анне Семеновне, — засмеялся Станислав Николаевич. — Она никогда не ошибается. Лучше любого УЗИ.

Зоя через час подошла к Анне Семеновне:

— Вы не могли бы договориться в гардеробе, чтобы мне отдали одежду.

— Иди, отдадут, — сказала пожилая медсестра. — Я как увидела тебя, сразу поняла, что уйдешь, не станешь делать аборт. Ты еще долго выдержала, до вечера. Все у тебя сложится хорошо. Хочешь, погадаю?

— По руке?

— По глазам, — по-матерински улыбнулась медсестра. — Вижу, все вижу. Муж, большая дружная семья. Дай руку, посмотрю, сколько детей у тебя будет. (Зоя протянула руку). У тебя будет четверо детей.

— Сколько? — впервые засмеялась Зоя.

— Пятеро, — поправилась медсестра, улыбаясь. — Много у тебя будет детей. И всех ты будешь любить. Твоей любви на всех хватит. Не только на двойню.

— А что, — засмеялась Зоя. — Трое, считай, уже есть. Дочка и двое здесь, — она показала на живот. — Родить еще раз придется всего, может, опять двойня будет. Вот и получилось уже пять. Дело за малым — надо найти мужа!

Анна Семеновна по-доброму засмеялась. А Зоя собралась и ушла из больницы.

— Как можно убить сразу двоих, — думала Зоя. — Но, с другой стороны, как я буду жить? На что? А, — придумала она, — пока малыши маленькие, продам дом в деревне. На какое-то время этих денег хватит. Потом буду работать. Одного сыночка назову Сашенькой. Как папку. Никогда больше не буду называть его отчимом, даже про себя! А как же второго мальчишку назвать? Надо Аделаиду Семеновну спросить.

Но никак в планы женщины не входила смерть бабушки.

Вадька выслушал детский, сбивчивый рассказ девочки. Ксюша не знала еще одного эпизода.

Как-то Аделаида Семеновна заехала с Зоей в энергосбыт, надо было получить платежи, а то у них закончились. Зашли, ждали, когда освободится один из операторов. За стеклом мелькнуло лицо Владислава. Зоя побледнела и ушла назад в машину. А Аделаида Семеновна, которая моментально все поняла, мигом приняла решение и со своим вопросом пошла к начальству, то есть к Владиславу. Уж что она ему там несла, что говорила, этого она не сказала, сказала только потом, смеясь Зое:

— Зоенька, такой замечательный мужчина. Выслушал внимательно всю мою белиберду. Сам проводил к оператору, проследил, как мне напечатали квитанции, вручил, проводил до двери. Даже руку поцеловал... Зоя, я чуть не влюбилась... Он так на моего Гришу похож. Давай заставим его жениться на тебе.

— Он, к сожалению, женат, Аделаида Семеновна, — с грустью ответила Зоя.

— А знаешь, — молодо блеснули озорные глаза бабушки, — все же хорошо, что ты такого замечательного мужика в отцы нашим мальчикам выбрала.

Этого Ксюша не рассказала. Но Владислав одно точно понял из рассказа Ксении, что никаких мужчин не было у Зои, не считая его. Его детей носит Зоя. У него скоро родятся сыновья. Два мальчика.

Мысли вернулись к прошедшей зиме.

После очередной ссоры с Беллой, Владислав уехал в деревню. На окраине, при въезде, одиноко стоял старенький дом родителей Зои. Дорожки были наполовину заметены снегом. Наверно, никто не живет. Владислав перемигнулся со своей зазной Анькой Бычковой, обещал появиться на ночь и поехал к родителям. Их дом был на другом конце огромной деревни. Родители обрадовались, сели за стол. А отец вспомнил, что сегодня в школе вечер встречи. Мать зашипела на него, но поздно. Владислав тут же собрался и пошел. Вдруг кого встретит. Пятнадцать лет все-таки, как окончили школу.

Вечер встречи. Никто из одноклассников не пришел. Зато хорошеньких молоденьких женщин было навалом. Владислав почувствовал воодушевление. Он сначала выбрал молоденькую и очаровательную одиннадцатиклассницу, а может, она его выбрала. Не сообразил сразу, что издевается над ним продвинутая девица. Потом в зале приметил очень красивую полную учительницу, пару раз перемигнулся с ней и сразу решил — подойдет, чтобы провести ночь. Ну эту Аньку Бычкову, надоела. Красивая же учительница куда-то исчезла, Владислав успел поймать её приглашающий взгляд, но молоденькая одиннадцатиклассница Наташка и не думала его отпускать. Повела за собой. Владислав, конечно, и не собирался с ней ничего иметь, но интересно стало, на что рассчитывает нахальная девчонка. А та решила его с классной дамой познакомить. Поиздеваться решила. Ну и Владислав решил ответить тем же. Подыграть. Как начал рассказывать про знакомых артистов, режиссеров, обещать золотые горы и реки, полные вина. Молоденькие и очень симпатичные дурочки слушали, развесив уши. Хоть и гулял Влад, как мартовский кот, но одного правила придерживался строго: никаких молодых несовершеннолетних девиц. Поток его красноречия оборвала незнакомая учительница, вышедшая из лаборантской. Владислав не сразу узнал в этой женщине, с фигурой модели, в черном, соблазнительно обтягивающем

платье, Зою. Зоя сердилась на него за что-то. Но тут появилась красивая Настя. Владислав решил: «Позлю Зою. Поухаживаю за Настей, а ночью все равно с Зоей буду». Он был уверен, что Зоя сегодня вечером домой не уедет. И Владислав стал оказывать знаки внимания красивой Насте. Однако помешала одна умная учительница — красивая полноватая слегка блондинка. Как вцепилась! Владислав хорошо знал женщин. Он чувствовал, что блондинке на него чихать. И был прав. Блондинка увела его у Насти и посоветовала идти к Зое.

— А ведь я был с Зоей всю ту неделю, — констатировал мужчина. — Выходит, моих пацанов носит Зоя. И я высокий, черноволосый, так про отца мальчиков говорила Ксюша. Но Ксюша Ксюшей, она ребенок, хоть и умная. Надо спросить Зою. А ведь может и не сказать. Надо застать её врасплох.

Владислав был в задумчивости уже вторые сутки. Сегодня он окончательно решил поговорить с Зоей, спросить напрямик. Владислав уже настроился, что это его дети, и ему было бы жалко, если это окажется не так. Он даже на работе расспросил женщин, как точно посчитать, когда родятся дети, если известен день зачатия или хотя бы неделя. Женщины с воодушевлением стали считать. День рождения близнецов падал на седьмое ноября плюс неделя. И Зоя такой же срок называла. Его дети!

Владислав сегодня надолго задержался на работе. Впервые Ксюша не дождалась его и уснула. А Зоя думала:

— Может, все, кончилось терпение у Влада, поехал к очередной даме на ночку? Ну и пусть. Больше не пушу его сюда.

Но мужчина вернулся. И Зоя пустила! Влад был опять неразговорчив. Во взгляде читалось какое-то удивление. Зоя накормила его, села тоже за стол. Владислав не любил есть в одиночестве, ему нравилось, когда за столом сидят рядом дети, Зоя. Они о чем-то всегда весело говорили, обсуждали важные новости, Ксюшка что-то выпрашивала, несмотря на нахмуренные брови матери. Владислав часто рассказывал о своей мечте — самому построить дом в деревне, он говорил про расположение комнат, их количество, высота потолков, полы, камин и т. д., спрашивал мнение Зои. А сегодня молчал. Женщина пыталась узнать, что случилось, но Влад махнул рукой — не обижайся, после скажу. Зоя ушла спать. Она в последнее время стала уставать. В её комнате стояла широкая кровать. Но даже на ней было неудобно. Мешал большой живот. Зоя устала от него. Она медленно без конца поворачивалась с боку на бок, сон не шел. Женщина включила телевизор, приглушила звук. Она размышляла о своей жизни, о её настоящем моменте. В её доме живет мужчина. Зоя заботится о нем, готовит, следит за одеждой, стирает, благо автомат стоит. И он дает деньги, якобы за комнату и на продукты, играет с Ксеньей, говорит с Зоей о своих проблемах и интересах. Словом, почти что семья.

— Что-нибудь, а не так, — прокомментировала женщина. — Не хватает пустяка для счастья — семьи...

Неожиданно скрипнула дверь.

— Ксюша? — подняла голову женщина.

В дверях стоял Владька в одних трусах.

— Тебе чего? — удивленно кинула на него взгляд Зоя.

Хоть и жил в её доме Владислав третий месяц, хоть и заботилась о нем женщина, а он от души возился с Ксюшкой, но в таком домашнем одеянии, как трусы, Влад перед ней не

показывался.

— Я пришел спать на свое законное место, — ответил Влад.

— Какое?

— Вот сюда! Подвинься! — он лег на постель рядом с женщиной. — Рядом с тобой и моими детьми.

— Не поняла, — Зоя вообще ничего не понимала, что такое сегодня с Владькой, но подвинулась.

— Муж должен спать в одной постели с женой. Это мой принцип, — Владислав прилег с краю.

— Владька, я не жена тебе. Соскучился по бабе, так съезди куда-нибудь, — посоветовала Зоя. — Застоялся ты. Я сейчас неспособна на услуги.

— Зайка-Зойка, и это ты говоришь! Мать моих детей. Моих сыновей. Чему ты их учишь? Будешь потом говорить, что они в отца, гуляки... Они уже все слышат, постыдилась бы, — Влад лежал на её постели и не думал уходить. — Посылаешь отца к другой женщине. Двигайся сама ко мне, ложись ближе, под бок. Нет, лучше я к тебе, я замерз, поделись одеялом, — он быстро залез под одеяло. Зоя почувствовала его сильное тело.

— Владька, не заводи меня! Не один маешься, — жалобно ответила женщина. — Мне рожать через десять дней.

— Все правильно, Зоенька, — нахальные рука Влада все равно её обняли, губы нашли шею. — Я посчитал. Все женщины в нашем офисе считали: и вручную, и на калькуляторе, и по календарю, даже на компьютере. Ошибки нет. Ровно сорок недель с нашей февральской встречи. Что скажешь?

— Как ты догадался? — Зоя все еще пыталась освободиться от его рук.

Влад крепче обнял её, прижал к себе.

— Лежи, Заюшка, все равно не отпущу. Родная моя, ты необычная женщина, ждала долго меня, и не одна, с сыночками моими, — он с любовью глянул на женщину. — Шутка ли, двух мальчишек сразу носить в себе. Ты уже, наверно, устала. Тяжело тебе. Вон ты какая большая. Что же ты молчишь? Скажи, что это все так.

Зоя не ответила, но перестала сопротивляться. В самом деле, она уставала и физически, у неё болела поясница, отекали ноги. Надо бы в больницу лечь, там бы подготовили к родам, но куда деть Ксюшу? Придется к брату в деревню отправить. А от этих мыслей Зоя устала еще больше. Влад осторожно обнимал женщину.

— Зойка-Зайка моя. Это мои мальчики, — он нежно провел рукой по выпуклому трепетному животу. — Не молчи. Говори.

— Твои, Владь, твои, — выдохнула Зоя. — Твои... Ты постарался...

— Зойка-Зайка! А ведь это здорово! А старались мы вдвоем. Не отрицай! Все, отныне я сплю только с тобой, — подытожил Влад и вздохнул. — Хоть полежу рядом с горячей женщиной. Помечтаю!

— И тебе этого достаточно? — засмеялась Зоя

— Ну, с тобой всегда что-нибудь да не так. Я уже к этому привык. Двигайся ко мне ближе. Ну прижмись, что ли! Что ты как чужая. Поцелуй сама хоть разочек за все дни, что живу у тебя.

— А почему бы и нет.

Зоя прижалась, насколько позволял живот, обняла мужчину, ласково поцеловала в губы.

— Владик, Владька... Все, хватит, чуть-чуть, — сказала она, прерывая свой поцелуй и

пронично заметила. — Если я не перестану тебя целовать, история человечества отметит первый случай изнасилования мужчины беременной женщиной. Причем на большом сроке.

Владислав засмеялся. Он любил такую Зою, он всякую её любил.

— Зоя, можно? — рука мужчины медленно гладила живот, обследуя сантиметр за сантиметром. — Как барабан. Ребятки, — мужчина откинул одеяло и припал ухом к животу, — это ваш папка пришел. Давайте знакомиться. Как вы там двое умещаетесь? Вам места хватает? Зоя, где они располагаются?

— Сама не знаю, — вздохнула женщина. — Я немного боюсь, Владь. Как двоих буду выхаживать?

— А я на что? Заюшка, я счастливейший человек. У меня родятся через десять дней сыновья. Сразу двое.

— У тебя же это не первый ребенок. Чему ты так радуешься?

— Да, у меня есть три дочери от двух предыдущих браков. Через неделю у меня будет шесть детей.

— Пять, — поправила Зоя. — Три дочери и два сына.

— Четыре дочери. Не забывай о Ксюше.

— Спасибо, Владик, — растроганно прошептала Зоя. — Спасибо, родной мой.

— Мама! — неожиданно раздался расстроенный голос дочки. — Мама! Можно к тебе? Дядя Владик еще не вернулся. Я уснула, а он так и не пришел. Мама, он не будет больше жить с нами? Я была в его комнате. Его там нет.

Девочка вбежала в комнату матери.

— А я здесь, — ответил Влад. — Вместе с твоей мамой.

— Мама! — голос дочки стал взволнованным. — Мама, а в одной кровати спят только с папами.

В лазах девочки застыл вопрос. Зоя молчала.

— Да, Ксюша, я твой папа, — ответил Влад. — Настоящий! Видишь, я буду спать рядом с твоей мамой.

— Вот, — торжествующе заявила девочка, — я всегда знала, что ты мой папа. Мама, а теперь мне можно дядю Владика звать папой?

— Можно, — сказал Влад и посмотрел на Зою.

— Можно, — Зоя не могла обмануть той огромной надежды, что была в глазах девочки. Женщина начала вставать. — А теперь спать. Пойдем, я тебя уложу.

— Лежи, я сам уложу Ксюшу. Мы с ней немного поговорим, — Влад ушел с девочкой. Вскоре он вернулся.

— Знаешь, твоя Ксюшка — чудо. Сначала она спросила, если я её папа, то, значит, Шурочка — её сестра. Я сказал, что обязательно сестра. Ксюшка обрадовалась и говорит, что сестренка лучше, чем братишки, особенно Шурочка. А потом наша девочка велела мне, чтобы я не разлюбил Шурочку, потому что она призналась ей, что боится, когда родятся мальчишки, я не буду её любить. Ну, как можно не любить своих детей! Это теперь Белка напела в уши дочери, что она мне не нужна.

Зоя ласково провела рукой по его лицу.

— Не расстраивайся, Владь. Будешь на выходные к нам брать свою дочку. А хочешь, и в любое время. Я ведь дома. Вот завтра и привези. Знаешь, она замечательная девочка. Я испеку ваш любимый торт «Рыжик».

Владька смотрел на эту женщину и улыбался. Сколько секретов и тайн еще есть в ней.

Он знает пока немного. Она необычная женщина, горячая, темпераментная. Она внимательная, нежная. Неизвестно каким чувством, но он понял, как хорошо этой женщине с ним, именно с ним. Сейчас она скажет что-то очень важное для него, для неё. Зоя попыталась прижаться к мужчине, мешал живот. Но она все равно обвила его шею руками, осторожно поцеловала где-то около уха и удивленно сказала:

— Но почему мне так стало хорошо? Так спокойно? Неужели я ждала тебя все это время и сама боялась признаться себе? Конечно, ждала! Владька, я в тебя влюблена еще со школы. Я очень тебя люблю, только не смейся надо мною. Как мне с тобой хорошо. Ну надо же, — добавила она озадаченно, — я с мужчиной в одной постели, с лучшим в мире мужчиной и между нами никакого секса.

— Зоя, ты неисправима, — засмеялся Влад. — Знаешь, ты жила все эти годы в отдалении от меня. Но мне кажется, что у тебя мужичков было больше, чем у меня женщин.

— Нет, — смутилась Зоя. — Не было такого. Я верна была мужу. Просто я знала, что где-то есть ты. Я люблю тебя, Владька. Можно, я еще раз скажу это?

— Можно.

— Владька, я люблю тебя.

Владислав тихо засмеялся. Странно, но ни от одной женщины он не слышал этих слов, слышал другие, что пора жениться. А ведь приятно, когда говорят тебе, что любят.

— Зайка-Зойка. Я тоже люблю тебя.

— Завтра выходной. Ты останешься дома или куда поедешь?

— Как хорошо звучит, дома. Зоя, а помнишь наш общий сон? Ну то, что ты называла упорно сном. Сейчас не будешь говорить, что не было этого.

— Не буду, Владь, не буду. Только ты не говори тоже об этом. Я знаешь, сколько уже без мужчины... Мне вредно вспоминать сексуальные сны... Даже с тобой.

Владька лежал рядом с женщиной, которая благодаря непредсказуемой судьбе появилась на его пути, и, не спрашивая, изменила жизнь. Он думал, как же так получилось, что раньше он не догадался отвоевать Зою, увести её у мужа. Ведь в школе она ему так нравилась, она была первым его серьезным чувством. Когда состоял в браке, то каждый раз ждал, что у него будет свой теплый дом, где его ждут, любят, заботятся. Ни Милка, ни Белла этого не дали. Все это он нашел в доме Зои, нашел тогда, когда и мечтать перестал. И не надо сбрасывать со счетов и саму Зою, с ней Владиславу другие женщины нужны не будут. Он вспомнил горячие денечки, проведенные в пансионате, крытую беседку на даче Вальяжниковых, и довольно улыбнулся. Уже Владька засыпал, как вдруг возник один вопрос. Он повернул лицо к женщине. Зоя улыбалась во сне. Пропала напряженность, что была последние два месяца в её лице.

— Зойка-Зайка, — тихо произнес он.

Женщина тут же открыла глаза.

— Владик, ты звал меня?

— Звал, — ответил он. — Зоя, ты говоришь, что всегда любила меня. Почему же ты не говорила, что беременна от меня?

— У тебя была семья. Это я в ваши отношения влезла. Я не хотела разрушать твою семью.

— Да давно семьи нет. И не любил я никогда Беллу.

— Зачем тогда женился на ней? Я ведь в те дни ушла от мужа. Женился бы на мне, а не на Белле.

— Ты уходила от Антона? Не знал! А Белла была беременна. Я на беременных женщинах сразу женюсь.

— А мне, Владь, хотелось, чтобы ты любил меня, — несколько грустно и непонятно ответила Зоя.

— Что-то я не понял тебя.

— Ты дважды женился из-за беременности своих жен. И я беременна. А мне хотелось, чтобы ты любил меня, чтобы я нужна была тебе, — путано объясняла женщина. — А не только из-за детей. Ну чтобы ты пришел ко мне из-за меня...

Владислав вдруг понял, что отныне он отвечает и за эту женщину, и за её спокойствие и счастье, за будущих сыновей, за маленькую девочку, что спала в соседней комнате. И это навсегда. Не будет больше других женщин, не будет другой семьи...

— Зойка-Зайка, не переживай, не волнуйся, с тобой будет все по-другому. Мы станем настоящей семьей.

Владислав не сказал, что разведется, что предлагает Зое быть его женой. Женщина закрыла глаза. Между ними опять возникла недоговоренность. Владька уже дремал, когда Зоя шепнула:

— Я все равно счастливая, что ты со мной. Пусть даже из-за детей.

— Эх, Зойка-Зайка, — думал мужчина. — Из-за детей... Из-за тебя! Но те ночи... Я ж давно всех женщин с тобой сравниваю. Ни одна угодить не может. Белка с её холодностью мне давно противна стала, Анька, деревенская зазноба, растолстела, какой уж там темперамент. А последние два месяца, когда я с наглой рожей напросился в квартиранты, я не смог лечь ни в одну постель ни с какой женщиной. Я боялся, что ты сразу догадаешься, почувствуешь. Не могу, когда живу рядом с тобой. Ведь не поверишь, когда скажу, что мартовский кот-гуляка Владька постится последние месяцы. Поэтому и не буду ничего говорить.

Утром Владислав проснулся первым. Он с нежностью смотрел на лицо Зои и вдруг вспомнил их несостоявшийся первый поцелуй. Помешали родители. Как тогда отец назвал Зою. Он вспомнил.

— Заюшка, Заюшка моя, — произнес мужчина, едва слышно.

Но женщина тут же открыла глаза.

— Папа? — она непонимающе смотрела вокруг, увидела совсем близко красивые большие глаза Владислава.

— Ой, Владик, мне показалось, что мой папа зовет меня. А это ты?

— Да, Заюшка моя.

— Заюшка, так всегда говорил папа. У тебя также ласково получается. Я даже спутала. У вас и глаза похожи! — она протянула свои руки, обхватила шею мужчины. — Владик-Славик, я все-таки взяла тебя в плен. И сама попалась!

Зойка-Зайка. Это прозвище появилось у Зои в школьные годы. Кто первым так назвал Зою, Владислав уже и не помнит. Мысли мужчины убежали в детство и юность, когда они были наивны и счастливы, и будущее им виделось таким же.

Владислав Елизаров в школе имел прозвище — Положительный папаша. Все началось с урока анатомии в девятом классе, когда они изучали половые органы человека. Молодая учительница биологии, Надежда Николаевна Лебедева, была стройной, как тростиночка, красивой, как артистка, и строгой-престрогой. Она не улыбалась на уроках, казалось,

никогда. Поэтому когда начались хихиканья по поводу темы, которую она написала на доске, Надежда окинула холодным взглядом класс и ледяным голосом объявила, что все, кто еще не дорос до понимания важности этой темы — половые органы человека, кто не созрел физически и морально, могут покинуть класс. «Сегодня будет урок для взрослых!» — припечатала она напоследок. Девятиклассники тут же притихли. Никому не хотелось выглядеть незрелым в подростковый период. А Надежда Николаевна строгим голосом продолжала:

— Знание этой темы крайне важно для человека. стыдно не знать свое тело. Вы все будущие отцы и матери. Для чего живет человек? Для того чтобы родить детей и вырастить их. Вы согласны со мной?

Никто еще не успел ответить, как поддержал молодую учительницу слегка влюбленный в неё Владислав Елизаров, поддержал громко, на весь класс.

— Правильно, Надежда Николаевна. Человек живет, чтобы оставить после себя потомство.

— Ну прямо положительный папаша, — скептически заметила Зоя, в душе соглашаясь и с ним, и со строгой учительницей.

— А как же карьера, высокие цели? — влез со своим ехидным языком Сашка Попов. — Служение обществу, долг перед родиной.

Но Надежда Николаевна не собиралась дискутировать.

— О карьере и высоких целях поговоришь с Елизаветой Степановной, со своим классным руководителем, — отрубил она. — Заодно и про долги по анатомии вспомнишь. Сколько у тебя двоек? А сейчас приступаем к новой теме.

И класс внимательно слушал молодую смелую учительницу. На уроках Надежды Николаевны даже мухи боялись летать. Внимательно, не сводя глаз, слушал Владислав, поглядывая на красивую соседку на соседней парте. Внутри паренька шли непонятные процессы: почему-то хочется всегда смотреть на Зою, на Надежду Николаевну, на других девчонок, снятся тревожные сны.

Прозвище Положительный папаша окончательно прилипло к Владиславу после классного часа.

В этот же день Елизавета Степановна попросила класс остаться после уроков. Приближался Новый год, ребята хотели устроить чаепитие. Классная руководительница позвала их обсудить этот вопрос.

- Я ничего не имею против вашего чаепития, — начала она. — Но чтобы, кроме чая, других напитков не было. В последний раз, я помню, вы пытались принести пиво.

— А соки можно? — весело поинтересовалась Зоя.

— Соки приносите, — согласилась Елизавета Степановна.

Зоя отвернулась и стала что-то тихо шептать Маринке.

— Да не будем мы пить, — заверил строгую учительницу Сережка Ковцуров. — Мы подождем, когда у Владьки дети родятся, тогда и обмоем.

— Не поняла, — подняла брови Елизавета Степановна.

— А Владька сегодня на анатомии сказал, что у него будут дети, он для этого живет, — смеясь, пояснила Милка Голубова.

— Все правильно, — согласилась классная руководительница, которая уже знала про разговор на уроке. — Дети — это смысл нашей жизни.

— А у Владьки их будет целая куча, — захохотал громкоголосый Сашка Попов. — Он

будет отцом-героем.

— Буду, — невозмутимо согласился Владислав, он сидел за своей последней партой и поглядывал на Зою, которая на классный час пересела на вторую парту и что-то писала на листке бумаги.

— Девчонки, кто согласен стать матерью-героиней? — заорал Попов. — Рожать детей Владьке! Зойка, что молчишь. Ты согласна?

Девчонки хихикали и молчали. Зоя не слушала, о чем говорят, она в это время показывала листок своей подруге Маринке. Они обсуждали вопрос, сколько собрать денег на чаепитие и как принести что-то погорячее чая. Поэтому, когда Сашка заорал: «Зойка, ты согласна?» — она подняла глаза, увидела пронизательный взгляд учительницы, испугалась, что Елизавета Степановна уже догадалась об их замыслах, и быстро, чтобы отвести подозрения в свой адрес, ответила:

— Конечно, конечно, согласна. Я только за.

Класс грохнул смехом. Зоя удивленно смотрела на одноклассников. По-доброму улыбалась Елизавета Степановна. Владька выкрикнул:

— Смотри, Зайка-Зойка, не забудь! Не меньше пяти чтобы было!

Когда Зоя поняла, чего пообещала Владиславу, то шутливо крикнула:

— Владька, ты сам не забудь! Положительный папаша!

Милка и Белла

Зойка-Зайка! Какая же она была красивая в школьные годы. В пятом классе Зоя была выше всех в классе. Мама любила её, наряжала. Владислав до сих пор помнит, какая она пришла первый раз в их школу, она была самая нарядная и самая яркая первого сентября в их пятом классе. Мальчишка стоял сзади Зои и смотрел на её локоны. У неё были настоящие локоны, завитые спиральками, они пышно лежали на плечах, огромный бант украшал причёску. Тогда Зоя была самая высокая, а Влад был обычный примерный мальчик. Бежали школьные годы. В восьмом классе их девочки моментально выросли, и Зоя перестала быть самой высокой, но оставалась самой красивой. У неё рано сформировалась фигура, она всегда следила за своими волосами. Ей разрешали красить волосы. В том же восьмом классе она стала блондинкой. Девчонки, завидуя красоте одноклассницы, ехидно шептали, что Зоя потупела, поэтому и волосы стали светлыми. А Зое не давал покоя одноклассник Сашка Попов. Елизавета Степановна, классная руководительница, окрестила его поведение гормональным взрывом. А Владислав смотрел иногда на Зою и даже в мечтах боялся представить, что можно, как Сашка, зажать её в углу, сесть рядом, положить голову на плечо. Зоя не отвечала взаимностью Сашке Попову, она ласково улыбалась, иногда порой говорила:

— Саш, ну надоел. Отстань!

Елизавета Степановна посмеивалась над страданиями влюбленных подростков. Порой сердилась на Попова, брала его под ручку и шла по коридору. Весь класс, смеясь, бежал в отдалении. Это означало, что Сашка провинился сильно. Сейчас он получит. Сколько раз ребята пытались подслушать, какие слова говорит в эти моменты классная мама, но не удавалось. А Елизавета Степановна шла и спокойно говорила самые обычные вещи:

— Саш, ну нельзя так. Нравится тебе девочка. Ну не бей её, пожалуйста. Ты Зое даже поцарапал руку. Я видела, она мне показывала. Подари ей лучше что-нибудь. Скоро Восьмое марта. Воспользуйся моментом.

— Я все понял, — покаянно отвечал Сашка, желая в душе лишь одного, чтобы отпустили.

Но Елизавета Степановна не спешила. Она еще что-то втолковывала влюбленному подростку. И впервые не заметила, что следом шел Владислав Елизаров, который услышал про Восьмое марта. Влад решил воспользоваться советом учительницы. Ведь Зойка-Зайке ему тоже нравилась. Но он скрывал это, считал Зою недоступной, да и мать очень плохо всегда говорила о Зое. А папка хмурился, слушая мать. Влад как-то в восьмом классе целую четверть дружил с Милкой Голубовой. Над этой дружбой мать не смеялась, лишь равнодушно заметила: «Долго не продружишь! Скучно станет». И была права. Эта дружба быстро кончилась. Влад после сдружился с веселой и самой младшей в классе Аней Асташкиной, которая знала все секреты в классе. Но это действительно была только дружба и больше ничего.

И вот Влад услышал, как Елизавета Степановна советует Сашке сделать подарок для Зои.

— Так ты больше обратишь на себя внимание, чем скакать серым козликком по партам и орать не совсем пристойные вещи, — втолковывала она подростку. — Поступи, как настоящий мужчина. И Зоя обрадуется.

Влад решил сам воспользоваться этим советом. Он купил на сэкономленные на обедах деньги для Зои недорогой подарок: серебряный кулончик, красивый, незамысловатый, на цепочке. И подложил потихоньку в сумку. До сих пор немного обидно Владу, как вспомнит он: радостная Зоя прибежала к Елизавете Степановне:

— Смотрите! — она показала кулон и даже не обратила внимания на сидящего тут же Владислава.

— Я знаю, — сказала учительница.

— Это Сашка, — сияющая быстро надела украшение и умчалась.

Елизавета Степановна озадаченно улыбнулась. Ей казалось, что Сашка Попов не прислушался к её совету.

Влад ушел с вечера. Его подарок приняли за Сашкин. Мальчишка ничего не сказал. Но было приятно, что у недоступной Зойки-Зайки висит на шее его подарок. А вот матери Владислава Зоя совсем не нравилась, ничем: не так ходит, не так говорит, не так улыбается. Парнишка не спорил. Он хорошо помнил трагедию с Ларисочкой....

На выпускном вечере Владислава атаковала Милка Голубова, она уже тогда на многое намекала, многообещающе глядела. А он не знал, как отвязаться. А Зоя ушла рано. У её отца был сердечный приступ. Ему стало плохо, вызвали скорую, Зоя уехала с отцом в машине скорой помощи в своем нарядном ярко-желтом платье.

Подожли к концу школьные годы. Зоя решительно поступила в педагогический институт, как и Елизавета Степановна, она собиралась стать географом, хоть та её и отговаривала. Зоя жила в П-ске, в общежитии, дома бывала редко.

Они не виделись несколько лет. Потом в Кочетовке Владислав как-то встретил её случайно, на берегу реки. Зоя грустно сидела на осеннем берегу хмурой речки, возле неё что-то горело, вился дымок. Юноша понял, у девушки какая-то личная трагедия. Зоя жгла письма. А Владислав почувствовал, что обрадовался. Наверняка, это были любовные письма. Он сам от себя не ожидал такой радости. Влад уже был не прежним застенчивым пареньком. Он стал мужчиной, женщины в его жизни были, и не одна. В последнее время он несколько раз провожал бывшую одноклассницу Милку Голубову. Она оказалась стоворчивой, уже на второй вечер Влад с ней переспал в ближайших кустах. Переспал на свою голову. Он несколько не хотел жениться, но Милка забеременела.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Увидев Зою, Владислав сразу отбросил мысли о Милке в сторону. В голове крутилось одно: надо вечером встретиться с Зоей. Она стала такая красивая. По-прежнему блондинка, фигура оформилась, глаза так помимо воли постоянно смотрят на высокую грудь, хочется обнять девушку за тонкую талию, прижать к себе. А дальше не решался в своих фантазиях заходить далеко Влад. Он понимал, что, он не осмелится себя вести с Зоей так, как с Милкой. Такую девушку надо завоевывать, не уведешь на второй вечер в ближайшие кусты. Не пойдет она с любым, как Милка. Да и поговаривают же в деревне, что у Зои есть богатый поклонник. Не его ли письмо она жжет? Но надежда всегда есть.

Всего лишь один раз до своей женитьбы Владислав проводил Зою. К ней у него было совсем особое отношение. Было уже темно. Он шли вместе с дискотеки и разговаривали. Никак не мог осмелиться Владислав эту девушку обнять, а уж цапнуть за грудь или, как Милку, увести в кусты. Даже и мысли не допускал. Зоя была другая. Необычная. С ней было интересно поговорить, посмеяться. Её духи пахли свежестью, они не утомляли, их хотелось вдыхать без конца. «Запах молодой редьки!» — так назвала их в шутку Зоя. Сколько

впоследствии не вдыхал ароматов мужчины, ни одни так не пахли — не пахли они молодой редькой.

В тот единственный вечер Владислав провожал Зою. Он не думал о Милке, которая днем заявила, что пришло время жениться, потому что она беременна, не думал о матери, к которой приходила зачем-то Милкина мать. Парень просто держал руку девушки в своей руке и наслаждался этим. Они о чем-то говорили, весело смеялись. Им было хорошо вдвоем. Влад думал, как поцелует Зою при расставании. Обязательно поцелует. Но они не успели поцеловаться. Возле дома Зои стояли мать Влада и отец Зои. И это уже было странно само по себе. Всем в деревне было известно, что семьи Корольковых и Елизаровых, мягко говоря, недолюбливали друг друга.

— Папа! — сразу встревожилась Зоя. — Что случилось? Что-нибудь с мамой?

— Заюшка, иди домой, — ласково проговорил отец Зои.

Рука девушки дрогнула в руке Владислава. Влад насторожился. Он знал, что мать не любит Зою. Порой ловил на себе непонятные взгляды отца Зои, тот словно удивлялся, глядя на красивого парня.

— Нет, — закричала мать Влада. — Пусть послушает. Тебе, Зойка, нечего ходить с Владькой. Не пара вы! А ты, сынок, готовься к свадьбе. Твоя Милка беременна...

— Перестань, Галина, — сказал отец Зои.

— Не перестану, — выкрикнула мать с угрозой.

Зоя выдернула руку у Влада:

— Это все-таки правда? — спросила она.

— Наверно, правда, — ответил Влад. — Милка так говорит. Точно не знаю.

— Наверно? — переспросила Зоя и ушла. — Не знаешь? Милка говорит? Эх, ты...

Отец Зои укоризненно сказал:

— Ты, Галина, делаешь несчастными наших детей.

— Не я, а кто-то другой виноват в их несчастьях, — сердито ответила мать. — Я, наоборот, всегда за семью держалась.

Влад не стал слушать. Он ушел, ему было понятно, что Зою в тот вечер он потерял. «Эх, ты...» — звучало постоянно в памяти. Владислав пытался с ней встретиться, но Зоя опять исчезла из их села. Вскоре по деревне поползли слухи, что Зоя выходит замуж за богатого олигарха. Мать ехидно заметила грустному сыну:

— А ты думал, что Зойке нужен. Все они, Корольковы, такие подлые...

— Галина! — оборвал мать обычно тихий отец.

Живот у Милки стал заметен. Не наврала, значит. И Влад женился. Он очень привязался к рожденной дочери Леночке. А вот Милку откровенно не любил. Ох, и погулял же он в то время. Располневшая жена вызывала одно чувство — брезгливость. Милка стала толстой, неряшливой, и в доме было также — грязно, неряшливо. Мать фырчала, что сын привел невестку-замарашку. Тот как-то не выдержал и ответил, что это мать её привела.

— Что! — взвилась мать. — Все Зойку забыть не можешь? Да плевала она на тебя! Она замуж за богатого старика вышла. Расчетливая стерва! Вся в мать.

— Галя, — опять прервал её тихий отец.

И мать, как это ни странно, опять замолчала.

Влад долго с Людмилой не разводился. Все терпел. Даже дочь вторую нечаянно родили во время короткого перемирия. Валюшку. Такая лапочка была, ласковая, все урчала, как котенок. Владислав по ней очень сильно скучает. Именно по своей лапочке Валюшке. Даже

больше, чем по старшенькой — Леночке.

В это время Влад начал делать карьеру. Он заочно окончил институт, устроился на престижную работу в А-ск. Его взяли туда по рекомендации отца Зои, который работал главным инженером в энергосбыте. Платили очень прилично. Владислав подкопил денег и купил первую, небольшую квартиру. Звал жену в город. Та отказалась. Мужчина облегченно вздохнул и продолжал гулять, пока не встретила Белла. Талантливая, многообещающая художница Белла Светлицкая, породистая высокая женщина с интересным лицом, умная, расчетливая, она подходила на роль жены уважаемого человека. К тому времени Влад был уже в разводе. Именно в эти дни зашла речь о его переводе в соседний небольшой городок в качестве главного инженера местного энергосбыта.

Обиженная Милка пригрозила при разводе, что он не увидит девочек, и сдержала свое слово. Вышла неожиданно замуж и уехала. Влад уже несколько лет не видел девочек. Но жениться не спешил, хоть и жил с Беллой. Иногда видел богатого предпринимателя Антона Наумова, мужа Зои. Пару раз видел и Зою. Недостигаемая Зоя стала еще дальше. Замужество пошло на пользу Зое, она стала еще красивее, еще интереснее. Их пути как-то пересеклись на одной вечеринке. Зоя никак не прореагировала на Влада. Она не отходила от Антона. Они выглядели счастливой парой. Хотя как сказать. У Зои по лицу мыслей не прочитаешь. Ведь была еще встреча и на даче, которая чуть, было, не изменила все. Зоя не захотела менять, она сказала, что это был сон. А может, в самом деле, та встреча приснилась Владиславу. Нет, теперь он знает точно: не снятся одинаковые сны двум людям одновременно.

Белла поймала Владислава на те же грабли, что и Милка. Она забеременела. Сделала УЗИ. Должна была родиться девочка. Вот этот листок с первой фотографией неродившейся еще Шурочки и положила она перед мужчиной. Влад вспомнил своих дочек: Леночку и ласковую лапочку Валюшку — и женился. Женился на Белке, которая была старше его на пять лет, была талантлива, умна, красива и фригидна. Жизнь Владислава осветило новое солнышко — дочка Шурочка. Мужчина очень любил детей.

Влад вспомнил, как неожиданно увидел Зою, когда он приехал в дом родителей с новой женой. В толпе любопытных стояла Зоя и с грустью смотрела на свадебный кортеж. «Поспешил, поспешил!» — неслась в голове молодого мужчины мысль. Он чувствовал, что Зоя хотела его видеть. Через месяц он узнал от Римки, что у Зои все хорошо, что она счастлива, её олигарх сдувает с неё пылинки. Зоя скоро будет мамой. После этого Владислав дал согласие на работу в соседнем небольшом городе. Только его назначили не главным инженером, а директором энергосбыта. Белла пошипела, поворчала, но поехала с ним. Там родилась Шурочка. Несколько лет Влад не встречал Зою, мать написала, что у неё умерли родители, а о смерти её мужа известия до Влада не дошли, пока случайно год назад не увидел её в нелепом наряде, сидящую на скамейке возле дома Риммы. Полгода назад Владислав пошел на очередное повышение. Его поставили во главе крупного А-ского участка энегосбыта.

Зойка-Зайка

Зойка-Зайка. Глупую песню спел Киркоров. Из-за неё Зоя приобрела свое прозвище. Сашка Попов первым её так назвал. Сначала неделю ходил, красноречиво смотрел на Зою и пел: «Зайка моя, я твой зайчик». А потом стал петь: «Зойка-Зайка моя, я твой Санчик!» Так и стали звать Зою. Она сердилась, но глупое прозвище прилипло. Только Владька никогда так её не называл.

Зоя перешла в пятый класс, когда её родители переехали в деревню, в Кочетовку. Она не жалеет, что попала сюда, в Кочетовскую школу, здесь ей было хорошо. Уже летом она познакомилась с девочками-соседками: Милой Голубовой и Мариной Вишняковой. Её новые одиннадцатилетние подружки все поголовно тогда были влюблены. Маринка Вишнякова рассказала, что влюблена в Сережку Ковцурова, а Милка Голубова всегда говорила, что её мужем станет Владислав Елизаров. Зоя решила, что тоже должна влюбиться. И влюбилась. Это был Сережка Вишняков, брат-близнец Маринки, обычный белобрысый мальчишка, но с пронзительными голубыми глазами. Зоя любила его до конца лета. Её любовь быстро кончилась, когда первого сентября она увидела на линейке Владьку Елизарова. Черноглазый, черноволосый мальчик с зачесанными набок волосами ей очень понравился. Но его любила Милка, поэтому Зоя решила, что ей нельзя любить Владьку. Подружки делились с ней секретами о своей любви, а она очень искусно скрывала свои чувства. Даже со временем разлюбила Владьку, так считала девчонка. В шестом классе Зоя влюбилась в рыжеволосого Олега Бударева из параллельного класса. Это тоже была безответная любовь. Олег бегал за второгодницей, черноволосой Танькой Кошкиной, у которой уже была грудь. Он зажимал её во всех углах, а на Зою обращал ноль внимания. Зоя расстраивалась. В седьмом классе Зое понравился новый, молодой учитель физкультуры, Сергей Николаевич. Она была влюблена теперь тайком в него. Но Сергей Николаевич вскоре женился на Надежде Николаевне, молодой учительнице биологии, и Зоя опять осталась без любви. А в восьмом классе девочка вновь стала все чаще останавливать взгляд на Владьке. Даже папе рассказала, какой Владька интересный. Тот внимательно выслушал, по-доброму улыбнулся. Он даже был доволен. Владька Зое еще нравился тем, что в нем было что-то общее с братом Андрюшкой, который учился во втором классе — оба серьезные, спокойные. Братишку как-то обидели сильные мальчишки из пятого класса, отобрали портфель и спрятали. Андрюшка расплакался, побежал к старшей сестре жаловаться, а той не оказалось в классе. Владька взял малыша за руку и пошел разобраться с пятиклассниками. Андрюшка с тех пор всегда бегал к нему за помощью. Но в этом же восьмом классе Зою просто атаковал Сашка Попов. И внимание девочки переключилось на него. Ох, и поносились они оба по школе. Сашка не давал ей прохода в прямом смысле слова: задевал, обнимал, цеплялся, толкал, зажимал по углам. Зое льстило такое откровенное внимание здоровяка Сашки, но порой он надоедал и даже обижал. Один раз он допек Зою, она с Сашкой подралась, со шваброй пошла на него в атаку. Успела пару раз стукнуть его. Хорошо Владька вмешался, встал между ними, а то бы плохо было Сашке, сломала бы Зоя об него швабру. После этого Сашка, наверно, в знак примирения подарил ей кулончик. Зоя вспомнила историю с подарком, растерянный вид Елизаветы Степановны, когда она ей рассказала про этот подарок, и улыбнулась. Она до сих пор хранит эту незамысловатую серебряную безделушку, лежит кулончик в шкатулке у дочери. Когда-нибудь Зоя ей расскажет, откуда это

незамысловатое украшение. А ведь в тот день девочка-подросток была просто счастливой.

В девятом классе Зоя вновь обратила внимание на Влада, когда он поддержал молоденькую учительницу, дочь маминой подруги. Зоя всегда переживала за Надежду Николаевну: а вдруг мальчишки будут смеяться над худенькой Надеждой Николаевной. Девчонка хоть и съехидничала, окрестила Владьку положительным отцом, но после его слов повернулась и стала внимательно смотреть на парнишку.

— Да Владька самый красивый в классе. На папку моего похож, — подумала Зоя. — Недаром по нему до сих пор Милка страдает.

Мила сидела за одной партой с Зоей и делилась секретами, как добьется Влада, как заставит стать ей мужем. Подружка даже и предположить не могла, откровенничая с Зоей, какой ураган бушует в душе красивой одноклассницы.

Зоя никогда никому ни разу не обмолвилась, что она, начиная с девятого класса, сама влюбилась во Влада. Это было новое для неё чувство. Мама догадывалась и почему-то грустно вздыхала, отчим улыбался, но ничего не говорил. А тетя Галя, мать Владьки, просто ненавидела Зою. Зоя пыталась объяснить её ненависть тем далеким случаем, когда утонула маленькая дочь тети Гали, ведь Зоя сидела с братом Андрюшкой, к которому пришла Ларисочка, и не заметила, что маленькая подружка брата ушла на речку. Папа всегда говорил Зое, что она не виновата, никто не виноват, он тоже был дома. «Понимаешь, Заюшка, — без конца повторял папа, — в тете Гале не ненависть бушует, а обида. Обидно ей, что наш Андрюшка жив, а Лариса умерла. Она и сама не рада этим мыслям. Но ничего не может с собой сделать. Понимаешь, дочка?» Зоя кивала, соглашалась и ничего не понимала. Девочка боялась матери Владьки. Зоя при встрече с ней сжималась, опускала голову, пугалась её недоброго взгляда, старалась стать незаметной. Тетя Галя работала в магазине. Зоя боялась покупать у неё продукты. Мама тоже не любила ходить в магазин. И папа избегал этого. Поэтому старались все покупать в палатке, что была в середине деревни. А вот хлеб был только в магазине. Хочешь, не хочешь, а идти надо. Выручал Андрюшка. Он ходил за хлебом и совсем не боялся злую тетю Галю. И та к нему относилась хорошо, не сверлила злым недобрым взглядом. Почему так?

Ребята окончили школу, разошлись, разъехались в разные стороны. Не видели друг друга по несколько месяцев, а то и лет. Зоя стала забывать свою школьную любовь. Девушка уже училась в институте, когда ей показалось, что она влюбилась по-настоящему в одного из студентов. Зоя готова была выйти замуж за однокурсника Ромку Сутормина, но жить с парнем, как жили все подруги по общежитию, не соглашалась. Когда они расстались на лето, то писали письма друг другу каждый день. И в результате Ромка после их необыкновенной и огромной любви женился на другой. Зоя тогда удивилась себе. Она даже и не плакала. Только спросила, почему так. Роман ответил:

— Ты очень красивая и не любишь меня. Невозможно понять, что у тебя в душе. С Элей мне проще будет. Она реальная, земная.

Почему-то во время того разговора перед глазами Зои всплыл образ Владислава Елизарова. «Неужели я его не забыла до сих пор?» — удивилась сама себе девушка. Зоя спокойно рассталась с Ромкой, сожгла его письма и фотографии. Приехала домой, взяла пакет с перепиской, ушла на берег речки и сожгла. Хороший был костерок, жаркий. Надо же было именно там встретиться с Владом.

— Жжешь? — спросил он.

— Жгу, — ответила Зоя.

— Любовную переписку?

— Любовную, — Зоя бросила очередное письмо в костерок.

— Давай бензинчика плеснем, — предложил Владька. — До неба полыхнет.

— И так хорошо горит, — ответила Зоя.

На душе стало легко. Они вместе сожгли письма и протрепались часа два. Зоя поняла, почему она не расстроена женитьбой Ромки. Она его не любит и никогда не любила. Ей по сердцу больше все тот же Влад. С ним легко и интересно. Может, чего у них и вышло бы в тот раз. Но была упрямая Милка, идущая напролом к своей цели — женить Владислава на себе. Она неожиданно появилась на берегу озера. Девушки обрадовано поздоровались, обнялись. А Влад вернулся к прерванному занятию — он ловил рыбу невдалеке, а они секретничали. Милка сообщила страшную тайну, что Влад на ней скоро женится.

— Он тебе сделал предложение? — сразу поскучев, поинтересовалась Зоя.

— Я живу с ним, — ответила подружка.

— Ну для мужиков это не причина, — проговорила Зоя. — Унас по этой причине все общежитие должно бы было пережениться.

— Куда Владька от меня денется, — уверенно ответила Милка.

Зоя посмотрела на красивую Милку. Вот всем хороша: и фигура, и рост, и внешность, и волосы светлые от природы, а не крашенные, как у Зои. А что-то в Милке не так. «Породы в ней не чувствуется, — сначала решила девушка. — Изюминки нет». А потом вдруг поняла, увидев спустившуюся на плечо неряшливо перекрученную бретельку бюстгалтера, к тому же не первой свежести:

— Да она просто замарашка. Неужели Влад её выберет? Почему Милка так в этом уверена?

Влад женился на Милке. Из-за будущего ребенка. И с того дня начал гулять. Зоя вышла безо всякой любви замуж за Антона. И ни дня, ни минуты не жалела о своем решении. Антон был хорошим мужем, замечательным отцом. А еще он был послушным сыном!

Близнецы

Владислав заметил, что Ксюша расстроена. Он попытался узнать у ребенка, что случилось. Зашел вечером к девочке в комнату, присел на кровать, спросил, кто обидел его девочку. Ксюша в ответ сразу заплакала: «Завтра дядя Андрей придет!» Владислав ничего не понял. Ему показалось, что девочка хочет заболеть. Зная, как расстраивается мать из-за её болезней, он позвал в спальню Зою и предложил заранее вызвать врача.

— Зачем? — удивилась Зоя.

— Ксения что-то невеселая.

— Я знаю, — ответила женщина. — Но она не болеет. Она не хочет уезжать. Завтра её Андрюша заберет в деревню.

— Зачем? — удивился Владислав.

— Мне скоро рожать. Может, уже завтра. Самое большее, через неделю. Ксению не с кем оставить. Я договорилась, Римма присмотрит за ней эти дни, что я буду в роддоме. Брат завтра придет и заберет её. Пусть в деревне побудет немного.

— Тетя Римма строгая, кричит всегда, она меня не любит, она сердится, если я что-нибудь ставлю не на свое место, — пожаловалась девочка Владиславу. — И Петька их со мной дерется!

Перед глазами мужчины всплыла Шурочка, больная, ползающая и убирающая в бреду свои игрушки.

— Ксюша, — нахмурила брови Зоя. — Ты неправа. Тетя Римма не злая, она просто порядок любит. А Петя обещал не драться с тобой. Пожалуйста, не плачь. Мне тоже не хочется тебя отправлять в деревню, но мы договорились.

— Да, я знаю, тебе пора за братиками, — рассудительно ответила дочка.

В голосе девочки опять появились нотки маленькой старушки, которые так не любила и Зоя, и Владислав. У малышки был несчастный вид, но Ксюша покорно склонила головку. Потом тихо спросила:

— А может, мама, не надо братиков? У нас теперь есть папа. Без братиков будем жить. И меня не надо оставлять с тетей Риммой.

Теперь стал несчастный вид у Зои.

— Ксюша, но мы же договорились...

— Да, — всхлипнула девочка. — А вдруг я уеду с дядей Андрюшей, а папа тоже от нас уедет. И мы опять будем жить без папы. Я не хочу...

— Я ни за что не уеду, — поспешил успокоить девочку мужчина.

— Все равно я не хочу в деревню.

— Зоя, но ты же пока дома, пусть Ксюша с тобой будет, — предложил Владислав.

— Владик, это все так. Но начнутся схватки. Что делать? Скажи, куда мне Ксюшу девать?

— Я же здесь.

— А вдруг ты будешь на работе?

— Я сразу приеду. Ксюша немного побудет у соседей.

— У бабы Клавы посижу, — поддакнула девочка.

Баба Клава, так звали соседку, живущую с ними на одной лестничной клетке. Это была суровая, малоразговорчивая женщина, но очень надежная. Она дружила с покойной

Аделаидой Семеновной. Обе мечтали когда-то сосватать Зою и племянника бабы Клавы, у которого в квартире та жила. Но до сватовства так и не дошло дело. Зоя даже ни разу не видела племянника Клавдии Ивановны. А вот Ксюшу иногда с ней оставляла.

— Нет, уж лучше пусть побудет Ксения в деревне, — не соглашалась женщина. — Мне же не меньше недели в роддоме быть, в лучшем случае... А не дай Боже...

— Зоя, все хорошо будет, — поспешил сказать Владислав.

— Так что, дочь, собирайся к тете Римме.

Девочка заплакала, потом подняла головку, сердито блеснула глазками:

— Я не хочу любить своих братиков! Не нужны они мне! — закричала она и укрылась с головой одеялом.

Зоя расстроилась. Влад попросил Зою выйти, сам остался за девочкой. Они о чем-то долго беседовали. Он так и не сказал Зое, о чем говорил с малышкой, но девочка успокоилась, вышла радостная, обняла маму, поцеловала её и сказала, что обязательно будет любить мальчиков, после легла и быстро уснула.

На другой день после обеда приехал Андрей, брат Зои. Зоя обрадовалась. Она была дружна с братом, очень любила его. Но так до сих пор и не сообщила Андрею, что Владислав живет с ними, что он отец её малышкой. Она даже не говорила брату, что ждет двойню. Зоя помнила, что началось, когда она сообщила, что, может, придется продать деревенский дом. Римка и так была недовольна, что все по завещанию осталось Зое. Но Андрюша уважал решение своего отца, поэтому не возражал против слов Зои. А может, просто промолчал. Все это привело к тому, что отношения между братом и сестрой стали несколько натянутыми. Зоя в последний раз уехала из деревни с небольшой обидой. Да, в её жизни было время, когда она не думала о деньгах, когда делала дорогие подарки брату и его жене, а уж как Петьку она любила да и сейчас любит... Но сейчас у Зои ничего нет. Она сама зарабатывает на жизнь. Точнее, зарабатывала. Почему Римма не хочет этого понять... Зоя даже перестала ездить в деревню, отговаривалась тем, что тяжело ей в дороге. И все же наступило время, когда женщине понадобилась помощь родных. Не хотелось отправлять дочку в деревню, Римка не очень-то любила детей. У неё в доме всегда стерильная чистота, даже Петька, их пятилетний сын, большей частью живет у бабушки, Римкиной матери. Так что невестка без воодушевления согласилась взять Ксюшу. Зоя тянула до последнего. Завтра уже срок подходит — седьмое ноября. Двести восемьдесят дней после начала безумной недели с Владькой.

— Эх, Зойка, Зойка, что ты делаешь? — сказал приехавший брат, глядя на её большой живот. — Папа бы, конечно, тебя простил, радовался бы очередному внуку. А вот мама... Получила бы ты сейчас от нашей мамы.

— Получила бы, наверно, — согласилась женщина, целуя брата. — Проходи, что стоишь в дверях? Иди за стол. Я твои любимые голубцы приготовила.

— Я ненадолго. Римка велела сегодня же вернуться. Собирай Ксению.

— А у сестры нельзя подольше побыть? Без разговоров, иди за стол. Давай хоть поговорим.

Зоя усадила брата. Ксюша воспитанно поздоровалась и притихла. Быстро ушла в свою комнату. Зоя даже была довольна этим, она не хотела, чтобы Андрей знал о Владе. А Ксюша любит поболтать. Все секреты вечно выдает в своих детских разговорах. Женщина улыбнулась, вспомнив, как девочка, не думая, выложила все, что знала, Владьке про братиков. Потом, позже Зоя все расскажет брату. Вот родятся мальчики, тогда и скажет. Но

именно сегодня Владислав освободился пораньше и приехал. «Не успел пообедать на работе! — весело пояснил он, энергично следуя на кухню. — Вот пораньше и вернулся. Есть так хочется!» Всегда успевал, а сегодня нет. И именно в то время, когда приехал Андрюша. Встреча Влада и Андрея состоялась. Владислав приветливо поздоровался. Андрей вопросительно поглядывая на Зою, сдержанно пожал протянутую руку. Зоя некстати вспомнила, как в деревне говорили, что к Римке, еще незамужней, Влад тоже захаживал.

— Так, — протянул Андрей. — Я не понял, сестренка, зачем здесь появился Владислав? Уж точно, не со мной ты его позвала увидеться.

— Знаешь, Андрюш, Владик... — начала запинаться Зоя, — он живет здесь... С н...

— Говори все прямо, Зоя. Я, Андрей, отец наших будущих детей, — перебил её Владислав.

— Каких детей? — не понял брат Зои.

— Которые скоро родятся. Зоя их родит, — весело пояснил мужчина.

— Так, — опять протянул Андрей. — Теперь я окончательно ничего не понимаю. Зоя, дети....

— Чего тут понимать? — все также весело пояснял Влад, садясь тоже за стол. — Дети от мужчин рожатся. Это-то ты знаешь? От меня рождает Зоя. Это мое! — он обхватил большой Зоин живот и бережно прижался к нему головой. — Мальчишки, ваш папка пришел. Слышите, ребятки? Вы там не хулиганьте!

Зоя осторожно высвободилась из его рук.

— Так, — в очередной раз произнес брат. — Зоя! Это правда?

— Правда, — кивнула головой женщина. — Ты кушай, Андрюша, кушай. Вот голубцы, вкусные, как мама готовила, треугольничками, с подливкой...

Ей на минуту показалось, что это папка, её любимый и живой папка, допытывается у неё про Владьку, папа любил слушать рассказы про её первую любовь. А Андрюша так на папу похож, вот точно также нахмурил брови...

— Андрей, — продолжил Влад. — Это хорошо, что ты приехал. Но Ксюша останется здесь. Со мной. Я найду выход, когда Зоя будет в роддоме. Ну не хочет ребенок в деревню. Так и не надо.

— Не надо, — тут же поддакнула Ксюша.

— Владик, Ксения... — прервала Зоя.

— Я сказал, — твердо произнес мужчина, — девочка останется здесь. Со мной! Все! Разговор окончен!

— Значит, Владик... ты его называешь Владик, — для чего-то повторил Андрей и повернулся к новому родственнику. — Владик, а не набить ли тебе морду?

— За что? — Влад был безмерно удивлен.

Ксюша мгновенно влезла к нему на колени, обняла за шею, сердито смотрела на дядю, всем видом показывая, что не допустит, чтобы били её нового папу. Владислав машинально поцеловал девочку в щечку.

— За Зойку, за сестру, — хмурил брови Андрей. — Ты, значит, постарался, и её не обошел своим вниманием... По твоей вине она скоро станет вновь мамашей?

— Андрюша! — возмущенно крикнула Зоя.

— По моей, — весело согласился Влад. — И я рад этому. А за что морду-то бить? Зоя тоже не была против... Я от детей не отказываюсь.

— Андрюша, Владик, — остановила Зоя. — Перестаньте, в самом деле. Какая еще

морда? Что за девятнадцатый век? Мы — цивилизованные, современные люди. Андрюша! Это мое было решение — рожать. Я вполне взрослая женщина! Ну что ты придумал еще! Что говоришь!

— А я отвечаю за тебя после смерти родителей, — нахмурился брат. — Жить как будешь? На что, спрашивается?

— Дом, может, продам родительский. Я уже говорила.

— Зоя, Андрей, — пытался остановить их Владислав.

— А папаша твоих детей тебя содержать не может? — осведомился рассерженный брат, глядя на Влада.

— Андрюша! — крикнула Зоя. — Перестань! — женщина разволновалась, в глазах заблестели слезы.

— Я и содержу, — Влад снял с коленей Ксению, встал с Зоей, обнял женщину за плечи. — Успокойся, Заюшка моя, тебе не надо волноваться. Мальчики беспокойные будут, — он повернулся к Андрею. — Мы, Андрей, живем вместе с Зоей. Она моя жена. Никакой дом пока продавать не надо. Я люблю Зою, люблю Ксюшу. Давай, Андрей, не будем ругаться, поговорим по-родственному. Я свою Зайку-Зойку в ближайшие дни бросать не собираюсь. Я вообще не собираюсь её бросать.

— Да, — поддакнула Ксюшка. — Папа от нас никуда не уходит. Он сразу, как нас увидел в магазине, привез свои вещи и стал с нами жить.

— Как ты сказала, — все еще сердитые глаза брата обратились на девочку. — Папа? Ты папой его зовешь?

— Да, папа, — тоненько, но упрямо протянула Ксюша, она встала впереди отца и матери, подбоченилась, словно защищая их, топнула ножкой. — И ты не ругайся, дядя Андрей. Не обижай моего папу! Папа мне туфельки на каблучках купил! — под конец тоненько выкрикнула девочка, голосочек её сорвался, она заплакала.

— Ну ты что, Ксюшка? Я никого не обижаю, — сразу сдался Андрей, который не мог видеть детских слез.

— Ксюша, дочка, не плачь, никто меня не обижает, — произнес Владислав.

Оба мужчины одновременно склонились к девочке.

— Ой, а они похожи, — машинально отметила про себя Зоя. — Волосы, глаза, даже телосложение. Недаром Андрюшка называл Влада в школе старшим братом и хотел на него быть похожим.

Слезы девочки успокоили мужчин, погасили нарождающуюся ссору.

— Ну что, братишка, — обратился Влад к Андрею. — Мир. Вот я коньяка купил к твоему приезду. Я ведь специально пораньше приехал, хотел тебя видеть. Мне Ксюша позвонила. Мы с ней вчера об этом договорились. Но я думал, что Зоя тебе говорила обо мне. Эх, Зойка — Зайка, я так и обидеться могу.

— Не надо, — примирительно произнес Андрей.

— Давай, родственник, по стопочке опрокинем.

— Давай, заодно и поговорим, как следует, — ответил брат.

— Зоя, покушать что есть? — спросил Владислав.

— Есть, — откликнулась Зоя. — Голубцы. Сейчас накладу.

— Мое любимое блюдо, — в голос откликнулись мужчины и засмеялись.

Засмеялась и Зоя, ставя на стол огромное блюдо с горячими дымящимися голубцами.

Мужчины сели за стол. Выпили и повели разговор по душам, но не о Зое, чему женщина

была рада. Они сначала обсуждали отечественные машины и иномарки. Про Зою вообще забыли. Довольная Ксюша бегала туда-сюда — деревня ей больше не грозила. Она показывала свои красные туфельки на каблуках, обнимала дядю Андрея, лезла к нему на колени, что-то рассказывала Владиславу, тот терпеливо слушал девочку. Потом Зоя услышала, как брат говорит Владу:

— Смотри, Зойку обидишь, из-под земли достану. У меня одна сестра. Первый её муж хороший был мужик. Умный. Добрый. Иномарку все обещал мне старую отдать. Жаль, умер. Не успел.

— Зой, а ты чего не отдала? — удивился Владислав.

— Так ей самой ничего не дали, — простодушно пояснил брат. — Все родственники забрали Антохины.

Зоя нахмурилась, заморгала, но мужчины уже говорили о другом.

— Я свою Заюшку ни на кого не променяю, — сообщил Влад Андрею. — Чего смеешься? Не веришь?

— Да ты по бабам ходить здоров.

— А ты? — не остался в долгу Влад. — Вместе ходили. Вспомни. Ты Римку увел тогда у меня.

— Увел, — согласился брат. — На свою голову увел.

А Зоя вдруг отметила еще одну общую черту у них — оба мужчины гуляли не хуже мартовских котов. Может, и сейчас гуляют. Но ничего. Владьку она приберет к рукам. Вот только родятся мальчишки... А Андрюшкой пусть Римка занимается. Её муж. А Влад уже обнял Зою и говорил:

— С моей Зайкой гулять не придется. Поверь мне, как мужику. Ты много от Римки нагулял?

— От неё погуляешь. Убьет где-нибудь.

— Вот тебя жена не пускает, а я сам не хочу больше. Лучше моей Заюшки никого нет. Вот еще двух мальчишек мне родит.

— Вы распишитесь сначала, потом рожайте, — советовал все еще несколько сердито брат.

— Не успеваем, — втолковывал Влад. — Не успею я развестись. Белка артачится. Не парни будут сразу мою фамилию носить! Сразу! Оба!

— Если еще вздумаете рожать, чтобы тогда точно расписались! Сходите сначала в ЗАГС. А потом рожайте. А то непорядок получается.

— Андрюш, — вмешалась Зоя, — мне наверно, двух мальчиков хватит. А дочки у нас с Владом есть уже. Хватит нам детей.

— А чего тогда о двух мальчишках говорите? — Андрей еще не знал, что Зое прочат двух близнецов.

— Так у нас двойня будет, — ответил глуповато-счастливый Влад. — Понимаешь, моя Заюшка двух мальчишек сразу будет рожать.

— Зойка, — голос брата был полон возмущения. — Почему не сказала, что двойня? Про Владислава молчала, про близнецов... Какая ты сестра после этого! Это все меняет. Продавай тогда дом, мы с Римкой будем помогать...

— А тебе какое дело? — неожиданно разозлилась Зоя. — Я не просила у вас помощи до вчерашнего дня. Но мне вот-вот рожать. Не можешь, что ли, без допроса взять Ксению на неделю?

— Зоя, — голос Владислава был сердит и непреклонен. — Я сказал, что Ксения останется дома. Со мной! Начнутся схватки, позвонишь. Мне доехать от работы до дома — двадцать минут. Бабу Клаву позовешь, поможет. Я уже говорил с ней....

— Мама, я останусь с папой, — тут же влезла Ксения.

— Папой, — довольно протянул Андрей. — Папа, все-таки, значит.

— Да, — в голос сказали Ксения и Владислав.

— Так Ксюшка тоже у тебя от Владислава? — округлил глаза брат. — Ну вы даете! Конспираторы.

— Да, — сказал, смеясь, Влад. — От меня!

— Нет, — ответила Зоя. — Ксюшин отец — Антон.

— Запутали, — сделал вывод Андрей. — Ксень, кто твой папка.

— Дядя Андрюша. Да что ты такой бестолковый. Вот мой папа, — девочка подбежала к Владу. — У меня теперь папа Владик.

— Понял, понял, — замахал рукой Андрюшка.

— Вот, лучше давай по коньячку выпьем, — предложил Владислав. — Мы с тобой все-таки родственники. Да, дом не надо продавать. Сами выкрутимся. Я в деревне новый дом построю...

Мужчины выпили и потек опять чисто мужской разговор. Зоя долго сидела с ними, потом ушла погулять ненадолго с дочкой, заодно найти и привести рыжего гулену. Вернулась. Мужички все о чем-то говорили. Наступил вечер. Андрей так и не уехал никуда, ни один, ни с Ксенией, остался ночевать. Зоя обрадовалась.

— Вот и хорошо, а то раз в кои веки выбрался ко мне, и то Римка отпустила на два часа. Я уже позвонила ей, чтобы не волновалась.

— Ну и что она сказала?

— Сказала, чтобы много не пил на радостях с новым родственником. Я ей рассказала про Владислава, — тихо засмеялась женщина.

Брат с Владом просидели до полуночи. Они хорошо набрались. Давно лежала в своей постели Ксения, видела десятый сон. Зоя тоже не выдержала, ушла спать.

— Иди, иди, Заюшка моя, — Владислав ласково провел рукой по большому животу женщины. — Иди, а то мальчики наши спать хотят, а мама им не дает. Идите, сыночки, папка обязательно к вам под бочок придет.

Зоя постелила брату в бабушкиной комнате. Мужчины еще чуток посидели и разошлись. Подвыпивший Владислав долго не хотел уgomоняться. Он сначала целовал Зою. Потом слушал её большой живот, разговаривал с сыновьями, с Зоей.

— Ты только посмотри, — удивлялся он. — Кто-то из пацанов толкнул папку прямо в ухо. Вот озорник. Дай я тебя поцелую, сынуля, — и мужчина смачно поцеловал живот. — Зоя, мы с тобой будем строго воспитывать детей, но с лаской, — продолжал он. — А как звать будем? Имена-то надо придумать.

— Я одного Сашей назову, как моего папу, — ответила Зоя.

— А у меня уже есть Саша, — расстроился Владислав. — Дочка Шурочка.

— Ну и что, — упрямо возразила Зоя. — Будут у нас Сашенька и Шурочка. Александра и Александр.

— Хорошо, — согласился мужчина. — Давай второго Сережкой назовем. Как моего папку. Александр Владиславович и Сергей Владиславович.

— Давай, — согласилась женщина. — Сашка и Сережка. А ты спи, положительный

папочка.

— Зайка-Зойка, подожди чуть-чуть. Я еще хочу с пацанами поговорить, — последовал очередной смачный поцелуй в живот: — Мальчишки, Сашка, Сережка, папка здесь! Слышите. Я вас люблю. И маму вашу люблю.

Он поднял голову и стал опять целовать Зою.

— Владька, — прикрикнула Зоя, — переведу опять в квартиранты. Будешь спать в другой комнате.

— Не дожدهшься, — ответил мужчина. — Не будет такого. Я на своем законном месте, возле сыновей и жены.

Зоя решила схитрить. Она обняла Влада.

— Ладно, лежи возле меня. Я сказку тебе расскажу.

— Про Зайку-Зойку.

— Про Зайку-Зойку, — согласилась женщина. — Слушай.

— Сейчас, сыночков поцелую.

Влад опять целовал живот.

— Владька, — взмолилась Зоя, — успокойся, меня лучше целуй, если не хочешь слушать сказку.

— Сейчас, я здесь. И тебя поцелую. Давай сказку, — Влад удобно устроился на подушке, обнял Зою. — Какая ты уютная, теплая, — проговорил он. — Подожди, не укрывайся, где мои сыночки.

— Я уже замерзла лежать без одеяла, и живот у меня замерз, — сказала Зоя. — Хватит, Владик.

— Ладно, ладно, хватит, а то простудятся пацаны, — поспешно согласился Влад. — Я только руку положу, чтобы за мальчишками следить. Они буянят сегодня, — Влад верно подметил, мальчишки толкались сильнее обычного. — А теперь сказку... Я сам начну... Жила-была Зоя, принцесса Зоя... Красивая, далекая, недосыгаемая...

— И принц Владислав, — подхватила Зоя. — Этот принц совсем не видел свою принцессу. И поэтому женился на другой.

— Неправда, это принцесса не видела принца. Потому что за ней другие бегали. Принц, по имени Владька, один раз, когда был мальчишкой, подарил ей красивый кулон, а она решила, что это ей другой принц подарил. Сашка Попов, — обиженно сказал Влад.

— Какой кулон? — не поняла Зоя. — Ты о чем?

— В школе, сердечком. Кто-то на Восьмое марта положил в сумку принцессе. Она потом его долго носила...

— Владик, — Зоя была поражена, — это был ты? Не Сашка?

— Я, — обиженно ответил мужчина.

— Ты мой хороший, прости меня, — расстроено произнесла Зоя. — Принцесса не знала этого. А принц не сказал ей. Она выросла и очень расстроилась, когда узнала правду. Но, Владик, принцесса всегда любила своего принца. Никого дороже его у неё не было. Только боялась она в этом признаться. Для этого принцесса оделась нищенкой...и сидела в свинячем одеянии у подъезда...

— И принц перестал её бояться. Сразу затащил в постель.

— Верно, а теперь принцесса скоро родит наследников, — засмеялась Зоя. — Спи. Родной мой.

Влад обнял Зою, стал затихать.

— Спи, — проговорила женщина. — Спи уж.

— Зойка-Зайка, ты не расстраивайся, — сквозь сон проговорил Владислав. — Я тебе новый подарю кулончик, не серебряный, а золотой. А Андрюшке отдам свою старую иномарку. Мне теперь нужна другая машина, большая, чтобы детей и жену возить...

— Купи сразу автобус, — посоветовала Зоя.

— А это идея...

Брат встал очень рано и поехал домой. Не стал даже завтракать. «Поеду, — сказал он. — И так Римка ворчать будет». Владислав проводил Андрея до машины, весело вернулся к нахмуренной женщине. «Заюшка моя! Что-то случилось? Ты что-то невеселая». Зоя сердито сказала ему:

— Не дал отправить девочку в деревню. С сегодняшнего дня сидишь сам с ней. Прямо с этого момента. Мне пора. У меня начались схватки. Я не стала говорить при Андрюше. Вызови скорую.

— Я сам тебя отвезу, — Владислав метнулся за машиной. — Мы успеем?

— Должны, — неуверенно ответила Зоя.

Схватки усиливались. Проснувшаяся дочка с испугом наблюдала за мамой, которая морщилась от боли и хваталась за поясницу.

— Доченька, — ласково сказала Зоя. — Одевайся. Сейчас вы с папой проводите меня в больницу и поживете несколько дней одни. Днем побудешь с бабой Клавой. Придется разбудить женщину.

Дочка послушно оделась. Зоя позвонила к соседке. Клавдия Ивановна не спала, она вставала всегда рано. Пожилая женщина немного испугалась, спросила, вызвать ли скорую помощь.

— Ничего, сейчас уже Владислав вернется, он побежал подогнать машину к подъезду, — ответила Зоя. — Побудьте, пожалуйста, с Ксюшей.

Клавдия Ивановна быстро собралась:

— Мы у вас будем с Ксюшей. Я знаю, твою квартиру нельзя без присмотра оставлять, а то родственники покойного Антона живо воспользуются твоим отсутствием.

— Ну, с вами они не справятся, — улыбнулась Зоя. — Вы настоящий бастион, крепость.

Женщина поцеловала дочку и пошла надевать верхнюю одежду.

Схватки в машине стали усиливаться. Зоя терпела из всех сил. Старалась не стонать. Она вспоминала, что первый раз рожала очень долго. Схватки были слабенькие, ей даже стимулировали роды. Но тогда Антон оплатил все услуги, поднял всех медиков на ноги, вокруг Зоя суетились и акушерки, и врачи. В этот раз Зоя не рассчитывала на это. Сама она иногда вспоминала, но не решалась сказать Владиславу, что хочет рожать в платном отделении. Неожиданно возникла пробка на дороге. И это в утреннее время.

— Какая-то авария, — раздраженно сказал Владислав. — Как не вовремя!

— Владик, я не выдержу, рожу в машине, — простонала Зоя. — Надо быстрее! Или сам будешь принимать роды.

Владислав побледнел, включил сигнал и рванул по обочине. Слава Богу, там стояли гаишники, и среди них знакомый Влада — Федька Королев, из их деревни. Он сел в служебную машину с мигалкой и помчал напрямик, включив заодно и сирену. Следом за ним мчалась машина Владислава. Зою успели довести до роддома. Акушерка, что принимала Зою в приемном покое, разохалась:

— Сейчас родишь! Прямо здесь. Что же делать? Давай быстрее в лифт. Поднимаем тебя

в родильное отделение. Вот тебе пеленка, поддерживай между ног. А то еще потеряешь ребенка, не донесешь. Предупреди врачей, позвони, — приказала она молоденькой практикантке, — роды будут очень быстрыми... Идем, идем, милая...

Зою увели. Но далеко не ушли. Минут пять ждали лифта. Вот он прибыл, закрылись двери. Стоящий Влад услышал стон Зои, крик акушерки: «Ну, потерпи, милая, потерпи!» А лифт так и не трогался с места. И вдруг за дверями лифта заплакал младенец. Спустя мгновение лифт тронулся вверх.

— Неужели так быстро? — задавал себе вопросы мужчина. — Неужели Зоя родила? Но она же в лифте! Разве можно рожать в лифте?

В это время по лестнице спустился стремительно высокий мужчина в белом халате, он почти бежал.

— Где она, нарушительница правил? Кто тут срочно рожал? — обратился врач к Владиславу. — Куда все акушерки делись?

— Там они все, — кивнул Владислав в сторону уехавшего лифта. — Там уже ребенок плакал.

И тут он узнал врача. Это был Владлен Кандинский, опытный гинеколог. Владислав хорошо его знал — они нередко вместе рыбачили. Кандинский тоже узнал Влада:

— Владька? Ты что тут делаешь?

— Жену привез. Это она там в лифте. Это она рожала. Она, что, в лифте родила?

Кандинский не ответил, нажал кнопку вызова. Лифт был занят.

— Придется опять своим ходом, — вздохнул врач, кивнув в сторону лестниц. — Неужели твоя художница согласилась второго родить? Как уговорил?

— Нет, это не Белла, это Зоя. Да что ты стоишь? Иди туда, — закричал Владислав. — Там Зоя, ей, может, врач нужен. Там уже один ребенок плакал! А Зоя двоих должна родить! Двойню мы ждем!

— Все, бегу, бегу, — Владлен умчался теперь вверх.

Владислав сидел внизу. Мысли мужчины метались в беспорядке. Да, его жены рожали, но все было спокойно. Их увозила скорая помощь, медики каждый раз предупреждали, что не скоро родят. Влад звонил, узнавал, потом шел отмечать с друзьями. Сейчас он страшно беспокоился. Ведь это была Зоя, первая женщина, которую он любил, которая стала ему дорога. И мальчики... Сыночки... Влад уже себя не мыслил без этих двух мальчишек. Они стали его частью. Только бы все хорошо, только ничего с его Зайкой-Зойкой не случилось. Господи, сделай так, чтобы Зоя и дети были в порядке, особенно Зоя. Он сидел внизу возле приемного покоя и не мог уйти, не решался и позвонить. Через тридцать минут завибрировал сотовый у мужчины. В телефоне раздался веселый голос друга.

— С тебя французский коньяк, Владька... Нет! Два коньяка! У тебя, Влад, два сына. Два шестьсот и два восемьсот. Богатыри для близнецов. На папу похожи, волосики черные, длинные. Как сразу разорались оба. Жена твоя молодец. Родила быстро, без осложнений, даже без разрывов. Но с большими нарушениями.

— Что с моей Заинькой? Говори, не тяни! С какими нарушениями она рожала? — испугался мужчина.

— Как с какими? Твоя Заинька одного пацана в лифте родила, там его акушерки приняли, второго в предродовой палате, — засмеялся врач. — Так и не довели твою красавицу до родильного отделения. Только почему ты жену в обычную палату помещаешь? Денег нет у тебя, что ли на платную палату? Или после лифта уже все равно?

— Владька, — закричал мужчина. — Владька! Спасибо. Спасибо тебе. Заюшке моей создай все условия. Есть у меня деньги, оплачу все. Конечно, платную палату! Я сейчас все оформлю... Я... мне к ней можно?

— Попозже лучше. Пусть отдохнет, поспит. Двух все-таки женщина родила! Лучше скажи, на рыбалку когда поедем?

— Нескоро теперь, — ответил Владислав. — Сам знаешь, сынишки у меня родились. Спасибо, Владлен, надо дочке позвонить, обрадовать, что купили братиков.

Он набрал номер телефона Ксюши, услышал детский тревожный голосок.

— Ну что, котенок, — обратился Владислав к девочке. — Все в порядке, я скоро приеду домой. Купила мама братиков тебе. Да, Сашку и Сережку. Сейчас мама спит, отдыхает. И братики спят. Не бойся, котенок, не волнуйся, — повторил он. — Все в порядке. Я сейчас еще чуть-чуть побуду здесь, заплачу денежки, чтобы за нашей мамой лучше следили, и сразу приеду. Ты еще немного побудь с бабушкой Клавой.

Девочка рассудительно ответила:

— Нет, папа. Ты не спеши, проверь все сам. Баба Клава говорит, что еще надо и кроватку купить братикам. У нас нет. Мы посмотрели. Мама пеленки приготовила, а кроватку все никак не собралась купить. Тебе придется эти заняться, — девочка, как видимо, повторяла слова соседки.

— Придется, — ответил мужчина. — Придется, моя умница.

— Папа, а баба Клава спрашивает, а коляска у нас есть?

— Нет, — ответил Владислав. — И коляски нет.

— И коляску тогда купи, — тут же дала указания Ксения. — Поезжай в магазин прямо сейчас и купи. А то где будут Сашка с Сережкой спать?

— Хорошо, поеду, куплю, — улыбнулся мужчина.

Он заехал в офис, быстро подписал несколько бумаг, все поглядывал на телефон — Зоя не звонила. Несколько раз сам хотел набрать номер её мобильного, но останавливался в последний момент: а вдруг Зоя отдыхает, спит. В конце концов, поехал за кроватками и коляской. Не мог сидеть на месте. Подчиненные видели, что Владислав Сергеевич чем-то озабочен, но никто так и не решился спросить.

Владислав ничего так и не купил. «Вот позвонит моя Заюшка, спрошу её, что покупать, — решил он. — А сейчас поеду домой. Как там Ксения с чужой женщиной? Сам побуду с девочкой». И в этот момент раздался долгожданный звонок от Зои.

— Заюшка моя, — нежно произнес мужчина. — Спасибо тебе, родная моя, за мальчиков. Как себя чувствуешь?

— Все в порядке, Владик. Я немного поспала. У меня чудесная палата. Тепло. Чисто. Скоро принесут кормить малышей. Я тогда позвоню тебе.

— Малыши не с тобой? — встревожился Влад. — Почему? У них все в порядке?

— Все, — ответила Зоя. — Кричать начали сразу. Да так громко. Сразу было ясно, что мальчишки. Мне еще вставать пока нельзя. Поэтому и мальчишки не со мной. Но сегодня же их уже переведут ко мне.

— А, тогда порядок, — облегченно вздохнул мужчина. — Отдыхай, родная моя, набирайся сил. Не волнуйся за Ксюшу, я домой еду, сам буду с ней сидеть.

— Владька, — в голосе женщины зазвенели веселые интонации. — Я сегодня не успела тебе сказать, что люблю тебя.

— Я тоже люблю, — засмеялся довольный Влад.

Как же он любил эти слова, произнесенные Зоей. Только после он сообразил, что не спросил про кровати и коляску. «Ничего, успею, возьму Ксюшку, и купим вдвоем», — решил он и поехал домой.

Звонок с работы настиг Влада, когда он уговаривал Ксюшу съесть суп. Мужчина отпустил соседку, сказал, что будет сам дома с девочкой.

— Ну я тогда навещу старую приятельницу, у неё день рождения, — сказала Клавдия Ивановна. — А завтра приду, посижу с Ксенией.

— Не беспокойтесь, — заверил её Влад. — Я справлюсь.

Теперь Влада требовали в центральный офис. Никак не могли решить какую-то проблему без него.

— Пап! Я одна побуду, — сказала Ксения. — Я не буду бояться. Ты же скоро приедешь. Или баба Клава придет. Мама иногда в магазин уходила и оставляла меня одну. Я уже большая. Я ведь теперь старшая сестра.

— Нет уж, дочка, — не согласился мужчина, — поедem со мной. Покажу тебе, где работаю.

Ксения обрадовалась, побежала собираться. Сотрудницы Владислава по работе разохались, когда директор приехал с маленькой девочкой. Они быстро взяли над Ксенией шефство, и через десять минут весь офис знал от разговорчивой девчушки, что у Владислава Сергеевича новая жена. Зоей зовут. Третья по счету, она родила ему сегодня двух мальчиков — Сашку и Сережку. А Шурочку они все очень любят, и мама, и сама Ксюша. И Шурочка будет любить братиков. Маму скоро из больницы домой с братиками привезут. А потом они и Шурочку еще себе заберут. Папа обещал. Разговорчивая девчушка понравилась всем. Женщины велели Ксюшу привозить к ним, они приглядят за ней, накормят. Девочка обрадовалась, ей тоже понравилось в офисе отца, она уговорила не оставлять её с бабой Клавой. Тем более, той понадобилось уехать на дачу, проверить, все ли там в порядке. Что-то барахлило отопление. А после возвращения соседка разболелась, кашляла, чихала, мужчина не решился оставлять девочку с ней.

Три дня Владислав брал с собой Ксению. Девочка ничуть не мешала ему. Она быстро нашла общий язык со всеми женщинами и успешно продолжала выбалтывать все секреты. Но на четвертый день Владу надо было в область на совещание, туда Ксению не возьмешь. А Клавдия Ивановна болела. Вечером Владислав посадил Ксению в машину и поехал в деревню к матери. Ксюша согласилась остаться на один день у незнакомой бабы Гали.

Что же началось, когда мать сообразила, зачем и с кем приехал сын. Владислав так и не понял причин гнева матери. Та, узнав, что сын приехал с чужой девочкой, что девочка — дочь Зои, разбушевалась так, что Владислав решил убраться побыстрее из дома матери. Шурочка была в это время у Беллы.

— Ксюша, придется тебе побыть у тети Риммы, — виновато сказал мужчина, садясь в машину. — Всего денечек. Я завтра вечером за тобой приеду.

Девочка тихо сказала: «Да», — и вытерла слезинки. Она испугалась, когда начали ссориться взрослые, но не решалась заплакать. А теперь слезы потекли сами. Мужчине стало невыносимо жалко Ксюшу. Он прижал девочку к себе: «Ну что ты, глупышка. Не плачь. Твой папа никому не даст тебя обидеть». И тут Владислав увидел, что к ним спешит его отец, машет рукой, чтобы не уезжал. Обычно Сергей Петрович во всем слушался жену. А тут сел в машину к сыну и негромко сказал:

— Давай, сынок, я посижу с девочкой. Да, не бойся ты. Не здесь. Я с вами поеду.

Сколько надо, столько и побуду, — глаза его ласково смотрели на девочку. — Только сам матери позвони, чтобы не искала меня. Ксюша, ты со мной не боишься оставаться? Я дедушка... твой дедушка... Настоящий...

— Нет, — ответила девочка. — Тебя я не боюсь... Я её боюсь.

Она кивнула в сторону дома. На пороге показалась Галина Ивановна, она спешила к машине.

— Мам, я отца забираю, — решительно произнес мужчина. — Он побудет с Ксенией, раз тебе это в тягость.

— Пусть сидит, только пусть помнит... — и мать неожиданно замолчала.

Сергей Петрович сказал:

— Я все помню, Галина, всегда помню, но с Зоиной девочкой буду сидеть. Надо сыну помочь... и Зое тоже. Заодно внуков посмотрю. И ты кончай со своей глупой ненавистью... Сколько можно... Уже вся жизнь прошла... А ты все не успокоишься...

Впервые на памяти Владислава отец не был согласен с матерью. Галина Ивановна сторбилась и молчком пошла назад.

— Пап, а почему мать так не любит... — Владислав замолчал, увидел любопытные глаза Ксении.

Отец вздохнул и ничего не сказал.

Сергей Петрович пробыл с девочкой до возвращения Зои из роддома. Он моментально нашел общий язык с Ксенией, стал ей настоящей нянькой, читал книжки, гулял, играл, сидя на полу, в кубики, кормил, варил, укладывал спать, они даже песни пели на пару.

— Деда, я тебя люблю, — обнимала его девочка.

— И я тебя люблю, — отвечал дед.

На лице Сергея Петровича расплывалась довольная улыбка. Благодаря новой внучке Сергей Петрович много чего узнал о сыне, о Зое, об их жизни. Ксюша любила поговорить. Однако от встречи с новой невесткой отец Владислава уклонился. Позвонила Галина Ивановна, она что-то сказала, и отец Владислава накануне выписки Зои из роддома собрался и уехал домой.

В роддом к Зое Владислава не пустили. Начались резкие холода, в городе вспыхнула эпидемия гриппа, ввели карантин. Мужчина еле дождался, когда выпишут Зою с малышами. Переживал, как бы Зоя или кто из детей не заболел, будучи в роддоме. Дома было все подготовлено для новых членов семьи. Пеленки, распашонки, одеяльца — все это купила сама Зоя. Владислав приобрел две отдельные кровати, большую двухместную коляску, ванночку. Зоя смеялась, когда он звонил и спрашивал: подходит или нет, что он выбрал:

— Все подойдет, Владик, — успокаивала женщина. — Ты же уже трижды забирал детей из роддома. Должен сам все знать.

— Заюшка, но это была не ты. И мальчиков у меня не было еще. Да еще двое сразу, — переживал мужчина.

— Владь, да не переживай, кровать и есть кровать. Коляска, правда, должна быть двухместная...

— А вдруг тебе не понравится, — возражал Владислав.

— Владька, я люблю тебя, поэтому мне все нравится, — ответила женщина.

Зою выписали через неделю. Мужчина волновался, переживал. Он с помощью соседки дважды пересмотрел приготовленные для малышей вещи, под руководством Клавдии Ивановны переглядел с двух сторон пеленки. Упаковал нужное для выписки. Ксюшу решили

оставить все-таки с соседкой, когда поехал за малышами и Зоей. Вот вышла Зоя, следом шла медсестра, держа в руках два голубых кулечка. Мужчина запаниковал, как он сразу двух малышей понесет на руках. Ничего, получилось. Помогла медсестра. Он так волновался, что забыл поцеловать свою Зойку-Зайку. Сунул ей цветы и конфеты и быстрее к малышам. Зоя засмеялась, отдала цветы и конфеты медсестре. Лишь усадив женщину с детьми на заднее сидение, Влад обнял её, осторожно, чтобы не побеспокоить малышей, поцеловал:

— Заюшка моя, какой я сегодня счастливый! У меня два сына!

— Спасибо, Владь, — откликнулась Зоя.

— За что? — засмеялся мужчина.

— За то, что ты есть, и я тебя люблю, за мальчиков тоже. Едем домой, родной мой, едем побыстрее.

Лишь дома мужчина рассмотрел своих мальчишек. Темноволосые, с крупными, круглыми глазами. Улыбаются уже.

— Глазки будут темно-карие, красивые, как у папы, — проговорила Зоя. — Видишь, уже проскальзывает цвет.

Владислав соглашался, хотя ничего еще не видел. Мальчики были почти что одинаковые, лишь один малыш был чуть покрупнее.

— Этот будет Сашенька, — решил отец.

Зоя согласно кивнула головой. Второй, поменьше, стал Сергеем. Но в целом, мальчики были абсолютно одинаковые, такие маленькие, худенькие, беспомощные, тонкие ручки и ножки, слабые шейки, что еще не могли держать головок. Владислав почувствовал небывалую нежность и жалость к детям. Хотелось укрыть их, защитить от всех будущих бед. Мальчишки лежали в своих кроватках, тихо сопели носиками. Вот заплакал первый, следом второй. Зоя быстро стала пеленать, одного за другим. Дала грудь сначала Сережке:

— Он маленький, — пояснила она. — А молока, мне кажется, у меня не очень много. Пусть первым Сережа сосет.

— Зоя, ты и Сашеньку не обижай, — ответил Владислав.

Второй младенец тем временем выражал недовольство на его руках, вертелся, пытался заплакать. Но вот первый наелся, утих. Зоя быстро положила его в кроватку, взяла другого малыша. Он важно зачмокал губками.

— Вот и Сашеньке нашему мама поесть дала, — приговаривала Зоя.

— Зайка, — испуганно проговорил Влад. — Как же ты завтра без меня одна с ними останешься? Как вместе расплачутся! Что будешь делать?

— Ой, Владь, сама не знаю. Хорошо, что молоко у меня есть. Ведь когда родила Ксюшу, ни капли не было. Набегалась я тогда с бутылочками. А теперь полегче. Еда на месте, и нужной температуры. Подогревать не надо.

— А я всегда думал, как тебе удалось после Ксении сохранить свою королевскую грудь, — невпопад ляпнул Владислав.

— Все-то ты замечаешь, — засмеялась женщина.

И покатались дни, наполненные семейными заботами. Слава Богу, мальчишки были относительно спокойными. Ночью спать Зое давали. Ксюша особого интереса к братикам не проявила, нехотя иногда качала коляску. Её больше интересовало, почему папа давно не привозил Шурочку.

А Владислав был доволен своей новой жизнью. Он с Зоей получил то, к чему всегда неосознанно стремился: уютный дом, заботливая жена, дети. Его здесь любят, ждут. Ксюшка

по делу и без дела повторяет «папа», девочка просто наслаждается этим словом. Зоя вся светится счастьем, хоть и устает с двумя малышами. А Владу просто хочется каждый вечер возвращаться в этот дом, поговорить с Ксенией, взять на руки сыновей, удивиться в очередной раз, как можно сразу двух родить, таких одинаковых. Хоть и была слава у мужчины, что он мартовский кот, гулена, что не пропустит ни одной юбки, он легко привык к новой жизни, в которой гулять было абсолютно некогда.

— Я нашел свою пристань, — доверительно говорил он Зое в редкие минуты, когда они бывали наедине, когда спали мальчики и не вертелась рядом Ксения. — Вы — моя тихая пристань.

— Не очень-то и тихая, уже пищит первый кораблик, и второй начал, — отвечала Зоя, подсовывая в руки Владислава одного из проснувшихся малышей, второй требовательно орал в своей кроватке.

— Ну, с нашей мамой что-нибудь, да не так, правда, сынок? — целовал малыша мужчина, любясь круглым личиком с живыми выразительными глазками.

Как и предсказывала Зоя, глаза у мальчишек становились темными, отцовскими.

— И тебя это устраивает? — Зоя начала кормить ребенка.

— А почему бы и нет, — отвечал Влад. — Сейчас наша мама и Сашеньке даст покушать. Опять она Сереженьку первым взяла.

— А сегодня его очередь, — поясняла женщина.

Но в одном Владислав не признавался Зое: истосковался он по женщине, очень истосковался, сны замучили, но он был верен Зое, считал дни после родов, когда сможет обнять свою женщину, не сдерживая естественных мужских порывов. Как он по ней соскучился! А Зоя, наверно, знала все его мысли, она как-то, когда Владислав, сказав про себя: «Еще пять дней осталось мне потерпеть!» — намеривался уснуть, повернулась к мужчине, обняла, ласково побежала пальцами по его телу и произнесла:

— К черту эти оставшиеся пять дней, Владька. Я замучилась ждать. Ты хоть по бабам иногда бегал...

— Не бегал я... — обиженно возразил мужчина.

— Владик-Славик мой, мне сейчас все равно. У меня последний раз мужчина был за девять месяцев до рождения близнецов. Все! Больше не могу. Знаешь, я даже дни считала, в календаре отметила, кружочком обвела. Я хочу тебя... Сегодня ты только мой. Господи, только бы дети не проснулись...

Владислав понял все с первого мгновения, уже её целовал... Все было божественно. «Наша очередная первая брачная ночь», — так в шутку назвала эту ночь Зоя.

— Заюшка, а ты мне парочку дочек не родишь после сегодняшней ночи? — утром поинтересовался мужчина. — В общем-то, я не против.

— Сплюнь, — испугалась Зоя. — А я по деревяшке постучу. Хватит нам детей.

— Но ты же не признаешь презервативов.

— Я с... — Зоя хотела сказать «с мужем», но это слово застряло.

Владислав ничего не говорил об их женитьбе, хотя близнецы были записаны на его фамилию, в графе «отец» стояло его имя. -

— Я же с...с... с тобой. Зачем презерватив? Я же кормлю грудью. Не должно быть беременности, — путано поясняла женщина.

— В случае чего не расстраивайся. Вырастим и девчонок, — рассудительным тоном, как Ксюшка, произнес Влад.

— Положительный ты наш папаша, — засмеялась Зоя.

Галина Ивановна продолжала сердиться на сына. Новую его жену отказалась признавать. Называла не иначе, как шлюха Зоя, правда при отце так не говорила. Ни разу не навестила появившихся внуков, не прислала даже подарка. Это очень обидело Зою, но она молчала. Но Владислав все замечал, чувствовал. Все это привело к большой ссоре между матерью и сыном. Влад перестал окончательно ездить и звонить матери. Та наотрез отказалась брать к себе Шурочку, когда Белле было некогда. «Пусть сами сидят, — заявила она. — К мнению матери не прислушиваются! Мать для них плохая». А у Беллы были очередные творческие планы, но дочь ей пришлось забрать из деревни.

Влад, через день заехав в старый свой дом в обед, обнаружил, что Шурочка сидит одна. Девочка, увидев отца, заплакала, бросилась к нему. Из еды в доме было только молоко и кукурузные хлопья, которые девочка не любила. Да и молоко она не смогла бы подогреть. Владислав выругался про себя, собрал дочку и с несколько виноватым видом привез в дом Зои. Она страшно уставала с близнецами. Но, глянув на прозрачное личико Шурочки, её заплаканные глазки, не стала ничего говорить. Из своей комнаты выскочила Ксюша.

— Шурочка, — закричала она, обнимая подружку. — Моя Шурочка! Папа, ты привез Шурочку поиграть со мной? А она ночевать у нас будет?

— Да, — кивнул Владислав.

— Шурочка, идем играть, — Ксюша уже тянула девочку в свою комнату.

— Вот что, девочки, — голос Зои был строг. — Вы сейчас вымоете руки и за стол. Я сварила куриную лапшу. Надо поесть горячего. Играть только потом. И папа поест с вами. Быстро все в ванную, пока Сережка с Сашкой спят.

Облегченно вздохнул Владислав. Признательно поцеловал Зою в щеку: «Спасибо, родная моя».

— Ну, мама, — недовольно протянула Ксюша. — Я так ждала Шурочку, мне надо ей подарок отдать. Можно мы потом покушаем? Вечером. Я сейчас не хочу кушать...

— Нет, — ответила Зоя. — Ты никогда не хочешь кушать...

— Правда, правда, — подтвердил Владислав, вспомнив, как уговаривал девочку поесть, пока Зоя была в больнице.

— Вот, видишь, и папа так говорит. Да и Шурочка хочет кушать. Правда? — Зоя ласково посмотрела на дочь Владислава. — Ты хочешь лапши с курочкой?

— Хочу, — тихонько сказала девочка.

— Так что быстро в ванную, да шумите потише. Мальчишки могут проснуться... Я вам быстро накрою на стол.

Владислав посмотрел на девочек, взял их за руки и тоже пошел мыть руки. Девчонки быстро убежали за стол, а мужчина быстрым шагом пошел к малышам. Он сегодня и так, можно сказать, опоздал к ним. Обычно, приехав, Владислав первым делом спешил глянуть на сыновей. Как всегда, при виде важно сопящих розовых носиков он почувствовал гордость: попробуйте, родите сразу двух парней. Как он хотел всегда сына, а были только дочки. Молодец его Заюшка, одним разом двух принесла. Малыши подросли за полтора месяца, округлились щечки, они уверенно уже держали головки, появились складочки на ручках и ножках. Мужчина осторожно, чтобы не разбудить, наклонился, поцеловал малышкой и пошел за стол.

Домашняя лапша, которую готовила Зоя, была исключительно вкусная. Когда только успеваешь, как всегда, удивился Владислав. Стоило ему вчера сказать, что любит домашнюю лапшу, и вот... Он сидел за столом с девочками, с аппетитом ел душистую наваристую лапшу, следил, как быстро работает ложкой Шурочка и нехотя ковыряется в тарелке Ксения. На сердце было спокойно. С дочкой будет полный порядок. Главное, объяснить Белке, что не даст он ей одной бросать ребенка. Некогда ей, пусть отдаст ему. С ним девочке будет лучше. Точнее, с Зоей.

А Зоя? А Зоя с жалостью и удивлением смотрела на тихую похудевшую дочку Владислава, что с аппетитом подносила одну ложку лапши за другой к своему розовому роту. «Голодная, бедняжка, — думала она. — Вон как молотит». У женщины была уверенность, что сама она никогда не расстанется с Владиславом, что его девочка станет сестрой и подружкой Ксении, что им всем суждено жить вместе. В конце концов, Владислав любит Ксюшу, заменил ей отца, Зоя также будет относиться к Шурочке. Ксюша же ела мало, она была занята другим: объясняла Шурочке, что они сестренки.

— Твой папа — это и мой папа. Значит мы с тобой сестренки, — блестя глазами, говорила девочка.

— Сестренки, — повторила Шурочка.

— Самые настоящие, родные. Правда, пап? — не унималась досужая Ксения.

— Роднее не бывает, — ответил довольный Владислав.

— Папа, а когда ты меня домой повезешь? — робко вдруг спросила Шурочка.

— Не повезет папа тебя домой, — тут же влезла Ксюша. — Ты сегодня со мной спать будешь. На моем диване. Мы уместимся. Мы же сестренки.

— Шурочка! Ты домой хочешь? — удивился Владислав.

— Нет, — тихо ответила девочка. — Я хочу с Ксюшей играть.

— Вот и играйте, — Зоя ласково погладила девочку по головке. — А спать будешь на своей кроватке в комнате Ксюши. Папа тебе купит кроватку, мы её поставим в вашей комнате. Ну идите играйте! Конфеты заберете?

— Да, — тут же ответила Ксюша. — И колбасу тоже. Шурочка будет есть. Она любит колбасу.

— Берите, — засмеялась женщина.

— Да, пап, — приказала Ксения. Ты и мне купи кровать. Мы с Шурочкой сестренки, у нас все должно быть одинаковое. И кровати тоже.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответил Владислав.

Девочки убежали.

— Звони, — Зоя смотрела на мужчину.

— Куда? — не понял тот.

— Белле звони, скажешь, что забрал дочку, она у нас останется.

Объяснение Влада со второй женой прошло на удивление гладко и ровно. Белла спокойно выслушала, что муж забрал Шурочку к себе, и только спросила: а нельзя ли оставить девочку на несколько дней. Беллу зовут с выставкой в соседний город. Не брать же ей дочь с собой.

— Можно, — закивала быстро головой Зоя, которая тоже слышала этот телефонный разговор, Влад включил громкую связь. — Можно. Какая разница — трое или четверо детей. А потом Шурочка, она и шуметь не умеет. И кушает хорошо. И знаешь, я вижу, ей хочется помянчить мальчиков, только Ксюшка не даст. У неё столько важных дел с Шурочкой.

Прямо удивляюсь, как она без неё жила. Да, и про кровати не забудь.

— Заюшка, а может, кровати вдвоем купим? Вдруг не такие куплю.

— Знаешь, привези рекламный проспект. Вместе с девчонками выберу. А то угловой диван Ксюшкин, в самом деле, неудобный. Как девчонки спят на нем?

Прощальный привет Аделаиды Семеновны

Девочки после обеда ушли в бабушкину комнату и там играли. Владислав уехал на работу. Зоя накормила близнецов, мальчики уснули, и девочкам надо было поспать. Когда Зоя вошла к девочкам в бабушкину комнату, то ахнула — на полу, стульях, кровати лежала одежда, все бабулины комоды были вывернуты, кроме одного ящика. Девочки перемерили все наряды Аделаиды Семеновны и теперь устало смотрели телевизор, лежа на широкой кровати.

— А, потом уберу, пусть играют, — решила Зоя, глядя на притихших девочек. — Заодно и переберу все. Ведь я после смерти Аделаиды Семеновны так ничего и не трогала. Не дай Боже, моль завелась. Может, и документы где какие найду. А то Арина Андреевна в суд подала, требуя выселить меня из этой квартиры. Ведь где-то должно быть завещание. Ведь обещала бабуля. Не может быть, чтобы она не сдержала своего слова. Может, в какой нотариальной конторе есть копия? Надо как-то узнать. Но когда мне сейчас этим заниматься? Владьку, что ли, попросить о помощи?

Но Зоя занялась ящиками только поздно вечером. Близнецы уснули, девочки, наигравшиеся за весь день и уставшие, тихонько смотрели в своей комнате мультики. Вот раздался топот детских ножек — Ксюша побежала к холодильнику.

— Смотри, — подмигнула Зоя Владу, кивая на дверь в кухню, что была напротив бабулиной комнаты, — Ксюшка интересуется едой. С чего бы это?

— Да она опять понесет Шурочке что-нибудь, — засмеялся Владислав. — Там же колбаса и сыр в неограниченных количествах. И котлет целая куча.

— Лучше бы яблоки девочки ели, — слегка нахмурилась Зоя. — Но и бутерброд не повредит.

Владислав пошел посмотреть, вернулся, смеясь:

— Знаешь, они йогурт взяли, едят. И Ксюшка ест. Прямо не верится.

— Йогурт — это хорошо, — обрадовалась Зоя. — Купи завтра побольше. И еще творожков. Шурочке они нравятся.

Женщина уже сложила все наряды и пыталась выдвинуть последний ящик из комода, чтобы посмотреть, что в нем. Ящик не поддавался.

— Давай я помогу, — встал Владислав.

Он подергал, поднажал на ящик. В результате внутри что-то треснуло, и комод рассыпался. Рассыпался, в прямом смысле, на отдельные дощечки. Зоя испуганно оглянулась. Слава Богу, дети не проснулись. Женщина тихо засмеялась, а Влад присел, посмотрел на грудку деревяшек, растерянно оглянулся на Зою, поднял какой-то плоский металлический ящичек, что лежал посредине бывшего комода.

— Похоже на небольшой сейф, — сказал он и открыл его: — Зоя здесь какие-то бумаги, ключ какой-то. И вот еще.

В руках у него был какой-то небольшой желтый брусочек. Несколько точно таких брусочков лежало на полу.

— Тяжелый, — в задумчивости проговорил мужчина, разглядывая непонятный предмет. — На золото похоже.

— Это и есть золото, — ответила Зоя. — У меня был такой же, Антон мне дарил, когда я родила Ксению. Только... только... у меня его забрали после смерти мужа. Он остался в

старой квартире...

— Зоя, ты не хочешь поговорить? Я очень многого не знаю о тебе...

— Потом, — ответила женщина. — Давай бумаги посмотрим.

— Здесь дарственная, на квартиру, на Ксению, — сказал Владислав, пробежав бумаги глазами, — Ключ от банковской ячейки. Документы на тебя. И письмо тебе.

Зоя взяла лист и медленно прочитала:

— *Зоюшка, если ты читаешь эти строки, значит, я умерла. Наберись терпения и послушай последний привет старухи...*

Семья первого мужа

В семье Островецких всегда были деньги. До социализма, при социализме, после него. Мужчины этого семейства отличались деловой хваткой, любовью к жизни и женщинам.

Антонина Петровна Островецкая рано осталась вдовой с двумя сыновьями-близнецами на руках — Иваном и Григорием. В роду её мужа двойни рождались регулярно по мужской линии. И её муж Петр не был исключением. Близнецы родились сразу после войны. Их отец пришел с фронта с тяжелым ранением, но влюбленную в него Тоню это не остановило. Она вышла за своего Петечку замуж и прожила с ним десять счастливых лет, несмотря на многочисленные романы мужа. Петр Тимофеевич был директором крупного продовольственного магазина. Те десять лет, что отпустила ему судьба после войны, он не терял даром. Лишние деньги вкладывал в драгоценности. А как еще возможно было при социализме сделать накопления. Может, дотянулась бы до него рука закона или какого-нибудь ревнивого оскорбленного мужа, но военное ранение дало о себе знать. И Петр Тимофеевич сгорел за два месяца. Не помогли ни деньги, ни связи. Антонина Петровна не растерялась после смерти мужа. Припрятала денежки и драгоценности и пошла работать сначала продавцом в магазин покойного мужа, после её повысили в должности, деньги опять появились в семье. Тоня работала и растила мальчишек. Иван пошел в мать, был серьезный, уже в школе он был то председателем пионерского отряда, то комсоргом, и неудивительно, что его карьера была predetermined. В восемнадцать лет студента технического вуза рекомендовали в партию, а впоследствии и в партийную школу. Григорий был совсем другой. Он унаследовал авантюристический характер отца. Учился он неплохо, но любил погулять. «В отца пошел», — думала мать и прощала все выходки сына. Гриша, как и брат, поступил в технический вуз, но в партию вступать не стал, окончил и уехал по распределению в далекую Сибирь. Мотался сначала по социалистическим стройкам, повстречал на одной из них веселую комсомолку Аду, женился, потом прижился на золотых приисках в качестве главного инженера. Иван к тому времени возглавлял район. Он тоже женился. Но если Иван был верен своей красавице Лилиане, любил её, то Григорий продолжал гулять и при жене. Аделаида устраивала скандалы, порой дралась с мужем, но не собиралась уходить, любила она своего гулящего Гришку больше всего на свете, тем более у них уже был сын Владимир. Григорий же, сколько ни гулял, а всегда в семью возвращался. Он тоже любил свою Аду, своего сына. И еще была одна причина, по которой Аделаида сохраняла этот брак, прощала все мужу. Рожала она долго, тяжело, чуть не умерла, больше ей рожать не разрешали врачи.

У Ивана же детей не было. И вскоре выяснилось — причина в нем. Но мужчина очень любил свою красавицу жену, кареглазую черноволосую Лилиану, а та до боли в сердце хотела ребенка, своего, родного. Порой просыпаясь утром, говорила мужу:

— Господи, как я хочу ребеночка! Может, мне еще раз провериться, может, подлечат меня? И я смогу родить?

Иван скрыл от Лилианы результаты своих анализов, не признался, что это он бесплоден: боялся, что уйдет она от него. Об искусственном оплодотворении тогда еще не знали.

Решение этой проблемы брата нашел Григорий, который гостил в южном городе у брата с женой и сыном. Отпуск был долгий, первый за несколько лет. Иван как-то, выпив,

поделился с Григорием своей бедой, сказал, что больше всего боится, вдруг Лиля его бросит, уж больно ей хочется своего ребеночка родить.

— Знаешь, я бы простил ей, если бы она с кем переспала, родила, я бы любил малыша. Но боюсь, узнает она о моей бесплодности и бросит меня, — в порыве пьяной откровенности сказал Иван Григорию.

— Братишка, — сказал Григорий. — Ты только морду мне не бей. Но все можно сделать быстрее и проще. Ведь мы с тобой две капли воды...

— Ну и что? — не понял брат.

— Давай я в баню схожу вместо тебя с твоей Лилианой. А там глядишь, родит она тебе наследника, по крайней мере, кровь Островецких будет...

— Ты чего? — побагровел Иван.

— Сам же сказал, что готов простить Лильке, если она с кем и переспит, лишь бы тебя не бросила... Так я могу помочь... Да шучу, шучу... Чего завелся....

Иван после этих слов лишился дара речи, но зерно сомнения было заронено, и Иван привык к этой мысли и решился. И когда Григорий возвращался с женой и сыном к себе в Сибирь, то Лилиана была уже беременна, беременна от Григория. Эта тайна, считал Иван, осталась между братьями, а тем более больше Григорий не приезжал к брату. Лиля родила мальчика, Александра. Иван честно пытался любить его. Но ни Иван, ни Григорий никогда не вспоминали про баню, словно этого и не было. Иван успешно продолжал партийную карьеру. У Островецких было все. Иван даже построил свой дом, большой, просторный. Жили хорошо, состоятельно, даже богато, до той степени, до которой позволял социализм.

Муж Аделаиды Семеновны не был исключением из семьи Островецких, он тоже делал деньги. Григорий, веселый гуляка и одновременно деловой человек, долгие годы был одним из главных инженеров на золотых приисках. Как уж он сумел, но золотишко хорошо осело в его карманах. А потом наступила расплата. Мужа Аделаиды арестовали, судили, дали большой срок, имущество конфисковали, а золота так и не нашли. Аделаида Семеновна давно предчувствовала эту беду. Золото она надежно спрятала. Не знал где она даже Григорий. Но в трудные дни, когда Гришу арестовали и судили, жена его понимала: нельзя трогать это золото, еще хуже будет Грише. Семья бывшего главного инженера впала в крайнюю бедность. На помощь Аделаиде Семеновне пришел Иван. Он занимал крупный партийный пост в одной из южных областей. Ему удалось скрыть неприятности, случившиеся с братом, его арест мог отразиться на его карьере. Но Иван был в большом долгу перед Григорием, благодаря Гришке, сохранилась его семья, и он принял участие в судьбе его сына и жены, которые остались безо всего. Факт кражи золота по-прежнему не был подтвержден. Но Иван не стал добиваться пересмотра дела, боялся за свое благополучие. Григорий, словно зная, что настанет час расплаты, что ему недолго ходить в живых, просил жену во время свидания позвонить брату — пусть приедет. И брат тайком навестил арестованного Григория, обещал выполнить все его просьбы. Аделаида получила приказ от мужа выполнять все советы Ивана. Поэтому она оформила развод, вернула свою девичью фамилию — Наумова. Наумовым стал и единственный сын Владимир. Вскоре пришло известие, что Григория убили на зоне. Иван привез в родные места тело брата и похоронил возле родителей. За могилой следила Лиля. После этого Иван устроил жену умершего брата подальше от себя и от их бывшего места жительства. Аделаида Семеновна работала секретарем директора завода в Ас-ке, где через два месяца получила жилье. Так Аделаида Семеновна оказалась в малогабаритной хрущевке. По просьбе Ивана, о себе не

напоминала и с родственниками не встречалась, тем более, уже в живых не было веселого гуляки и делового человека Григория, а Ивана Ада недолюбливала. Сын Владимир пошел не в отца, не обладал ни смелостью, ни хваткой, ни умением веселиться. Рано женился. Взял женщину старше себя, с ребенком, усыновил мальчишку. Внуком Аделаиды Семеновны стал Антон, умный, головастый мальчишка. Матери, Арине Андреевне, некогда было заниматься сыном, вот и подкинули мальчишку приемной бабушке. Приемный внук часами мог слушать бабушку, её рассказы о дедушке Григории. Когда грянула перестройка, Антон уже был взрослым, состоявшимся человеком. Он воспользовался моментом, начал делать деньги. А помогла ему Аделаида Семеновна. Не пропало золото, что приобрел её покойный муж. Оно дождалось своего часа, своего нового владельца, послужило стартовым капиталом для Наумова Антона. Антон стал богатым, очень богатым. Женился, родился ребенок, но Арина не дала сыну жить с семьей. Развела. Невестка попалась зубастая, отсудила при разводе приличную часть.

— Дурак ты, Антон, — сказала ему Аделаида Семеновна, — хорошую бабу упускаешь. Она такая же хваткая, как и ты. Вместе бы горы свернули.

— Или в тюрьме оказались, — ответил Антон. — У Дины непомерные требования. Бабушка промолчала.

А потом, Зоюшка, Антоша встретил тебя, — писала Аделаида Семеновна. — И я тогда благословила его первый развод. А как бы ты стала его женой?

Антон разбогател. Он давно лелеял мечту сделать королевский подарок бабуле — купить ей новую большую квартиру. Аделаида Семеновна радовалась. Арина Андреевна была категорически против.

— Куда в вашем возрасте такая огромная жилплощадь? — шипела она. — Живите в своей двушке. Вам этого много.

— Я еще замуж выйду, Арина, — весело отвечала бабушка. — Я женщина темпераментная, интересная. Или новых наследников найду, чтобы тебе квартира не досталось. Разыщу Дину и подарю ей. Она ведь вам наследника родила.

— Это не от Антона, — взвивалась Арина.

— И мне Антон неродной внук, — не оставалась в долгу свекровь. — Но я могу подождать еще правнуков. Или лучше второй жене Антона оставлю квартиру.

Когда Аделаида Семеновна это говорила, она имела в виду Зою, которую полюбила от всей души. Вторая жена внука не умела фальшивить, была веселая, интересная женщина, с большим уважением относилась к мужу, к его родителям, к бабушке. Мать же Антона, помня, как первая жена Дина отсудила большие деньги, поставила сыну перед женитьбой условие, чтобы он перевел все свое состояние на её имя.

— Тогда и женись на молоденькой, — сказала она сыну. — Никакой развод тебе не страшен будет. А у меня в любом случае только ты наследник.

Про Юльку Арина молчала. И Антон ухватился за эту мысль, его все-таки немногосмущала разница в возрасте — он женился на молоденькой Зое. А вдруг брак с Зоей не будет долгим. И весь капитал Антона стал в скором времени формально принадлежать матери. С новой женой Антону повезло, так считал он сам. Веселая, умная, любой разговор поддержит, Зоя сразу вошла в их общество. Манеры женщины были безукоризненны. И с сексом был полный порядок, жена не строила из себя святошу, она откровенно признавалась: «Мне

нравится. Я люблю секс!»). Денег для жены Антон не жалел. Зоя поддерживала его во всем, была в курсе всех его дел. Прожив несколько лет с Зоей, мужчина подумывал, чтобы часть акций перевести на её имя, но встала на дыбы мать. Зоя и Антон практически не ссорились, жили хорошо и дружно. Лишь раз Зоя сильно рассердилась на мужа и даже впоследствии чуть не ушла от него. Это было в тот день, когда Антон отмечал удачную сделку и перебрал спиртного.

Антон хорошо нагрузился. Подписал все документы и расслабился. Это часто стало у него появляться в последнее время. Зоя была сердита, но от мужа не отходила. Она забрала кейс с документами у Антона и держала его при себе. Тут же была бабушка, Аделаида Семеновна. Антон часто её звал присутствовать при некоторых сделках, считал, она приносит удачу. Компаньон и родственник Антона, муж его сестры Юльки, Игорь Вальяжников, предложил продолжить отмечать удачную сделку у него на даче. Антон сразу согласился. Зоя нет, но ей пришлось подчиниться. Она пыталась схитрить, уговаривала, чтобы по пути заехали к ним, а уж там она заставит мужа остаться дома, но Игорь догадался о намерениях молодой женщины. Ничего не вышло. Недовольная Зоя обронила:

— Ладно, едем. Сейчас буду готова.

— Нет, не сейчас, а сию минуту, — возразил радостный Антон.

— Я в туалет, — ответила жена.

— Туда можно, — согласился муж.

— А я уж домой поеду! — сказала Аделаида Семеновна. — Я устала. Не для старух не спать по ночам. Зоенька, следи за Антошей. А мне уж вызовите такси, побалуйте старуху.

— Бабуля, ну какая ты старуха? — обнял её Антон. — Ты самая лучшая у меня. Самая молодая. Готовься, я к твоему дню рождения куплю тебе огромную квартиру. Теперь у меня еще больше денег.

— Хорошо, внучек, — ответила бабушка. — Давай облобызаемся, и вызывайте такси. Игорь. Позвони! Старухе пора поспать.

Антон расцеловался с бабулей, а Игорь с удовольствием вызвал такси. Старуха отличалась проницательностью и не любила его и Юльку, свою единственную родную внучку, жену Игоря. И не скрывала этого.

— Давай, Антоша, я кейс заберу с документами, — сказала бабуля. — А то еще пропьешь где-нибудь. Спрячу их в свой ридикюль.

Аделаида Семеновна показала свою любимую сумку огромных размеров, там уже что-то лежало.

— А он у Зойки. Сейчас придет и отдаст, — весело произнес Антон.

— Ну, нет уж, — возразил Игорь. — В такси везти такие бумаги. Да и возраст у вас уже не молодой. Нет, Аделаида Семеновна, кейс будет у Антона. Так лучше и надежнее.

— Ладно, — согласилась бабуля. — У Антона, так у Антона. Пойду-ка и я в туалет. А то памперос забыла сегодня надеть.

Бабушка любила позлить чопорную Юльку. Антон захохотал. А Аделаида Семеновна подмигнула вернувшейся Зое и вышла из комнаты, но по пути пыталась взять кейс у неё. Игорь не дал этого сделать. Словом, бабуля уехала без кейса. Зоя поддержала Игоря, но так и не дала никому документов в руки, пока не приехали к Вальяжниковым. На даче пьянство продолжилось. Юлька веселилась с мужиками, а Зоя отказалась пить, она устала. Молодая женщина ушла в выделенную им комнату, устроилась отдыхать. Посмотрела еще раз в кейс. Улыбнулась. Файлы с бумагами были на месте.

— Не буду больше за собой носить, — решила она. — Хватит.

В душе поднималась злость на мужа, который и не собирался спать. Было уже поздно. Стемнело. Внизу все также шумели мужчины и Юлька. Порой доносились взрывы смеха. Неожиданно среди ночи к Юльке заехала её знакомая, почти подруга. Художница Белла Светлицкая. Зоя сверху слышала все их разговоры.

— Творческая натура! — закричала Юлька и рванулась навстречу. — Заходи!

Подруги расцеловались.

— По какому поводу праздник? — осведомилась Белла.

— Отмечаем удачную сделку. А где твой новый-то? — спросила Юлька.

— А ну его, мужлан, — манерно протянула художница. — Никакого воспитания. В саду остался. Недоволен. Я творческий человек. У меня полет фантазии, мне нужно вдохновение, а он, видите ли, домой хочет. Поест захотел, поспать, работал сегодня много, заявляет мне... Да и пить ему нельзя. Он за рулем.

— Зачем тогда замуж за него собралась? — поинтересовался пьяненький Антон. — Муж хвост прижмет. Перестанешь летать в свои творческие полеты. Зови сюда мужика. Познакомимся с твоим будущим мужем.

— Нет, пусть сидит в машине, — ответила Белла, — а то мне все настроение опять собьет, и я потеряю все вдохновение...

— А зачем все-таки тебе такой муж? — не отступал Антон.

— Надо же за кого-то выйти. Тебя я упустила.

— На фиг ты мне нужна, ты, как дохлая рыба в постели, — ляпнул Антон.

— Я умею хорошо притворяться, — ответила Белла, ни капли не смущаясь.

— Вот сучка, — подумала Зоя, слушая, как гомонит компания. — Кому же ты такая достанешься? Пойду, гляну на тебя.

Зоя тихонько спустилась через заднюю дверь, чтобы её никто не увидел, заглянула в гостиную, увидела высокую интересную девушку, но не желая знакомиться, отступила и спряталась в дальней уютной беседке, абсолютно скрытой кустами сирени. На улице было хорошо, сирень одуряющее пахла.

— Надоели вы все, — сказала женщина про себя, — никого не хочу видеть и слышать. Лучше подышу свежим воздухом.

Но и сюда доносились отдельные выкрики.

— Где моя половина? — кричал Антон. — Я хочу Белке ее показать. Пусть знает, на кого я её променял. Моя жена не чета тебе, художнице, и в постели не притворяется. Мужики, вы все мне должны завидовать! Моя Зойка — это что-то невероятное...

— Вот что говорит, дурак пьяный, — подумала Зоя. — Получит завтра.

— Спит твоя темпераментная половина, — язвительно засмеялась Юлька. — Наверно, темперамент бережет.

— Пусть спит, — сказал Игорь, — она кейс охраняет.

— А я пока могу за Белкой приударить, — предложил Антон. — Помнишь, как, бывало, мы с тобой зажигали... Давай, вспомним старое... Как ты меня на себе хотела женить... Только я хитрый...

Зоя сидела в беседке, вдруг услышала шаги, кто-то хотел нарушить её уединение. Вошел мужчина, как видимо, спутник творческой природы Белки. Зоя узнала его, хоть и не видела очень долго.

— Здесь кто-то есть? — спросил он. — Извините, что нарушил одиночество. Но в дом

мне не хочется идти...

— Какой вежливый, — насмешливо ответила Зоя. — Проходи, Владислав. Что, не слушает тебя, твоя Белка?

— Зоя? А ты откуда здесь?

— А там мой муженек отплясывает, — она кивнула в сторону шумной компании. — С твоей творческой натурой. Во! Уже лобызаются! Скоро, глядишь, и в кусты сбегут. Как сюда попал?

— Белка заволокла. Ей позвонила подруга. Что-то важное хотела сообщить.

Владислав сел рядом с Зоей.

— Я не видел тебя несколько лет.

— Все так, — скупно ответила женщина.

— Я ведь я так и не поцеловал тебя тогда, — мужчина решительно подвинулся ближе.

Руки Владислава властно обхватили молодую женщину, и Зоя потеряла моментально контроль над собой. Она не ожидала, что на неё так повлияют прикосновения мужчины. Она еще помнила, как Влад оторвался от её губ, стал целовать шею, потом спустился ниже, расстегнул блузку и стал целовать грудь. Больше Зоя не принадлежала себе, она подчинялась только ему. Все дальнейшее помнилось, как удивительное всепоглощающее наслаждение. Ей было даже плевать на то, что их кто-нибудь может застать. Да и черт тогда с Антоном, уйдет она от него и все!

Но вот вернулась способность различать свет и темноту, перестали скакать в экстазе мысли. Страшным усилием воли женщина взяла себя в руки.

— Ловко мы устроились, всем нос натянули, — насмешливо заговорила она, торопливо поправляя блузку. — Ты своей Белке, я Антону. Правду говорят про Владислава Елизарова, ни одной юбки не пропустит.

— И все юбки довольны, — ответил мужчина. — И все они не против. И ты такая же.

— Дурак, — обиженно ответила Зоя.

Владислав молчал. Мужчина был несколько растерян. Он не ожидал от Зои подобного всплеска, такого понимания каждого его движения, и сам был несколько испуган своими чувствами, вот и пытался скрыть. Влад не заметил, что обидел своими словами Зою. Потом спросил:

— Зоя, ты не хочешь своего олигарха бросить?

— Не хочу, — со злостью ответила Зоя. — Он вполне меня устраивает.

— А может, бросишь и ко мне?

Зоя не ответила. Встала и ушла. Ей показалось, что в их комнате мигнул отсвет огня, словно открывали дверь. А там лежал кейс. Удивленный Владислав остался один, но ненадолго.

— Все так, — констатировала Зоя, войдя в дом. — Прошлись по кейсу. А может, его унесли. Ну и пусть! Надо проучить Антона.

Она поспешила в комнату. Но вернулась на секунду, обняла Владислава, поцеловала его в губы и прошептала:

— Спасибо за твои слова. Но ты, Владька, безбожно опоздал. Я жена другого. И между нами, тобой и мной, сегодня ничего не было. Это только сон. Это тебе и мне приснилось. Но, черт побери, все было замечательно!

В её голосе было столько напора, столько уверенности в своей правоте и в то же время огромная просьба, и Влад согласился. А Зоя спешила в дом, она неслышной тенью

проскользнула через заднюю дверь, быстро забежала в ванную комнату, что была в другом конце коридора. Кто-то выскользнул с пакетом из гостевой комнаты, но, увидев движение открывающейся двери, затаился под огромной портьерой. Женщина вышла из ванной и медленно пошла в выделенную им комнату. Ей не удалось рассмотреть, кто стоял за портьерой. Жаль. Зоя легла спать. Буквально через минуту ввалился развеселый Антон. Он пытался оказывать жене знаки внимания, но через мгновение вырубился. Так и не уснувшая Зоя слышала, как отъехала машина с Владом и Беллой, как Юльке во дворе говорил муж:

— Слава Богу, умоталась твоя творческая натура. А мужика Белла отхватила ничего. Только, по-моему, он жениться не хочет на ней.

— Плохо ты Белку знаешь. Она своего добьется, — засмеялась Юлька.

— Я тоже, — ухмыльнулся Игорь.

Зоя, глядя на спящего рядом мужа, удивленно думала:

— Как я так смогла в чужом доме, с Владькой? Как утром в глаза Антону смотреть? А вот как! Так, как я приказала Владьке: мне просто приснился сон. И надо сказать, приятный сон. Я сделаю так, что Влад больше ни разу не попадется на моем пути, а если попадется, я его не узнаю. Я жена Наумова Антона. И все же, как здорово было! Я не жалею!

Утром Антон, у которого сильно болела голова, и сердитая Зоя собирались домой. Выяснилась неприятная деталь. Антон для чего-то решил посмотреть документы и выяснил, что с положил не те бумаги. Игорь разохался, у него даже подскочило давление, Юлька побежала за шприцем, чтобы сделать укол. Зоя зло сказала мужу:

— Какого черта, не думаешь совсем. Надо бросать пить! Я даже спала с твоим кейсом в обнимку, а тут одна макулатура. И все твоя расслабленность. Моли Бога, чтобы документы были в офисе, на столе, где лежали эти ксерокопии, приготовленные к утилизации. Может, и документов уже нет. Изрезали.

Антон записывал, вызвал такси, он с Зоей поехал в офис. Рвался и Игорь. Но Зоя раскричалась:

— Лежи тут, а то еще скорую надо будет вызывать. Не до тебя. Юлька! Что молчишь? Скажи, пусть муж дома остается.

Так и решили. В такси Зоя спокойно сказала домашний адрес.

— Зоя, а офис? Нам же туда! — измученные тяжким похмельем глаза мужа смотрели на женщину.

— Тебе похмелиться надо сначала... Домой заедем, рассола хлебнешь!

— Зоя, хватит, знаю, виноват...

— Не надо нам в офис, — невесело ответила женщина. — Документы у Аделаиды Семеновны. В ридикюле она их вчера увезла... Только вот что, Антон, я со стола клала в кейс другие ксерокопии. Мне так кажется. А на этих полоски сверху. Там не было. Кто-то подменил папку.

— Зойка моя, — расплылся Антон, не слушая про полоски. — Ты спасла меня.

— Антон, да ты послушай, что я говорю! Подумай, кто мог подменить ксерокопии? — не отступала Зоя.

— Зоя, ты же сама говоришь, спала с документами. Никуда не выходила.

— Выходила... — женщина быстро прикусила язык, но тут же нашлась. — В ванной я была, в туалете... Когда вы пьянствовали во гостиную...

Антон думал на всех, кроме Игоря, у которого, в самом деле, поднялось давление, когда дома он обнаружил вместо украденных ночью документов другую пачку ненужных

ксерокопий без полосок. Компаньон тут же позвонил Антону, спросил, нашлись ли документы. Трубку взяла Зоя.

— Нет, — ответила та сердито. — В офисе их нет.

Антон непонимающе смотрел на жену, которая говорила по телефону с Вальяжниковым.

— Не верю я твоему Игорю, — объяснила она. — Пусть помучается.

— Зоя, ты неправа, — неуверенно возразил муж.

— Права! Права! — убежденно ответила Зоя.

Но все же с тех пор муж настороженно относился к компаньону. Игорь же возненавидел Зою. Он догадывался, что без неё и Аделаиды Семеновны здесь не обошлось. Они подменили документы. Больше никому!

Аделаида Семеновна решила взять удар на себя, когда на пороге её старой хрущевки появился помятый Антон с женой. Она, подмигнув Зое, объясняла, что не знает, зачем захватила эту папку со стола.

— Склероз у меня, наверно, Антоша. Маразм старческий... Не соображаю совсем, что делаю.

— Так я вам и поверил, — смеялся Антон, — а то я не помню, как убирал все в кейс. И если бы Зоя его не взяла, я не выпустил бы кейса из рук, даже пьяный. Зойка! Признавайся, когда успела заменить все?

— В туалете, — буркнула женщина.

— Это я ей велела, — упрямо вставила бабушка.

— Вы мои самые любимые женщины. Я обязательно куплю вам замечательные подарки. Тебе, бабуля, квартиру. Большую, какая была у тебя при дедушке Грише. Я помню, ты рассказывала, и свое обещание выполню...

— Купишь, — скептически заметила Зоя, — если Арина Андреевна одобрит. Так что подумай, прежде чем говорить.

— Куплю, не сомневайтесь... А тебе, дорогая моя женушка...

— Я мне надо маленькую девочку... Дочку, — сказала Зоя, у которой было беспокойно на душе за вчерашнее. — Пора нам с тобой детей, Антоша, заводить.

— Нет, еще не время, — ответил муж. — Я не хочу детей. Рано еще. Давай поживем друг для друга. Ты молодая, интересная. Я хочу, чтобы ты такой и оставалась. А беременность всю твою королевскую фигуру испортит.

Зоя промолчала. Антон подарил ей машину. Розовый «Вольво», чем вызвал очередное неудовольствие матери.

— Ты забыл, как тебя обобрала Динка, — кричала мать. — А Зойка молодая, тоже уйдет от тебя. И пропала твоя машина.

Зоя не присутствовала при этом разговоре.

— Мама, ты не должна так говорить про Зою. Она спасла мои документы, — и Антон все рассказал матери.

— Все Зойку нахваливаешь. А я ей не верю. Тоже когда-нибудь тебя бросит, как Динка. Или ребенка чужого родит. А ты будешь верить, — огрызнулась Арина Андреевна. — Вот ты вчера пьяный был...

— Мать, — прервал её муж. — Зоя всю ночь была со мной. Не было вообще случая, чтобы мы спали в разных кроватях. Она даже в командировки со мной ездит. Если родит, то только от меня. В этом я уверен. И помни: пропали бы все наши магазины, если бы не она. А

Серебров живьем бы закопал, меня и всю мою семью...

— А я все равно не верю, — не сдавалась мать, не слушая про заслуги невестки. — Ты, небось, дрых в отрубе, а она с кем-нибудь развлекалась. Может, даже рядом с тобой на кровати и смеялась.

— Мать! — голос сына был полон возмущения.

— Арина, замолчи, — прикрикнула бывшая тут же на неё Аделаида Семеновна. — Посебе судишь! Забыла, что твой сын уже взрослый мальчик.

Но взрослый мальчик, оказалось, все же оформил машину на своего отца, Зоя ездила по доверенности. На все была доверенность... Этим воспользовались родственники после смерти Антона.

Но в те дни женщина об этом не думала, она весело и незаметно сражалась со свекровью. Именно она не дала мужу забыть его слов — купить бабушке, Аделаиде Семеновне, большую квартиру. Свекровь упорно, разумно и корректно возражала сыну:

— Зачем немолодой женщине такая огромная жилплощадь? Четыре комнаты. Она прекрасно может жить с нами, если ей плохо в своей двушке. Если ты, Антоша, хочешь вложить деньги в недвижимость, оформи на меня квартиру, а бабуля, так и быть, пусть там живет.

— Мама, — ответил сын. — На тебя уже наша квартира оформлена. Хватит с тебя квартир.

— На меня можешь оформить, — сказала Зоя. — Если тебя волнует этот вопрос. Но я думаю, что бабушка еще долго проживет.

— Ни в коем случае, — ответила мать Антона. — Антоша уже одну квартиру оставил первой жене. А вдруг и вы расстанетесь.

Зое впервые стало обидно. Неловко почувствовал себя и Антон. Но спорить с матерью не стал. Он только примирительно сказал:

— Мам! Я хочу сделать моей любимой бабуле подарок. Она всегда мечтала о большой квартире. И пусть это будет именно её квартира. Я еще маленьким обещал ей это. Хватит бабуле жить в своей хрущевке. Пусть по-человечески поживет, погуляет по комнатам.

И купил, и документы сделал на Аделаиду Семеновну. А Зоя получила доверенность на машину.

Обида у женщины долго не проходила, хоть и старалась она это скрыть. Антон удивлялся, что это случилось с веселой покладистой женой. Неужели из-за квартиры обиделась или из-за машины. Пока она живет с ним, Антоном, все у неё будет. Мать это знает, она ничего не говорит, когда Антон делает дорогие подарки Зое, даже порой поддерживают сына. А недвижимость, он обещал матери, вся будет оформлена на неё. При разводе пришлось выплатить огромные отступные Динке. Обжегшись на молоке, Антон предпочитал дуть на воду.

— Зоя, — попросил Антон, когда он вместе с ней смотрел новое бабулино жильё. — Ты обставь бабушкину квартиру. Привезем бабулю на день её рождения прямо сюда.

— Антон, — возразила жена, — бабушке там жить, пусть сам выбирает мебель. Кроме того, она очень любит ту, что стоит в её хрущевке...

— Ну вот, — фыркнула свекровь, — много старуха понимает. Я сама куплю мебель, Антоша. Потом умрет Аделаида Семеновна, все менять придется.

— Почему придется? — не поняла Зоя.

— Наследник бабули — отец Антона, мой муж, — ответила свекровь. — Умрет она,

квартира Юле достанется.

— Так вроде Антон покупает квартиру, — возразила Зоя. — Почему Юле? И зачем вы о смерти Аделаиды Семеновны говорите?

— Надо реально смотреть на вещи, Зоенька, — высокомерно ответила свекровь. — Бабушка немолода уже.

Антон молчал. Мать не всегда бывала тактичной. Но ругаться и ссориться не хотелось. Вечером Зоя немного решила посмеяться над мужем:

— Вот, дорогой мой, денег куча у тебя, и все мамочкины.

Муж неожиданно обиделся:

— Мама права...

— Ага, даже квартиру заранее от старой бабули запланировала дочульке передать. А то муж у неё, бедняжка, недостаточно зарабатывает.

— Зоя, я тебя не понимаю.

— А что понимать? — Зоя стала сердиться. — Мама реально смотрит на вещи. Бабуле скорую смерть пророчит, тебе развод со мной. И больше всего вы обеспокоены тем, чтобы мне ничего не досталось. Может, Антоша, в самом деле пора о разводе поговорить, чтобы мамина правота подтвердилась, — выпалила она и ушла спать.

Неделю она не впускала мужа в спальню к себе. Помирила их Аделаида Семеновна. Она приехала за Зоей.

— Зоюшка, поедем мебель выбирать, — попросила она. — Мне одной не справиться. Знаешь, Антоша мне дарственную на квартиру сделал. Квартира только моя теперь. Поедем, девочка, поможешь мне. Давай Аринке на нервы подействуем. Кстати, ты не знаешь, кто бы мог мою мебелишку подновить. Надо найти какого-нибудь реставратора. Привыкла я к своим комодам и кровати...

И Зоя поехала. Вечером она сообщила мужу, что беременна.

— Зоя, а может, не надо нам пока детей? — неуверенно сказал Антон.

— Мама против? Не дала благословения? — сразу пошла в атаку Зоя. — Вдруг не от тебя рожаю? Вот что, дорогой мой, живи один. Надоело! Я уйду от тебя. Прямо сейчас. Передай маме, что второй невестке ничего получить не удалось. Даже алиментов на будущего ребенка. Не претендует она. Пошли вы все к черту!

Зоя стала решительно одеваться.

— Куда пойдешь? — спросил муж.

— В бомжи, — ответила Зоя. — А ты думал на аборт? Не дожدهшься.

— Уже темно!

— Ну и что! Убьют в подворотне, и проблем не будет со мной, с моим ребенком. Пусти!

Антон встал в дверях и не отпустил её. Зоя опять заперлась в своей комнате. Утром муж уехал по делам. Зоя решительно собралась в деревню к маме. Вещи не стала забирать, оставила записку:

— Это все на ваши деньги куплено. Отдай мамочке или сестре. Мне хватит только ребенка!

Тут же на столе кучкой лежали драгоценности, что дарил Антон. Она сняла даже обручальное кольцо.

Зоя не доехала до деревни. В дверях столкнулась с Аделаидой Семеновной. Не выдержала молодая женщина, расплакалась. Все рассказала. Бабуля увезла к себе Зою.

— Поживешь у меня, в новой квартире. Поможешь диваны расставить, — говорила

она. — Успокойсь, а там, глядишь, и Антон за тобой приползет на коленях. Знаешь что, Зоюшка, мне во время беременности так хотелось грейпфрутов. Мой Гриша тогда ящик целый приволок. А тебе чего хочется? А то давай закатимся куда-нибудь, душу отведем.

— Вы не смейтесь только, — перестала плакать женщина. — Аделаида Семеновна, я пельменей хочу. Не домашних — магазинных. Я купила пачку, а Антон увидел и выбросил... Говорит, еще отравлюсь...

— В чем дело, едем в пельменную. Там такие же пельмени, как и в магазине. А Антон у меня получит...

Женщины вызвали такси и отравились в пельменную.

Зоя послушалась бабушку, осталась пока у неё. Они пообедали в пельменной, вернулись домой, распланировали, как расставить мебель. Зоя прилегла отдохнуть после, Аделаида Семеновна тем временем поехала к Антону. Что тот выслушал, Бог знает, он никогда не говорил. А по адресу его матери старая женщина прошлась, не стесняясь.

— Твоя мать всегда была гулящей и жадной бабой. Она сама повертела хвостом будь здоров, поэтому и в других только шлюх видит. Ты ведь не мой внук, Антоша, ты знаешь это. Но я тебя любила, я сразу стала считать внуком. Что смотришь, не нравится, как я говорю о твоей матери, может, вернуть тебе дарственную? Верну. У меня моя хрущевка еще есть. Мой сын тебя любит и твою мать. Мы приняли её. Как она забыла все быстро. Про первую жену тебе наплела, развела вас. Потому что Динка не по зубам ей оказалась, командовать собой не дала. И с Зоей вам Арина не дает жить. Ты прислушиваться стал к жене. Арине это не нравится. У твоей Зои золотой характер. Она надежная, никогда не предаст. Все, чего она хочет, ребенка. Она у тебя когда-нибудь чего-нибудь просила? Молчишь! Вот и молчи. Зоя ждет ребенка. Твоего ребенка. Думай, внучок. И последнее. Ты знаешь, Антон, у меня есть золото, ты с него начинал свой бизнес. Сейчас ты вернул мне его. Молодец! Это наше семейное золото — золото Островецких. Но без Зои ты его не получишь. Я сегодня написала завещание, что наследниками будут твои и Зоины дети. Не будет детей, все оставлю Зое. Не Юльке, родной внучке. Та двуличная. Улыбается, а глаза змеиные так и бегают — чего бы выпросить, унести себе. Она за всю жизнь одно хорошее дело совершила — свела тебя с Зоей. Так что думай, Антоша. Я ведь тоже хочу спокойной старости. А кроме Зои, мне не на кого надеяться. Всем буду лишняя, даже тебе.

Антон и так жалел, что поругался с Зоей. И потом верность жены не вызывала сомнений. Он был уверен, что ребенок, которого носила жена, только его. Антон поехал уговаривать Зою вернуться. Та молчала. Потом сказала:

— Я хочу съездить к родителям, в деревню. Дай мне время подумать. Я устала слышать от твоей мамочки, как я тебя брошу, как наставлю тебе рога. Я уже хочу это сделать, чтобы зря не говорила твоя мама. И я никогда больше не приму ни одного дорогого подарка от тебя.

— Почему?

— Нотариусы отказываются доверенности подписывать. У меня все по доверенности. Ты и на мои украшения оформи доверенность.

— Ну, Зоя!

— Это ведь мамино имущество. Пусть все забирает себе. Я, Антоша, умек довольствоваться малым. Уйди, я прошу тебя. Я не хочу сейчас видеть тебя, говорить с тобой. Уйди!

Но истинная причина была другая. Зоя узнала от Римки, что Владька официальнс

развелся со своей Милкой. Женщине до боли в сердце хотелось его увидеть. Почему так? Она замужем за другим, ждет ребенка, а тоска по школьной любви подступила к горлу.

— Я съезжу в деревню и дам ответ, — упрямо твердила Зоя.

А в голове было: а вдруг там встретится Владька?

— Я с тобой поеду, — попросила Аделаида Семеновна.

— Хорошо, — согласилась Зоя.

Бабуля очень любила её отчима. «На мужа моего покойного похож, на Гришу», — говорила она. Все, кого любила Аделаида Семеновна, сразу становились похожи на её мужа. И отчим с большим уважением относился к бабушке.

В деревне Зоя не стала говорить родителям, что поругалась с Антоном. У отчима в последнее время стало сдавать сердце. Зоя его очень любила, звала отцом. Никто в деревне не знал, что он неродной отец. Он удочерил девочку сразу, как женился на маме. Мама заметила, что у дочки какие-то проблемы. И тут Зоя скрыла, сказала только, что устала, что беременна. Мама и папа обрадовались и успокоились. Это нормально, что их девочка капризничает. Ведь она скоро станет мамой.

После обеда женщина пошла к брату, Андрею, выслушала все сплетни, что рассказала Римка, отправилась с ней на дальний огород. Римка была довольна компанией, весело болтала обо всем и ни о чем. Когда шли назад, показалась свадебная машина.

— Кто же это женится, почему не знаю, как же это так? — любопытная Римка припустилась из всех ног.

Зоя шла медленно. На душе стало нехорошо. Она издали увидела Владислава, рядом с ним шла в белом платье с заметным уже животом, но при этом в фате, светловолосая женщина. Это второй раз женился Влад. Женился на Белле.

Жители дома преградили им дорогу. Свидетель жениха весело торговался с ними, доказывая, что поздно брать выкуп, молодые из загса уже едут. Римка стояла в толпе весело гомонящих баб и тоже требовала свою долю.

— Зойка, — крикнула она. — Иди сюда.

Зоя не пошла, остановилась в отдалении. На крик Римки никто не обратил внимания. Лишь один человек забегал глазами, обыскивая деревенскую толпу. Это был сам молодой муж, Владислав. Он обнаружил Зою, стоящую под березкой. На миг их глаза встретились.

— Все, опоздала! Опоздала, как всегда, — думала Зоя.

— Поспешил, поспешил, как всегда, — думал Влад. — Зачем я женюсь на Белле? Ведь не люблю её. Нисколько не люблю. Но она беременна... Зоя, почему ты всегда меня отталкиваешь? Почему ты приказала забыть тот вечер?

Зоя отвела глаза первой и ушла. Сказать, что она расстроилась? Ничуть. Наступило долгожданное равнодушие. Влад — её детская, первая любовь. А как говорили на лекциях психологии в их институте — это яркое чувство, но недолговечное, неглубокое. Оно быстро уходит в прошлое. Но вспоминать о нем придется всю жизнь. Так и Зоя: она вспомнила свою школьную любовь. А под сердцем у неё ребенок. Его отец Антон. У Зои хороший верный муж. У неё есть все.

Дома у родителей её уже ждал Антон. Он приехал в пустую квартиру, увидел лежащие кучкой драгоценности, прочитал записку, сердито скомкал и выбросил её. Без Зои все было тускло и уныло. Пришла мать. Он, было, обрадовался ей. Но Арина Андреевна кинулась убирать украшения.

— Ты молодец, Антоша, — приговаривала она, — что не даешь воли Зое, видишь, как

она заговорила. А драгоценности я отдам Юлечке.

Мать быстрыми руками все сгребала в свою сумочку.

— Мать, не тронь! — голос сына был сердит. — Это не ваше. Сколько я могу вам давать денег! Вы имеете все. Дайте и мне пожить спокойно и счастливо. Да, положи ты золото назад. Сказал, не твое это. И ключи отдай от моей квартиры. Здесь живу я. Не ходи сюда больше без предупреждения.

Мать ошеломленно молчала.

— Ты, наверно, даже трусы проверяешь, какие моя жена покупает, — сердито продолжил сын.

— Да, — пыталась возразить Арина Андреевна. — Твоя Зойка, знаешь, какое дорогое белье покупает. Ты на неё тратишь кучу денег.

— Что? Ты, в самом деле, и в белье копалась?

Антон был в шоке: дорогое белье жены покупалось по его требованию. У Зои идеальная фигура. Антону нравилось её раздевать.

— Вот что мать, отдай ключи от квартиры. Прямо сейчас давай, — приказал он. — Что стоишь, вытаскивай из сумочки. Больше ты сюда хозяйкой не ходишь. У меня своя семья. Мы с Зоей будем рожать.

— Антоша! Как же так!

— Мать, уходи. Я еду за женой. Выложи золото. И ключи, ключи.

И Антон тут же поехал за женой.

Он сидел за столом, все уже знали, что скоро появится внук или внучка. Зоя обрадовалась мужу, почему-то расплакалась. «Это гормоны! — пояснила Аделаида Семеновна. — Я, когда ждала Вовку, за своим Гришей как-то даже с молотком бегала, убить хотела...» Бабушка грустно замолчала. Все они вернулись тем же вечером в богатый дом Антона.

Антон изменился. Сдувал пылинки с жены. Потерять её не хотелось. Мамочка не появлялась у них. А Зоя стала прежней. Внимательной, ласковой. У неё был смысл в жизни. Скоро она станет мамой. Антон привык к мысли, что скоро у них будет ребенок. Он утверждал, что давно хотел ребенка, что Зоя не так его поняла, когда он сказал, что не вовремя жена забеременела. Радовалась Аделаида Семеновна. Притихла свекровь. Ведь по-прежнему все имущество формально принадлежало ей. Рано ли, поздно ли, но с Зоей она справится. Уж на что Динка была зубастая, но и та отступила...

Зоя не говорила больше об имуществе. Зачем ей какая-то недвижимость. Деньги всегда были на её банковской карточке. Арина Андреевна больше не приходила в их дом. Родилась девочка, самое очаровательное создание на свете. Вся в папу, светловолосая, голубоглазая. Антон был счастлив. У Зои и Ксюши было все. Зоя хотела второго ребенка. Но только одним вечером приехали и сказали Зое, что Антон умер от сердечного приступа.

Смерть Антона

Антон был старше своей второй жены на пятнадцать лет. Ему тридцать пять, ей двадцать. Зоя вышла замуж не по любви за Антона. Она училась в институте с его младшей сестрой Юлькой Наумовой. Та часто рассказывала однокурсникам про старшего богатого брата, что никак не женится, что с первой женой он давно развелся, что при разводе она его обобрала, что ребенка родила от другого, а повесила на брата, что он алименты большие платит. Юлька уговорила Зою провести вместе каникулы. Её брат купил путевки в один из местных пансионатов. Сам он тоже там отдыхал. Веселая Зоя ему понравилась.

— Давай мы вас сосватаем, — уговаривала Юля подругу. — Антон сказал, что женится только на учительнице.

— Я еще не учительница.

— Через год будем.

— Антон, — приставала Юля к брату. — Тебе Зоя нравится?

— Нравится, — отвечал брат.

— Хорошая жена будет, верная, — говорила сестра. — У неё за все годы лишь один парень был. Даю голову на отсечение, она с ним даже не спала.

Антон задумался. Зоя подходила ему по всем его требованиям: красивая, умная, общительная. Но вот намного младше, а что девственница, по словам Юльки, это и радовало, и смущало. Антон любил секс. Хотелось и жену соответствующую, чтобы умела доставлять наслаждение. Но старый знакомый, Игорь Вальяжников, что с интересом поглядывал и на Юльку, и на Зою, как-то сказал:

— Подумаешь, девственница. Сам научишь всему. Бабы быстро обучаются, у них это в крови.

И Антон начал красиво ухаживать за Зоей.

Положительный и взрослый Антон нравился Зое. Весь год они встречались, пока Зоя доучивалась. Антон берег её, не тащил в постель раньше времени. Он думал:

— Если она весь год выдержит встречи без секса, верная жена будет.

Через год, когда Зоя окончила институт, они поженились. А перед этим месяц назад первый раз женился Владька на своей Милке. Вот главная причина, почему Зоя сразу согласилась стать женой Антона.

Антон растил жену для себя. Главная его ошибка была та, что он забыл спросить о чувствах саму Зою. А она привыкла скрывать их. Почему-то мама очень болезненно реагировала, когда заметила, что дочке понравился красивый черноволосый Владислав, а мать Влада откровенно не любила Зою. Вот девушка и научилась держать все в себе.

Зоя ни дня, ни минуты не жалела о своем замужестве. У неё было все. Деньги, богатый дом, внимательный муж. Зоя во всем сразу подчинилась мужу. Не хочет детей Антон, не надо. Купил новую квартиру муж, оформил её на свою маму, пусть. Зою-то он в ней прописал. Юлька, которая к тому времени вышла замуж за партнера Антона, Игоря Вальяжникова, как-то обмолвилась, что все магазины, которыми владеет Антон, записаны на маму и отца.

— Динка, первая жена Антона, все себе забрала при разводе, Антон не хочет, чтобы он опять безо всего остался, — объяснила она.

Тогда впервые Зое стало неприятно. На неё заранее смотрят, как на постороннюю в

этой семье. Свекровь же и свекор говорили всем, что любят Зою. Она, как-то смеясь, прокомментировала мужу:

— У меня прекрасные отношения с твоей мамой. Мы ни одного дня не прожили вместе.

Антон засмеялся. Он был доволен женой. Покладистая, некапризная, в доме уют и порядок, помогает ему в магазинах, немного работает, а то ей скучно становится. И еще одно достоинство было у женщины. Зоя оказалась темпераментной женщиной. Антон очень любил секс. Зоя откликалась на его ласки с большой пылкостью. Словом, замечательная жена.

Когда родилась Ксюша, это были самые счастливые дни в жизни Зои. Она с головой ушла в материнство. Ксюша родилась крупной, почти четыре килограмма. Антон всем с довольным видом сообщал вес дочери. Одна была беда, в пышной груди молодой мамы не оказалось ни капли молока. Но Антон натащил кучу всевозможных детских смесей и приспособлений для подогрева и приготовления.

Свекровь придирчиво вглядывалась в светловолосую внучку. Все пыталась доказать, что в девочке ничего нет от них. Антон возмущался:

— Ты что мать, Ксюшка — копия я.

— Нет, только волосы светлые, как у тебя. И то у тебя прямые, а у неё кудрявые. Больше ничего общего.

— Мать. Прекрати! — разорался Антон. — Это моя дочь!

Зоя смеялась над подозрениями свекрови. С рождением дочери она почувствовала все усиливающееся влияние на мужа. На имя дочери Антон сделал вклад, который нельзя было трогать до восемнадцати лет. А у Зои по-прежнему, кроме денег на карточке, ничего не было.

Ксюше должно было исполниться четыре года. Антон вечером уехал к родителям на дачу. Ничего не предвещало несчастья. Зоя думала о том, что она очень хочет еще одного ребенка. Мальчика. Но почему Антон не соглашается. И почему не получается ничего? Не беременеет Зоя. То, что Антон в порядке, она не сомневалась. Сама не принимала никаких таблеток. А беременность все не наступала. Может, поэтому и не наступала, что Антон был против. Мысли о том, что отцом Ксении может быть Владька, женщина не допускала. И вообще, это был сон. Не было встречи с Владиславом в саду. В конце концов, Ксюша родилась спустя сорок одну неделю после памятного вечера, когда Антон подписал важные документы. Ксюша совсем не похожа на Владьку. Она и на Антона не похожа, хотя как и отец светленькая, голубоглазая. Волосики кудряшками вокруг головки. Настоящий ангелочек. Но форма личика, телосложение не от Антона, не от Зои. Чувствуется, что будет редкостной красавицей её дочка. Вот такие мысли вились в голове Зои. Позвонили в дверь. Вошла свекровь и Аделаида Семеновна.

— Зоя, — тихо произнесла бабушка. — Зоя, Антон...

— Плохо, совсем плохо? — перебила Зоя, оттягивая момент несчастья.

Что только не пронеслось в голове за эти секунды. Антон заболел, но жив; Антона сбила машина, он в тяжелом состоянии, но жив, в Антона стреляли, ранили, но муж жив, жив, жив...

— Плохо, Зоюшка, — говорила Аделаида Семеновна. — Антоша наш умер.

Зоя села на диван. Спала в своей кроватке Ксюша. Зоя сидела молча. Слез не было. В голове стучала одна мысль:

— Все разрушилось, вся жизнь разрушилась. Разрушалась в одно мгновение.

— Зоя, надо в милицию нам, — сказала Аделаида Семеновна.

— Да, — кивнула женщина и стала одеваться.

— Ты поезжай, я с Ксюшенькой останусь, — сказала бабушка.

В милиции Зое задавали какие-то вопросы, она отвечала. Иногда нет. Тут же извинялась:

— Простите, я еще плохо понимаю, что случилось.

Свекровь была раздавлена свалившимся на нее горем. Но не смела завывать при невестке. Впервые Арина Андреевна почувствовала, что побаивается Зою. Страшным ударом на молодую женщину обрушилась смерть мужа, вон, просто к земле приклонило. Приклонило, а не сбило! Это видела свекровь. Зоя и Арина Андреевна вернулась домой, к Ксении. Разрыдалась Арина Андреевна, она вспомнила — у неё горе. Все бросились её успокаивать. Про Зою забыли. Она одиноко сидела возле дочки. А Зоя забыла про бабушку, которая тихо уехала домой. Никто не видел слез этих двух женщин. Два дня Зоя была одна с дочкой, два дня была одна Аделаида Семеновна. На третий примчалась Римка. Зоя сама не понимала почему не позвонила брату и его жене. Римма, когда узнала, бросила все хозяйство и примчалась. Андрюша был в дальнем рейсе. Родители к тому времени уже умерли. Зоя очень благодарна невестке. Римка быстро взяла дела в свои руки, сварила еду, заставила Зою поесть. Зазвучал смех маленькой Ксении, её насмешила тетя Римма, она упала как вроде нечаянно с дивана. Невольно улыбнулась Зоя, глядя на дочку. Тут же себя одернула. Разве можно ей улыбаться? Ведь Антон умер. Только тут она вспомнила про бабулю, пыталась дозвониться, но никто трубку не брал. Оставив Ксюшу с Риммой, Зоя поехала за Аделаидой Семеновной. Та сидела с хмурой неразговорчивой соседкой Клавдией.

— Вы почему не берете трубку? — укоризненно спросила женщина, глядя на похудевшую бабулю.

— Думала, Аринка звонит, будет опять рассказывать про свое горе, — горько ответила старая женщина. — Горе-то только у неё, у нас его нет.

— Все, я забираю вас, — ответила Зоя. — Едем. Там у меня Римма. Она сварила борщ. Вам надо поесть.

— Надо, — сказала Клавдия, — Ада ничего не ела двое суток.

Зоя привезла к себе бабушку. Римма накормила старую женщину своим удивительным борщом. Чего-то опять лягнула. Улыбнулась слегка и бабушка.

Антон похоронили на другой день. После сразу заболела Аделаида Семеновна, легла в больницу. Зоя жила по инерции, навещала бабушку, иногда заезжала к свекрови. Как ей было плохо в эти дни. Иногда она с тихим равнодушным удивлением думала: был бы рядом в эти дни Владька, позвал бы, пошла за ним следом, хоть и только похоронила мужа. Лишь бы пожалел кто-нибудь. Зоя не сошла с ума. Из состояния ступора её вывела заболевшая Ксюшка. Зое накануне приснился сон: вернулся Антон, хочет забрать дочку. И Ксюша в ту ночь во сне кричала:

— Папа! Папа!

Утром девочка проснулась с высокой температурой. Зоя встревожилась, вызвала врача. Воспаление легких. Женщина не дала положить Ксению в больницу, лечила дома. Девочка выздоровела. А Зоя ходила по квартире и шепотом кричала Антону:

— Убирайся из этого дома. Не отдам я тебе дочь. Пошел вон.

Эту сцену застала свекровь, тихо открывшая своим ключом дверь. У неё опять были ключи от этой квартиры. О чем она подумала, Бог весть, но отношения вновь стали более

чем прохладными. Арина Андреевна требовала к себе внимания, считала, что у неё самое сильное горе, что остальным легче: Ксюша маленькая — не понимает, Зоя молодая — еще утешится, бабушка — та вообще неродная, а Арина Андреевна потеряла сына. А самое главное, кто будет вести все дела, кто обеспечит богатую жизнь привыкшей к роскоши Арине Андреевне?

И буквально все понимали, что со смертью Антона исчез стержень, что связывал их всех: Зою, бабушку, родителей Антона.

Так прошел год. Весь год болела Ксения. Словно со смертью Антона исчезла её защита. Все чаще девочка говорила о папе, спрашивала, когда вернется. Она не понимала значение слова «умер». Девочка не стала даже спать с мамой, ушла в свою комнату, ей кто-то сказал, что с мамами спят только папы. «Папа вернется, — говорила девочка Зое, — а на его месте я лежу. Он обидится и уйдет». Грустно выслушала женщина свою маленькую дочь. Как сказать, что никогда не осуществиться мечта ребенка?

Зоя с удивлением обнаружила, что все меньше денег на её карточке. А Ксюша болела, ребенка замучил кашель. Медики опасались развития астмы. Врач посоветовал свозить девочку к теплу, на долгий срок. Женщина поехала с дочерью на юг. У теплого моря изнурительный кашель Ксении быстро прошел. Три месяца пробыла Зоя с дочкой в пансионате у Черного моря, вернулась к началу сентября, уже не в свой дом. В это время свекровь позвонила, что решением суда Зою и девочку выписали, а в квартире теперь живет Юлечка и Игорек. «У тебя, Зоенька, ведь есть дом в деревне, Ксюше там лучше будет», — иудушкиным голосом пропела свекровь. Игорь Вальяжников тоже не замедлил сделать гадость, он сообщил, что магазин в услугах Зои больше не нуждается, она слишком часто оставляла его на заместителей.

— Мне такие работники не нужны, — этими словами закончил свою речь Игорь. — Но, если ты, Зоя, сумеешь меня заинтересовать, угодить, я предоставлю тебе место продавца. Я помню, как хвалился темпераментной женой мой друг.

В мужском голосе звучал явный намек.

— Юлька тебя плохо удовлетворяет? — равнодушно поинтересовалась Зоя.

— Зря ты так, — ответил Игорь. — Еще ни одна сучка от меня не убежала.

— Так то сучки, — ответила Зоя. — А я женщина, в услугах кобелей не нуждаюсь.

Вот так аукнулось решение Антона всю недвижимость оформить на маму. Личные вещи Зои из квартиры увезла Аделаида Семеновна. Она приехала, когда никого не было дома, благо ключи и у неё были, и, не разбирая, сгребла все с полок в мешки и увезла к себе. Драгоценности к тому времени подобрала Арина Андреевна. Машину забрали Юлька с Игорем, который теперь управлял бизнесом Антона. Все, что теперь было у Зои, старый дом в деревне.

Аделаида Семеновна забрала к себе Зою. Среди всей этой мрачной суетности был светлое пятно — встреча с Владькой и шальные ночи в деревенском доме и пансионате. Как ни странно, это придало сил Зое. Она решила жить, похорошела. Свекровь тут же позвонила и недовольно заметила:

— Любовника завела.

— А вы все следите, Арина Андреевна, — насмешливо ответила Зоя. — Блюдете мою нравственность. Займитесь лучше своим зятем.

— А при чем тут Игорек? — взвилась мамочка.

Это замечание расстроило Юльку, она обеспокоено думала, уж не Игорь ли в

любовниках у молодой вдовы.

— Ты не дерзи, Зоенька, — пришла в себя мать Антона. — А то мы можем и Ксюшу себе забрать.

Зоя страшно испугалась этих слов, но ничем не выдала своих чувств.

— Не заберете, Арина Андреевна, — ответила она. — Иначе вам придется признать её наследницей. Вот умрете вы, — продолжала она с насмешкой, — кто наследники? Юлечка и внучка. Так получается. А вы слишком жадны. А потом, вы же сами на каждом углу кричите, что я родила её не от Антона.

Этот разговор страшно рассердил Аделаиду Семеновну. Ничего не сказав Зое, она на другой день навестила сына. Что было там, Зоя не знала, но вернулась бабуля с пачкой денег, довольная, торжествующая.

— Зоюшка, ты не переживай насчет Ксении. Больше родственнички тебя не будут беспокоить, по крайней мере, пока я жива.

— Что вы им такое сказали? — поинтересовалась Зоя.

— Я много чего сказала, — ответила бабушка. — В частности потребовала алименты с сыночка на себя. Вот, видишь, дал. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

В те дни я обещала своей ненаглядной невестушке, Аринке, найти для Володьки новую бабу. «Он тебя бросит, — сказала я, — сразу бросит. Ты ведь старше его, надоела уже. Я ему подсуну типа Динки, такая с тобой, дурой, мигом справится. И потом, думаешь, я не знаю, что ты давно и не жена. Тебе после рождения Юльки все удалили тогда. Возьму и расскажу Владимиру. Он хоть и тихий, но на красивых баб поглядывает, на настоящих. При разводе половина имущества будет его. Вы же нажили все во время брака! — объясняла Зое в своем последнем письме Аделаида Семеновна.

А маленькая Ксюша, которая начала понимать, что папа больше никогда не придет домой, начала мечтать о другом отце. Бабуля поддерживала её. Говорила, что мама обязательно найдет нового папу, ведь она очень хочет, чтобы у девочки был папа.

— Где бы найти такого, как мой отчим, — думала Зоя. — Такого, чтобы стал отцом моей девочке. Сразу бы, не думая, вышла замуж. И черт с ней, с любовью. Дочку жалко. Обидно, без отца растет.

Но никак на роль отца не подходил Владислав. У него уже двое где-то детей на стороне растут, сейчас есть дочь, а он гуляет, думала Зоя. Так она думала, пока Владислав не напросился в квартиранты.

Моя дорогая Зоюшка, — продолжала читать жена. — Не бойся будущего. Выходи замуж. Антон поступил неумно, формально переведя всю недвижимость на Арину. Но Арина и Юлька со своим Игорешей не знают о золоте, что всегда было в семье Островецких. Володька немного знает. Надеюсь, он не проболтался Аринке. Это золото хранится в одном из банков. (Тут же следовали реквизиты одного из известных банков). Половина золота — твоя, Зоя, твоя и, разумеется, Ксении. А это ключ от банковской ячейки. Не смей говорить никому об этом. Арина помнит, что Антон начинал бизнес с моего золота. Она будет искать. И последнее. Золото, оно там, далеко. А квартира здесь, близко. Я сначала написала завещание на тебя, но ведь досужие родственники отберут, ничего ты не сделаешь. Я оформила дарственную на Ксению. Живите спокойно. Зоюшка, если я умру и не дождусь, когда ты выйдешь замуж за отца

мальчишек, то хоть на могиле моей скажи, когда это случится. Я почему-то уверена в этом. Твою судьбу зовут Владислав. Ты это имя во сне произносишь. Я одобряю твой выбор. Ты ему напомни, как одна сумасшедшая старуха на прием к нему за простыми квитанциями приходила, заодно предсказала новую красавицу жену и двух сыновей... Твой Владька на моего покойного Гришу похож.

Ты спросишь, чья вторая половина золота. Отвечаю, Зоюшка. Вторая половина принадлежит второму сыну моего Гриши. Муж перед смертью прислал мне письмо, где рассказал мне о его «помощи» Лилиане. А я и так это знала. Я знаю, у Лили родился мальчик. Александр. Я никогда его не видела. Не знаю, что с ним. Нет уже в живых ни Ивана, ни его красавицы Лили. Зоюшка, найди их наследников, передай им то, что не сделала я. Лилия не разрешала, боялась, и так не ладилась отношения между Иваном и сыном. А мне перед Гришей скоро отчитываться. Сделай, моя девочка, это. А наследницей своей половины я назначила тебя. Мой сын Владимир недостойн своего отца, он трусливый, в Ивана пошел. Будь счастлива. Ты и Ксюша осветили мою старость.

Зоя в раздумье держала листок.

— Ну что, Зайка-Зойка, я тебе больше не нужен? — спросил Владислав.

— Ты что? — испугалась женщина. — Как я без тебя?

— Ты богатая женщина.

— Владик, зачем мне это золото? Самые счастливые дни в моей жизни — это твое появление. А золото? Золото можешь взять себе. Ты же хочешь построить дом. Бери, строй. Только не оставляй нас.

— Заюшка, я построю дом на свои средства.

— Значит, пусть лежит золото в банке.

— Пусть, — согласился Владислав. — Кстати, надо нанять детектива, чтобы разыскал наследников Григория.

Шурочка

Шурочка проявила большой интерес к маленьким братикам. Ксюше уже к тому времени надоело, что мама постоянно занята с малышами, что просит порой девочку побыть с ними, посидеть рядом, спеть им песенку, чтобы уснули. Качать детей Зоя не разрешала, да и невозможно это было с двумя младенцами. Шурочка же потихоньку наблюдала за Зоей и мальчиками, изучала малышей, удивлялась, какие маленькие у них ножки, ручки, тайком целовала. Очень хотела подержать на руках, но Зоя не разрешила, боялась — уронит девочка, сама еще маленькая. Если начинал плакать кто-то из близнецов, Шурочка бежала тут же. Гладила малыша, разговаривала, качала кроватку. Ей Зоя не запрещала. Как-то женщина, услышав плач одного из детей, подошла не сразу. И вдруг она услышала чистый детский голосочек. Это Шурочка пела песенку братикам, которую слышала от Зои.

Уходи с дороги, кот,
Наш Сереженька идет,
Да и Сашенька пойдет,
Возле киски упадет...

И малыш замолчал. Когда Зоя зашла, девочка сидела возле кроватки и гладила Сережу по ручке. Тот, довольно улыбаясь, тарасил на неё свои карие глазки. Увидев Зою, девочка испугалась, отдернула руку, отошла от кроватки.

— Ты куда? — улыбнулась Зоя. — Не уходи. Поможешь мне. Поддержишь Сережу на ручках, пока я Сашу буду переодевать?

— Да, — кивнула счастливая девочка.

— И я подержу, и я, — вбежала в комнату Ксюша. — Я тоже хочу.

— Садитесь на диван, сейчас дам, — скомандовала женщина.

Зоя перепеленала малышей, осторожно положила на руки сидящим на диване девочкам, показала, как правильно держать их. Малыши с любопытством рассматривали сестренку и не плакали. Ксюша тут же принялась целовать братика, приговаривать, какой он хороший. За ней робко повторила все это и Шурочка. Она нагнулась и осторожно прижалась губками к пухлой щеке малыша. Зоя быстренько взяла фотоаппарат. Надо Владьке показать идиллию. Старшие сестренки и их маленькие братишки.

Так пробежал месяц. Вернулась с выставки довольная Белла. Забрала дочь. Девочка соскучилась по матери, поехала домой без плача. Обиженно надулась Ксения, но её никто не спросил. И вот уже неделю Шурочка жила с матерью. Владислав заезжал, волновался, но Белла что-то задумала. Она не отпускала от себя девочку. Художница удачно продала картины и собиралась за границу вместе с дочерью, требовала, чтобы муж подписал все бумаги. Владислав расстроился. Он понял, что Белка выполняет свою угрозу — лишает его дочери. Зоя чувствовала себя виноватой. Грустная бродила Ксюша, совсем бросила есть без подружки.

— Владь! Поговори откровенно с Беллой, — не выдержала как-то Зоя, — пусть устраивает свою жизнь, а Шурочку оставит нам. Может, согласится? Она же художница. И хорошая художница. У неё бывают моменты вдохновения. И ей не до Шурочки... Поговори! Ведь ясно, что Белла просто мстит тебе.

И Владислав поехал в свой старый дом. Разговор кончился скандалом. Белла кричала, что не получит больше Владислав девочки.

— Да ты даже есть не готовишь, — взвился мужчина. — Опять хлопья с молоком. Шурочка не любит их. У неё животик стал болеть от твоей еды. Девчонка голодная сидит. Смотри, она опять вся прозрачная, опять говорить перестала. Ребенку плохо с тобой! Отдай дочку мне!

— Это не от хлопьев живот болит у Шурочки, — раскричалась в ответ Белла, — это от той еды, что твоя многодетная мамаша готовит.

— Зоя прекрасно готовит. Шурочка всегда хорошо кушала и не жаловалась ни на что.

— Поэтому ты и разжирел, как боров, — не осталась в долгу Белла. — И дочь такую же хочешь раскормить!

Скандал кончился ничем. Белла сказала, что дочь он будет видеть лишь в том случае, если вернется назад.

— Мы еще посмотрим, — ответил Влад. — Есть еще и суд. Я отберу у тебя дочь!

— Да чихала я на все суды, — ответила бывшая жена. — Я увезу дочь за границу. И развода ты не получишь. Так что вернешься! У Шурочки будет отец. А твои сыночки пусть ублюдками растут.

— Думай, что говоришь!

Влад встал, хлопнул дверью и ушел. Он не слышал, как Белла объясняла дочери, что она больше не нужна отцу, что у него есть другие дочери и сыновья.

— Вот видишь, папа уехал, не остался с тобой, — говорила она плачущей дочери. — У него теперь новая дочка, Ксюша. Папка твой её больше любит. И мальчиков своих он тоже любит. А тебя он совсем не любит. Если бы любил, он с нами остался бы. Да перестань сию минуту же реветь!

Шурочка испугалась крика матери, всхлипнула и замолчала. Села в угол на ковер, взяла в руки купленные Владом туфельки на каблуках, поставила их рядом, потом нашла подаренного Ксюшей розового зайца, прижала к себе. Белла равнодушно ушла. По лицу девочки опять потекли слезы.

Прошла неделя. Белла ни разу не дала Владиславу увидеться с дочерью. Шурочка переживала, плохо спала ночью, кричала во сне, металась. Белле это надоело, она взяла дочь и повела к врачу. Тот прописал кое-какие успокоительные лекарства. Белла зашла в аптечный отдел при большом супермаркете.

Это был трагический день для многих жителей города. Пьяный милиционер в этот день расстрелял посетителей супермаркета. Одна из пуль угодила в Беллу, которая закрыла собой дочку. Художница Светлицкая умерла моментально, даже не осознав этого. Падая, она потянула на пол девочку. Шурочка лежала рядом с мертвой матерью, измазанная кровью, боясь плакать и шевелиться. Это спасло жизнь девочке. Пьяный подонок посчитал девчушку мертвой, когда добивал раненых.

— Мама! — раздался взволнованный голос Ксени. — Мам! Иди быстрее сюда! В телевизоре показывают Шурочку и тетю Беллу. Тетя Белла лежит на полу, вся в красной краске, а Шурочка сидит рядом и плачет. Ой! Мама! Её какие-то тети увели от тети Беллы. Мама, а вдруг Шурочку украли? Она так сильно плачет. Она бежит к тете Белле, а её схватили и унесли. Мама! Ну, где ты?

— Что ты говоришь? Фантазируешь опять. Придумываешь, как вернуть Шурочку, — улыbnулась устало Зоя.

Она только что уложила близнецов, хотела сама передохнуть.

— Мама, это правда!

В голосе дочки было столько испуга, волнения, Зоя поверила.

Ксения сидела возле телевизора с еле слышным звуком. На экране показывали новости. Зоя ничего не понимала: люди, лежащие на полу, нечеткая съемка. Она узнала большой продуктовый супермаркет их города. Женщина быстро переключила на другой канал. Здесь всегда новости шли на несколько минут позже. Зоя прибавила звук. Голос диктора рассказывал, что какой-то милиционер расстрелял в супермаркете людей. Вот любительская съемка. Зоя всматривалась. О, ужас! Ксюша была права, на экране плакала Шурочка, вцепившись в лежащую на полу мать. Белла не шевелилась. Господи! Жива она или нет? Что с Шурочкой? Надо что-то делать! Белла, похоже, ранена. Вон сколько крови вокруг. В любом случае девочку надо забрать. А Владислав, как на грех, уехал на два дня. Зоя ахнула и бросилась к телефону, надо ему позвонить, но вспомнила, что уронила свой сотовый в воду. Он не работал теперь. А Ксения свой давно сломала. Зоя не разрешила Владиславу купить девочке новый. Как же Владьке позвонить? Есть же стационарный телефон. Зоя лихорадочно пыталась вспомнить номер Владислава. Не вспомнила. Нет, придется все самой делать. Надо немедленно найти Шурочку и привезти сюда, домой. Господи, близнецы совсем маленькие. С Ксюшкой не оставишь. Соседки тети Клавы, как назло, дома не оказалось.

— Ксюша, собирайся, мы едем за Шурочкой, — сказала Зоя. — Надо подумать, куда бы могли её увезти. А! Буду звонить в милицию.

На экране тем временем появились телефоны для справок. «Позвоню туда!» — Зоя быстро записала номер. Начала звонить, но ей толком не ответили. Решение пришло само собой. Женщина быстро собрала малышей, несмотря на холодную погоду — стояли сильные морозы — выкатила коляску и отправилась в больницу, куда, по словам диктора, увозили раненых в супермаркете детей. До больницы было пешком идти минут десять. Женщина почти что бежала. Чтобы не отставала Ксюша, посадила её сверху на закрытую коляску. «Держись!» — приказала она.

На счастье Зои, Шурочка сразу нашлась. В приемном покое сказали, что девочка здесь, находится на втором этаже, в педиатрии, она не ранена, но очень напугана, наверно, можно будет забрать домой. Зоя, попросив вахтершу присмотреть за близнецами, покачать в случае чего, оставив на свой страх и риск возле коляски и Ксюшу, побежала на второй этаж за девочкой. Бледненькая Шурочка, переодетая в больничную пижаму, поджав ноги, сидела на кровати и мелко дрожала. Она даже не плакала. Никому в больнице не было дела до маленькой испуганной девочки.

— Я забираю её, — сказала Зоя медсестре. — Шурочка, девочка моя, я пришла за тобой. Пойдем домой, к папе.

— Где мама? — увидев Зою, спросила девочка.

По щекам ребенка сразу потекли слезы. Зоя села рядом, обняла несчастную девочку. Шурочка обхватила её руками, прижалась.

— Я не знаю, моя девочка, — ответила Зоя. — Но мы её найдем. А сейчас пойдем со мной. Пойдем, нас ждут Ксюша и братики.

Но медсестра что-то долго делала, никак не могла раскачаться. Не было на месте врача, который должен был выписать девочку. Зоя дергалась, внизу дети с чужим человеком.

— Шурочка, девочка моя, — попросила Зоя. — Посиди минутку одна. Я сбегая, проверю Ксюшу и братиков.

Но Шурочка вцепилась в неё и не отпускала её руки. Когда Зоя пыталась встать, девочка завывала. Завывала, в прямом смысле этого слова, как испуганный волчонок, который остался один и хочет есть. Зоя вздрогнула от этого звука, тут же села назад.

— Не надо, — прошептала она. — Не надо так плакать. Я без тебя не пойду.

Девочку опять начала бить дрожь. Женщина взяла Шурочку на руки и стала укачивать, напевать песенку, что пела близнецам. Постепенно малышка успокоилась. Дрожь её прошла, но тонкие ручонки не отпускали Зою.

— А теперь встаем, Шурочка, — осторожно сказала Зоя, — и идем вниз. Вместе идем моя девочка. Давай мне свою ручку

— К братикам? — робко проговорила девочка, вкладывая свою ладошку в руку Зои.

— К братикам, — подтвердила Зоя.

— И к Ксюше?

— И к Ксюше.

— И к папе.

— И к папе. Он скоро приедет. А Шурочка наша уже дома. Ждет папу.

Про маму девочка не спросила. Детский ум подсознательно стал обходить эти вопросы. Зоя взяла девочку за руку и ушла с ней. Надоело ждать. Сколько можно! Не стала никого предупреждать. Пусть поищут после. Слава Богу, Ксюша за это время не отошла от детей. Малыши спали. Рядом сидела пожилая вахтерша, строгим взглядом следила за коляской. Зоя, уходя, сунула ей пятьдесят рублей. Лишь при выходе Зоя сообразила, что у Шурочки нет теплой одежды. Как вести домой Шурочку? Она рванулась, было, назад, но девочка вцепилась в неё и опять завывала. Ксюша бросилась обнимать подружку.

— Я не уйду никуда, малышка. — Зоя ласково погладила рыжую головку. — Господи, что же я не взяла из дома Ксюшину одежду?

Старая вахтерша посоветовала:

— А вы вызовите такси, мамаша, да и доедете без одежды. В машине тепло. Попросите прямо к крыльцу подъехать. Многие так делают.

— А ведь верно, — обрадовалась Зоя. — Деньги у меня с собой. У вас нет номера такси?

— Давайте я своего сына вызову. Он таксист.

У вахтерши сын подрабатывал извозом. Та быстро ему позвонила. Немолодой мужчина отвез женщину с детьми домой. Помог с коляской, укутал в свою куртку девочку и бегом отнес по морозу в подъезд. Не хотел брать денег.

Вымыв и накормив девочку, перепеленав малышкой, Зоя села на телефон обзванивать больницы, искать Беллу. Нигде не было. Наконец, решившись, она позвонила в морг. Художница Светлицкая Белла Васильевна была там.

— Все, — устало подумала женщина. — Шурочке я ничего говорить не буду. Но надо Владу сообщить как-то.

Она не знала, что Влад тоже видел новости и, бросив все дела, мчался домой. Уже в дороге, в тех же самых новостях, он услышал, что убита местная известная художница Светлицкая, которая была с дочерью в супермаркете. Пострадавших детей отвезли в центральную детскую больницу. В больнице, куда Владислав бросился за дочерью, ничего не могли сказать, не знали, где девочка. Она была по всем документам, поступила в отделение педиатрии, но ребенка ни в палате, ни в туалете, ни в рекреациях — нигде не было. Владислав устроил хороший разнос всем работникам. Медсестра твердила, что

Шурочку увела какая-то женщина. Документов она у женщины не спросила.

— Женщина была с детьми? — спросил мужчина в надежде, что это Зоя.

— Нет, одна, — уверенно ответила медсестра.

Владислав лихорадочно набирал номер Зоиногo мобильника. Телефон молчал. «Может, мать из деревни приехала и забрала Шурочку?» — мелькнула мысль. И тут же мужчина отклонил её. Мать уже давно звонила бы, орала на весь свет и по телефону, без телефона. Но почему молчит Зоя?

— Господи, неужели и она была в магазине в тот момент, — холодело сердце мужчины. — Нет, сегодня холодно. Вряд ли Зоя пойдет в такую погоду гулять с детьми, тем более в магазин, — успокаивал он сам себя. — Может, разрядился телефон, а Зоя не заметила, закрутилась с детьми.

От отчаяния он выскочил из отделения, пообещав посадить всех от заведующего и кончая вахтером, если не найдется его дочка, быстро сбежал по лестнице. Внизу, в приемном покое, седая мудрая женщина сказала:

— Не расстраивайтесь, мужчина, найдется ваша девочка. Не пропадают в нашей больнице дети. Не первый уже сегодня шумите. Да и как не шуметь. Такое горе обрушилось... Вот сегодня тоже прибежала одна мамаша, с двумя младенцами и девочкой. Как вы, перескандалила тут со всеми, переругалась. А дочку сразу нашла. Обо всем подумала та мамаша, а вот одежду, теплую, чистую, не догадалась взять ребенку. Так и вызывала ей такси. В больничной пижаме увезла девочку она.

— С близнецами была женщина?

Владислав, не мигая, смотрел на пожилую вахтершу. Сердце замерло.

— Ну да, двойня лежала в коляске. Мальчики. Девочка, сестричка, такая деловая, разговорчивая, с ними осталась, пока мать бегала на второй этаж. Я помогала, качала коляску, пока мамаша вторую дочку искала.

Влад подскочил, расцеловал ничего не понимающую седую женщину и помчался домой. С замиранием сердца, тихо-тихо, словно это должно было оправдать его надежды, открывал он дверь своей квартиры. На цыпочках, не раздеваясь и не разуваясь, пошел в спальню. Дома все было в порядке. Орала и вертелись в своей кровати близнецы. Зоя что-то им ласково говорила, стоя у кровати. Играли тут же в комнате на пушистом ковре две девочки, дочери Зои и Влада: Шурочка и Ксюша. Шурочка время от времени тревожно поднимала головку, находила глазами Зою, облегченно вздыхала. Увидев отца, девочка не бросилась к нему, а тихонько встала и бочком-бочком пошла к Зое, обхватила руками, спряталась за неё.

— Ты что, солнышко, — спросила женщина, которая в это время взяла на руки одного из малышей, — ты опять испугалась? — Зоя увидела незаметно вошедшего Владислава. — Господи! Владь, в самом деле, можно испугаться. Шурочка, девочка! Не бойся! Это наш папа приехал.

Шурочка не отвечала. Она исподлобья смотрела на отца, не отпуская Зои. Владислав подошел, присел рядом, протянул руки к дочке:

— Шурочка, доченька моя, ты испугалась? Чего ты боишься?

— Т-ты повезешь меня к маме? — спросила девочка, слегка заикнувшись и отстранившись от отца.

Лицо она спрятала, уткнувшись в живот женщине. Владислав не знал, что ответить. Зачем это спросила дочка: хочет она к матери или, наоборот, боится этого? Насторожилась и Зоя. Пока взрослые размышляли, Ксюша сама все решила.

— Нет, Шурочка, — шагнула к ним девочка, — я не отпущу тебя. Ты будешь всегда жить с нами. С нами наш папа, поэтому у нас ничего не случается.

— Правда? — глаза ребенка не мигая, очень серьезно смотрели на отца. Руки все также обвивали Зою. — Я буду с тобой жить?

— Правда, — сказал Владислав. — Конечно, со мной.

— И с тетей Зоей.

— И с тетей Зоей, и с Ксюшей, и с мальчиками.

Девочка продолжала обхватывать женщину, держащую Сережу на руках. Сашенька, которого оставили в кровати, громко стал выражать свое недовольство.

— Шурочка, солнышко, — попросила Зоя. — Может, ты мне поможешь, поддержишь немного нашего Сережу, а я пока возьму Сашу. А то нашему папе надо раздеться.

Девочка тут же протянула руки к малышу. Зоя дала ей ребенка.

— Неси папе, — сказала Зоя.

— Он не разделся еще, — ответила девочка.

— Умница моя, помнишь, что папа с холода пришел. А ну, папа, быстро раздевайся! И разувайся тоже! Шурочка тебе Сережу несет.

Владислав быстро скинул куртку и обувь, Шурочка осторожно принесла ему братишку. Влад взял сына одной рукой, другой обнял дочку. Она доверчиво прижалась к нему.

— Папа! Мой папа.

— И мой, — подлезла к ним Ксюша.

— А вы все мои, — надежные руки Влада обнимали детей.

— Ну вот и хорошо! — повеселела Зоя. — А теперь Сережу несите мне, мальчикам давно спать пора.

Шурочка опять взяла малыша и понесла Зое. Так маленький братик стал помогать сестренке забыть страшное событие.

Не сразу Шурочка пришла в себя после смерти матери. Первую ночь она долго не могла уснуть. Только начинала засыпать, как перед глазами появлялась мать, она толкала девочку и падала на неё сверху. Девочка боялась этих видений, она тут же начинала плакать, биться, кричать. И видения исчезали. Зоя заварила успокоительные травы, напоила девочку. Это помогло ненадолго. Шурочка проспала часа два, потом вновь закричала — ей снилась Белла. Проснувшись Зоя уже спешила к ним. Но опять выручила Ксения. Сердитая девочка перелезла к сестре в кровать, обняла и сказала:

— Не кричи. Я буду с тобой спать. Я никому не дам тебя в обиду. Пусть только кто тебя тронет, я как дам. Вот видишь, какие каблукы у туфелек. Вот я взяла их с собой, — Ксюша положила туфельки рядом на подушку. — Я как каблуком дам...

Как ни странно, это помогло, Шурочка перестала плакать, уснула, больше крика и плача не было.

Зоя не разрешила Владу взять дочь на похороны Беллы. Не пустила даже попрощаться с матерью. Решение это не просто далось женщине. Она позвонила знакомому детскому врачу, что всегда лечила Ксюшку. Та выслушала терпеливо сбивчивые слова взволнованной женщины и сказала: «Лучше не надо, не ходите к покойной Белле, пожалейте ребенка. Что такое смерть, девочка еще не поймет, а вид мертвой матери может дать нежелательную реакцию. Вам и так еще много предстоит перенести». И Зоя убедила Влада, что Шурочке должна остаться дома. Старшая бездетная сестра Беллы, Ольга, была этим очень недовольна. Она сердито высказывала зятю, что Шурочка обязательно должна была попрощаться с

матерью.

— Я прилетела из Израиля, чтобы попроситься с сестрой, — разгневанно говорила она Владиславу. — А ты не привел сюда дочь Беллы.

— Девочка не спит уже несколько ночей, кричит, — терпеливо отвечал мужчина. — Ты предлагаешь ей еще один удар нанести по детской психике. Пусть лучше в будущем Шурочка меня обвинит, что не попросилась с матерью... Да и Беллу этим не вернешь... А сейчас здоровье девочки важнее.

— Но Шурочка никогда больше не увидит мать, — не слушала его Ольга. — Никогда, никогда. Пусть она побудет здесь. Поезжай за дочерью.

— Не будет Шурочки на похоронах, — отрубил отец. — Все, вопрос обсуждению не подлежит. Я сейчас отвечаю за дочь!

— Ты бы мог привести Шурочку, — поддержала Ольгу приехавшая на похороны Галина Ивановна, — я бы побыла с ней, последила. С кем ты оставил Шурочку?

— А то не знаешь? — сердито ответил сын. — Шурочка с Зоей.

Мать недовольно фыркнула.

— Кто такая Зоя? — подняла брови Ольга.

— Моя жена, — ответил мужчина. — Что смотришь на меня? Я давно ушел от Беллы. У меня новая семья.

— Правильно писала Белка, ты как мартовский кот, — горько проговорила Ольга, — одну жену не успел похоронить, на другой уже женился.

— Мы возле гроба, — напомнил мужчина. — Давай не будем обсуждать мою личную жизнь. Хочешь, поговорим после.

Беллу отпели, похоронили, поминали в ресторане. Уже все разошлись, остались самые близкие. Ольга опять завела разговор о Шурочке.

— Девочку отдашь мне, — решительно заявила она. — У меня детей нет. Шурочка будет мне дочкой. Я давно мечтаю о детях. И тебе легче будет.

— Нет, — не согласился мужчина. — Шурочка будет жить с нами.

— Со мной ей будет лучше, чем с мачехой, — стояла на своем Ольга. — Мой муж состоятельный человек. Известный детский врач. Я увезу девочку. Ей ничто не будет напоминать о трагедии. Мы Шурочку подлечим, поможем ей пережить и забыть страшные дни.

— Нет, — повторил Владислав. — Даже речи не может быть.

— Я ведь могу и в суд подать, — пригрозила сестра Беллы. — Я ближайшая родственница девочки.

— Подавай, — ответил мужчина. — Только помни, я отец Шурочки.

— Я не буду выступать на твоей стороне, сынок, — вмешалась мать. — Если ты выбрал Зойку и хочешь жить с ней... Отдай нам тогда Шурочку...

— Ты совсем чокнулась на своей ненависти к Зое, — зло прервал её Владислав. — Сколько можно винить людей в несовершенных ими грехах. Я знаю, ты не можешь забыть, как утонула Ларисочка... Но Зоя-то в чем виновата? В том, что ты отпустила дочь одну гулять. Да и вспомни, что отец Зои тогда первую вытащил из воды Ларису, а после — Андрея и меня... Я был там, видел, я сам тонул, в конце концов... Ведь тебе было после стыдно. И Андрюшке ты не могла смотреть в глаза... А Зою ты все ненавидишь... Зоя не должна была следить за Ларисой... Она и так подняла тревогу... Да и с себя вины, мать, не снимай, не надо было разрешать Ларисе одной гулять, где хочет...

— Сынок! — остановил его тихий всегда отец. — Не надо... Пожалуйста, не надо говорить о Ларисе. Не надо...

Владислав взглянул на сразу поникшую мать и пожалел, что так жестоко нанес ей удар — вспомнил страшные дни, когда утонула его младшая сестренка Лариса. Уводя разговор в сторону, спросил мать:

— С чего в тебе такая рьяная любовь к внучке проснулась? Готова забрать! Что же не посидела с ней, когда я просил об этом, когда Белка по выставкам моталась? А сейчас и себе взять готова Шурочку.

— Сам говоришь, Шурочка — мне родная внучка, — ответила мать. — Я люблю её.

— Что же ты сыновей моих ненавидишь? Они тоже родные внуки тебе. Или не веришь, что мои? Ни разу не посмотрела, не приехала. И отца не пустила? Почему слюной брызжешь, когда речь заходит о Зое? Думаешь, она плохая мать?

— Владислав, — голос матери был неожиданно тосклив, — ты неправ. К твоим детям у меня нет ненависти, ни минуты не сомневаюсь, что наши это внуки, от тебя. Я их люблю... Но Зою я не приму. Не проси. Так что ты выбирай между мной и Зоей...

— Галина, — вмешался вечно молчаливый отец, и голос его был строг и сух, — ты сейчас замолчишь. Ты переходишь все границы... Имей совесть. Я ведь тоже все слышу. Владислав не будет никого выбирать... Ему жить, не тебе. Ты уже как-то вмешалась, заставила его жениться на Милке. Где эта Милка, где наши старшие внучки? Не знаешь. Вот-вот, помолчи лучше. А ты, Ольга, если так переживаешь за девочку, поезжай с Владом к нему. Познакомься с Зоей... Она хорошая...

Галина Ивановна молчала.

— Я так и сделаю, — ответила Ольга. — Если Шурочке там плохо, я её сразу заберу. Не посмотрю, что есть отец.

Сергей Петрович и Галина Ивановна поехали домой, в деревню. Ольга к Владиславу.

Девочки сами открыли дверь отцу. Шурочка испугалась при виде тети, очень похожей на маму. Девочка не бросилась к ней, а съежилась, отступила робкими шагами, оглянулась, но Зои не было рядом, она была с малышами, что плакали, тогда Шурочка забилась в угол, закрыла лицо руками. Она так пряталась: не видит чужую тетю, значит, нет её.

— Все, — подумала грустно Зоя, которая, чувствуя что-то нехорошее, вышла в прихожую сразу с двумя близнецами на руках, — все три дня насмарку, опять испугали девочку. Зачем Владька привез сестру Беллы? Господи, сделай так, чтобы только несчастная малышка не начала опять плакать...

Владислав поспешил взять у Зои одного из детей, более крупного, Сашу.

— Шурочка! Почему ты не хочешь со мной говорить? — ласково спросила Ольга. — Прячешься от меня? Я твоя тетя Оля. Помнишь меня?

Она подошла к девочке, присела на корточки, пыталась отвести её ручки от лица. И Шурочка закричала. Тоненько, испуганно, как зайчонок. Ольга испугалась этого тонкого звериного крика. Зоя бросилась к Шурочке с малышом на руках. Но её опередила стоящая рядом Ксения. Девочка изо всех силенок оттолкнула чужую тетю, встала, закрыла собой прятавшуюся сестренку.

— Уходи, — сердито закричала она. — Не трогай мою Шурочку, а то как дам тебе сейчас! — она сняла с ноги любимую туфельку и замахнулась на Ольгу.

Вид у маленькой заступницы был разгневанный, решительный... Ольга отошла, испуганная грозным видом Ксюши и тонким криком Шурочки. Девочка так никого не

подпустила к себе, кроме Зои. Та присела возле Шурочки с малышом на руках.

— Где наша девочка? Куда спряталась? Кто пришел к нашей Шурочке? Кто по ней соскучился? — ласково заговорила Зоя. — К ней наш Сережа-капризуля пришел. Он соскучился по сестренке. Шурочка, давай покажем тете Оле, как ты умеешь держать своего братика. На, возьми Сережу. Посмотри, он к тебе ручки тянет. Сережа любит нашу Шурочку.

Девочка раздвинула на минуту ладошки, скрывающие лицо.

— Пусть она уйдет, — она показала на Ольгу.

Женщина поняла и поспешила уйти в комнату. За ней поспешил Владислав с другим близнецом на руках.

— Ты поняла теперь, почему не взял я Шурочку на похороны матери. Что мне, в психлечебницу ребенка надо бы после отправить? Она всех боится, кроме Зои, Ксюши, меня и близнецов. Близнецы только и спасают. Шурочка первый день только и сидела в их комнате, все Сережку качала. Не знаю почему, но с малышами она успокаивается. Вчера Шурочка хоть с Ксюшкой стала выходить играть в другую комнату. А сегодня все опять насмарку. Видишь, опять в угол забилась, опять ночью кричать во сне будет.

— Извини, пожалуйста, — расстроено проговорила Ольга. — Я все понимаю, я сейчас же поеду в гостиницу.

— Не надо, — в дверях стояла Зоя. — Шурочка уже успокоилась, она с Ксюшей ушла в их комнату и согласилась поговорить с вами. Только сразу скажите, что вы её не забираете.

— Шурочка, — голос вошедшей Ольги был приветлив и спокоен. — Мне можно войти? Ты не бойся, я не возьму тебя у папы...

Девочка сначала нашла глазами Зою и только после кивнула головой. Она уже сидела на своей кровати. На руках у нее лежал один из близнецов. Девочка очень аккуратно его держала. Малыш был недоволен, крутил головой, махал ручками и ножками. Чувствовалось, что ручки девочки уже устали, но малышка чувствовала ответственность и держала его из всех сил. Зоя села рядом.

— Ну давай мне, нашего горластого, нянюшка моя.

— А ты мне еще дашь его на ручки? — девочка с облегчением передала маленького братика.

— А ты еще не устала?

— Нет, — поспешно сказала девочка. — Я ему песенку про котика спою. Сережа всегда мои песенки слушает.

— Конечно, дам, — пообещала Зоя. — И песенку ты ему споешь, чтобы он крепче спал.

— И Сашу дашь подержать?

— И Сашу, — засмеялась Зоя. — И Ксене тоже дам.

— Мне не надо, — поспешно сказала Ксюша.

Все засмеялись. Улыбнулась робко и Шурочка. И это разрядило обстановку.

— Пойдем со мной, — потянула подружку за руку Ксюша. — Мама, мы торт возьмем. Ты говорила, как папа приедет, так и можно будет.

Ксюшка не теряла момента, знала, что сегодня Зоя не будет требовать подождать ужина, поэтому можно просить их любимой «Рыжик».

— Берите, — махнула мать рукой. — Только руки вымойте.

Шурочка, услышав про торт, торопливо слезла с кровати, убежала следом за Ксенией. Раздался звук открываемого холодильника.

— Все, ужин для девчонок отменяется, — подвела итог Зоя. — Не будут они котлеты

есть. Ксения точно.

— Я так думаю, что Шурочка возьмет еще и колбаски, — засмеялся Владислав. — Может, и Ксюшка с ней за компанию кусочек съест.

— Да, большая семья у вас, — вздохнула Ольга.

Она про себя с грустью констатировала, что в новом доме Владислава гораздо уютнее, лучше, теплее, чем у Беллы.

— Пойдемте и мы к столу, — пригласила Зоя.

— Да мы сытые, — ответила Ольга.

— А чайку с тортом? — спросил Владислав. — «Рыжик» называется. Зоя сама печет. Исключительно вкусный. Только она редко нас им теперь балует.

— Так у неё же четверо детей на руках, — сорвалось с губ Ольги. — Когда все успеешь?

Взрослые пошли на кухню. К радости Зои, девочки взяли не колбасу, а по котлете со сковородки и, довольные, поедали их прямо руками, точнее, ела одна Шурочка, Ксюшка откусила кусочек и положила обратно на сковородку. Её больше занимал торт.

Ольга осталась ночевать в доме Владислава. Слышала, как плачет во сне Шурочка, как просыпаются близнецы, как мечутся между детьми Зоя и Владислав, как что-то говорит Шурочке, успокаивает её светловолосая сестренка Ксения.

— Да, достается Зое, — с сочувствием подумала Ольга. — А Шурочка её любит. Это хорошо.

Ольга уехала через девять дней. Эти дни она жила в доме Зои и Владислава. Вернее сказать, только ночевала. Она вместе с Родионом Бородиным разбирала картины сестры в её мастерской. Владислав доверил им это. Он не любил черно-серых урбанистических пейзажей, что писала художница Светлицкая. Они производили на него мрачное впечатление. Не возразил, когда Родион посоветовал кое-что продать.

— Картины Беллы сейчас пользуются спросом, — пояснил он мужчине. — Можно продать даже неудачные. А вот эти, — он показал, с точки зрения Владислава, на самые мрачные, — скорее всего, будут расти в цене. Их оставьте себе. Это настоящий капитал.

Ольга себе попросила одну их ранних работ Беллы. На ней были изображены их давно умершие родители. Владислав равнодушно на все согласился. Но повесить мрачные пейзажи покойной жены в светлом доме Зои наотрез отказался. «Да я лучше подарю какому-нибудь музею!» — откровенно сказал он. Потом помолчал и предложил: «Ольга, возьмите одну из этих картин себе. Вот из этих, дорогих. Я думаю, Белла бы была довольна. Остальное продавайте или действуйте, как сочтете нужным». Домой Владислав взял только одну небольшую картинку — медвежонок, что нарисовала Белла, когда родила девочку. Толстый медвежонок сидел на сваленном дереве и сосал молоко из бутылочки. Картина была написана не в стиле художницы Светлицкой — она была светлая, радостная. Шурочка любила смотреть на этого медвежонок. Белла унесла эту картинку из дома в наказание за то, что пятилетняя девочка плохо убрала свою комнату. Шурочка тихо плакала, когда Белла снимала со стены картину, а Владислав в очередной раз ругался с женой, но ничего не добился. Влад решил вернуть ребенку его любимую картинку. Принес домой, но показать дочке не решился, рассказал только Зое. «Пусть лежит пока на шкафу, — сказала женщина. — Время покажет». К вечеру картину нашла Ксюша, тут же пришла в восторг, разохалась при виде толстого медвежонок, уговорила Шурочку подарить ей. Та только соглашалась с деловой Ксенией. И вскоре под мудрым детским руководством Владислав вешал картину в комнате девочек. Теперь толстый медвежонок хитро поглядывал на

сестреночка своими черными глазами, все так же поглощая молоко из бутылочки.

Шурочка привыкла за эти дни к тете Оле, говорила с ней иногда, но без Зои наедине с тетей не оставалась.

Сегодня Ольга уезжала. Девочка почему-то опять испугалась, спряталась за Зою, отказалась прощаться с Ольгой. Расстроенная женщина уехала, так и не поцеловав на прощание единственную племянницу. Расстроена женщина была еще и тем, что в душе она завидовала Владу и Зое, их большой семье, их детям. Как Ольге хотелось ребеночка! Но никак не подойдет их очередь на усыновление... Ольга так надеялась вернуться назад с Шурочкой... Муж говорил, чтобы она обязательно привезла ребеночка... Он тоже хочет детей.

Близнецы тоже чувствовали суматоху в этот день и капризничали. Уставшая за эти девять дней, Зоя совсем выбилась из сил. Наконец к вечеру мальчишки нагулялись, наорались, успокоились, Зоя их выкупала, они наелись и стали засыпать.

— Можно я покачаю кроватку, — тихо попросила Шурочка.

— Можно, — согласилась Зоя.

Сашенька, насосавшись материнского молока, давно спал, Сережа все вертелся, иногда хныкал. Шурочка стала аккуратно качать его кроватку. Мальчик внимательно смотрел на маленькую нянюшку и улыбался. Улыбалась и Зоя, глядя на них. Она присела на кровать. Глаза слипались. А еще котлеты не пожарила. Владислав вернется, есть захочет... Мысль где-то потерялась, Зоя, сидя, на минуту уснула. Пришла Ксюша, сказала заботливо:

— Ты, мама, полежи. Мы укачаем Сережу и будем тихо смотреть мультфильмы. А потом сами спать ляжем. Папа вернется поздно, он ведь тетю Олю на самолет провожает. Ты поспи немножко. А то молоко пропадет от усталости, — добавила она под конец озабоченным голосом.

— Вы мои помощницы, — невольно улыбнулась Зоя, с наслаждением вытягивая ноги на кровати.

Глаза её отказывались уже открываться. Она видела, что Сережа успокоился, вот-вот уснет и задремала сама. Проснулась она оттого, что кто-то открывал ключом дверь. Женщина бросила взгляд на часы. Двенадцатый час. Это вернулся Владислав. А Зоя даже никакой еды не сварила. Уснула. Она бросилась почти что бегом в прихожую.

— Ты что такая испуганная? — спросил Владислав.

— Владька! Я проспала, я даже не приготовила тебе поесть, — обескуражено произнесла женщина.

— Ничего, — засмеялся Влад. — Обойдусь бутербродами и чаем. Колбаса и сыр есть?

Он обнял женщину. Руки у него были холодные, замерзшие.

— Какая ты у меня уютная, теплая, — произнес он, целуя женщину. — Как же я по тебе соскучился!

И вдруг почувствовал жгучее желание заняться с ней любовью. Прямо сейчас!

— Заюшка моя, а ну её, эту еду. Все дети спят?

— Все, — ответила Зоя, она сразу все поняла. — Пошли быстрее в спальню, — шепнула она. — Я страшно по тебе соскучилась!

Обнявшись, торопливо они добрались до кровати. Владислав даже не поцеловал мальчишек, не заглянул к девочкам, потому что целовал Зою. А она приникла вся к нему.

— Владька, как я соскучилась! Владька, я люблю тебя, — шептала она. — Господи, как мне хорошо с тобой.

Владислав забыл про все рядом со своей женщиной. Куда было Белле до его горячей Зои. Он целовал каждую клеточку тела её, а она смеялась: «Еще». И сама бежала губами по его телу. Для неё не было запретов в любви. А Владу никакие женщины с ней не были нужны.

Уставшие, лежали они, прижавшись друг к другу, все еще обнимая друг друга, не желая расставаться. Кто-то из близнецов всхлипнул. Головы отца и матери моментально повернулись к кроваткам.

— Бог ты мой, — Зоя резко села на кровати.

В кроватке был только один близнец — Саша. Вторая кроватка была пустая.

— Где же Сережка? О чем я думала? Он же у нас спит обычно по двадцать минут. А прошло уже четыре часа.

Зоя была в панике.

— Что ты, Заюшка? — Владислав прижал её к себе. — Ты о чем говоришь?

Он еще не понимал, что случилось.

— Владька, я потеряла ребенка, — глаза жены расширились от испуга.

— Что? — взгляд мужчины упал на пустую кроватку.

Оба, в чем мать родила, вскочили и бросились к двери, проверить другие комнаты. В последний момент Влад остановил Зою:

— Надень хоть халат. Ты же голая. А там девочки. Вдруг не спят.

— И ты тоже.

Путаясь в рукавах, она накинули что-то из одежды и ринулись в комнату девочек. Там никого не было: на девочек, ни малыша. Постели были даже не разобраны. В зале тоже никого. Владислав бросился в ванную комнату, Зоя — на кухню. Никого! Столкнулись оба в коридоре по пути в последнюю комнату, а бабулину. А в комнате бабули, раскинув ручки и ножки, важно сопел на широкой кровати маленький мальчик. С двух сторон по бокам лежали сестрички. Ручка спящей Шурочки заботливо обнимала братика. Одеяло сползло. Владислав засмеялся тихонько, поправил одеяло, обнял остолбеневшую Зою:

— Зайка-Зойка, пойдём и мы ещё в кроватку. Поиграем ещё немножко. Здесь полный порядок. Смотри, как хорошо спят наши ангелочки.

Но не удалось. Проснулась Шурочка.

— Тетя Зоя, — сказала она. — Сережечка не спал, я его забрала. Ксюша сказала, что ты устала, всю ночь не спала.

— Ты не бойся, мама, — добавила спросонок Ксения, — мы держали его правильно, когда уносили. Прижали к себе, чтобы спинку поддержать, и головку держали. Мы вдвоем Сережу принесли сюда. Положили, Шурочка легла с ним рядом, чтобы он не упал. Сережка и не плакал даже. Только улыбался. Они и уснули оба. Я сходила, посмотрела за Сашкой. Он спал. Ты тоже. Мне было скучно, я легла с ними. Мам, — добавила она обиженно, теребя пижамку. — Сережка меня описал. Я вся мокрая.

Влад и Зоя тихонько расхохотались. После быстренько уложили всех детей по своим местам, легли сами. «Я потеряла ребенка», — повторил мужчина и опять засмеялся. Засмеялась и Зоя. С тех пор, если Сережа долго не засыпал, звали Шурочку. Мальчишка с ней быстро успокаивался. А девочка перестала кричать во сне. Она боялась разбудить братика. Сработала какая-то система контроля, а может, все знающая Ксюшка рассказала, как мама сказала тете Ольге на прощание:

— Девочку мы вам не отдадим. Не мечтайте об этом, Ольга. Любой суд будет на

стороне отца.

— Да я и сама вижу, что не надо мне брать девочку. — Ольга помолчала, потом задала вопрос: — Зоя, вы не обидитесь?

Женщина молчала.

— А вы любите девочку Беллы, не притворяетесь по отношению к Шурочке? — сестра Беллы с тревогой смотрела на Зою.

— Нет, — твердо ответила Зоя. — Не переживайте. Благодаря Владиславу, перестала болеть Ксения, он практически вернул моему ребенку здоровье и вдохнул в неё жизнь. Я никогда не обижу Шурочку. Она часть Владислава. А я люблю его. И Шурочку я тоже люблю. Да сами подумайте, как можно не любить эту девочку!

Несостоявшееся примирение

Шло время, постепенно успокоилась Шурочка, забыла страшные дни, стала спокойно спать по ночам. Зоя разрешила девочкам спать вместе в бабушкиной комнате на старой широкой кровати. Чувствуя рядом рассудительную и все знающую Ксению, Шурочка становилась спокойнее.

По полгода исполнилось малышам. Они уже не лежали в кроватках, пытались сидеть, вставать, ползать. Без присмотра оставлять было нельзя. Владислав привез большой манеж, куда Зоя сажала детей, рядом играли девочки. В таком соседстве была взаимная выгода. Девочки присматривали за братиками, а те не орали в компании сестричек, Шурочка и игрушки постоянно собирала в манеж, которые выбрасывал более активный Саша. А то просто садилась и начинала разговаривать и играть с малышами, целовала их пухлые щечки и ручки. Девочка очень любила маленьких братиков. «Нянюшка моя», — так ласково звала её Зоя.

Приближалось лето. Его было решено провести в деревне. Зоя сказала, что поедет в свой дом.

— Он же небольшой, две комнаты и кухонька, — сказал Владислава. — И без удобств. Как же ты там будешь с четырьмя детьми? Без удобств?

— Ничего, — тряхнула головой Зоя. — Нам места хватит. А когда-нибудь ты построишь новый, свой дом. Будем жить там летом. А пока купи насос, чтобы не носить вручную воду. Колодец во дворе был чистый.

— А может, к моим поедете? Дом, конечно, тоже не новый, но все-таки четыре комнаты. Опять же, родители помогут, понячатся... Все тебе полегче.

Сказал и замолчал. Зоя тоже долго молчала, потом сказала:

— Я боюсь, Владь.

— Чего?

— Твоей мамы, она же не любит меня. Я с детства боюсь её. До дрожи в коленях боюсь. Правда!

Владислав невесело засмеялся.

— Я думал, что ты скажешь: не хочу жить со свекровью.

Зоя улыбнулась.

— Нет, с Галиной Ивановной, может, и полегче бы мне было, где она бы посидела с малышами, где дедушка... Но ведь они даже не приехали посмотреть внуков, — горько завершила женщина.

Зоя неожиданно подумала: первая свекровь считала, что Ксюша не от Антона, и принципиально отказывалась нянчиться с девочкой, чему Зоя была только рада. А мать Владислава при всей её нелюбви к новой невестке ни разу не усомнилась, что мальчишки — сыновья Владислава. Даже хвасталась, что у Владьки парнишки растут. Иначе досужая Римка уже бы донесла Зое.

Уже на первые майские праздники Владислав отвез семью в деревню. Понемногу наладили быт, установили насос, Владислав привез туда из своей квартиры стиральную машину-автомат, чтобы Зоя не мучилась со стиркой, установил новую большую электроплиту, чтобы не возиться с печкой. Зоя была очень рада.

— Что еще нужно для счастья? — спросила она.

— И что? — спросил и Владислав.

— Да вроде всего хватает. Дети здоровы, не болеют. А главное, ты со мной рядом. Каждую ночь!

— Ага! Я с тобой. И дети все в одной комнате. И деловая Ксюшка за всем следит.

Зоя засмеялась:

— Сам говоришь: со мной что-нибудь, но не так.

— С тобой все так, Заюшка моя. А чтобы было еще лучше, начнем строить дом. Свой дом! Новый!

— А почему бы и нет, — согласилась Зоя. — Я люблю деревню.

— И я!

Владислав на работу ездил из деревни. Не хотел расставаться с семьей, он привык, что вокруг него всегда детские голоса, и в пустой квартире почувствовал себя очень неуютно. Девятого мая решили пойти все вместе к бабушке и дедушке. Сами они так и не навестили сына. Зоя хоть и побаивалась Галину Ивановну, но считала, что надо восстановить отношения между сыном и матерью. Владислав дал понять матери, что без Зои он домой не пойдет. Зоя не хотела туда идти, а Влада посылала. Женщина уговаривала его, она рассказала, что видела, как тайком наблюдала за ней Галина Ивановна, когда она шла с девочками и коляской, в которой сидели два упитанных бутуза, в магазин. Зоя специально оставила малышей на улице возле магазина с Шурочкой, хотя никогда такого не делала. Бабушка тут же быстро подошла, поцеловала внучку, жадно всмотрелась в круглые личики, растроганно улыбнулась, сказала Шурочке: «Наши. Елизаровы. Все во Владьку». Но тут выскочила из магазина Ксюша, Галина Ивановна посмотрела на неё, словно чего испугалась, и медленно, согнувшись, пошла вдоль улицы, уже не прячась. Вышедшая следом Зоя не решилась её окликнуть.

Сегодня всей семьей шли к родителям Влада. Зоя струсилась в последний момент.

— Вот что, сделаем так, — сказал мужчина. — Я пойду первым. Потом позвоню тебе. Придешь с детьми.

— А подарки? — спросила Зоя. — Возьмешь сразу? Они тяжелые.

— Знаешь что, ты ведь водишь машину. Сядешь за руль и привезешь всех, в том числе и подарки. А я пешком дойду. Кстати, надо тебе купить машину. Жаль, я уже обещал свою старую иномарку Андрюшке отдать. А две новых покупать это дороговато.

— Ладно, об этом после, ты хочешь строить дом, — ответила женщина. — Я пока обойдусь и без машины.

— Так вот, — продолжил Владислав, — подарки я сразу положу в машину. Хотя, я так думаю, не до подарков будет. Вон каких двух бутузов привезем. Это и есть наш главный подарок. Растает бабушкино сердце. За отца-то я не переживаю.

Для Галины Ивановны Зоя приготовила чайный сервиз тонкого фарфора, для Сергея Петровича — рыболовные снасти. Владислав ушел к родителям. Через час раздался звонок сотового телефона.

— Зоя, приходи. Все в порядке, я жду тебя с детьми у мамы, — говорил Владислав. — Ты готова?

— Да, — ответила женщина, хотя не хотелось. — Сейчас едем.

На душе было плохо. Но она собирается жить с Владом, надо наладить отношения с его матерью. Почему интересно Галина Ивановна её так не любит. Из-за Беллы? Ведь Влад ушел от неё к Зое. Но сейчас нет больше Беллы, её убили по нелепой случайности. Нет, из-за

Беллы не должна так Галина Ивановна относиться к Зое. Скорее, её неприязнь объясняется тем далеким случаем в детстве, когда тонули Андрюша и маленькая сестра Влада, Лариса. Влад спас Андрюшу, а отчим вытащил Ларису, но девочка так и не начала дышать... Как тогда кричала Галина Ивановна на отчима: «Это ты виноват во всем! Ты! Ты!». А папа был несколько не виноват. Ларису первую вытащили. Только жизнь её покинула к тому времени...

Зоя оторвалась от страшных воспоминаний. Ей надо в дом Елизаровых. Она возьмет детей и поедет. Очень обрадовалась Шурочка, она давно не видела бабушку. Радовалась и Ксюша. Ей тоже хотелось иметь бабушку и дедушку. Арина Андреевна не в счет. Им кроме денег ничего не надо.

Владислав уже целый час сидел у матери. Та сначала язвительно поинтересовалась, где его королева, почему не пришла. Услышав, что она сейчас подъедет, мать изменила тактику и, как всегда, напустилась на него за брак с Зоей.

— Мать, — решительно сказал мужчина. — Ты меня с Зоей не разлучишь. Если хочешь, чтобы я ушел, уйду. Но больше не приду. Я не расстанусь с этой женщиной. Мне с ней хорошо. У меня, в конце концов, дети, сыновья. Ты хочешь, чтобы они росли без отца? Может, успокоишься, перестанешь мне указывать, что делать. Ты заставила меня, молодого дурака, на Милке жениться из-за того, что она была беременна. Только все равно у нас не срослось. Ты молчала, когда я женился на Белле, которая старше меня была, потому что должна была родиться Шурочка. Мам, здесь у меня двое детей, двое мальчишек, а ты стоишь на дыбах... Кричишь: не приму Зойку и все тут! Я не понимаю тебя.

Мать что-то хотела сказать, но молчаливый обычно отец произнес:

— Галя, мы с тобой договорились. Ты примешь Зою. Она тоже наша... наша... — Сергей Петрович окончательно рассердился, — она теперь наша дочка! Моя, по крайней мере!

Мать что-то проворчала и ушла на кухню.

— Спасибо, отец, — сказал Влад.

Тот посмотрел и неожиданно спросил:

— Малыши-то как? На кого похожи?

— Конечно, на меня, — расплылся в улыбке мужчина.

— Ты, сынок, молодец, сразу двух внуков нам подарил.

— И еще внучку, пап. Ксюшку.

— И внучку, — поспешно согласился отец. — Я помню про Ксюшу. Замечательная девочка. Как она меня сажала на пол: «Дедушка, давай играть!» Я люблю эту девочку. Очень люблю. Её невозможно не полюбить...

Вошедшая мать снова завелась:

— Нет, Ксения мне не внучка. Мне только Шурочка внучка. Даже и не говори ничего! Еще надо посмотреть, как твоя королева с Шурочкой обходится!

— Мам, Зоя о ней заботится. Она любит девочку. И Шурочка её любит. Не накручивай себя!

— Матерью зовет?

— Мамой Зоей она её называет. Так Шурочку говорить Ксюшка научила. Она, знаешь, как сказала Шурочке...

И Владислав передал разговор девочек.

— Шурочка! Я твоего папу зову папой, — начала рассудительная Ксения. — Значит, ты

мою маму должна тоже звать мамой.

Шурочка спросила:

— А тетя Зоя не рассердится?

Зоя это слышала и сказала Шурочке:

— Конечно, не рассержусь. Я буду очень рада. Зови меня мамой.

— Но мою маму звали Белла, — ответила тихо девочка.

Взрослые не поняли мыслей маленькой девочки, не знали, что ответить, чтобы не причинить лишней боли. Зато поняла Ксюша. Она сказала:

— Ну и что! У меня тоже раньше был папа Антон, а теперь другой — папа Владик. Ты мою маму зови «мама Зоя», чтобы не запутаться. Я тоже так говорю. Настоящий папа — это наш папа. А тот, другой, папа Антон. Твоя настоящая мама — Белла, она просто мама, а моя зови «мама Зоя».

Вот такую теорию выдала Ксюша. И если с точки зрения взрослых, в ней хромала логика, то Шурочка сразу её приняла. Для неё она поставила все по местам. Больше всех был доволен Владислав, он попал на роль настоящего папы....

— А Ксюшка меня папой сразу стала звать, — хвастался Владислав в настоящий момент матери.

— Есть в кого, — обронила мать.

— Что ты имеешь в виду? — не понял сын.

— Галя! — опять сказал Сергей Петрович. — Перестань! Не надо об этом!

— Говорю, что мамочке дочка помогала тебя ловить, — глянув на мужа, язвительно произнесла Галина Ивановна.

— Мать, ты опять? — устало возмутился сын.

За окном раздался сигнал машины. Владислав поднялся.

— Вот что, сынок, я сама встречу новую невестку, — встала мать. — Куда от них денешься?

Владу показалось, что в её глазах появилось какое-то доброе чувство. Он облегченно вздохнул.

— Галя, — сказал отец, — я с тобой.

— Сиди, — сердито крикнула мать. — Я сделаю все, как положено. Сам говоришь: у Владьки с Зоей дети!

Галина Ивановна вышла за ворота. Зоя открыла дверцу машины, и радостная Шурочка с криком: «Бабушка, бабушка!» — бросилась к пожилой женщине. Галина Ивановна обняла её. Следом за Шурочкой побежала и другая, светловолосая девочка, Ксения. Она тоже радостно кричала:

— Бабушка, бабушка!

Зоя, собираясь навестить родителей Влада, готовилась основательно. На девочках были надеты красивые голубые платья. Косичку Ксюши украшал огромный белый бант. Такой же бант был на голове Шурочки. В детских креслицах в нарядных одинаковых костюмчиках сидели притихшие близнецы.

Галина Ивановна неожиданно остановила вторую девочку.

— Подожди, девочка... Не иди сюда. Не надо. Ты не внучка, — потерянно сказала она. — Ты совсем не внучка... Не внучка ты... Как ты сюда попала? Зачем?

Взгляд у пожилой женщины был растерянный, потухший... Ксюша испуганно остановилась, словно налетела на камень.

— Бабушка, это Ксения, моя сестренка, — все еще весело улыбаясь, пояснила Шурочка.

— Это не сестренка, — словно сомнамбула говорила Галина Ивановна. — Это не твоя сестренка... Не надо, не иди ко мне... Не подходи! Господи, за что мне это?

Из глаз Ксении потекли слезы. Она и испугалась, и обиделась, и ничего не понимала. Давно никто так не обижал девочку. Улыбка медленно сползала с лица Зои.

— Мама, а где моя бабушка? — растерянно пролепетала Ксюша.

Зоя вышла из машины и молчала. Её предчувствия оправдались. Девочка посмотрела на дом и увидела мелькнувшее в окне лицо Влада.

— Мама, а папа наш там.

— Нет, это не папа, он не папа тебе, ты забыла... — странно, как во сне говорила Галина Ивановна, обняв за плечи и прижав к себе Шурочку и не сводя глаз с Ксении.

Ксения окончательно испугалась и с плачем побежала к матери. Зоя обняла свою несчастную девочку.

— Не плачь, родная моя. Мы сейчас уедем отсюда, дочка. Пойдем в машину к братикам. Не надо плакать... Не надо...

Женщина распахнула дверцу машины. Ксюша быстро села рядом с близнецами, обхватила их ручками, прижалась к ним. Зоя остановилась на мгновение, посмотрела на мать Владислава, ей на минуту показалось, что Галина Ивановна немного не в себе, но женщина откинула эту мысль:

— Вы, Галина Ивановна, — тихо, но четко проговорила Зоя, — злая и бессердечная женщина, вы обидели ребенка, который готов был раскрыть вам свое сердце. Продолжайте меня ненавидеть! Но не смейте обижать моих детей! Не позволю! Ксюша! Не плачь, дочка! Мы уезжаем отсюда! Мальчиков, Галина Ивановна, вы не увидите. У вас нет внуков!

— Мальчиков... Девочка... Но откуда эта девочка... — бормотала Галина Ивановна, стоя на месте, не делая попыток остановить Зою. — Бог наказал меня уже однажды. Он опять меня наказывает.

Ничего не понимающая Шурочка стояла возле бабушки. Галина Ивановна по-прежнему прижимала её к себе. Машина тронулась. Галина Ивановна продолжала стоять, смотреть вслед машине. Шурочка увидела, что машина отъезжает, а её оставили здесь. Мир для девочки опять стал страшным, как тогда в больнице, где её нашла мама Зоя. И сейчас мама уезжала без неё, без Шурочки. Из уст ребенка вырвался непонятный звук, так кричит раненый детеныш животного в последнем отчаянии, взывая к помощи человека. Девочка вырвалась из рук бабушки и побежала за машиной, упала, ушибла коленки, завывала тоненько, страшно. Это был точно такой же вой, как тогда в больнице, которого так испугалась Зоя.

Это и увидели вышедшие на крыльцо Влад и его отец: отъезжает машина, за ней со страшным завыванием изо всех силенок несется девочка.

— Господи, что случилось? — испугался Владислав и бросился к дочери.

Но машина остановилась. Зоя распахнула дверцу. Шурочка влетела в машину, с отчаянным криком вцепилась в женщину.

— Тише, тише, моя девочка, — обняла её Зоя. — Я не оставлю тебя здесь, никогда не оставлю. Ты — моя девочка. Я люблю тебя. Ты ничего не бойся.

Она не могла вести машину, девочка рыдала, её била крупная дрожь, тихо лились слезы из глаз Ксении.

— Мама, мама, — плакала Шурочка. — Мама, не бросай меня. Мне страшно без тебя. Я боюсь! Я хочу к тебе.

Вслед за Шурочкой ударились в крик близнецы, тихонько лила слезы Ксюша. Зоя готова была и сама заплакать. Она огромным усилием подавила рыдание.

— Девочки мои... Ксюша... Шурочка... успокойте братиков. Мы сейчас все вместе домой поедem. Там никто вас обижать не будет... Дома хорошо, тепло... Я испеку ваш любимый «рыжик». Только не надо плакать!

Подбежал к машине бледный трясущийся Владислав.

— Все живы? Что случилось? Почему такой рев? Что с Шурочкой?

При виде мужа разрыдалась и Зоя.

— Все, Влад, все. Я домой с детьми, а ты куда хочешь. Можешь остаться здесь. Я больше не могу. Я хотела, я старалась...

— Подвинься, я сам сяду за руль, — скомандовал мужчина.

— Владислав, — раздался глухой, безжизненный голос матери.

Влад обернулся.

— Владислав, — сказала мать, — не уезжай. Подожди. Ты нужен здесь. Я хочу спросить тебя... Потом поговоришь с Зоей... Остаешься, я прошу...

— Мама, зачем ты так? — растерянно ответил мужчина. — Что ты рвешь меня на части? Там мои сыновья, мои дочери, моя жена. И если я с ней сейчас не уеду, она меня больше не пустит в дом. Я её знаю. Я с ними! Мать, пожалей хоть меня...

Зоя, глядя на растерянного мужа, не знающего, куда шагнуть, что выбрать, захлопнула дверцу и стала выезжать на дорогу. Машина уже развернулась. Шурочка сидела впереди, все также прижавшись к Зое. К окошку прислонилось бледное личико плачущей Ксюши, она испуганно смотрела на Галину Ивановну. Мать увидела светловолосую Ксению, дрогнула и схватилась за сердце. Женщина сделалась мертвенно бледной.

— Мама, — испугался мужчина.

Он бросился к ней. Это видела и Зоя.

— Значит, не судьба, — лихорадочно неслись в голове мысли. — Куда мне с матерью Влада тягаться? Ей плохо стало. Мне не станет. Мне нельзя падать в обмороки, нельзя хвататься за сердце. Дети рядом. Шурочка вся трясется. Буду жить одна. Не даст Галина Ивановна быть счастливыми нам, — Зоя сосредоточенно смотрела на руль, а потом глянула на Влада и загадала: — Если уедем сегодня вместе, то мы и всю жизнь будем вместе. Господи, не разлучай нас! — взмолилась она.

Медленно сползала на землю Галина Ивановна.

— А я все равно не останусь, — решила женщина, глядя на неё. — Даже если умрет. Всему есть предел... Я старалась, я пыталась забыть свой страх перед Галиной Ивановной, все свои обиды за её несправедливые слова, но Ксюша... Она не заслужила... Я никому не дам обижать моего ребенка!

Зоя, глядя на мужа и его мать, успела затормозить в самую последнюю минуту — на пути её машины, преграждая дорогу, стоял бледный, седой Сергей Петрович Елизаров, отец Влада. Зоя чуть-чуть не задавила его, в последний момент она свернула в сторону. Удар пришелся вскользь, мужчина упал от удара. Женщина нажала на тормоза, машина резко дернулась и остановилась, Зоя потеряла сознание. Она не видела, как вцепилась в малышей Ксюша, держа их, чтобы не упали, как медленно встала, держась за сердце, Галина Ивановна, когда машина ударила пожилого человека. Она подошла к мужу, присела рядом:

— Слава Богу, живой, — прошептала она. — Сережа, ты живой...

— Живой, живой... Владислав, иди к жене... — успокоительно произнес сидящий на

земле Сергей Петрович. — Мы тут сами с Галей разберемся. Иди к Зое. Не упусти её. Вся жизнь будешь иначе страдать. Я-то уж знаю. Иди, сынок, иди.

Видя, что отец жив, шевелится, Владислав бросился к женщине, чья голова безвольно упала на руль. Заливались плачем близнецы, меловой бледностью покрылось лицо Шурочки, девочка поддерживала голову Зои и от страха не могла даже плакать, Ксюша тоже молчала и прижимала к себе братишек.

— Заюшка, родная моя. Заюшка, очнись. Да что же это такое! Не пугай меня, дети плачут! — мужчина целовал её лицо, гладил волосы. — Ну приди в себя, улыбнись, скажи: Владька, я люблю тебя. Заюшка моя, родная...

— Мама, мама! — отчаянно шептала Шурочка, крепко держа руку Зои. — Мама, не умирай.

Женщина очнулась. Низко над ней склонилось лицо Влада.

— Зоенька, Зоя. Все, все хорошо, мы уезжаем. Вместе уезжаем отсюда. Подвинься. Я сяду за руль. Шурочка, дочка, перелезь назад, к братикам. Помоги Ксюше.

Но Шурочка ни в какую не хотела отпускать руку Зои.

— Я с мамой.

— Отец, — дрожащими губами проговорила Зоя. — Отец. Папа. Мой папа. Я видела папу таким, каким он был, когда я была маленькая. Он тогда тоже стоял перед машиной, как и сегодня. Не дал уехать мне и маме. А сегодня не дал мне уехать от тебя. Папа... Он спас нас, наше счастье. Он стоял перед машиной. Господи! Это же твой отец стоял! Сергей Петрович. Я убила его? — женщина в испуге зажала ладонями рот и прикусила руку.

— Живой он, вон стоит возле матери, — немного успокоившийся Владислав все еще прижимал Зою к себе. — Он только упал.

Зоя нерешительно оглянулась. Отец Влада поддерживал Галину Ивановну и махал рукой: «Поезжайте, поезжайте! Все в порядке». Владислав завел машину.

— Все, хватит с меня. Домой! Ксюша, держишь братиков? Зоя, подвинься. Я сам поведу машину.

Зоя подвинулась на место пассажира, посадила на колени дочку Влада, та обняла её за шею и притихла. Женщина только чувствовала, как колотится её сердечко, она тихо гладила девочку, успокаивая её. Потом все вместе одновременно повернулись назад. Ксюша сказала голосом рассудительной старушки:

— Да слезу я, слезу тут. Я справлюсь с Сашкой и Сережкой. Только, папа, поедem скорее. Она смотрит, — девочка тихо показала в сторону родителей Владислава. — Я боюсь её.

Владислав тронул машину.

— Едем, папа, — повторила Ксюша и приблизила свое испуганное личико к стеклу. — Мне жалко вашу бабушку, — сделала неожиданный вывод девочка. — Плохо ей.

Дома все успокоились. Притихшие Шурочка и Ксения послушно играли с братишками. Шурочка без конца спрашивала Зою:

— Ты меня не отдашь бабушке?

— Нет, — терпеливо отвечала женщина.

— Мама, я буду тебе помогать, не буду никогда убегать от братиков, даже когда Ксения будет уговаривать, я буду их укачивать каждый день, петь песенки. Только ты не отдавай меня. Я сейчас все игрушки уберу...

— Шурочка, я не хотела тебя отдавать, — в сотый раз говорила женщина. — Спроси

папу. Как же я тебя отдам, если ты наша девочка, если твой папа с нами живет.

— Папа отвозил меня к бабушке раньше, — отвечала девочка. — И оставлял с ней. Я не хочу к бабушке. Я хочу с тобой всегда быть.

— Шурочка, — успокаивала сестренку и Ксюша. — Я не разрешу отдавать тебя. Твоя бабушка злая. Твоей бабушкой будет теперь моя. Ну и подумаешь, что бабушка Ада умерла. Она была очень добрая. Она сейчас там, на небе, смотрит на нас и тоже любит тебя. Я знаю. Мне баба Клава это говорила. А баба Клава, как генерал, все-все знает.

Владу были не очень приятны эти разговоры. Зоя заметила.

— Не надо, девочки, больше говорить об этом, — попросила она. — Давайте лучше поедим чего-нибудь вкусненькое.

— Торт «Рыжик», — загорелись глаза девочек. — Мама, испеки торт. Ты давно не пекла. Папа ведь привез тебе хорошую плитку.

— Хорошо, — улыбнулась Зоя. — Сейчас я позвоню тете Римме, чтобы она дала нам сметанки и молочка. Кто пойдет к ней со мной?

— Мы, — откликнулись девочки.

— А я, значит, в няньках, с мальчишками? — засмеялся отец. — Меня не берете! Хитрые какие.

— Ага, — улыбнулась Зоя. — Не возьмем. Воспитывай сыновей.

— А давай все-таки я схожу за сметаной, — предложил муж. — Быстрее будет. Я могу на машине съездить.

— Нет, — сказала Шурочка. — Ты в тот раз поехал и засметанился. Маме пришлось самой за машиной и тобой идти. А ты потом еще песни пел на крыльце.

— Что? — спросил Влад, вспомнив, как они хорошо посидели с Андреем, поговорили, дом на словах построили.

— Засметанился водочкой ты, пап, вдвоем с дядей Андрюшей, — пояснила Ксюша. — Мама так сказала: «Засметанился наш папа в гостях!» — когда мы за тобой пошли.

— Поэтому к дяде Андрюше не пойдешь, — подвела итог Зоя.

— Ну вас, — махнул Влад рукой. — Вас тоже не дожدهшься, если к Римке уйдете. Я хоть сметанюсь, а вы болтаете. О чем только? Я тут без вас с мальчишками чокнусь. Давайте я лучше у соседки спрошу, у неё тоже корова есть. Она мне не откажет...

— Я с тобой, — тут же сказала Зоя.

— Ревнуешь? — смеялся Влад.

— Ревную, — ответила Зоя. — Соседка-то у нас небезызвестная Анька Бычкова. Думаешь, я ничего не знаю?

— Мама, ну этот торт, — сказала Ксюша. — У нас мороженое есть. Вот его и поедим. А можно мы после с Шурочкой к речке ходим?

— Нет, — вздрогнули одновременно Владислав и Зоя, они вспомнили утонувшую Ларису. — Сегодня вы к речке не пойдете.

— Но почему? — сразу заныли девочки.

— Давайте я вам домик во дворе построю, — сказал Владислав, уводя разговор в сторону от опасной реки.

— На дереве, — сразу загорелась Ксюша.

— Можно и на дереве, — согласился мужчина. — Только у нас нет большого дерева...

— А я все-таки испеку торт, — сказала Зоя, которая говорила с кем-то по телефону. — К нам Петя в гости идет. Он нам несет сметаны большую банку. Тетя Римма дала.

- Ой, Петька, — обрадовались девочки, которые любили веселого озорного сына Риммы и Андрея. — Он домик нам поможет строить.
- И полторта съест, — добавил Влад.
- Так Петя из-за торта только и согласился принести сметану, — засмеялась Зоя.

На другой день к Зое и Владу пришел прихрамывающий, осунувшийся, но вполне живой Сергей Петрович. Он робко встал возле калитки, не решаясь постучать. В руках держал пакет с молоком, творогом и сметаной. У Елизаровых было большое хозяйство, в том числе две коровы. Отец Владислава даже не зашел во двор. Играющие на улице девочки испуганно скрылись в доме. Через минуту вышла Зоя, хмуро сказала:

— Добрый день, Сергей Петрович. Владика нет дома. Будет через час.

— Я к тебе, дочка, — ответил пожилой человек. — Не к Владьке.

— Вам не противно меня называть дочкой, — все так же сердито отозвалась Зоя. — Я же влезла в вашу семью...

— Ты, Зоюшка, не сердись. Я по-хорошему пришел. Покажи мне лучше внуков... и внучку... Ксюшу...

— А внучку... Ксюшу... то есть чужую девочку? Хотите лишний раз обидеть? Или извиниться? — в глазах женщины стояли слезы.

— Хорошо, не надо, не показывай... и не пускай меня в свой дом, — покладисто согласился дед. — Я посижу здесь, за воротами. Заслужил, значит... Вот молоко возьми...

Зоя вспомнила, как отец Владислава сидел с Ксенией, когда она была в роддоме, как он встал перед машиной, останавливая её.

— А ведь Сергей Петрович зла нам не желал. Не дал мне одной уехать, он спасал наше счастье, — быстрым веером пронеслись в голове мысли, женщина отступила в сторону: — Заходите, Сергей Петрович. И извините меня за резкость. Обидно мне за Ксюшу... Она не заслужила такого...

Ксюша сначала недоверчиво увернулась от ласковых рук дедушки, хоть и узнала его, спряталась за раскидистую ранетку и наблюдала, что будет дальше. Следом за ней отвернулась и Шурочка, ушла и встала рядом с сестренкой, обняла её. Теперь она её защищала, как когда-то Ксюша от тети Оли. Повисло натянутое молчание.

— Хорошие у тебя девочки, — прервал тишину Сергей Петрович. — Обижены только на меня. А мальчиков покажешь?

— Конечно, покажу, — облегченно вздохнула Зоя. — Вот проснутся, тогда и познакомлю с дедушкой.

Словно дождавшись сигнала, в доме подали голос мальчишки. Женщина поспешила к ним. В дверном проеме робко встал Сергей Петрович.

— Ну что же ты, дедушка, — Зоя не заметила, как перешла на ты с отцом Владислава, он, вопреки всем негативным мыслям, вызывал у неё доверие и симпатию, словно она давно знала этого человека (конечно, знала — по рассказам Ксюши, он с ней отсидел в няньках несколько дней), — иди ближе к внукам. Подержишь сейчас одного, пока я другим займусь. Бери, дед! Не бойся. Сережа у нас покладистый.

Зоя быстро подала переодетого Сережу деду. Малыш раскрыл широко свои карие глаза, изучал новое лицо. Потом что-то сказал на своем детском языке и схватил деда за нос.

— Вот и познакомились, — по-доброму улыбнулась Зоя. — Внук Сережа и дедушка Сережа.

— А ведь совсем на тебя не похожи сыночки, — несколько расстроено произнес дедушка. — В покойного Сашку все, — быстро глянул на Зою, словно испугавшись, что

неправильно говорит. — На Владьку они похожи. Такие же темноволосые, глазастые. Красивые мужики вырастут. В папку все пойдут. Дай Бог им здоровья и счастья.

— А вот и Сашенька готов к дедушке идти на ручки, — Зоя держала переодетого второго мальчика и думала, что и ей не раз приходила в голову мысль, что мальчишки похожи на её отчима. У них даже такие же темные волосы с рыжинкой. А у Сергея Петровича она и не знала, какие были волосы. Насколько она помнила, она всегда были седые. Пышная, прямо львиная грива и абсолютно седая. Сергей Петрович другой рукой взял второго внука и, довольный, улыбался.

— Тяжело, — забеспокоилась Зоя.

— Свои внуки руки не тянут, — засмеялся счастливый дед. — Я справлюсь! Спасибо, Зоюшка, тебе за мальчиков. Вот кто продолжит наш род. И мой, и Сашки.

— Наверно, Сергей Петрович не знает, что папа был мне неродным, — мелькнула мысль у Зои.

Когда приехал Влад, то Зоя накрывала стол во дворе под ранеткой, а его отец сидел и вел серьезную беседу с Сашкой и Сережкой, которые ползали тут же в манеже. Он терпеливо подавал игрушки, которые выбрасывал вредный Сашка. Ксюша и Шурочка с шумом играли в мяч, иногда подбегали к деду, кидали и ему мячик, Сергей Петрович ловил и кидал мяч назад девочкам. Дед успевал все. Во дворе царил полный мир. Зоя позвала за стол. Налила по стопочке коньяка мужчинам.

— Мне пока нельзя, — пояснила она в ответ на приглашение выпить с ними. — Я кормящая мама.

— Да ладно, Зоя, от стопочки ничего не будет, крепче спать наши мальчишки будут, — сказал Влад.

— Мальчишки не знаю, а я усну после коньяка сразу, это точно, — отозвалась женщина. — Тогда тебе одному сидеть с детьми.

Слово за слово, потекла беседа. Зоя все говорила о детях. Влад о своей мечте — построить дом здесь, в деревне. Сергей Петрович внимательно всех слушал. Пожилой, интеллигентный человек, пользующийся большим уважением в своем селе. Он долгие годы был главным экономистом совхоза. Многие удивлялись, как он уживается со своей горластой, деловой Галиной. После грянувшей перестройки совхоз развалился, Галина не растерялась. Сначала все держалась за торговлю, потом вместе с мужем наладила одно из первых фермерских хозяйств. Семья Елизаровых всегда жила состоятельно. Сейчас уже силы были не те, но Галина Ивановна до сих пор держала огромное хозяйство. Она поддерживала мечту сына — построить свой дом. Она всегда во всем была согласна с Владом. Ей не нравилась неряха Милка, она никогда не могла понять, почему Влад женился на Белле, и в глубине души признавала, что Зоя больше других подходит сыну, она — вторая половина Владислава, но...

— Вы не обижайтесь на мать, — попросил неожиданно пожилой человек. — Это не она, а обида в ней говорит, — он помолчал. — Что-то происходит с Галиной. Она вчера за весь вечер ни слова не сказала, перебирала старые фотографии, все плакала... Ларисочку вспоминала... Не может забыть старых обид...

— Я её не обижала, — сразу насторожилась Зоя. — Да, когда-то с нашего двора ушла к речке Ларисочка...

— Не надо про Ларису, — тихо попросил Сергей Петрович. — В Галине тогда страшное горе говорило... Не в Ларисе дело...

— В чем же тогда? Галина Ивановна не любила за что-то мою маму, но я уже не видела Галину Ивановну больше десяти лет. Как я могла её обидеть? Чем? Стала женой вашего сына? Так я уже третья или какая по счету? Что смотрите, Сергей Петрович, Владислав вск округу обошел... Знаю я... На всю деревню Галине Ивановне надо обижаться. А Ксюша вообще, бежала к ней с раскрытым сердцем...

— Зоя, — пытался остановить её муж.

— Владик, я люблю тебя. Я приняла тебя таким, какой ты есть. Ты это знаешь, — строптиво подняла глаза женщина. — Я не ловила тебя, как утверждает, Галина Ивановна, хотя давно надо было. Что я не так сделала? Почему такое отношение ко мне, к Ксении?

— Заюшка моя, — обнял её муж. — Мы с тобой все равно будем вместе. А мать порычит и бросит. Ну не может она иначе. Она и на Милку рычала, и на Беллу, и ты не исключение.

— Будете вместе, Зоюшка, будете, — подтвердил Сергей Петрович. — Ты не переживай, что Влад много гулял, это он в отца. Его отец тоже весь изгулялся, пока не встретил...

— Пап, ты чего на себя наговариваешь? — засмеялся Владислав, глядя на спокойного интеллигентного Сергея Петровича — все женщины в деревне завидовали матери: еще бы, такой хороший, просто замечательный муж. Спокойный, верный, всегда вежливо: «Галочка, Галя...» Не помню, чтобы за тобой такой грех был, как гуляние. Ты всю жизнь возле мамы... Ни на одну женщину не смотрел...

— Не было за мной такого греха, никогда не было, — ответил отец. — Ты прав, Владислав. Я не о себе говорю, Владька... а Зоином отчима, об Александре, — Сергей Петрович вздохнул, словно перед прыжком. — Он твой настоящий отец, Владька. Вот так-то...

Зоя зажала испуганно рот, откуда вырвался стон удивления. Влад молчал, молчал, потом вдруг сказал:

— Вот откуда у моей Шурочки волосы с рыжинкой. Она в деда. У Александра Ивановича были такие волосы.

— В деда, — подтвердил Сергей Петрович. — Она внучка покойного Сашки... А не моя. Не может наша мать простить покойного Александра, что ушел от неё к Инне, твоей матери, Зоя. Любила Галина его сильно. Хоть и гулял Сашка при ней, как мартовский кот, изменял налево и направо, ни дня верности не хранил. Потом встретил Инну и все, отрубил сразу. Осел на якорь. Ни на одну женщину не посмотрел. До конца жизни носил на руках Инну... И тебя, Зоюшка, он сразу полюбил, и ты его папой начала моментально звать, — с какой-то горечью говорил Сергей Петрович. — Все в жизни повторяется. И ты такой же, Владька, как твой родной отец... Как ни старалась мать, тебя все равно притянуло к Зое, и Ксюша тебя отцом зовет... Есть такое выражение — предназначены друг другу... Это про Сашку и Инну, про тебя, Владь, и про Зою... Вы судьбой предназначены друг другу...

И все же сказанное глыбой обрушилось на Владислава и Зою. Особенно на Владислава который всю жизнь считал отцом Сергея Петровича.

— Откуда вы все знаете? — неприятливо вырвалось у Зои.

— Эх, Зоюшка-Заюшка, — вздохнул пожилой человек. — Таким узлом нас жизнь связала, — он помолчал. — Что же ты не спросишь, кто твой настоящий отец.

— У меня один отец был, — отрезала Зоя, вспомнив отчима, которого горячо любила. — Его звали Александр. И я Александровна. Я рада, что Шурочка его внучка. Я никогда не обижу девочку. Её дедушка был мне самым лучшим отцом. Мне не нужны другие.

Меня никогда не интересовало, кто мой биологический отец, почему он не с нами. Мама и отчим, вы правы, были самой судьбой предназначены друг другу... Я не хочу знать, кто мой отец... Раз мама этого не сказала, значит, не надо.

— Мне пора, — встал Сергей Петрович. — Владик, мать, в самом деле, приболела. Вчера вызывали скорую. Не притворялась она. Прихватило у неё сердце. Я пойду. Скажу, что все рассказал... Это ведь она меня отправила сюда... Она прощения просит, может, придете...

Молчала Зоя, молчал Владислав. Даже близнецы притихли в манеже. Подошли девочки и настороженно замолчали.

— Дедушка, — вдруг робко потянула Сергея Петровича за рукав Ксюша. — Дедушка, ты лучше сам приходи к нам еще. Мама добрая, она тебя полюбит. А к бабушке мы пока не пойдем. Шурочка и так всю ночь опять кричала...

— Да, дедушка, — поддакнула Шурочка. — Ты приходи к нам. Только ты не обижай Ксюшу, не говори, что чужая, у неё никогда не было дедушки. А ей тоже хочется.

— Как это не было, — ответил Сергей Петрович. — А я? Разве я тебе не дедушка? Помнишь, Ксюша, как мы с тобой играли, когда мама уехала за братиками? Кто меня дедушкой звал, уговаривал мороженое купить?

Он присел, обнял девочек. Но Зое показалось, что светловолосую Ксюшу он обнимал немного дольше, немного нежнее, внимательно всматривался в её личико.

— Сергей Петрович, — голос женщины дрогнул. — А внуков обнимите? Или надоели Сашка с Сережкой за день?

— Нет, Зоюшка, такие парни не могут надоесть.

Пожилой человек расцеловал детей и, о чем-то думая, ушел. Зоя вымыла детей, накормила близнецов, уложила спать. В доме наступила тишина. А Владислав все о чем-то думал, сидя на крылечке. Женщина села рядом с ним.

— Владька, родной мой. Не надо расстраиваться. Смотри на вещи проще. Тебя обижал Сергей Петрович, не любил?

— Зоя, ты что? Такого отца еще поискать надо!

— Ну вот и прекрасно. Я всю жизнь знала, что у меня неродной папа. А я его люблю, очень люблю. И еще больше сегодня полюбила, потому что он твой родной отец. И все же, почему они все молчали всю жизнь?

— А я все думал, когда начал работать с твоим отцом, почему он так часто смотрит на меня, словно сказать что хочет.

— Он любил тебя.

— Я верю. Но почему только сейчас рассказали всю правду?

— Знаешь, мне показалось, что Сергей Петрович что-то не договорил.

Стояла теплая ночь, май последние годы всегда бывал теплым. Выглянула луна, залила призрачным светом окрестности, построила причудливые серебряные замки из своих лучей. На улице было тепло, даже душно, зато прохладно, хорошо в деревенском доме.

— Знаешь, Зойка-Зайка, мы перестроим этот дом, — сказал неожиданно совсем с другом Влад. — Построим новый. Большой. Я уже все придумал.

Он стал излагать ей проект нового дома. Зоя соглашалась со всем. Потом сказала:

— Владик, сходи к матери.

— Зойка, моя Зайка. Не пойду без тебя. Как вспомню, что она оттолкнула Ксюшу... Не пойду. А вот на могилу нашего отца давай сходим, — мужчина помолчал. — Что же он даже

не намекнул, что мой отец? Я же чувствовал, что Александр Иванович по-особому ко мне относится. И мама твоя ласково так улыбалась при встречах. Как же все-таки нелепо. Жили в одной деревне и ни звуком не обмолвились. Ни твои, ни мои родители.

— Вот еще поэтому ты, Владик, помирись с матерью. Лучше без меня. Ну не хочет она меня невесткой видеть. Не буду навязываться. Я её понимаю. Потерять такого, как мой отчим...

Владислав засмеялся.

— Ты чего, — Зоя удивленно посмотрела на него.

— Мальчишки-то в меня, в мою породу.

— А я что, спорила?

— Волосы у них с рыжинкой стали отрастать, мои. Я вспомнил, что у меня такие в детстве были. Мать хранит их. Это они потом почернели, стали, как у матери.

— Я и говорила, в дедушку наши мальчишки, это его волосы, — засмеялась Зоя. — Влад, твой родной отец был замечательным человеком. Поверь мне. Он любил тебя. Я знаю это. Как он любил слушать, когда я рассказывала о тебе, а мама мрачнела в эти моменты, я стала скрывать... Да и Галина Ивановна ненавидела просто меня...

— Зоюшка, ты сильно обиделась на мать?

— Честно?

— Честно.

— Очень сильно. И не только из-за Ксюши. Галина Ивановна не думала о чувствах наших обеих девочек, об их дружбе. Я боюсь за Шурочку. Я чуть не уехала без неё. Это плохо, Владик. Как вспомню её крик, бежит, падает, мороз по коже. Столько сил затрачено, чтобы успокоить девочку, вернуть ей обычное детство... А с другой стороны, она сегодня стала просто мамой меня звать. Я так рада. Тебя-то Ксюшка сразу папой признала. Только и слышно: папа, папочка. За что нашей Шурочке такие страдания? Она прошлую ночь опять вскрикивала во сне. И Сережку некуда к ней подложить. Кровать узкая. Еле с Ксюшкой они уместились. Я сегодня травками девочку напоила. Лекарств не буду больше давать. Наберу здесь валерьяны, пустырника, буду в чай класть. Она любит чай с булочками.

— Зоя, неужели бы ты без меня уехала? — Владислав с любовью смотрел на свою женщину.

— Не дождешься, — засмеялась она. — Без тебя? Ни за что! Ты мой на веки вечные. Хочешь, я сейчас закричу на всю деревню, что ты мой и ничей больше. Так, чтобы Анька Бычкова слышала и не поглядывала в твою сторону.

Она кивнула в сторону соседского двора. Владислав смеялся, глядя на эту удивительную женщину.

— Нет, — завелась Зоя. — Я лучше на весь мир прокричу, что люблю тебя. Как ведьма сяду сейчас на метлу, буду летать и громко кричать про свою любовь. Все, я булгаковская Маргарита. Где моя метелка?

Зоя схватила стоящий возле крыльца веник, скинула халат и осталась обнаженной. Майский воздух был теплым. Серебряные лучи луны освещали матовую кожу женщины. Она медленно начала танцевать... с веником в руках.

— Все, Маргарита полетит сейчас бить окна у всех, у кого бывал Владислав Елизаров. Сначала Аньке выбью, потом Машке с Любкой... Потом всей деревне... Где тут палка побольше... А потом я полечу по поднебесью и на все вселенную прокричу: «Я люблю Владьку!» — женщина приложила рупором руку ко рту и тихо прокричала: — Я люблю

Владьку! Слушайте все! Я люблю Владислава!

Мужчина почувствовал острое желание. Эта женщина опять удивляла его. Он порывисто встал.

— Иди ко мне лучше, моя прекрасная ведьма. Да брось ты свой веник. У нас более важное дело. Я хочу тебя.

Зоя медленно, танцуя с веником, приближалась к мужу. Он протянул к ней руки. Она отшвырнула веник и упала в его объятия. До кровати они так и не дошли.

— Зойка, ты все-таки фантастическая женщина, — шептал Влад.

— А ты мой навсегда! — целовала его Зоя.

Примирение

Пробежала теплая весна, началось знойное лето. Аномальная для этих мест жара всех измучила. Участились случаи сердечных приступов, инфарктов, инсультов. Только детишкам было хорошо. Близнецы сидели в манеже в тенике под густой старой яблоней абсолютно голые, их крепкие тельца посмуглели, побронзовели. Зоя им ставила прямо в манеж плоский широкий и неглубокий таз с водой, которая моментально нагревалась на солнышке. Саша с Сережей постоянно возились с водой, в которой плавали игрушки. Били ладошками по воде, плескались друг на друга. Постепенно вода кончалась. Зоя наливала новую. Сашка пытался пару раз таз перевернуть, но большое плоское дно не позволило этого сделать. Ксюша и Шурочка бегали босиком в одних трусиках. Настоящие деревенские дети. Для девочек Владислав привез огромный надувной бассейн. Вечером вода из него выливалась, Зоя мыла бассейн, потом заливала воду. Насос работал исправно. Добрая Шурочка часто брала в бассейн и близнецов. Мальчишки радовались, весело смеялись. Ксюша нехотя соглашалась на такое соседство. Хоть и были рядом девочки, Зоя редко оставляла мальчишек без присмотра. Она всегда помнила, как не стало младшей сестреники Влада — Ларисочки.

А примирение с бабушкой так и не состоялось. Зоя отказалась идти в дом Владислава, Галина Ивановна не пришла сама в дом невестки. Владислав навещал мать, хотел как-то взять девочек, но Шурочка вцепилась в Зою и не захотела идти, а любопытную и быстро прощающую Ксюшу, которая была с папой идти хоть на край света, Зоя сама непустила. Зато дедушка стал постоянным связным между домами. Он появлялся строго каждый день утром с теплым парным молоком, приносил масло, сметану, творог и другую продукцию с огорода. «Ты, дочка, не бойся, бери, — говорил Сергей Петрович, — мать от души посылает. Переживает она. Только характер такой, не умеет сделать первый шаг» А Зоя и не боялась. Конечно, Галина Ивановна не любит её, не захотела назвать Ксюшу внучкой, но здесь Шурочка, мальчишки. Видела женщина, как обнимала Шурочку Галина Ивановна, пока её не заклинило. Вот именно заклинило, когда появилась Ксения. Иногда вспоминая эту сцену, Зоя думала, что там было что-то не то, словно не Ксению видела мать Влада, а что-то совсем другое, и это другое её сильно испугало, потому она оттолкнула Ксюшу.

Зоя не говорила об этих своих мыслях даже Владиславу. А пока она с удовольствием брала молочную продукцию, признавая, что такого вкусного молока ни у кого не было в деревне. У Шурочки и Владислава появилось новое любимое блюдо — пирог из творога. А Ксюша очень полюбила домашний сыр, что готовила Зоя из тех же молочных продуктов. Еще круглее стали личики близнецов. «От молока деревенского! — смеялась Зоя. — Кашу уплетают и молоко без конца пьют». Окрепили и Ксюша с Шурочкой. Их худенькие тельца уже не производили впечатления болезненности, это были крепенькие, подвижные девочки, и кушали хорошо, по крайней мере, Ксения съедала свою тарелку супа без уговоров, но и без добавки, зато кусочек сыра часто исчезал из холодильника. С Шурочкой этих проблем не было, девочка ела все с большим аппетитом. Ни разу не простудилась за это время Ксюшка. Она фактически перестала болеть с появлением в её жизни Владислава, словно с ним пришла её невидимая защита. И все же никак не могли сделать последний шаг для примирения ни Зоя, ни Галина Ивановна.

Сегодня красный столбик термометра поднялся до тридцати трех градусов. Зоя

отсиживалась в прохладе деревенского дома. Близнецы были тут же. Женщина не решилась оставить их под яблоней в манеже, солнце палило беспощадно. Девочки бегали по двору, им солнце было нипочем. А Владислав с отцом уехали на рыбалку. Можно подумать, говорила себе Зоя, рыба будет клевать в такую жару. Но, понимая, что для Влада это своеобразный отдых, отпустила его с отцом на какие-то платные озера.

Неожиданно в калитку стукнула соседка, Анька Бычкова. Она работала медсестрой в местной больнице, шла на обед.

— Зоя, — крикнула она. — Мы сегодня были на вызове. Галине Ивановне плохо. У неё сердечный приступ. Она отказалась ехать в больницу. Мы ей укол сделали. А дома никого не было. Она одна.

— А я тут при чем? — ответила женщина, прекрасно зная, что вся деревня осведомлена о неудачном визите Зои в дом Елизаровых.

— Владиславу передай, — пояснила Анька. — Нежелательно Галине Ивановне быть одной. Вдруг опять плохо будет. Жара-то какая стоит.

— Его нет, — ответила Зоя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Зоя ответила сердито и решительно, а покоя не стало. Влад уехал с Сергеем Петровичем на рыбалку. Обновлять рыболовные принадлежности, что подарили ему сын с новой невесткой. Куда-то далеко отправились. Обещали вернуться поздно. Значит, Галина Ивановна одна все это время будет одна.

— Надо позвонить Владу и Сергею Петровичу, — решила женщина.

Но ей стало жалко прерывать отдых Владислава, к тому же с отцом. Зоя опасалась за их отношения, после того как Сергей Петрович рассказал всю правду. Но мысль, как там мать Владислава не шла из головы.

— Пойду сама к Галине Ивановне, — решила женщина. — Не переломлюсь. Сделаю еще попытку примирения. По словам Сергея Петровича, Галина Ивановна какая-то притихшая, вину чувствует.

Соседка увидела, как Зоя минут через тридцать куда-то пошла, везя в коляске двух упитанных близнецов. Вместе с ней шли чинно две девочки, одетые в одинаковые легкие костюмчики, в соломенных панамках. Девочки шли неохотно.

Зоя приблизилась к дому свекрови. Предстояло войти в этот дом. Было очень трудно. Ксюша робко остановилась, Зоя повернулась к Шурочке.

— Пожалуйста, покажи, как открыть калитку.

Девочка неохотно это сделала.

— Мама, — голос Шурочки дрогнул. — Можно, мы во дворе останемся? Не пойдем в дом?

— Хорошо, — согласилась женщина. — Заодно за мальчишками присмотрите. Они пока спят. Я коляску в тенёк поставлю. Вы тихонько рядом поиграете, а проснутся, позовете меня.

Зоя тихо постучала в дверь, никто не отвечал. Стараясь не шуметь, она вошла в большой дом родителей Влада. Галина Ивановна спала на широкой софе в комнате, что была первой после сеней. Пожилая женщина была бледной, измученной. Зоя тихо села на стул возле неё. Галина Ивановна проснулась.

— Зоя, — она даже не удивилась.

— Да, — сухо кивнула женщина. — Мне передали, что у вас сердечный приступ. Вам

плохо? Может, в аптеку надо, лекарств купить?

— Нет, мне уже лучше. Боли прошли. Тяжело только вот здесь, — она указала на область сердца. — Я знала, что ты придешь.

— Я думаю, вам надо согласиться лечь в больницу. Я позвонила туда, узнала, что с вами... С сердцем не шутят. Папа вот так же умер... — Зоя осеклась, вспомнив, что Галина Ивановна была первой женой отчима.

Свекровь молчала.

— Вы меня не любите, потому что... — Зоя не решалась продолжить. — Вы были несчастны с Сергеем Петровичем? Вы плохо жили?

— Нет, Сережа был хорошим отцом и хорошим мужем, — ответила свекровь. — Только...

Зоя внимательно смотрела на женщину, которую всю жизнь боялась.

— Зоя, ты любишь Владислава?

— Да, — кивнула женщина. — Очень люблю. Вы не обижайтесь на меня, Галина Ивановна, может, я не вовремя говорю, но только я не дам вам нас разлучить.

В её голосе звучала твердость, уверенность в своих силах и одновременно просьба...

— Я и не буду вас разлучать, — ответила свекровь. — Что я не знаю, это невозможно. Когда-то Александр ушел от меня к Инне, твоей матери. Что я только не делала! А не вернула Сашу. Я даже его лишила сына, сделала так, что мы жили рядом, и вы с Владькой не ничего не знали про своих родных отцов. Но Сашка все равно не бросил Инну. И тебя любил как дочку. И от тебя Владька не уйдет. Что-то в тебе есть. Держишь ты его.

— Просто я его люблю, — ответила Зоя. — Я очень люблю его. Всегда любила...

— Зоя, ты меня прости за Ксюшу, — потекли слезы у пожилой женщины. — Сама не знаю, что нашло на меня. Увидела тебя, ты на мать похожа. Инна такая же была в молодости... А Ксюша... Она... Я подумала... Ксюша...

— Давайте, не будем пока об этом, — попросила Зоя. — Я не хочу вспоминать... И вы забудьте... Ксюша — добрая девочка, она будет вас любить... Она вас уже простила, жалеет вас, что вы заболели... Вы отдыхайте, поспите.

— Какой отдых? Надо коров подоить. Уже обед. Сможешь?

— Нет, — улыбнулась Зоя, вспомнив вредную Римкину козу. — Не умею, ни разу не доила... Но я попробую...

— Надо мне как-то встать. Куда тебе? Детей куда денешь? Да и корова одна с норовом, никого не подпускает. Даже Сергея... Ты и не пытайся... Я сейчас встану, — Глина Ивановна приподнялась. — Нет, не смогу. Слабость какая-то.

— Лежите, лежите! Я Римку сейчас вызову, — сказала Зоя и вытащила телефон. — Она любую корову подоит.

— Коровы-то в поле, на пастбище. Римка не знает...

— Вы думаете, в деревне есть что-нибудь, чего Римка не знает? — засмеялась Зоя, набирая номер невестки. — Римка знает все!

— Ты ей скажи, пусть себе молоко заберет. И ты себе возьми побольше! У вас дети... У меня и так залежи. Мы сдавали тут одной даме молочную продукцию, она ездила по домам, собирала, но заболела, не приехала... Все прокисло, надо творог сделать... А его и так полон холодильник. Ты заberi. Сережа говорил: твоя девочка сыр домашний любит. Свари ей побольше.

— Все сделаю и Римке скажу... Римма, — начала Зоя, услышав знакомый говорок

невестки в телефонной трубке, — у меня к тебе просьба. Просто огромная. Ты коров подоишь? Как каких? У Елизаровых. Где пасутся? А ты не знаешь? Не может быть! Римка, теряешь квалификацию... Сейчас трубку дам Галине Ивановне, её спроси.

Галина Ивановна объяснила, повторила приказание забрать молоко себе и облегченно вздохнула.

— Теперь мне спокойно. Римма справится, она деловая баба. Хваткая! Она и творог, сказала, сделает, поможет, придет, — женщина с облегчением закрыла глаза.

— Мама, — это тихо вошла Шурочка. — Мама, Сашка с Сережкой проснулись. Сашка из коляски лезет. Его Ксюша держит и ругается.

— Я сейчас, — Зоя стрелой метнулась на улицу.

Близнецам было по семь месяцев, они пытались встать, ни минуты не сидели спокойно. Для девочек были уже тяжеловаты. Не меньше десяти килограммов в каждом.

Шурочка осталась в доме. Она настороженно смотрела на лежащую бабушку. Галина Ивановна протянула руку к внучке. Девочка вся сжалась.

— Нет, я не хочу с тобой, я буду жить с мамой! — тоненько воскликнула она и убежала.

Слезы потекли по лицу Галины Ивановны. Она не видела, как девочка, выбежав, бросилась к Зое, обхватила её руками, за шею, та, сидя на крыльце, кормила грудью одного из сыновей, другого держала недовольная Ксения.

— Все хорошо, Шурочка, все хорошо, — сказала Зоя, целуя щечку девочки. — Ты больше не ходи туда. Вот покарауль Сережу с Ксюшей. А то Ксюша уже недовольна, что Сережку ей пришлось держать.

— Мама, — сказала Ксюша, — я больше не боюсь чужую бабушку. Папа сказал, что баба Галя нечаянно сказала, что я ей не внучка, что она добрая. Папа всегда правду говорит. Я сейчас пойду и спрошу. Я побуду с ней, а Шурочка возьмет Сережку.

Девочка с радостью согласилась. Вздохнула облегченно Зоя. А Ксюша решительно открыла дверь.

— Если что надо, ты сразу меня зови, — сказала Зоя и подумала: — Сейчас Галина Ивановна узнает все подробности нашей жизни. Ксюшка расскажет все.

— Бабушка спит, — через минуту высунулась назад голова девочки. — Но я к вам не пойду, я побуду с папиной мамой. Больных нельзя оставлять одних.

Галина Ивановна лежала, закрыв глаза, на душе было погано. Она, не желая того, оттолкнула Зоину светловолосую девочку. Ведь не хотела этого, не хотела, настроилась на мир, но не справилась с нахлынувшими воспоминаниями. Владька обиделся на мать. Родная внучка теперь бабушку боится. Как убежала следом за Зоей. Но, кажется, Шурочка вернулась. Галина Ивановна притворилась, что спит, а то опять убежит малышка. Девочка осторожно приблизилась, погладила руку бабушки, облегченно вздохнула, побежала и сказала Зое, что бабушка спит, и вернулась. Галина Ивановна слышала, как она подвинула стул и села рядом, потом осторожно перелезла на софу, села, поджав ножки. Бабушка решила и приоткрыла глаза. Это была не Шурочка. Это была, Пресвятая Божья Матерь, это была опять она, болезненное видение Галины Ивановны, в последние дни оно преследовало пожилую женщину. Это была Лариса, маленькая утонувшая девочка, дочь Галины и Сергея, которую вытащил из воды Владислав, но Лариса так и не начала дышать.

Страшные картины опять встали перед глазами...

— Мам, — канючил Владислав, — мам, я не пойду с папкой сено убирать. Мам, давай я лучше с Лариской посижу.

— Лариса уже большая, — отрубил Галина Ивановна. — Пять лет. Поиграет во дворе одна. Она у нас самостоятельная, ничего не боится.

— Да, она в тот раз ушла, — возразил сын. — К Андрюшке, на другой конец деревни! Мальчишка специально напомнил это, зная, что мать не любит Корольковых и Лариске не разрешает мать ходить.

— Ну и что, дорогу назад нашла? Нашла. Наша Лариска нигде не пропадет.

— Ага, нашла, — пробурчал тихо под нос сын. — Зойка привела, спряталась, чтобы ты не видела.

— Вот что, сынок, — тихо сказал спокойный всегда отец, — пойдешь со мной. Ты вон какой у нас рослый, сильный, поможешь мне. Надо сено убрать. Погода ждать не будет. Завтра дожди обещали.

— Вот убежит Лариска, не буду искать, — проворчал двенадцатилетний парнишка. — Даже не просите.

Сестра Лариса была младше брата на семь лет. Она была совсем не похожа на него. Светловолосая, озорная, не слушалась никого. Владик очень её любил. Таскал всюду её за собой. Девочка набралась у мальчишек разных выражений, подражала им во всем. А мать только смеялась, улыбался по-доброму спокойный интеллигентный отец. Лариса любила ходить по гостям. Не было в деревне дома, к кому бы эта девочка не зашла в гости. Чаще всего в няньках с ней сидел старший брат. И когда долго не видел сестренки, переживал, искал её. А Лариса, самостоятельная особа, так и норовила или спрятаться куда-нибудь, или уйти. Первый раз она убежала от брата к матери в магазин, когда ей было три года. Ох, и испугался же Владька, пока нашел её. В четыре года ушла на деревенские танцы. Тогда ночью хорошо все побегали, поискали: и мать, и отец, и братишка — пока кто-то не сообщил, что четырехлетняя особа отплясывает в сельском клубе. Мать потом смеялась:

— Молодец, дочулька, самостоятельная будешь, решительная, как мама. Все женихи будут твои.

И папка души не чаял в Лариске, все ей позволял. Вот и избаловалась девчонка.

— Иди, иди, сынок, помоги отцу. Коровам зимой много сена надо, — говорила в тот страшный день мать. — Не волнуйся, я Лариску в магазин возьму. Там со мной побудет.

— Ты следи за ней лучше, а то дашь шоколадку, скажешь, играй на улице. Лариска живо умоляется куда-нибудь...

Так и было. Лариса, как всегда, улизнула от матери. Озорная непоседа пошла к дружку, с которым любила играть. Это был Андрюшка Корольков, её ровесник. Ларисе туда было запрещено ходить, поэтому она и пошла. Дом Корольковых был на самом краю деревни, около реки. Там недалеко и Сергей Петрович с Владиславом ворошили сено. Было жарко. Лариска, наигравшись, пошла купаться. Андрюша, которому не позволялось ходить на речку и при этом очень хотелось, пошел сказать старшей сестре, что Лариска хочет купаться. Девочка в это время и ушла. Зоя сердито приказала младшему брату:

— Не разрешай ей туда ходить, и сам не ходи.

И Андрюша пошел за Лариской, чтобы вернуть непослушную подружку. Зоя

спохватилась брата минуты через три. Она увидела, как подходит к воде младший братишка.

— Пап! — крикнула она в ужасе, вбежав в дом. — Андрюшка на речку ушел, за Лариской, — и бросилась бежать туда.

Отец сорвался быстрее молнии. Он бежал и видел, как бултыхается в воде девочка, захлебывается, как полез ей помогать маленький Андрюшка.

— Нет, — кричала Зоя, которая бежала следом, — нет, Андрюша, нельзя! Не ходи туда! Андрюшка! Вернись!

С разбегу в одежде бросился в воду отчим. Откуда-то вылетел стрелой Владька, прыгнул в воду и стал вытаскивать Андрюшку. Тот в него вцепился, чуть оба не утонули. В это время нырял за Ларисой Александр. Вот он увидел в воде девочку, вытащил её. Положил на берег, где уже подбегал Сергей, бросился за Владом и Андрюшей. Вытащил их. Владислав бросился к сестре, которую пытались откачать набежавшие люди. Андрюша кашлял и плакал, его прижимал к себе бледный Александр. Ларису трясли, крутили, пытались вернуть жизнь девочке. Приехавший врач сделал какой-то укол. Все бесполезно. На машине привезли Галину Ивановну. С отчаянным криком она бросилась к дочери.

Прошло полчаса. Уставший врач диагностировал смерть маленькой девочки. Весь сгорбился Сергей Петрович. Он неподвижно сидел и держал на руках свою девочку. Плакал тихонько испуганный Владислав. А Галина Ивановна вдруг встала, пошла решительно на Александра:

— Это ты во всем виноват! — разнесся её пронзительный крик. — Это из-за тебя утонула Лариса. Ты не мог вытащить мою девочку сначала, бросился спасать Инкиного Андрюшку. А как же иначе? Ты мстишь мне, мстишь за всё! Это ты! Ты убил мою дочь!

— Мама! — пытался остановить её плачущий сын. — Мама, не надо, это я тащил Андрюшу. Дядя Саша сначала вытащил Ларису, потом меня с Андрюшей.

Мать не слушала:

— Это ты виноват, — она пошла с поднятыми руками на Александра, лицо её было страшно, казалось, рассудок покинул женщину. — Это твоя вина, что мы несчастны. Я не дам вам жить, я убью тебя! Ты заслуживаешь смерти!

Все стояли молча, все понимали, в женщине говорит горе, она потеряла дочь. Галина Ивановна подняла какую-то корягу, что была принесена большой рекой, и пошла на Александра, который сидел, опустив голову. Застыла в стороне Инна, которая держала на руках испуганного Андрюшку. Галина Ивановна стала поднимать над головой корягу. Люди оцепенели. Но сорвалась с места Зоя.

— Не тронь, не тронь моего папу, — закричала она и с разбегу оттолкнула не владеющую собой женщину.

Столько было отчаяния, ярости в голосе девочки, страх придавал ей силы, Галина Ивановна упала, но моментально встала и пошла на Зою.

— Я и тебя убью, нет у меня Лариски, пусть у Инки тоже не будет дочери. Пусть будет справедливо все.

Она размахнулась, казалось, тяжелая коряга сейчас обрушится на ни в чем не повинную девочку, но под удар попал Сергей Петрович с мертвой Ларисой на руках. Как, когда успел он вскочить, встать впереди Зои, никто толком не увидел. Сергей Петрович упал, но так и не выпустил из рук тело умершей дочери. Отчим же вскочил, прижал к себе испуганную Зою.

— Галя! Галина! Опомнись! — говорил он. — Приди в себя! Разве так можно? У тебя же дочь... дочка твоя....

— Господи! — пронзительно закричала какая-то женщина. — Что ты, Галина, делаешь? Горе тебе рассудок помутило... Ведь покойник рядом, дочь твоя утонувшая... За что же ты её корягой-то...

Этот крик привел в чувство Галину Ивановну.

— Ненавижу, всех вас ненавижу, — горько сказала она и упала на землю. — Будьте вы прокляты... Но почему? Почему так? Все несчастья мне, почему жив Андрюшка их, а моя Ларисочка, моя девочка... Лучше бы он утонул...

Женщина отчаянно зарыдала.

Прошло время, стыдно было Галине Ивановне за свои слова, что лучше бы утонул Андрюшка... Материнское сердце их оправдывало, а человеческая совесть нет. Невозможно было без боли и стыда смотреть в глаза маленькому мальчику, который пытался спасти Ларису, хватал её слабыми детскими ручонками за светлые, плывущие по воде волосики и сам чуть не лишился жизни.

Никогда, нигде ни разу не напомнили Галине Ивановне эти слова Александр и Инна. Только избегали, как могли, встреч; совсем перестали ходить в магазин, где работала мать Влада, старшие Корольковы. За хлебом важно приходил маленький Андрюша. Зоя доводила его до магазина, оставалась на крылечке, говорила, что надо сделать, братишка покупал хлеб сам. Галина Ивановна старалась заглядить свою вину, обслуживала мальчика вне очереди, ласково говорила с ним, угощала конфетами, шоколадками, учила Владьку заступаться за него. И за Зою мучила совесть, ведь шла на неё с палкой, а стукнула свою уже не живую Ларисочку... Но не могла заставить себя хорошо относиться к девочке. Уж очень она была на мать похожа. А Инна увела у Галины Александра.

Больное видение Галины Ивановны

Ларисочка умерла много лет назад. Утонула девочка... Откуда она сейчас взялась. Здесь, в этом доме. Может, за матерью пришла? Вот сидит на стуле. Что же это такое? Только появится Зоя, так и встает перед глазами маленькая Лариса. Знать, не дает больная совесть покоя до сих пор за тот страшный эпизод, когда Галина жаловалась Богу, что не забрал к себе Андрея и Зою, когда хотела сама убить детей, их отца и мать. Так было и первый раз: приехала Зоя с детьми, Шурочка бежала и кричала: «Бабушка», — а следом бежала Ларисочка, тоже кричала: «Бабушка!» Даже косичка такая же светлая моталась из стороны в сторону, только банта пышного не было у Ларисы, не любила их девочка банты.

— Ты не внучка, — вырвалось у Галины Ивановны, — ты не внучка мне...

А дальше в голове полный туман. Защемило сердце. Из последних сил держалась Галина Ивановна. Что говорила, и не помнит. А Зоя обиделась. Не поняла, что совсем плохо было пожилой женщине. Забрала всех: и внуков, и Владислава — и уехала. И Ларисочка с ней уехала, больное видение Галины Ивановны. Перед глазами больной женщины опять встало бледное личико плачущей девочки за стеклом машины. Зоя обиделась, не идет к свекрови, не пойдет к ней и Галина Ивановна. А она просто боится и очень хочет одновременно опять увидеть свою светловолосую дочку Ларису, утонувшую много лет назад.

Сидящая на стуле девочка осторожно погладила по руке Галину Ивановну. Ручка была теплая, мягкая.

— А ведь это живая девочка, — подумала Галина Ивановна. — У неё такая теплая ручонка, ласковая, как у Ларисочки, когда она подлизывалась, выпрашивала что-нибудь, она также гладила мать...

— Вам очень плохо? — тихо спросила девочка.

Даже голос был похож. Галина Ивановна заставила открыть себя глаза. Долго молчала и смотрела на девочку. Нет, это не Ларисочка. Теперь пожилая женщина видела это. Это не больное видение матери. Это живая, настоящая девочка. Но как похожа! Светлые волосики, косички, голубые, как у отца, глаза. Дочка! Лариса!

— Лариса, дочка, — тихо сказала Галина Ивановна. — Ты пришла за мной? За своей мамой? Тебе без меня плохо?

— Вы что, бабушка, я Ксюша, — рассудительно ответила девочка. — Я дочь Зои Наумовой. А мой папа Владислав, ваш сын. Значит, я — внучка ваша. И совсем не дочка. А вы моя баба Галя. Папа сказал, что вы на самом деле добрая. Просто с вами что-то случилось, поэтому вы не хотели меня видеть. А потом сами расстроились из-за этого. Вы не расстраивайтесь. Я уже все забыла. А то вы расстраиваетесь, и у вас из-за этого сердечко болит...

Да, Лариса так не умела говорить. Она была озорница, все больше смеялась. Это другая девочка. Это дочь Зои. А как говорит хорошо! Все знает!

Галина Ивановна жадно её рассматривала. Какие внимательные глазки. Смотрят сейчас строго, серьезно. Нет, не очень-то она похожа на Ларису, когда внимательнее присмотришься. Но все же есть что-то общее, а так совсем разные.

— Вам больно? — спросил ребенок.

Личико девочки сострадательно наморщилось. В её голоске было столько жалости, столько сочувствия, что Галине Ивановне стало себя жалко.

— Нет, уже не больно. Просто мне очень плохо, — пожилая женщина была готова расплакаться.

— Ничего, сейчас пройдет, — сказала Ксюша голосом опытной сиделки. — Вы полежите и все пройдет. Знаете, когда умер мой папа Антон, мне так было плохо. Я тоже долго болела. Все лежала в постельке. Мне совсем не хотелось играть. Знаете, как тошнит от таблеток, они горькие, противные, а уколы такие больные. Мама даже плакала вместе со мной, и бабушка Ада плакала. И знаете, за мной приходил мой папа Антон. Мама боялась, что он меня к себе заберет. Ну, это значит, что я тоже умру. (Галина Ивановна вздрогнула при этих словах, запоздало испугавшись, что эта девочка, так похожая на покойную дочку, могла уйти навечно в небытие). А потом к нам пришел новый папа, ваш сын, Владик, он один раз ночью взял и прогнал папу Антона, — словоохотливо поясняла Ксения, довольная тем, что у неё появился благодарный внимательный слушатель. — Правда, правда, я сама видела, я все помню, хоть у меня и болело сильно горлышко и голова. Я была такая вся горячая. Ваш Владик взял меня на руки, носил по квартире, а потом сказал: «Уходи отсюда, Антон. Ксюша теперь моя дочка! Не дам я её тебе!» Мама говорит, что я бредила, что такого не было. Это неправда, я все видела сама. И мама потихоньку, пока не было вашего Владика, прогоняла моего папу Антона, тоже уходи от нас, говорила, я не дам тебе Ксюшку. Но папа Антон её не боялся, а папу Владика сразу испугался и ушел. А потом папа Владик стал меня возить купаться на речку и в бассейн. Я перестала болеть. И мама стала веселой. У неё уже были в животе Сашка с Сережкой. Сашка с Сережкой — это были сразу папины сыночки. Я это знаю, правда, правда. Я вот что думаю, что ваш Владик все-таки и мой настоящий папа. Мама говорит, что я фантазерка, а папа Владик смеется и говорит, что я лучше мамы знаю, от кого я родилась. Вот вы бабушка, старше их всех, скажите, кто мой папа? Бабушка Ада старенькая знала все, но я не успела её спросить про папу Владика, он тогда к нам еще не приходил. Но все равно. Сережка с Сашкой уже были у мамы в животике, а папы Владика не было. А он все равно им настоящий папа. Ведь и я могла быть у мамы в животике, а мой папа все равно Владик ваш. Просто он поздно нас нашел. Правильно я говорю, бабушка?

— Правильно, — не удержавшись, улыбнулась Галина, подумав: — От Владьки с Зоей чего угодно можно ждать. Может, где и встречались. Но как девочке хочется, чтобы её отцом был Владька. Хотя, что я такое говорю? А ведь он её и есть отец. Вот почему я вижу мою умершую дочку. Вот почему они так похожи: Ксюша и Ларисочка.

А Ксюша уже говорила о другом:

— Вы, бабушка, не обижайтесь на нас, но вам мы папу не отдадим. Тем более у нас родились братики. Нам папа самим нужен. Тем более мальчишкам. Как мальчишкам без отца расти? Они, знаете, какие вредные, хоть и маленькие, особенно Сашка. Папа с мамой наших братиков называли Саша и Сережа, потому что у мамы был папа Саша, у папы — Сережа.

— Саша, Сережа, — повторила Галина Ивановна.

— Так что папа обязательно будет жить с нами.

— А Шурочка?

— Что Шурочка? — не поняла Ксюша.

— Шурочку тоже не отдадите?

— Ну что вы? — Ксюша была безмерна удивлена. — Как же мы без Шурочки? Мы же семья. Нельзя детей из семьи отдавать. Шурочку уже хотела взять тетя Оля. Сестра её мамы Беллы. Папа не дал. Шурочка, знаете, как плакала, боялась, что её увезут от нас, пряталась от

тети Оли. А мама сказала тете Оле: «Вам лучше уехать. Не видите, что с ребенком творится!» И тетя Оля послушалась и уехала. И потом, как же я без сестренки? С кем мне играть? Мальчишки еще маленькие и бестолковые, особенно Сережка, ревет без конца, его Шурочка любит. А Сашка лезет всюду. Но Шурочка и его любит. А меня больше всех любит. Нет, Шурочка наша. Мама ей купила краски и альбом, Шурочка любит рисовать. Она будет художницей, как её мама Белла. Вы знаете, мама говорит, что Шурочку надо отдавать в художественную школу.

— А ты? Тоже любишь рисовать? — Галину Ивановну в настоящий момент больше волновала светловолосая девочка.

— Нет, — сморщилась Ксюша. — Я люблю играть. Но меня музыкой заставят опять заниматься. На пианино играть. Так бабушка Ада хотела. Это она меня стала водить на музыку.... Ой, машина гудит. Это папа с дедушкой приехали. Мама не стала им звонить, сказала: «Пусть отдыхают, сами справимся», — а я позвонила. Мне папа мобильник новый купил. Мне и Шурочке. Вы только маме не говорите, что это я позвонила. Я всегда все папе рассказываю. У нас нет с ним секретов друг от друга. Папа! Папа!

Девочка выбежала.

— Господи, — думала Галина Ивановна. — Вот почему мне привиделась моя бедная Ларисочка. Она была такая же светленькая, как Ксюша. Дочка говорит мне, как я плохо сделала, сама не желая того, оттолкнув ребенка, не принимая Зою. Надо мне успеть благословить их всех. Рассказать всю правду. Перепутались все родственники. Нагрешили мы в молодости, меня пусть Бог и наказывает. А дети пусть хорошо живут. Не сможет Владька без Зойки, не сможет. Как не смог без Инны Сашка. Только когда Зойка успела Ксюшку родить, ведь жили они с Владькой совсем в разных местах, она со своим олигархом в А-ске, Владька вроде в то время уже уехал с Белкой... Не помню, чтобы Владька встречался с Зойкой. Я бы догадалась! По нему догадалась бы. Да и Зойка, по словам Римки своему олигарху верна была, хорошо жила... Ничего не понимаю... Кроме одного: его дочка Ксюшка, его! Я это точно знаю!

Зоя, увидев, что приехал Владислав с отцом, решила сначала вернуться домой. Мальши вредничали, капризничали. Влад зашел к матери, убедился, что все в порядке, стал заводить машину, чтобы увезти Зою и детей.

— Может, останешься, Владик? — предложила Зоя. — Не нравится мне вид Галины Ивановны. А еще лучше её положить в больницу. Направление на столе лежит. С сердцем не шутят. Надо бы давление померить еще...

Они пошли в дом, чтобы попробовать еще раз уговорить Галину Ивановну лечь в больницу. Зое еще больше не понравился вид женщины, её больные глаза, как у отчима, когда он умирал. Ему тоже вроде лучше стало, а ночью умер...

— Нет, — прервала Зою свекровь, когда заговорили о больнице. — Я останусь дома. А Владька с тобой пусть домой едет. Нечего шляться по другим домам, если завел жену и кучу детей. Зоя! А где мальчишки? Я так их и не видела толком. Покажи мне их, пожалуйста.

— Во дворе они, с девочками. Я сейчас!

Женщина принесла детей.

— Посади мальчиков на кровать ко мне. Я немного их понянчу.

Зоя усадила малышей на край софы. Более подвижный и энергичный Саша сразу полез и попытался потрогать глаза у бабушки, второй, более тихий, Сережа, настороженно смотрел. Личико его скривилось, он заплакал. Влад тут же его подхватил, прижал к себе, малыш

успокоился на руках отца. Галина Ивановна поцеловала Сашу, потом сопротивляющегося Сережу, удовлетворенно сказала, что они оба в отца, вылитые Владька, и откинулась на подушки:

— Все! Идите домой!

Владислав забрал детей и пошел в машину. Следом тут же побежала Шурочка. Ксюша стояла рядом с матерью.

— Ты иди, Зоя, — сказала Галина Ивановна. — Не переживай. Я, пожалуй, соглашусь на больницу. Что-то опять колет в левом боку, и рука болит. Без вас меня заберут. Сережа вызовет скорую помощь. Я тебя понимаю, тебе трудно. Четверо детей — не шутка. Да близнецы совсем маленькие. Устаешь?

— Устаю, — не стала отпираться женщина.

— Вот и поезжайте. Отец соберет мне вещи в больницу.

— Пусть Владислав с вами останется.

— Нет, — отрубила Галина Ивановна.

Зоя с Ксюшей ушли. Через минуту вернулся Влад, но мать прогнала его. Раскричалась, разнервничалась. Расстроенный мужчина вышел из дома.

— Владик, — Зоя ласково обняла его. — Я уже сама вызвала госпитализацию. В машине подождем.

— Дети есть хотят.

— Ну, орлов наших я покормила. Благо еда всегда с собой, — Зоя показала на свою все еще роскошную грудь. — Девочкам дала денег. Пусть шоколадку и сока купят. Вот палатка стоит недалеко.

Она кивнула на киоск, что был за два дома от них.

Машина скорой помощи подъехала быстро и вовремя. Галине Ивановне к этому времени стало совсем плохо. Укол снял боли, но в больницу её забрали, не слушая никаких возражений.

— Вы не переживайте, — говорила Зоя. — Поставят вас на ноги.

— Отца не бросайте, — отвечала свекровь. — В случае чего заберите к себе. Он не умеет один жить. Сломается... Слышишь, Зоя, отца заведи. Тебя прошу!

— Хорошо, хорошо, — кивала Зоя. — Я не оставлю Сергея Петровича.

— Отец, — повернулась к нему Галина Ивановна. — Расскажи им все. Пора! Зоя принеси детей, хочу еще раз посмотреть на внуков. И девочек приведи. Ксюшу обязательно.

Галина Ивановна поцеловала еще раз капризничающих мальчишек, обняла Шурочку, Ксюшу долго не отпускала, потом позвала сына, что-то сказала. Владислав отмахнулся:

— Мать, не придумывай!

Зоя услышала сказанные в ответ слова Галины Ивановны:

— Дурак ты, Владька, какой дурак. Ведь Ксюша вылитая Ларисочка, как две капли воды... Сам подумай, откуда такое сходство? Чтобы женился на Зойке... Хватит во грехе жить... Отец, принеси икону, надо благословить детей... Сашка мне снился, велел сделать это... Вдруг не успею.

Состояние Галины Ивановны медикам удалось стабилизировать, к утру ей стало лучше. Через три дня её перевели из реанимации в больничную палату, разрешили родственникам навестить её.

Владислав с Зоей и детьми поехали к ней в больницу. По пути захватили отца, который замучился без жены со своим кулацким хозяйством. Хорошо, что Римка коров доила и

молоком занималась.

Галине Ивановне в этот день разрешили выйти в больничный сквер. Женщина села на скамейку, спрятанную в гуще кустов жимолости от глаз людей, идущих по дорожкам. Ей хотелось побыть одной. Подумать о том, что не сделано, не сказано. Надо просить прощения у Зои. Иначе покойный Александр никогда не простит Галину. Мысли вились и вились каждая своим чередом...

Владислав выгрузил свое большое семейство из машины, вытащил коляску, близнецов посадили в неё, гордый отец повез своих мальчишек, Зоя держала его под руку, девочки взяли за руки дедушку, который души не чаял в своих внучках и внуках, и все благовоспитанно отправились искать бабушку. Кардиологический корпус был последним в больничном городке. По пути раскапризничался Сережа, Саша, наоборот, уснул. А брата его не брали никакие уговоры. Малыш плакал и плакал. Владислав взял сына на руки. День был жаркий. Первой догадалась Шурочка:

— Мама, Сережечка пить хочет, — сказала она. — Видишь, сердится на соску, выплевывает, потому что она пустая. Дай ему водички.

— Ты моя умница, — обрадовалась Зоя. — Конечно, пить хочет наш Сереженька. Где наша бутылочка?

И тут выяснилось, что в машине остались оба пакета: и с добром малышей, и с гостинцами для Галины Ивановны.

— Я принесу, — предложил Сергей Петрович. — Я сейчас быстро схожу. Владь, дай ключи от машины.

— Мы с тобой! Мы с тобой! — закричали девчонки. — Мама! Можно с дедушкой?

— Можно, — улыбнулась Зоя.

— Мы вас вот под тем деревом подождем, — сказал Влад. — К матери все вместе пойдем.

Сережка извивался на его руках, требуя воды. Дедушка с внучками ушел. Зоя свернула с коляской в глубь жимолости.

— Ты чего так спряталась? — удивился Владислав.

— Я Сереже грудь дам. А то всю больницу своим ревом поднимет, — засмеялась женщина, расстегивая блузку.

Внимание Галины Ивановны привлекла красивая пара с маленьким ребенком. За кустами виднелась коляска. Малыш капризничал на руках мужчины. Но вот женщина забрала его, дала грудь. Сразу прекратился требовательный рев. Мужчина присел рядом, быстро оглянувшись, убедился, что никого нет, наклонился и поцеловал грудь женщины. Та засмеялась, что-то сказала. Здесь не было слышно.

— Вот какие счастливые, — без тени зависти подумала Галина Ивановна. — Сашка так никогда не делал, потому что не любил меня. Сережа был намного нежнее, но я отмахивалась порой от него. А Влад? Он своих жен так целовал? Милку бы ни за что не стал.

Галина Ивановна вспомнила её вечно неряшливые, застиранные бюстгалтеры, перекрутившиеся бретельки, полукружья пота под мышками, неприятный запах, что был всегда с этой женщиной.

— Какая я была дура, когда заставила Владьку жениться на ней. Ну родила бы Милка в девках, помогали бы ей. А еще лучше забрали бы себе Леночку, и пусть бы Владька тогда сошелся с Зоей... Ведь у них что-то намечалось... Ведь Зоя полюбила Шурочку, она бы и Леночку любила... — вились сами собой мысли у матери. — Испортила я сыну жизнь,

испортила, пусть не всю, но часть её... Где сейчас мои старшие внуки? Леночка и Валюша. Уже большие должны быть девочки. Мать Милки говорила, что та еще одну дочку родила...

Взгляд Галины Ивановны опять упал на красивую элегантную пару. Мужчина, одетый в голубую легкую рубашку и льняные светлые брюки с остро отглаженными стрелками, играл с ребенком, делал вид, что хочет отобрать грудь у малыша. Ребенок невозмутимо сосал, держался за маму ручкой. Женщина, весело улыбаясь, опять что-то сказала, мужчина кивнул головой, обнял её, она прижалась к нему, оба любовались ребенком.

— Счастливые! Сразу видно! Я даже не помню ни одного случая, чтобы Владька обнимал свою Белку, — подумала Галина Ивановна. — Эта неряхой не была, правда, иногда краской пахло от неё. Но всегда чисто одета, со вкусом, Шурочка просто стерильная, хоть и простенько была одета, но некрасиво, это правда. И рисовать внука не хотела совсем. Какая-то девочка при живой матери всегда несчастная была, боялась всего. Зоя лучше одевает мою внучку. Наряднее и ярче. Косичку отрачивают. Девчушка просто расцвела с ней, такая хорошенькая стала, веселая. С сестренкой на пару озорничают, Ксюшка вон у них деловая какая, все расскажет...

Перед внутренним взором Галины Ивановны появилась породистая аристократичная Белла, с холодным равнодушным взглядом больших красивых глаз. Эти глаза точно также смотрели на мужа, на дочь, оживлялись лишь, когда она рисовала...

— Как только Владька ухитрился с ней родить Шурочку. Мне казалось, они и не спят никогда вместе. Абсолютно чужие, абсолютно разные.

Женщина на скамейке покормила малыша, застегнула блузку; ребенок, как видимо, уснул. Она встала, осторожно положила его в коляску. Встал и мужчина, все так же обнял женщину. Его рука, лежащая у неё на плече, поползла вниз, под блузку, ласково провела по груди женщины, сжала её.

— Сейчас она ему выговорит, — решила Галина Ивановна.

Глаза её против воли так и следили за красивой парой.

Но женщина засмеялась, повернула лицо к мужчине, поцеловала его.

— А все-таки хорошо, что Владька сошелся с Зоей, — констатировала Галина Ивановна. — Сын доволен, гладкий стал, ухоженный. Пожаловался как-то на Зою, — мать усмехнулась, — что она заставляет дважды в день менять рубашки. Говорит: у тебя в подчинении женщины, что они обо мне подумают, если к вечеру твоя рубашка весь вид теряет. Правильно Зойка говорит. Владька всегда щеголем был, пока с матерью жил. Это жены ему непутевые попадались, одна неряха, вторая... художница. А Зойка...

— Папа! Мама! — прервали мысли Галины Ивановны детские голоса.

Быстро бежали по дорожке две девочки: Шурочка и Ксюша, за ними спешил Сергей Петрович. В руках Шурочки была детская бутылочка с водой. Бог мой! Как все-таки Ксюша похожа на Ларисочку. Вот также она бежала навстречу отцу, влетая с разбегу в его руки. Любил Сергей дочку, больше жизни любил. Белым весь стал после похорон, поседели мигом его волосы, даже запил. Галина Ивановна не дала ходу этой привычке, удержала мужа от пьянства. Тревожно, словно предупреждая, кольнуло сердце. Девочки подбежали к мужчине и женщине. И тут Галина Ивановна их узнала — пара, за которой она тайком наблюдала, которыми любовалась, были Зоя и Владька. Тут же, уже не скрытая кустом, стояла большая двухместная коляска, в которой спали близнецы.

— Ах ты, Боже мой, детей не узнала, — ахнула мать.

Галине Ивановне стало неудобно, она быстро и неслышно ушла подальше, чтобы не

было её видно, быстро села на другую скамейку, где её и нашли первыми девочки.

— Бабушка! Бабушка! — разнесся крик Ксении. — Идите сюда. Не надо в больницу! Здесь наша бабушка.

И девочка побежала к Галине Ивановне. Шурочка предпочла вернуться к Зое.

Галина Ивановна, распахнула руки, чтобы обнять девочку. Словно Ларисочка, бежала светловолосая девчушка к женщине.

— Немного мне осталось, — вдруг ясно поняла женщина, обнимая Ксению. — Скоро я встречусь с дочкой, со своей Ларисочкой.... С Сашкой... С Инной... Скажу им, что все уладила, все рассказала, искупила свои грехи... У них буду просить прощения... Сережу только жаль! Как он будет один? Не сможет. Не дай Боже, опять пить начнет. Надо просить Зою, чтобы взяла к себе отца...

Дети и муж были долго у Галины Ивановны. Та вволю наигралась с упитанными мальчишками. Ей посадили их на руки, но поднимать не разрешили. Выспавшийся Сережа уже не куксился на руках бабушки, только пытался слезть. Малышам хотелось ходить, они делали свои первые шаги, когда их водили. Девочкам все быстро наскучило, они нашли забаву — играли прутиками в большой луже, ночью был сильный дождь. Зоя посмотрела, попросила не мазаться, на что Ксюша сказала:

— Мам, ну мы если только чуть-чуть... — и продолжила гонять щепку по воде, называя её корабликом.

Зоя вздохнула и махнула рукой:

— Ну что с вами делать? Играйте. Выстираю потом ваши платья.

— Дедушка, — позвали вскоре внучки.

Им уже надоела лужа. В голове Ксении появился новый замысел. По пути сюда девочка видела небольшую палатку со всякой всячиной. Сергей Петрович поднялся.

— Все ясно, — констатировала Зоя, — сейчас у деда что-то будут выпрашивать. Он ни за что не откажет.

Точно, дед выслушал Ксюшу, взяв внучек за руки, сказал, что они скоро вернутся, что у них важное дело.

— Он уже всю пенсию на девчонок истратил, — пожаловалась Зоя. — Я на Ксению ругалась, так она теперь Шурочку заставляет просить, знает, что я ничего не скажу. Владь, поговори ты с Ксюшей.

— Зоя, ты и Шурочке бы могла тоже выговорить, — ответил Владислав.

— Нет, Владь, не могу, — сказала женщина, — не получается. Как вспомню её маленькую, испуганную, в больнице... Не могу.

— Вот видишь, мам, жена меня не слушается, — шутливо пожаловался сын. — Все трудное на меня перекладывает.

Галина Ивановна заулыбалась. Жалуется, а в глазах читается: посмотри, какая замечательная у меня жена. Мать прищурилась, потом неожиданно спросила:

— А правду про вас говорят люди, что вы голые по двору бегаєте?

— Что? — сын отчаянно смутился.

Зоя, не моргнув и глазом, лукаво произнесла:

— Правда, правда, Галина Ивановна. Пробежались пару раз, и то я одна... Было такое... А кто вам сказал?

Мать Влада молчала.

— Я и так знаю, — смеялась Зоя, — Анька Бычкова. Говорила, Владь, надо ей окна

разбить, чтобы не подглядывала.

Галина Ивановна с удовольствием наблюдала за своими взрослыми детьми:

— А ведь любят друг друга, любят. Это видно по каждому слову, жесту. Вот и хорошо.

Вернулись дед и девочки с мороженым. Девочки с наслаждением лизали эскимо.

Сергей Петрович нес в руках лакомство для остальных.

— Так, — свела брови Зоя. — У кого-то давно не болело горло.

— Мам, это Шурочка захотела, — тут же выпалила Ксюша.

Зоя замолчала.

— Значит, Шурочка, — строгие глаза отца обратились к дочерям.

Обе опустили головы.

— Владь, это я захотел мороженого, — поспешно сказал Сергей Петрович.

— Шоколадного, — добавила Ксения.

— Вот и купил. А девочки не просили, — улыбнулся дедушка. — Ну не мог же я один его есть. Без них!

— Тю, старый, — вздохнула Галина Ивановна, — ты сладкое никогда не ел.... И сейчас что-то забыл себе купить.

— Просчитался, — развел руками Сергей Петрович и подмигнул Ксюше.

Вот так в незначительных, но в то же время важных разговорах пролетело время. Расстались все в хорошем настроении. И все же Зою не покидала мысль, что вид у Галины Ивановны бледноватый. Все такие же больные глаза. Отрешенные какие-то.

Ночью у женщины наступило резкое ухудшение, к утру Галина Ивановна умерла.

Как только Галина Ивановна справлялась со своим хозяйством? Зоя была в ужасе: коровы, свиньи, куры, гуси, утки. Слава Богу, козы не было. Если бы не Римка, ходить скотине голодной, а коровам недоенными. Римка фактически и все поминки на себе вывезла, и в день похорон, и на девять дней. И на сорок, Зоя знала, поможет.

Сергей Петрович, узнав о смерти жены, сгорбился и замолчал. Владислав опасался за его рассудок, отец молчал весь день, не отвечал даже на вопросы. Лишь близнецы вызывали на его лице отсветы жизни, он все сидел возле них, порой слабо улыбался. На второй день после похорон всегда трезвый, интеллигентный отец Владислава напился и уснул. Спал почти сутки. Страшный, опухший, с головной болью проснулся он на другой день. Рядом, на стуле, сидела усталая Зоя. Ничего не сказала она, подала стакан с минеральной водой, но пожилой человек съезжился под её грустным взглядом. И так продолжалось несколько дней. Сергей Петрович пил каждый день.

Женщина очень устала за это время, она испытывала одно желание: отдохнуть. Вот уже несколько дней они жили в доме родителей Владислава. Опасаясь за отца, Влад остался в родном доме. Зоя тоже не пошла домой. Римка все дни появлялась с утра:

— Погубите скотину без меня, — вздыхала она, занимаясь коровами. — Будет сниться вам Галина Ивановна без конца и ругать вас.

Одна из коров, своенравная Зорька, давала очень много молока, но доить себя никому не давала. Её пытались обмануть, Сергей Петрович как-то раз утром, будучи еще трезвым, надел халат покойной жены и сумел подоить корову. Но это прокатило лишь один раз. В обед Зорька стояла, не лягалась, а молоко не отдавала. Измученная корова с раздутым выменем еле дошла вечером до своего хлева. Стояла грустная, опустив голову. С Зорькой долго сидела Римка. Горластая, крикливая невестка о чем-то беседовала с коровой. Животина слушала, слушала, обернулась, что-то промычала.

— Ну давно бы так, — удовлетворенно сказала Римка, словно поняла мысли коровы, начала доить. — Сейчас тебе станет легче. Золотая ты скотинушка. Другие просто не понимают. Зорюшка ты моя ясная.

Зорька признала новую хозяйку и отдала молоко.

— Ты, Римм, молоко себе забери, — сказал Влад.

— Да куда столько? Знаешь, сколько одна Зорька дает! Озолотиться можно. А у вас две коровы!

— Продавай тогда. Ты всех дачников знаешь. Половина дохода тебе, — Владислав задумался на минуту: — А что, Римм, хозяйство наше повисло на тебе полностью. Работы у тебя нет, сократили тебя недавно, я знаю. Поработай у нас, Зое не справиться. Да и не разрешу ей заниматься хозяйством. Вон вся похудела.

— Да, — поддакнула Зоя, — мой Владик толстых любит.

— Но тебя я всякую любить буду, — улыбнулся Влад. — Тебе забот с детьми хватает. И доить не умешь. На отца надежды нет.

Зоя поддержала мужа:

— Помоги нам, Римм.

— Да неудобно как-то за деньги, — протянула невестка.

— А нам бесплатно неудобно, — отрезал Владислав. — Раз не согласна, надо

закруглять это хозяйство. Завтра же начнем поросят резать... Коров на мясокомбинат...

— Ты что? — возразила Римка. — Зорьку ни за что нельзя. И не продашь. Нравная она... И свиноматка породистая у вас. А поросята еще маленькие. Чего с них толку? Пусть подрастут. И цыплята тоже не выросли. Есть нечего. Одни перья... Ладно! Поработаю я на вас. Молоко, значит, пополам.

— Пополам, — подтвердил Владислав.

У Римки явно мелькали какие-то мысли. Невестка, честно сказать, выгоды своей никогда не упускала. Но уставшей Зое не хотелось забивать голову еще и этими мыслями.

Сегодня отвели девять дней. Все дни после похорон пил тайком Сергей Петрович, но сегодня был трезв. Владислав воспользовался моментом, раскричался на него, пригрозил, что уйдет с Зоей домой.

— Зое и так достается, — выговаривал сын. — Она еще и тебя должна караулить, отпаивать рассолом по утрам. Зоя детей бросает, тебе кружечку несет, плохо, видите ли, папе. А днем тебя с близнецами оставляют, надеются на тебя, а ты к бутылке прикладываешься!

— Когда я с детьми, я не пью, что, алкаш я что ли, — обиделся отец. — Я только, когда они спят.

Но Владислав не слушал:

— Ты раньше никогда не пил. Тебе денег было жалко на водку тратить, ты всегда так говорил. А теперь? Всю пенсию пропил?

— Всю, — сердито ответил отец. — Видишь, сегодня трезвый.

— Это ты к вечеру проспался. И пенсию пропил, и водку, что с похорон осталась, потихоньку берешь. У тебя уже друзья бомжи появились. Римке скажу, чтобы денег тебе с продажи молока не давала, — возмутился сын.

Зоя в это время расставляла посуду после очередных поминок.

— Сергей Петрович, — попросила она, — в самом деле, не надо пить. Я видела, вы давление мерили. Высокое оно у вас. Да еще водку пьете. Мальчики к вам привыкли, не дай Боже, что случится и с вами. Как же мы без вас?

Пожилой человек покаянно молчал, потом пообещал:

— Не буду, Зоюшка. Только не оставляйте меня одного. Боюсь я своего пустого дома. Раньше Галя шумела всегда. Он и большим не казался. А теперь тишина. Не могу я один.

— Мы и так уже все дни у вас живем, — ответила Зоя.

Она уложила детей. Женщина устала за этот день, хотелось упасть на кровать и ничего не делать, но надо самой хоть немного сполоснуться. Придется еще идти в баню.

— Ты иди, иди, — сказал Влад. — Там в бане вода горячая, еще много. Дети спят.

— Хорошо, — благодарно вздохнула женщина. — Я быстро помоюсь.

В бане она села на чистую лавку, не в состоянии двигаться. Кто-то забыл сигареты на полке. Зоя взяла их в руки и держала, не зная, куда их деть. Сколько прошло времени, она не знала. Просто сидела и наслаждалась тишиной и покоем. В голове не было никаких мыслей.

Владислав начал уже дремать.

— Пап! Где мама? — в дверях комнаты стояла Шурочка.

— В бане, моется, — сказал Владислав.

Глянул на часы. Ого, уже полтора часа прошло. Где Зоя? Он встал.

— Ты сходи, Владь, — раздался голос отца из другой комнаты. — Что-то долго Зою нет. Может, ей плохо стало, может, расстроена чем, побудь с ней рядом. Я послежу за детьми.

— Я лягу с братиками, — раздался голос Шурочки. — А ты с мамой побудь.

Детской кровати здесь не было. Мальчишки спали, огороженные подушками, на разложенном диване. Девочка быстро перебежала к братикам, легла с краю, заботливо обхватив ручкой Сережу.

— Лариса, Ларисочка, — проговорила во сне в соседней комнате Ксюша, которую потревожила Шурочка.

Влад и отец вздрогнули, испугались. Мужчина поспешил в баню. Зоя все так же устало сидела на лавке с закрытыми глазами. Почувствовав приход мужа, слабо улыбнулась: «Владик! Я знала, что ты придешь». Влад сел рядом:

— Устала?

— Да, — кивнула женщина. — Я хочу домой, Владик.

Говорить по-прежнему не хотелось. Взгляд мужчины упал на сигареты, что автоматически держала в руках Зоя.

— Зоя, ты курила?

Он был готов рассердиться. Курящие женщины никогда не нравились ему, терпеть не мог, когда от женщины пахло табачным дымом.

— Нет, — ответила она. — Не курю, и никогда не курила.

— Врешь, — сказал Влад. — Курила. С Антоном жила — курила.

— Откуда знаешь? — Зоя все так же не двигалась.

— Знаю. Помнишь, я целовал тогда тебя в беседке. Ты курила в тот день. Я сразу почувствовал.

— Значит, Владька, ты мне не приснился в ту ночь в беседке, — открыла повеселевшие глаза Зоя. — Да, смелые мы с тобой люди. И бесстыжие. Но как хорошо было в ту ночь!

— Не приснился, конечно! Сны не бывают одинаковые, — подтвердил мужчина и тут же спросил резко, без перехода. — Ксюша — моя дочь?

Умершая мать все-таки вселила в него сомнение. Да и фотографии Ларисочки это подтверждали. Зоя удивленно посмотрела на мужа:

— Ты что? От Антона она.

— А мать меня дураком назвала. Спросила перед смертью, когда это мы с тобой успели сочинить Ксюшку.

— Я очень хотела бы этого. Но после нашего обоюдного одинакового «сна» в беседке до рождения Ксении прошло сорок две недели. От Антона она.

— Зойка, — мужчина взял сигареты и бросил на окно. — Если будешь курить...

— Да не курю я. Я же грудью кормлю...

— И потом не будешь курить.

— Не буду, — Зоя, не двигаясь, сидела на лавке. — Уже много лет не беру сигарету в рот, и не тянет. Не надо этого мне.

— Заюшка моя, — подвинулся Влад, обнял теплые плечи жены. — Я, кажется, знаю, что нам сейчас надо.

Зоя сразу оживилась, блеснули в полумраке её глаза.

— Ну все-то ты понимаешь, Заюшка моя.

— Владька, я соскучилась по тебе, — жалобно протянула женщина. — Девять дней... Чужой дом. Куча народа. Настоящая пытка...

— Как хорошо, что здесь никого нет. Я хочу спокойно поцеловать твою грудь, приласкать тебя, чтобы никто не мешал, — Влад стал расстегивать пуговицы на халате,

потом бюстгальтер. — Вот они, мои любимые, — довольно произнес мужчина, целуя полные груди жены.

— Ой, Владька, — простонала Зоя, обхватив его плечи. — Ты всегда знаешь, что мне надо.

Забыв об усталости, женщина обняла своего мужчину, успев пробормотать:

— Мы с тобой страшные грешники. Бесстыжие грешники... Всего девять дней прошло... А мы грешим...

— Мать приказала жениться на тебе... — шептал Влад. — Мамка, она простит... Не могу я так долго без женщины... А насчет Ксюшки, надо все проверить. Мамка все знает... Моя Ксюшка дочка, моя... Раз мамка сказала, значит, так это.

Утром Сергей Петрович сказал, что не надо больше так беспокоиться о нем, он справится. Еду сам сварит, Римма будет помогать ему с хозяйством. Если хотят, то Влад и Зоя могут вернуться к себе домой. Пить он больше не будет. Зоя обрадовалась и тут же собралась домой. С облегчением вздохнул и Влад. Жизнь возвращалась в прежнее русло.

Побежало вечной струей время. Позади остались и сорок дней.

Хоть и обещал Сергей Петрович не пить, но это было не так.

Владислав был у отца и вернулся очень поздно. Отец после смерти матери продолжал грустить, но сильно не напивался, однако все видящая Римка донесла: прикладывается частенько к бутылке Сергей Петрович. Владислав переживал, дергался. Вот и сегодня он к вечеру пошел отца проверить. Отец был трезв. Они просидели весь вечер, проговорили. То, что рассказал отец, плохо понималось и не хотелось верить. Но все надо сказать и Зое. Да крепко сплела свою паутину жизнь.

Зоя! Женщина, которая принесла счастье Владиславу, которая стала матерью его Шурочке. Ему с ней хорошо. И никакие больше женщины Владиславу не нужны. А какие замечательные мальчишки растут у них. Зоя очень устает с детьми, выматывается, опять похудела, ходила всю неделю, помогала Римке и отцу полоть картошку. Поэтому и не пил отец. Боялся Зои. Девчонкам и Петьке пришлось нянчиться. Шурочка, как всегда, согласилась, Петька улизнул, несмотря на крики матери догнать и выдрать. А Ксюшка потерпела пять дней и тут же позвонила отцу. Молодец! Не знал Влад, а то не пустил бы. Надо же насажать целый гектар картошки! Есть родителям было нечего зимой! Но не единой жалобы не слышал от Зои мужчина. И дома тепло и уют. Недаром Шурочка до сих пор боится, что мама Зоя её отдаст тете Оле, сестре Беллы. Девчушка поэтому и старается, помогает маме, играет с братиками. Маленькая дурочка, никому они её не отдадут, как никому не отдаст Владислав Ксюшу и саму Зою. А вот и дом, где его ждут в любое время.

Мужчина услышал знакомый теплый голос и невольно замедлил шаги. Во дворе Зоя ласково с кем-то разговаривала. Кто же это может быть? Влад почувствовал самую настоящую ревность. Этому способствовало еще то, что утром он встретил бывшего одноклассника Сашку Попова, что в школьные времена не давал прохода Зое. Сашка вырос в огромного здоровяка, жена у него, с точки зрения Владислава, была неинтересная: худенькая, маленькая, с острым личиком. Какая-то серая, невзрачная. Но говорили, что Сашку она держит под каблуком. Сашка, которого Владислав подвозил, осведомился:

— Ты все-таки женился на нашей Зойке-Зайке?

— Женился, — ответил мужчина. — Только она не ваша — моя.

— Ну ладно, ладно, не цепляйся к словам. Счастливцев ты, — вздохнул Сашка. — Таковую бабу отхватил. И как она согласилась стать твоей женой? Ты же все окрестности обошел. А

Зойка строгая. Она никого к себе не подпускала.

— Откуда такие сведенья про Зою?

— Да я тоже пробовал к ней как-то подкатиться, когда она у нас учителем работала.

— И что?

— Хохотала, хохотала, глазки строила, но до себя так и не допустила. Принцесса-недотрога! — фыркнул рассерженный Сашка. — Хотя Анька Бычкова, твоя бывшая зазноба, видела, как к ней какой-то мужик пару раз приходил сюда в деревенский дом. Может, это ты был?

— Я, — подтвердил Влад.

— Чужая жизнь — потемки, — отозвался бывший одноклассник. — Ну, спасибо, что довез.

Сашка вылез возле своего дома.

— Эх, чего только деревня матушка не знает, — подумал Влад. — Нет секретов! Все на виду.

Но теперь, слушая ласковый голос жены, говорившей с кем-то, Владислав вспомнил этот разговор и в своем воображении нарисовал Зою, которая лежит в объятиях Сашки. Зоя же во дворе говорила:

— Вернулся, здоровяк, ты все-таки вернулся ко мне. Я всегда знала, что в тебе живет верность. Что ластишься, даже целоваться лезешь? Да не лижись! Не хочу я тебя целовать. Что ты говоришь? Соскучился. Помнишь, как я тебя оглаживала, животик щекотала. А ты ляжешь, мордастый, вытянешься, доволен, как слон, даже похрюкиваешь. Любишь массаж. У, какой важный барин был. А сейчас? Совсем без меня отоцал. На кого ты стал похож? Давно бы пришел, знаешь ведь, жду я тебя, всегда рада.

Владислав не выдержал, сделал шаг назад. Слушать, как его Зайка-Зойка ласкает другого мужчину, было свыше сил. Не ожидал он такого от жены. На душе стало невыносимо пусто. Но и сюда доносился голос Зои.

— Ну ничего, я тебя быстренько откормлю. Вот сейчас съешь колбаску сначала. Что? А, знаю, мяса хочешь. Потом получишь, вот в дом пойдем, я тебе мяса дам. Хозяин придет, есть будет, тогда и ты получишь. Без хозяина я кастрюльку доставать не буду, остынет все. А может, ты пока молочка попьешь? Вкусное, деревенское. Как раз для твоего возраста. Ты уже ведь старенький, зачем так сильно гулять. Живи дома.

— Ничего не понимаю, — подумал мужчина. — То она его оглаживает, целует, то уговаривает дома жить. А может, кто к Зое приставал тут без меня, — вдруг пришла мысль. — Вот она и отвлекает его... Господи, ведь дети в доме. Точно, увела во двор...

Владислав решительно шагнул назад. Опять услышал слова:

— Ишь, какой ласковый. Знаешь, скотинка, что я тебя люблю. Не переживай, откормлю я твое мурло, станешь опять жирным...

— Зоя, — окликнул мужчина. — Кто здесь?

На крылечке сидела жена. Рядом разлегся пропавший месяц назад рыжий кот, любимец Владислава.

— Где? — не поняла Зоя, она повернулась к двери — детей там не было.

— Так это ты с котом говорила? — понял мужчина. — С рыжиком? Он вернулся?

— Да, — ответила Зоя. — Вернулся наш хозяин. Отощавший весь. Никак не нажрется. Пузо уже раздулось. А все орет, просит. Знает, что мясо в кастрюльке горячее есть.

У Владислава стало хорошо-хорошо на душе:

— Я-то подумал...

Зоя внимательно всмотрелась в лицо мужа, потом засмеялась:

— Владька, ты решил, что я без тебя мужичка привела.

Владислав смущенно молчал. Зоя продолжала хохотать.

— Представляю, что ты думал, особенно когда я про мурло говорила.

Влад тоже засмеялся:

— Я думал, к тебе Сашка Попов пришел. А чего, у него и есть мурло. Здоровый. Я его подвозил, он обещал тебя навестить. Вот я и решил...

— Все ясно, — констатировала женщина. — У самого рыльце, Владислав Сергеевич, значит, в пушку... Привык по женщинам ходить...

— Зоя, — возмущенно прервал её Влад. — Ты же знаешь, как я начал жить с тобой, не было у меня других женщин. Даже когда ты последние месяцы дохаживала. И после еще... Лихо мне было, но терпел.

— Знаю, — ответила Зоя. — Но если, Владька, на кого посмотришь, то я... то я... Знаешь, что я сделаю!

— Заберешь детей и уйдешь? — подсказал мужчина.

— Нет, Владик, — засмеялась жена, — от меня так просто не отделаешься. Ни за что я не уйду от тебя. Пореву, позлуюсь, а потом прощу. Или, знаешь, я поступлю по-другому. Я тебя сначала, как кота, кастрирую. А потом... а потом.... А жить все равно будешь со мной. Не отпущу. Мой ты навеки.

— Зойка, тебе же хуже будет, если кастрируешь, — засмеялся мужчина. — Что по ночам будешь делать?

— Правда, — согласилась Зоя. — Нельзя такого делать. Поэтому ты не гуляй. Ты мой и только мой!

Она встала, обняла мужа, тесно прижалась к нему. Общение с Зоей никогда не надоедало Владиславу. Он знал, что в любое время может обнять её, поцеловать. Он готов был это сделать в любую минуту, не всегда получалось: то близнецы разорутся, то девчонки выставят свои любопытные носики. Прикосновения жены были приятны, не теряли своей привлекательности. И никогда не потеряют. Владислав был уверен в этом.

— Славик-Владик мой, — шептала женщина. — Я больше всего боюсь тебя потерять. Я признаюсь тебе в этом. Слышишь? Знаешь, мама умерла спустя полгода после смерти папы. Я теперь понимаю почему. Она не смогла жить без него. И я без тебя не смогу. Не надо ревновать меня. Куда мне с четырьмя детьми любовников заводить? — Зоя потянула его за руку. — Пойдем, ужинать будешь?

— А как же?

— Заодно и мурлона мясом покормлю. Он давно ждет. За мной, гуляки.

Влад, прежде чем сесть, подошел к мальчикам, с непроходящими удивлением и гордостью всмотрелся в своих одинаковых сыновей, поправил на них одеяльца, поцеловал спящих девчонок, ему показалось — не спят, притворяются. Он по-доброму улыбнулся и вернулся на кухню, сел за стол, где дымилась тушеная с молодой бараниной картошка, посыпанная укропом, соблазнительно блестел салат.

— Знаешь, Зайка-Зойка, я тоже хочу сказать, что без тебя моя жизнь невысказана. Без тебя и детей. Вот я сейчас смотрел на наших девочек и вспомнил своего родного отца, твоего отчима. Я понял, почему он любил так сильно тебя, неродную дочь. Ты была повторением своей мамы, которую он любил больше всего на свете. Я когда увидел твою Ксюшку,

испуганную, бледную, несчастную, я сразу полюбил её. Она твое повторение, хоть и мало похожа на тебя. А любовь к тебе всегда жила в душе. Зоя, давай поженимся. Пора всем нам иметь одну фамилию — Елизаровы.

— Наконец-то, — радостно засмеялась женщина. — Владька! Как я ждала этих слов. Ждала, когда ты жил как квартирант, ждала, когда ты узнал про близнецов, ждала, когда ты поссорился с Галиной Ивановной из-за меня. Я всегда их ждала. Владька, всю жизнь! Еще в юности, когда ты проводил меня единственный раз. Я очень хочу быть твоей настоящей женой.

— Зайка-Зойка! Мы устроим настоящую свадьбу. Ты наденешь белое платье и фату.

— Владь, у нас четверо детей. Какая фата, какое платье белое? — засмеялась женщина. — И мне уже за тридцать.

— И наши четверо детей будут на свадьбе, — Владислав не слушал женщину. — Девочки уже большие, а мальчишкам наймем няню на один день. Но они все равно будут с нами в этот день. Наша семья неразделима. И в день свадьбы мы должны быть вместе.

— А почему бы и нет, — тряхнула головой Зоя. — Я хочу быть твоей женой, я хочу быть Елизаровой....

— Мы еще и обвенчаемся, Заюшка моя. Я ни с кем не венчался. А ты?

— Нет, Антон подумывал, но его мать помешала. Чем я теперь очень довольна, я ей даже благодарна. Мы обвенчаемся и мальчиков потом окрестим.

— Правильно... А к венцу тебя поведет тво... — Владислав на секунду заикнулся, словно забыл слово, — наш отец.

— Сергей Петрович?

— Да, — Владислав хотел еще что-то добавить, но шум отвлек его.

— А мы с Шурочкой будем держать шлейф от платья.

В дверях кухни стояли прищурившиеся от света девочки. Ксюша быстро подбежала и вскарабкалась на колени Владу, обняла тонкими ручками, поцеловала в щеку, а Шурочка доверчиво прижалась к Зое.

— Так и я лазила к отчиму на руки, — подумала Зоя, обнимая девочку. — Как я любила сидеть у него на коленях. Мне так хорошо всегда было. Папа. Как жаль, что ты не дожил. Ты бы радовался, что я и Владька вместе. И у нас есть дети. Я знаю, ты всегда любил сына...

— И мы все станем Елизаровы, — сказал Владислав.

— И я? — спросила Ксюша.

— И ты.

— А я? — задала вопрос Шурочка.

— Ты и так Елизарова, — ответил удивленно Владислав. — Это только мама Белла была Светлицкая. Ты сразу носила мою фамилию. Ты Александра Елизарова.

Шурочка внимательно слушала. Потом задала очень важный для неё вопрос:

— Папа, а почему Ксюша зовет тебя папой?

Встрепелась Зоя, услышав эти слова. Она не успела ничего сказать, Владислав опередил её.

— Потому что Ксюша тоже моя дочка.

— А тетя Аня Бычкова говорила сегодня с бабой Симой, что Ксюшин папа какой-то дядя Антон.

— Шурочка, — тут же стала объяснять Ксюша. — Это старый мой папа, не настоящий. Он умер. Твой папа — теперь мой папа.

Зоя прижала к себе девочку, повернула к себе серьезное личико. Она поняла, насколько важен для девочки этот разговор.

— Шурочка, зачем ты спрашиваешь? — спросил Владислав. — Мы все тебя любим. И Ксюшу тоже.

— Если мой папа для Ксюши настоящий папа, то кто моя настоящая мама? — задала девочка самый важный вопрос.

— Шурочка, — у Зои прервалось дыхание, она присела, обняла девочку, поцеловала рыжеватые волосы. — Я твоя мама. Я всегда ею буду.

— Настоящая?

— Самая настоящая.

— Говорила же тебе, — торжествующе заявила Ксюша. — Сестрички мы. У нас одинаковые папа и мама.

— А скоро у вас одинаковые фамилии будут, — улыбнулся Владислав.

— Значит, мы с Ксюшей станем *настоящими, родными* сестренками? — тихо проговорила Шурочка.

— Мы и так родные, — сказала Ксюша. — Хочешь, я с тобой буду учиться рисовать? А ты играть на пианино.

— Хочу, — ответила девочка.

— Вот и хорошо, — засмеялась Зоя. — А теперь спать.

— Мама, — повернулась Ксения к Зое, — а баба Сима сказала, что её внучки: Лена и Валюша — тоже наши сестрички. Они папины дочери. Только они далеко отсюда живут. Это правда?

— Правда, — ответил Владислав.

— А почему они не приезжают к нам в гости?

В это из-под стола вылез ободранный нажравшийся кот с раздутыми боками. Он спас Владислава от объяснений. Внимание девочек тут же переключилось на кота. И разговор, принявший нежелательное направление, перешел в другое русло.

— Рыжик, Рыжик, — восторженно закричали девочки. — Ты нашелся! Котя! Ты пришел! Домой пришел.

— Тихо, — забеспокоилась Зоя. — Мальчишек разбудите. Да и сами быстро идите спать. Уже поздно.

Девочки забрали сытого, поэтому добродушного кота, легли и о чем-то долго шептались. Не спали. Влад лежал около Зои, обнимал и тихо говорил:

— Все, срочно начинаю строить новый дом. А то и жену не могу лишней раз приласкать в деревне. То мальчишки орут, то девчонки не спят. Никакой личной жизни. Да и отцом вопрос не решен.

— Владик, — отозвалась Зоя, — не надо его оставлять одного в вашем доме. Пропадет отец. Он опять стал выпивать.

— Правильно. Завтра скажу, чтобы перебирался к нам. Скотину всю ликвидируем. Пусть папка мальчишек нянчит, тебе легче будет. Ты ведь не пойдешь жить в наш дом?

— Не пойду, Владька, не пойду. У нас здесь комната большая, всем места хватит. Да и кухня просторная, там и диван, и кровать стоит. Твой папка может спать там.

— Мой папка... — повторил мужчина.

Зое показалось, что муж чего-то не договорил. Но уставшая от дневных забот женщина засыпала. Муж ласково гладил её теплое плечо. Зоя дышала ровно, смолкли девчонки. Владу

стало жалко будить жену. Но в это время Зоя открыла глаза и прошептала:

— Ну вот, наконец-то все уснули, — и ласково прижалась к мужу. — Надо строить дом.

А то не только ты — я загуляю с каким-нибудь мартовским котом во дворе.

Руки женщины нежно ласкали мужчину.

— Умница моя Зайка-Зойка, всегда знает, что мне надо, — засмеялся довольный мужчина, нетерпеливо обнимая жену.

Приближалась осень. Зоя побаивалась сентября. Первого числа она должна отвести девочек в школу — Шурочку и Ксюшу. Хотя и рядом с домом школа, а надо встретить, проводить девочек. Как она все это будет с близнецами успевать. Мальчишек одних не оставишь.

— Надо просить отца ехать с нами, — все чаще думала Зоя. — И мне Сергей Петрович поможет, и на душе спокойно будет. А не то пропадет наш папка.

Жить Сергей Петрович один так и не смог. До сорока дней дотянул в своем доме, потом пришел к сыну, робко сел на стул в крошечной кухне, Зоя глянула и решила:

— Вот что, Сергей Петрович. Будете наоборот теперь делать. Ночевать у нас, а когда надо, сходите домой. Хозяйством вашим все равно Римка распоряжается. Меньше ей мешать будете, смущать.

— Ну её особо не смутишь, — радостно заулыбался отец.

Зоины мысли подтвердила сама жизнь.

Спокойный, тихий, Сергей Петрович привык, что все за него решала Галина Ивановна. Оставшись один, он растерялся, поэтому стал выпивать. Влад боялся поднажать на него, хоть и продолжал считать отцом. Окончательное решение помогла принять, как ни странно, Римма. Невестка никак не хотела смириться с тем, что её мужу ничего не осталось от родителей: ни земли, ни дома. Зое тоже было неудобно перед братом. Владислав по-прежнему мечтал о своем доме. Он перед смертью матери начал завозить строительные материалы. Смерть Галины Ивановны на время приостановило его замыслы. Теперь мужчине смущало и то, что дом у родителей был неплохой, еще крепкий, большой, четырехкомнатный. И хотя все удобства были во дворе, жалко его перестраивать. Но документы на дом были все старые, земля не оформлена У Зои было все в порядке. Успел все бумаги сделать Антон. Да и место, где стоял дом (он был рядом с рекой), Владу нравилось больше. К тому же не хотелось расставаться со своей давней мечтой — построить дом самому.

Словом, Владислав не изменил свои планы и все рассказывал Зое, какой построит дом. С удовольствием обсуждал эти планы и Сергей Петрович. Он не возражал против решения Зои и Влада и остался с ними. Дедушка с удовольствием возился с внуками. У старогс человека и малышей было полное взаимопонимание. Зоя со смехом рассказывала, как дед сажает на горшок мальчишек.

Вот один из близнецов важно произносит, обращаясь к дедушке:

— Ка-ка.

— Ты мой умница, — расплывается дед. — Маленький, а уже умеешь проситься на горшок.

Усаживает. Следом на всякий случай и другого. Садится напротив на скамеечку, и мальчишки долго сидят на горшке, а дед ведет с ними важные беседы, что-то рассказывает. Зоя один раз прислушалась и потом долго тайком хохотала. Дедушка говорил о высылке

наших дипломатов из какой-то страны, в другой раз рассказывал о визите президента в Африку. Эти рассказы надо благодарить, или еще что, но к горшку малышей приучил дед на совесть.

К родному дому Сергея Петровича привязывало только хозяйство. И немалое. Породистая свиноматка, куча поросят, принесенных ею, пятьдесят штук бройлерных кур, стая гусей и уток, две коровы и два теленка. Там же в последнее время жила и вредная Римкина коза, туда же она приволокла своих кур и уток. Влад не возражал, а Сергей Петрович одобрил:

— Правильно, чего между двумя хозяйствами рваться?

Как на работу, Римка появлялась во дворе дома Елизаровых строго в шесть утра, тащила за собой сонного Петьку, если дома не было Андрея. Доила коров, отводила их на пастбище, кормила остальную живность, убирала сарай, следила за чистотой во дворе и дома. Своенравная жена брата не возмущалась, не ворчала, даже была довольна. А с другой стороны, зачем возмущаться? Римка больше не покупала молока, оно было у неё от Зорьки. Был и творог, и масло, были деньги с продажи молока. Но все окончательно стало по своим местам, когда Сергей Петрович все-таки заговорил о том, что надо избавляться хотя бы от одной коровы, продать или зарезать. Ему все-таки было неудобно, что его хозяйством занимается другой человек. И выбор пал на своенравную Зорьку.

Вечером к Зое зашел брат с Риммой. С официальным визитом, как выразился он. Андрей просил продать им Зорьку, только не резать. Сергей Петрович молчал. Он устал от большого хозяйства, одно сено для коров сколько отнимало сил, а скоро надо будет косить, сушить, метать. Зое с кучей детей было некогда, у Владислава тоже работу не бросишь, и если бы не все успевающая Римка, всем бы пришлось туго. Сын давно ворчал, чтобы прирезали всю скотину, он прокормит. Хватит того, что мать не выдержала, умерла. И тут, когда Зоины родственники просили продать корову, Сергея Петровича осенила мысль.

— Ребята, — сказал он. — А может, вы и дом купите.

— И правда! — подхватил Владислав.

— Я знаю, Римма, — продолжила Зоя, — ты всегда мечтала жить в своем доме, а живешь в квартире со всеми удобствами.

— А что, — закончил эту мысль отец. — Я там тоже больше не живу. Пустой стоит дом. Покупайте.

С тех пор, как Зоя приказала ему жить в их старом домишке, он совсем не рвался в свой дом. Возился с близнецами, о чем-то говорил с девчонками, мастерил игрушки, которые девочки любили больше дорогих магазинных, ремонтировал велосипеды, самокаты, пить бросил. Облегченно вздохнул Влад и Зоя.

— Но у нас нет сейчас таких денег, — сказал брат. — Мы, правда, собирали. Тоже хотели строить...

— Договоримся по-родственному, — ответил Владислав.

— Да, да, — подхватила довольная Римка, у неё давно жила эта мысль, этим и объяснялась её помощь. — Вы хозяйство под корень не изводите, я все дорашу. И вам выгода, и нам. А насчет денег что-нибудь придумаем. Мы уже собирали с Андрюшей, но на дом нам пока не хватит. Но мы продадим квартиру, землю.

И все принялись обсуждать эту идею. Зоя слушала, но особо не вникала, в вопросе цен она полностью доверяла Владиславу. Соглашалась со всеми его решениями. Уже когда были обсуждены все вопросы, Римка озабоченно спросила:

— А Зорька?

— Что Зорька, — не поняла Зоя.

— Корову вы мне продадите или нет? Мы же за этим пришли. С Зорькой я вам гораздо быстрее соберу недостающую сумму.

— Владь, а может, подарим им Зорьку, — сказал Сергей Петрович, — эта же скотина никого, кроме Риммы, не признает. А корова молочная. Золотая, правильно Римма говорит. Жалко её. Но сколько же она из меня кровушки выпила, всю душу изъела.

Владислав и Зоя засмеялись. Решили так, что родительский дом Владислава продают Андрею и Римме. Зоин дом оценивают, половину его стоимости высчитывают. А за Зорьку Римма постепенно расплатится молоком. Хозяйство она тоже дорастит.

— Но породистую свиноматку резать нельзя, — деловито тут же заговорила Римма, чувствовалось, она обо всем этом уже не раз думала. — Галина Ивановна с большим умом все подобрала. Эта свинья тоже живые деньги. Я её тоже у вас куплю. А вот от козы моей надо избавиться, бычки пусть растут до зимы.

— Римма, — сказал Сергей Петрович, — вы сразу переселяйтесь туда, что вам бегать взад вперед. Огород здесь тоже есть, доращивайте. Надеюсь, Зое и детям дадите, если надо будет, пучок морковки...

— Я и так давала, — обиделась Римка. — Еще до вас все давала.

— Извините, — смущенно проговорил Сергей Петрович.

— Вот что, — неожиданно сказала Зоя. — Квартиру свою не продавайте. Не надо. Петька растет у вас...

— Верно, — поддержал Владислав. — Сдадите её, все лишние деньги.

Из старого дома отец забрал только личные вещи. Зоя перебрала все остальное. Что сочла нужным, то и взяла. Остальное все осталось Римме. Нового там ничего не было, все старенькое, но крепкое, чистое, добротное. Через неделю брат отправился в дальний рейс, а Римка с сынишкой переселилась в новый дом к великой радости Петьки, теперь можно спать по утрам, и комната у него своя, непроходная, и чердак есть. Там так интересно, а еще папка ему обещал оборудовать комнату. Мальчишка хвастался перед девчонками, что это его теперь дом, что он больше, чем у них. Шурочка, с которой Петька подружился, молчала. А Ксюша отвечала, что они скоро построят новый дом, он будет двухэтажный и гораздо больше Петькиного. Римка, как-то услышав эти разговоры, отвесила сыну подзатыльник. А Зоя, которая очень любила единственного племянника, по-доброму улыбнулась, сказала Римке.

— Ну зачем ты так. Конечно, больше ваш дом, чем наш. Иди, Петенька, ко мне. Тетя Зоя тебя пожалеет.

Мальчишка, сопя, приблизился к Зое.

— Не балуй его, — прикрикнула Римка.

— А я и не балую. Я ему сейчас спасибо буду говорить. Ты хороший мальчик, Петенька, я знаю. Ты вчера заступился за нашу Шурочку.

— Даже подрался, — добавила Римка. — Ух, неслух!

— Да, а Федька Попов кричал, что у Шурочки нет мамы, а тетя Зоя — мачеха, — сердито сказал мальчишка. — Я ему и врезал. Вместе с Ксюшкой.

— Вот, оказывается, откуда у Ксени синяк под глазом. А мне сказала, что упала. Но вы молодцы, умеете дружить, — подвела итог Зоя. — Приходи, Петенька, завтра к нам, я вам торт испеку.

— «Рыжик», — сказали дети вслух.

— «Рыжик», — улыбнулась Римка. — Я сметаны сама дам, чтобы не смела ни у кого покупать, меня позорить.

— Когда такое было? — удивилась Зоя.

— А на той неделе ходила к Аньке?

— Так мне просто не хватило немного сметаны на крем, я большой торт затеяла, чтобы и вам отнести.

— За торт спасибо, а к Аньке не смей больше ходить. Петька две банки принесет. А уж кусочек торта и мне оставьте, не съедайте.

Приехавший вечером Владислав сначала наслаждался ужином и чаем с любимым лакомством, потом сказал, что все бумаги по будущему их дому будут оформлены на Зою, но она неожиданно ответила:

— Владь! Ты считаешь, что мы недолго будем вместе, убежишь от меня. А будущий дом — это откупная.

— Что? — не понял мужчина.

— Ты всем женам жилью оставлял, и для меня уже планируешь?

— Зойка, — возмущенно крикнул мужчина. — Что ты говоришь? У нас с тобой четверо детей. Куда я от них денусь!

— Вот-вот, — пригрозила Зоя, — рожу еще тебе девочку...

— Ты беременна? — Владислав не знал радоваться или расстраиваться.

— Нет.

— А с чего ты вдруг про девочку заговорила? — все-таки с облегчением вздохнул мужчина.

— Ты часто стал вспоминать и во сне говорить о Валюшке, о Леночке. Скучаешь по старшим дочкам? Или баба Сима что тебе сказала?

Баба Сима была мать Милки. На лицо Влада набежала тень.

— Я не видел своих старших дочек уже несколько лет. И мать Милки уже несколько месяцев не получает писем от них. Она говорила, что жить стала там она с мужем. Непокойно мне. Как там Лена с Валюшкой?

— А ты съездил бы, Владик, посмотрел.

— Ты отпустишь?

— Сама с тобой поеду, — ответила женщина.

— А дети?

— С детьми.

Но не скоро еще собрался ехать Владислав. То одно, то другое мешало. Вот так и пролетело лето. А свадьба была запланирована на начало декабря.

Свадьбу главы Энегоргосбыта местная желтая пресса не обошла молчанием. Вскоре из одной небольших газет-сплетниц появилась статейка: «Владислав Елизаров, один из самых завидных женихов нашего города, решил снова жениться. В третий раз. Его вторая жена, известная художница, Белла Светлицкая, трагически погибла больше года назад. Избранницей Елизарова Владислава стала Зоя Наумова, вдова богатого предпринимателя Антона Наумова. Зоя красива, умна, этот факт бесспорен, но известна эта женщина, в первую очередь, своими бесчисленными романами как до смерти первого мужа, так и после. У неё трое детей, дочь и двое сыновей, и все от разных мужчин. У Владислава Елизарова тоже есть дочь от второй жены, художницы Беллы Светлицкой, которая погибла по нелепой случайности. Где-то растут его дочери и от первого брака. У будущей семьи в общей сложности семь детей. Кого они оставят с собой, в своей семье? Детей Зои или детей Владислава? Что это: брак по расчету или любовь? И будут ли присутствовать на свадьбе отца его дети и жена от первого брака?» Эту глупую статью написала скандальная журналистка Сирена Арбенина. Когда-то она имела виды на Антона, была подругой Ольги Светлицкой, сестры Беллы. Зоя фыркнула, читая принесенную Владиславом газетенку:

— С моей стороны, Владик, это брак по расчету, а с твоей только любовь, — заявила она.

— Почему ты так говоришь? — поднял брови Владислав. — Ты меня нисколько не любишь?

— Так в газете написано. Вот почитай эти строки еще раз.

Владислав читал, хмурился, потом захохотал:

— Как же ты, Заюшка моя, ухитрилась родить близнецов от разных мужчин?

— Не знаю. Спроси у Арбениной. А почему у тебя четверо детей? Арбенина семь на нас двоих насчитала. Может, еще где есть у тебя жена, про которую я не знаю, — не осталась в долгу Зоя.

— Нет, Зайка, нет. И Милку-то с девочками я не видел уже лет пять. Но почему ты сказала, что с твоей стороны это брак по расчету?

— Конечно, по расчету. Трое детей, и ни гроша в кармане. Мало кто знает, что я и Ксения ничего не получили после смерти Антона. Я — невыгодная партия. Бесприданница, так сказать.

— Вот что, — голос Владислава был тверд. — В газетах пусть пишут, что хотят. Но после свадьбы идем в загс или куда там надо, и я оформляю удочерение Ксении. У неё будут новые документы, там будет написано, что я её отец. Она, кстати, больше на меня похожа, чем Шурочка, несмотря на то, что светловолосая и голубоглазая. Форма лица, разрез глаз, губы — все мое. Что скажешь, Зоя?

Женщина молчала. Дочка, в самом деле, походила на Владьку, но еще больше на его отца, Сергея Петровича. Может, это было так потому, что Ксюша старалась подражать им: хмурила, как Владислав, бровки, стояла, заложив руки за спину, как Сергей Петрович. А вот во внешности Шурочки стали проявляться аристократические черты её матери. Зоя радовалась. Интересная девочка растет. А Владислав не хотел этого, пусть лучше в Зою будет девочка. Домашняя, уютная. И даже таланта матери он не хотел видеть в дочке. Но Зоя, видя, как хорошо рисует Шурочка, твердила о художественной школе.

— Владик, — голос Зоя был робок.

Владислав подумал, что она будет возражать, просить оставить у Ксюши прежнюю фамилию, он приготовился обидеться и доказать свою правоту.

— Владик, — повторила жена. — А мне тогда можно будет оформить, что Шурочка моя? Ну что я её мать, якобы родила сразу двойняшек — Александру и Ксению. Правда, кому-то из девочек придется поменять день рождения. Или двоим, чтобы обидно не было.

— Зойка-Зайка, — расплылся мужчина. — Конечно. Тем более Шурочка хочет этого. Пусть она не говорит об этом, маленькая еще. Девочка обрадуется. Ты же лучше меня знаешь её неуверенность. А знаешь, ты хорошо придумала: сначала девчонок-двойняшек родила, потом мальчишек-близнецов.

— Уметь надо, — поддержала Зоя.

Для свадьбы был снят большой зал в одном из ресторанов. Приглашенных на свадьбу была куча. Не только друзья, но и нужные люди. Зоя их многих знала со времен жизни с Антоном. Она морщилась порой, просматривая список, но ничего не говорила, в конце числа приглашенных решительно приписала: Игорь Вальяжников, Юлия Вальяжникова, Арина Андреевна и Владимир Григорьевич Наумовы. Владислав вопросительно глянул на неё.

— Пусть завидуют, — Зоя, смеясь, глядела на мужа.

— Знаешь, Сереброва тоже придется пригласить, — сказал Владислав. — Он любит свадьбы...

— И он хозяин нашего города, — добавила Зоя. — Я знаю. Приглашаем Сереброва. Тем более, Вадим — крестный Ксении. Обидится ведь, если обойти его приглашением. А кто будет твоим свидетелем?

— Дмитрий Королев, мой старый приятель.

— Я знаю его. Его жену Алина зовут. Я её видела несколько раз. Такая интересная загадочная женщина с зелеными глазами.

— Может, её тебе в свидетельницы позвать?

— Нет, — ответила Зоя. — Мой вечный свидетель — это Римка. Кстати, ты не погорячился, назначив за свой дом явно сниженную цену. Ведь еще есть отец. Надо бы и его спросить.

— Заюшка, это папка так решил. Он, знаешь, что сказал? «Владька! Не скупись. Брату ведь продаешь!»

— Да? — протянула Зоя. — Ладно, после об этом поговорим. Знаешь, Владик, надс нашу соседку, бабу Клаву, позвать. Сколько раз она нас выручала.

— Конечно, надо. Что-то я давно её не видел. А с соседом вообще незнаком.

— Я тоже только бабу Клаву знаю. Хорошая женщина. Она с Аделаидой Семеновной дружила.

Зоя пошла к соседке на второй день к вечеру. Там, как видимо, шел ремонт: гремели, выносили и заносили мебель. Каково было удивление женщины, когда дверь ей открыла... Елена Ивановна Бекетова, учитель истории, что работала с ней в Кочетовской школе, та самая, с которой Влад ушел с февральского вечера встречи.

— Елена Ивановна? — Зою не очень обрадовала эта встреча, она ревновала Владьку, не любила встречаться с женщинами, на которых он обращал внимание.

— Зоя Александровна? — Бекетова Елена была удивлена. — Вы ко мне?

Обе женщины застыли в неловком молчании.

— Кто там пришел? — раздался голос бабы Клавды. — Ты, Зоенька. Как я тебя давно не видела. Мы долго были в деревне, на даче жили. Тут Леночка переделывает всю квартиру. Да что же я? Вы же не знаете друг друга. Познакомься, это Лена, жена моего племянника — Кости. Заходи. Что стоишь в дверях?

— Я на минуту, — пришла в себя Зоя. — Клавдия Ивановна, мы с Владиком приглашаем вас на свадьбу.

— Женитесь с Владиславом все-таки, — удовлетворенно произнесла Клавдия Ивановна. — Это хорошо!

Зашумел лифт. Все женщины оглянулись. Из кабины выходил Владислав и какой-то мужчина. Елена Бекетова довольно засмеялась:

— Все-таки не упустила ты Владислава. Я знала, что вы будете вместе.

— Это я её не упустил, — подхватил подошедший Владислав, который сразу узнал Елену. — Как вцепился мертвой хваткой, — он повернулся к жене. — Зоя, представь себе, я уже живу больше года с тобой в этой квартире и только сегодня узнал, что наш сосед — это Костя Ильин из нашей деревни. Он же племянник бабы Клавды. Не узнаешь что ли? — он кивнул на стоящего рядом с ним мужчину.

Зоя присмотрелась. Точно. Костя Ильин. Он учился в их Кочетовской школе, старше на три года.

— Вот теперь и я вспомнил Зою Королькову, — проговорил Костя. — А то Влад втолковывал, втолковывал, никак не мог вспомнить. А это Лена, моя жена, — он кивнул на блондинку, что стояла рядом с бабой Клавой. — Но, я вижу, вы знакомы.

— Да, мы какое-то время вместе работали, — отозвалась Зоя.

— А мы с покойницей Адой мечтали сосватать Костика и Зою, — невпопад произнесла баба Клава. — А теперь у вас у каждого своя семья. Ну и хорошо!

Зоя, вспомнив, как ревновала Елену Бекетову в тот далекий февральский вечер, решив немного позлить её, сказала:

— Знала бы я, тетя Клав, что Костя — наш сосед, подумала, послушала бы бабушку. Познакомилась бы пораньше.

Но разозлила Владислава.

— Зойка! — возмущенно прикрикнул Влад. — И думать не моги!

— Это она меня злит, — сказала весело Елена, которая сразу все поняла. — Зря, Зоя, зря. Я перед вами чиста и невинна, аки ангел. Владислав, вы не рассказали ей разве, как я вас отправила к ней...

Раздался дружный рев близнецов. Зоя метнулась в квартиру. Владислав о чем-то поговорил с соседями и тоже пошел домой.

— Знаешь, Зойка, я знаю, кто поможет со строительством нашего дома? Костя Ильин. У него строительный бизнес, — говорил муж, придя через минут пять. — Я пригласил их к нам в гости. Прямо сейчас. Ты не против?

— Нет, — пробурчала Зоя, переодевая Сережу.

— Заюшка моя, я только тебя люблю. Не сердись. Давай я возьму Сашу, а то скоро решетку сломает в своей кровати. Вот как хочется сыночку на волю!

Мужчина взял и расцеловал пухлое личико сына. Минут через тридцать раздался звонок. Зоя открыла дверь. На пороге стояла улыбающаяся Елена с бутылкой хорошего вина и коробкой конфет. Рядом её муж Константин со светловолосой круглоглазой девочкой на руках.

— Зоя, мы пришли подружиться, — весело произнесла Елена. — Поверьте, я никогда не претендовала на вашего Владислава. Вы ревновали меня в тот февральский вечер. Я знаю это. А я, можно сказать, грудью легла на амбразуру: нейтрализовала красивую Настю. Увела у неё Владислава и приказала идти к вам.

— Я бы все равно к Зое ушел бы, — сказал Владислав, появляясь с близнецами на руках. — Это было предназначено свыше. Вот, Елена, смотрите на результаты ваших усилий. Это Саша и Сережа.

— Ой, у вас их двое! Счастливые! — искренне сказала Елена. — Зоя, я ведь, можно сказать, крестная мать ваших мальчиков.

— Точно, крестная, — согласилась подбровшая Зоя.

Появление Елены с мужем и маленькой дочерью немного её успокоило. У Бекетовой своя семья, они производят впечатление счастливой пары.

— А это моя Алиска, — Елена с гордостью поцеловала круглую щечку девочки. — Зоенька, перестаньте дуться на меня. У меня в принципе ничего не могло быть с Владиславом. На момент февральской встречи я была беременна от Костика. Не нужен был мне ваш Владислав. У меня уже была моя Алиска — мечта всей моей жизни.

— Не со дня ли учителя? — засмеялась Зоя. — Я помню, как вы ловко тогда увели Костю от Валентины.

— Увела, увела, — согласился Константин. — Просто поработила, в плен взяла... Или я её взял, уже не помню... И Алиска в тот день появилась.

В это время выбежали их комнаты две девочки шести-семи лет.

— Ой, к нам маленькая Алиска пришла, — закричала Ксюша. — Тетя Лена, дайте мне Алиску подержать. Я умею. Пусть она с нами поиграет.

— Ты откуда Алису знаешь? — удивилась Зоя.

— Мы во дворе познакомились, когда с дедушкой гуляли, — ответила девочка. — Алисочка, пойдём с нами играть. Знаешь, сколько у меня кукол. А Шурочка тебе котика нарисует. Она хорошо котиков рисует.

— А братиков с собой возьмешь поиграть? — спросил отец.

— А ну их, пап, они вредные, — ответила Ксюша. — Всюду лезут. Не возьму. Я лучше с Алиской поиграю.

— Мама, я буду с Сашей и Сережей играть, — сказала Шурочка. — Пусть с нами идут. Я послежу. Вы разговаривайте спокойно. Там дедушка с нами.

— Дедушке скажите, пусть к нам идет, — попросила Зоя.

Она ласково улыбнулась и поцеловала девочку.

— Сколько же у вас детей? — удивилась Елена.

— Много, — засмеялась Зоя.

Они провели замечательный вечер. Мужчины строили дом. Женщины говорили о детях. Немного нарушила гармонию баба Клава. Он пришла и забрала Алиску.

— Да не переживайте, тетя Клав, — пыталась остановить её Зоя. — Девочки следят за малышами. И Сергей Петрович с ними.

— Я лучше знаю, что надо детям, — заявила сердито баба Клава и унесла Алиску.

— Лучше не спорить, — весело махнула рукой Елена. — В отношении Алиски наша Клавушка неприступная крепость.

Елена и Зоя стали подругами. И свидетелем на свадьбе была Елена Бекетова, а не Римма. Невестка сказала, что это плохая примета, когда свидетель — родственник, а тем

более второй раз, должен быть другой человек. Женщина послушалась невестку. Что касалось её счастья, Зоя была суеверна.

Белое платье на свадьбу Зоя не стала надевать. Она купила палевое, что необычайно гармонировало с её каштановыми волосами. Не было и фаты, прическа была украшена искусственными серебристо-белыми цветами. В розовые пышные платья были одеты Ксюша и Шурочка. Серьезные девочки стояли с отцом и матерью, забыв о своей мечте нести шлейф от платья, его просто не было. Но и без него все так было красиво! Владислав был одет в строгий черный костюм. Стоя рядом с Зоей в церкви, думал о том, что для него это первый настоящий брак, брак, которого он хотел, он впервые сам предложил женщине стать его женой. На Милке Влад женился совсем молодым, не любя её. Мать надавила, женился. Не так и не полюбил. Второй раз Белла просто его обхитрила, все рассчитала. Влад согласился на брак, рассчитывая найти теплый дом, заботливую женщину, старался быть веселым в день свадьбы, даже когда увидел в толпе любопытных грустную Зою, и ни одна из его надежд не оправдалась. А теперь у него все было. Любимая женщина, замечательные дети: он глянул на близнецов, за которыми следила нанятая на день опытная няня, на своих притихших озорниц девочек. Вспомнилась ласковая Валюшка, первенец Леночка. Привычно кольнуло сердце: как они там? И взгляд перекинулся на Зою. Её фигура по-прежнему идеальна. Все такая же высокая грудь, тонкая талия, длинные стройные ноги скрыты длинным платьем, но Владислав знает, какие они. Он даже почувствовал привычное возбуждение и одернул себя за грешные мысли: хоть и венчание, но в церкви все же. А Зоя? Она была откровенно счастлива и не старалась скрыть этого. Улыбка не сходит с её лица. Что-то шепчет. Он прислушался:

— Владька, я сегодня еще не говорила, что люблю тебя.

— Я тоже, — ответил он.

Зоя думала:

— Какая же я была раньше дура! Я всегда любила Владислава. И уступала его другим. Без малейшего сопротивления ушла с дороги Милки. Даже с Беллой я могла поспорить. Уехала бы тогда с дачи с Владом и все... А дети? А дети и так все стали мои и Владькины. Ну, исключая старших девочек, Милкиных...но я так люблю Владьку, я бы согласилась, чтобы и старшие его дочки жили с нами. Господи, какая я счастливая!

Рядом со своими взрослыми детьми стоял красивый, интеллигентный человек, его пышные волосы были абсолютно седыми. Это был Сергей Петрович. Он улыбался грустно и легко. Отец был рад счастью Зои и Влада. В памяти пробежали имена тех, кого уже не было. «Видишь, Галина, вышло все равно не по-твоему. Как Сашка с Инной были предназначены друг другу, так и Влад с Зоей не могут друг без друга. Нельзя спорить с судьбой. Инна и Саша, я давно простил вас всех. А Галя не могла... Хоть и жила долгие годы со мной. Не осуждайте её. Поглядите с небес все вместе, порадитесь счастьем детей. Я знаю, вы бы за них только радовались. Не обижайте там мою Галину. А ты, Галя, не серчай, смиришься... Хотя, что я говорю? Ты уже перед смертью смирилась, поняла, что мешала счастьем детей. Я нескоро приду к вам. Я так решил. Буду жить и помогать Зое и Владиславу. А кто им еще поможет? Пити больше абсолютно не буду. Я должен за вас доделать все, что вы не успели: порадоваться счастьем детей, помочь вырастить внуков. Я среди вас оказался самым счастливым и самым несчастным... А Ксюшка-то не только вся во Владьку, но и в меня, ты права, Галина, наша это внучка, родная, и тебе, и мне. Я давно забыл свой цвет волос, а они были светлые, почти белые, как у нашей несчастной Ларисочки, как у Зоиной девочки. Врет

Зоя, не от мужа — от Влада она Ксюшу родила...»

В ресторане свадьба пошла гулять и веселиться. Уже станцевали свой вальс молодожены, надорвала голос Римка, которая без конца кричала: «Горько! Горько! Горько!» Встал и прошелся в медленном танце хозяин города Вадим Серебров, но не с новобрачной, а женой Дмитрия Королева, свидетеля Влада — с Алиной Королевой — он всегда первый танец танцевал с ней. Про эту женщину много чего сплетничали, но побаивались, потому что Серебров вел общие дела с мужем Алины, и открыто всем говорил, что она его тайная любовь и мечта. Алина — единственная женщина, которая не боялась в их городе Сереброва. Про Алину шли слухи, что она самая настоящая колдунья. «Зеленоглазая ведьма», — так её называли за глаза.

Криво улыбаясь, сидели родственники первого мужа. А как же иначе? Если можно рискнуть испортить отношения с Владиславом, то Сереброва боялись все. А он явно покровительствовал этой паре. Объявил во всеулышание, что Алина — это его безответная платоническая любовь, а Зоя — святой символ материнства. Расцеловал Вадим её нарядных дочерей, немного испугав при этом Шурочку, вспомнил, что он крестный отец Ксюшки. Та ему уже чего-то наплела про то, как дядя Игорь её обидел и маму тоже, тот обещал разобраться с плохим дядей, сфотографировался на руках с упитанными близнецами, велел своей жене Марине тоже родить ему сразу парочку таких упитанных бутузов, пошел танцевать с Зоей танго.

Зоя толком не умела танцевать танго, да и Серебров тоже. Что у них получилось, кто его знает, но все были довольны. Зоя засмеялась, когда наконец-то танец закончился, а Серебров отвел её к Владу, сам подхватил на руки крестницу и пошел выделывать па с ней. Ксюшка визжала от восторга, потом обняла его за шею — девчонка никого не боялась — и опять что-то рассказывала.

— Ну все, — подумала Зоя. — Сейчас Вадим будет знать в подробностях всю нашу жизнь. Ксюня доложит.

Зоя ошиблась. Разговор шел о другом. Серебров спросил свою крестницу:

— Что не надела сережки, которые я тебе подарил? Мать не разрешила?

— Ой, дядя Вадим, — тут же начала рассказ девочка. — А их нет больше у меня. Знаешь, как жалко.

— Потеряла? — удивился Серебров.

— Нет, ты что? Я подарков не теряю никогда. Я понимаю, это святое, это как семейные ценности, — девочка с трудом повторила фразу, которую плохо понимала, но дядя Вадим любил её говорить. — Просто все мамино золото тетя Юля забрала. Вот такая она бессовестная. Мы с мамой на юге были. Я так кашляла, так кашляла, всю зиму, мама и увезла меня на юг. Вы помните, тогда у меня еще папа Антон умер. Я как разболелась! А мы с юга приехали, а нас домой не пустили. Вы, говорят, здесь больше не живете. Мы к бабушке Аде уехали. А мамино золото все забрала бабка Арина. А мои сережечки с дождевыми капельками (так Ксюша называла крохотные бриллианты, что были в сережках) тоже там лежали, в маминой шкатулке. Теперь моя свадьба не состоится, — расстроено вздохнула девочка. — Вы думаете, я забыла, что я должна в них замуж выходить за вашего Дениску. Я же обещала.

Серебров не удержался, хохотнул, когда Ксюша расстроено вздохнула, но глаза его цепко скользнули по чете Вальяжниковых.

— Я не ошибся, — подумал хозяин города. — На Юльке мои сережки. Мой подарок!

Охамели господу Вальяжниковы. Ведь припугнул их тогда, отобрал половину магазинов, а они к вдове прицепились. А Зойка ни звука не проронила. Не попросила помощи. Не пожаловалась, что без жилья осталась. Я, может, помог бы. Мы с Антоном в тандеме работали. Зойка догадывалась, поэтому и имущество сразу уступила. Умная баба! Почти как Алина! Ну, родственники её пусть сами с наследством разбираются, а подарки мои я не позволю другим таскать. Я здесь хозяин. Да, в конце концов, грешно обижать ребенка. Семья, ребенок — это святое. И Вальяжников обнаглел. Не заплатил моим людям в последний раз. И причину не объяснил. Надо их проучить. Начну с мадам Вальяжниковой.

Серебров отвел Ксюшку к бабушке, пошел и пригласил на танец Юлию Вальяжникову. Жена Игоря была польщена. Сам хозяин обратил на неё внимание. В конце танца женщина немного побледнела. Серебров заботливо подвел её к дамской комнате, куда перед этим ушла Зоя, потом оглянувшись, взгляд его упал на веселую говорливую Римму, он начал ухаживать за ней. Та баба деревенская, контактная, без комплексов, все знающая, что-то ему заливала, Серебров хохотал во все горло.

Зоя отлучилась на минуту в дамскую комнату, надо было поправить прическу. Там женщина столкнулась с Алиной Королевой. Зое всегда нравилась эта загадочная зеленоглазая женщина. У них было что-то общее. Даже сегодня платья оказались похожего цвета и фасона. Только Зоино было посветлее, у Алины были серо-серебристые тона. И платье было по щиколотку, у Зои скрывало даже туфли. Темные волосы Алины свободно лежали на плечах. У Зои была сложная прическа, которую держали искусственные белые цветы. Зое показалось, что женщина чем-то расстроена. Вытирает слезы.

— Алина, я могу вам помочь?

— Нет, все в порядке, Зоя, ресница попала в глаз, — пояснила Алина. — Заслезился, тушь потекла. Сейчас все поправлю. Жарко здесь. Жалею, что нет никакой заколки, волосы убрать. Пойти, что ли, галстук с кого-нибудь снять, да косу заплести. Буду я тогда русской красавицей. А что? Удачная мысль. Кому там из мужчин галстук жмет? Пожалуй, Вадиму. У него дорогой шелковый галстук.

— Да, Бог с ним, с Вадимом и его галстуком. Давайте я вам дам шпильки из своей прически, у меня их много, — предложила Зоя. — Правда, они с цветами.

— Не жалко?

— Да мне голове тяжело. Если бы только цветы, а то еще и шпильки, на которых эти цветы держатся. Голова железа полна. Молния ударит, притянет мою голову.

Зоя быстро вытащила парочку шпилек с цветами. Алина заколола свои роскошные волосы. Пришлось дать еще парочку, чтобы удержать эту гриву.

— Теперь я тоже невеста, жаль жениха нет, — Алина быстро говорила, уводя разговор в сторону от своих проблем. — Вы молодец, Зоя, настоящий молодец. И детей взяли на свадьбу, правильно, семья должна быть вместе. Как говорит Вадим Серебров: «Семья — это святое». Зоя, скажите, что я права в своих подозрениях? Вы всегда любили своего Владислава? Наверно, со школы?

— Точно, — кивнула головой женщина. — Только все чего-то боялась.

— Чего-то боялась, — повторила Алина. — Мне это тоже знакомо. Не надо бояться. Надо верить себе и своим чувствам. Но вы молодец, выходите замуж только сейчас, а детей родили от любимого человека. Не побоялись. Это замечательно. Как вам удалось сразу по двойне рожать, сначала двух девочек, потом мальчиков. Мальчишки вообще одинаковые, не различишь. Я просто влюбилась в ваших бутузов. У меня двое детей. Я тоже хочу третьего

ребенка, но не получается и все тут, а вы по двое рождаете. Откройте секрет.

— Алина, — засмеялась Зоя. — Секрета я никакого не знаю. А двойню я родила только одну. Мальчишек.

— А девочки? — удивилась Алина. — Они же одного возраста.

— Девочки даже не родные сестры. Одна из девочек не моя. Вы разве не знаете? Это от второго брака Владислава... Мать Шурочки — художница Светлицкая...

— И правда, — перебила Алина. — Одна девочка совсем не похожа на вас. Беленькая. Она копия своего отца, хоть и светлые волосы. Правда, плохо помню художницу Светлицкую, может, ваша маленькая блондиночка в неё. Я Беллу видела только по телевизору, когда несчастье случилось...

— Алина, — перебила её Зоя, — вы все не так поняли. Беленькая, светловолосая — это Ксюша, она дочь моя и моего первого мужа — Антона Наумова. А рыженькая — дочь Владислава и Беллы Светлицкой.

— Вы ничего не путаете? — засмеялась Алина. — Не наоборот.

— Не наоборот, — засмеялась и Зоя.

— Есть небольшая неточность, — в дверях стояла злая Юлька. — Ксюшу родила ты. Это верно. Но не от моего брата, не от Антона. Ты тогда всех перехитрила. Мы тебя специально с Владькой свели, знали, он ни одной юбки не пропускает. Я знала, что ты в беседке. И Владьку к тебе отправили. Вы долго там были. Вряд ли на звезды любовались.

— Ага, — насмешливо подцепила Зоя. — Не любовались. За вами следили. А вы в это время пытались документы в моей комнате найти, обобрать Антона заранее, не дожидаясь его смерти. Я видела, как вы шуровали...

— Не верю, ничего ты не могла видеть, — зло шипела Юлька. — Ты все врешь! Ты с Вадькой ничего не видишь, кроме него!

— И ты не могла ничего видеть в беседке. Комната от неё далековато.

— Владька не даст бабе рядом с собой следить за далеким окошком, он быстро её разденет и приступит к главному... Он жеребец. Я знаю это... от Белки...

— Господи, Юлечка, мне вас жалко, — голос Алины был полон сочувствия, — вы же завидуете. Мне вас жалко. Еще бы! Вас никто не раздевал, не соблазнял, вы не вызываете желания у мужчин. На вас не клюнул даже жеребец Владислав Елизаров. Ой-ой-ой, как плохо! Поэтому ваш муж на других весь вечер смотрит.

Юлька налилась краской и выскочила. Зоя беззвучно хохотала, засмеялась и Алина. Потом сказала:

— Зоенька, а может, все-таки Ксюша у вас от Владислава. Поверьте местной ведьме. Вы слышали мое прозвище... Ведь меня зовут в городе «ведьмой» от слова «ведать». Давайте я вам поведаю правду, — развеселилась Алина. — Я её знаю, так считает Вадим Серебров.

— Нет, Алина, не надо никакой правды, — ответила Зоя. — Я не против, чтобы Ксения была дочерью Владьки, но она дочь Антона, против законов природы не возразишь: Ксению я родила спустя ровно сорок две недели после встречи с Владькой в беседке.

— Значит, было что-то в беседке?

— Было, — сверкнула глазами Зоя. — С Владькой не может не быть.

— Значит, может Ксюша быть его дочерью.

— Нет, — не согласилась Зоя.

Она уже уходила, когда до нее донесся голос Алины:

— Зоя. Вы забыли или не знали: женщина может до сорока двух недель носить ребенка.

Все завит от индивидуальности...

— Но близнецов я носила ровно сорок... — вернулась Зоя.

— Близнецов всегда немного не донашивают... Их двое все-таки.

Алина ушла. Зоя смотрела в зеркало и думала:

— А Ксюша у меня родилась переносной... Врачи сказали, что переходила... Даже кожа менялась, слезала с пальчиков... Нет. Этого быть не может...

Зоя отмахнулась, она не раз уже думала, может ли Ксения быть дочерью Владьки. Но Ксения светловолосая е нее, только у Антона были светлые волосы. И еще у отца Владислава, как он говорит. У Сергея Петровича. Да, ведь он не биологический отец Владьке. Опять что-то не получается. А Ксюшка, правда, на Владьку внешностью похожа, а в строении детской фигурки уже проскальзывает интеллигентность Сергея Петровича. Да, но такого вообще быть не может. Женщина запуталась в мыслях.

— Какая разница, — решила она под конец, — Владька в любом случае считает себя отцом Ксении.

Поставив точку в своих размышлениях, Зоя поспешила к мужу. Какая-то из девиц с яркой наружностью, вся раскрашенная, уже повисла на руке Владьки, зовет танцевать. Шурочка подбежала, отпихивает её. Молодец, девочка, так их всех, этих молодых хищниц, охраняй мамино счастье!

Алина, окончательно успокоившись, вышла из дамской комнаты, прошла было в зал, увидела, что туда вернулась Зоя, что к ней, Алине, опять направляется Серебров Вадим, поспешно ретировалась назад. Она остановилась в небольшой комнатке, которая отделяла зал от дамской комнаты. Было уже темно. Огромная серебряная луна светила за окном. Луна — покровительница несчастной женщины, зеленоглазой колдуньи — Алины. Она смотрела на неё. Для всех Алина Королева — уверенная в себе красавица, счастливая мать двух очаровательных девочек. А что на душе, кто там у неё в сердце, знает только она и один человек, его зовут Валентин Орлов, он — вечная любовь Алины, с ним она разлучена злой судьбой. Завтра рано утром муж улетит по делам. Валентин будет в их городе. Значит, удастся встретиться... Эти встречи стали смыслом жизни Алины...

— Ах, вот где ты, сучка! — прервал мысли женщины змеиный шепот какого-то неприятного мужчины.

Женщина вздрогнула от неожиданности. Кто-то из пьяных гостей, оглянувшись на всякий случай, нет ли кого рядом, грубо схватил за руку женщину, задумчиво наблюдающую за огромной луной.

— Нажаловалась Сереброву, — шипел он. — Да подавись ты своими серьгами. Вот они, — он разжал руку, в ней блеснули капельки бриллиантов. — Мстишь мне, сучка. Думаешь, справилась с Игорем Вальяжниковым. Нет, не получится. Серебров сегодня тебя помнит, завтра нет. Сегодня он на свободе, завтра в тюрьме. А Вальяжников по-прежнему владелец магазина. Зато скоро твой Владислав лишится своего места. Вот и сиди с мужем, кучей детей и бриллиантовыми сережками.

Он швырнул на пол серьги. Жена Дмитрия Королева, женщина с экстрасенсорными способностями, по прозвищу «Зеленоглазая колдунья», обладающая даром гипноза и умеющая силой воли подчинять себе людей, глядя в глаза неприятного типа и видя застывшего в проходе Сереброва, отдала мысленный приказ:

— Продолжай! Не останавливайся! Скажи все!

— Ты дура, — брызгал слюной Вальяжников. — Говорил тебе, сумеешь мне угодить,

все у тебя будет. Ты заупрямилась. Осталась голая, без денег, без имущества. Квартиру бабкину тоже отберем. И дома деревенского с дырявыми углами лишу тебя. Но запомни, тварь: ни одна еще сучка от Вальяжникова не скрылась, не покрытая им. И ты не исключение... Да мне, если надо, сейчас тебе подол на голову задеру. Ничего не сделаешь... Никого здесь нет. Рот заткну, не услышит никто...

— Как интересно, продолжай, — раздался не предвещающий ничего хорошего голос подошедшего несколько секунд назад Вадима Сереброва. — Особенно про меня, тюрьму и свободу. Как ты сказал?

И это прогнало наваждение. Вальяжников оглянулся, поднял глаза: над ним откровенно хохотала... зеленоглазая ведьма — Алина Королева, в прическе женщины белели цветы, которые ей дала Зоя, чтобы заколоть волосы. Игорь Вальяжников спутал Зою и, как он считал, любовницу Сереброва, Алину Королеву.

— Молчать, — послала мысленный приказ Алина.

И слова оправдания застряли во рту Игоря.

— А сережки подними, — посоветовал Серебров. — Я это дарил. Я! Не вам!

Игорь выполнил приказание.

— Да, — продолжал Серебров. — Не завидую я тебе, Игорек. Ну что я тебя в землк могу зарыть, это ерунда. Придет время и зарюю. Но оскорбить саму Алину Королеву, ох, и хреново тебе будет. Я её тронуть не решаюсь. Знаю, она ведьма, колдунья. Все в её власти. А ты её сучкой обозвал, подол пытался задрать. Алина, что сделаешь с ним? Мужской силы лишишь, или ума, а может, денег? Или всего сразу?

— Ничего не буду делать, — ответила Алина. — В его будущем и так ни ума, ни денег нет никаких. Вроде к тебе половина уплыла, или это и так твои были. Да, с женщинами тоже проблемы будут. На жену он уже не смотрит. Не хватает сил после проституток. Пойдем, Вадим. А то твоя Маринка когда-нибудь мне волосы все выдерет. Знаешь, с ней мне не справится. Я боюсь её временами...

— Можешь идти, — последовал телепатический сигнал Вальяжникову от Алины.

Тот встряхнулся и с ужасом подумал, что он наделал. Пристал вместо Зойки к любовнице Сереброва. Про Сереброва неосторожно ляпнул. Это конец всему. Серебров раздавит. Да и с Королевым, мужем Алины, нежелательно портить отношения. Также не последний человек в городе. Игорь бросился за Вадимом. Тот в это время отдавал бриллиантовые сережки своей крестнице. Девочка обрадовалась, хлопнула в ладоши, взяла и с ними побежала к отцу. Владислав стал ей помогать надевать сережки. Рядом стояла другая девочка, у неё не было таких сережек. Серебров развел руками: «Нет у меня еще сережек. А то бы подарил дочери самой Светлицкой». Он любил выглядеть щедрым в неожиданные моменты. Ксюша хотела отдать одну сережку Шурочке, но её опередила Алина, она сняла свои небольшие серьги с зелеными изумрудами, протянула девочке:

— Держи, малышка. Это тебе. От тети Али.

— Не надо, Алина, — пыталась возразить Зоя.

— Это от души, — проговорила женщина. — И пусть никогда вам больше не попадетя Вальяжников на вашем пути. Хотя Вадим ему не простит... У вас все будет хорошо. Удачи вам во всем и счастья. Шурочка, так тебя зовут? (девочка робко кивнула) Как тебе повезло, что на твоём пути встретила мама Зоя. Можно, я тебя поцелую.

Алина поцеловала робевшую девочку, продела сережки в ушки Шурочки. Они заиграли, и все увидели, что девочка очень красива. Серьги подчеркнули природный аристократизм

будущей девушки.

— Шурочка, Шурочка, — дергала сестренку Ксения. — Пойдем к зеркалу. Посмотрим, какие мы красивые.

— А теперь опять всех прошу за стол, — пригласила Римка.

Тут Зоя заметила, что Римка, Елена Бекетова, тетя Клава и Сергей Петрович перемигиваются.

— Внимание! — громко крикнула Елена. — Хочу слова.

Все притихли.

— Мы присутствует на самой необычной свадьбе, — начала женщина. — У молодоженов четверо детей. Все они здесь. Девочки любят себя в зеркало. Близнецы уже даже спят, и шум им нипочем. Я хочу Зое и Владу пожелать родить пятого.

— Да она опять двойню родит, — заметил кто-то из гостей. — Так что желайте пятого и шестого.

— Правильно, — согласилась Елена. — Для этого мы, соседи, друзья и родственники, делаем подарок. Медовый месяц. Вот путевка в один замечательный пансионат. На двоих! На неделю, правда. Здесь недалеко от города.

— Вы что, куда я мальчишек дену? — возразила Зоя. — И девочки как без меня? Я мама в первую очередь.

— Я останусь, Зоенька, с детьми, — сказал Сергей Петрович. — А вы поезжайте. Тебе отдохнуть надо.

— Вы что? Тяжело вам будет! Все-таки четверо детей.

— Я с Сергеем Петровичем останусь, — добавила Римка. — А Андрюшка домом будет заниматься.

— Буду, — подтвердил веселый подвыпивший брат. — Зорька сейчас пока не доится. Так что я согласен.

— А я вызвала тяжелую артиллерию, — завершила свои слова Елена. — Нашу бабу Клаву. Она всю неделю будет помогать Сергею Петровичу. Даже ночевать соглашается в вашей квартире.

— Да, да, Зоенька, помогу, — заговорила баба Клава. — Поверь мне, я знаю...

— ...Лучше, что надо детям, — подхватила Елена.

— Ну раз бабу Клаву вызвали, — сдалась Зоя.

— Я же сказала — получится, — подмигнула Елена Владиславу. — Карета, господа, ждет вас, поезжайте сразу после свадьбы.

— А я с детьми домой, — сказал Сергей Петрович. — Девочкам тоже пора спать. Ксюша, Шура, собирайтесь.

— И я с вами, — подошла баба Клава. — А то ребенка нашего родители оставили с чужими людьми. Поеду к Алиске. Да и вам в случае чего помогу.

— Я потом подъеду к вам, — крикнула Римка. — А вы, Владька и Зоя, отдыхайте спокойно.

— Если Владька даст тебе это сделать, — засмеялся Константин.

Таким образом, Зоя и Владислав вторично оказались в знакомом пансионате. Даже номер был тот же.

— Ну, жена, — шутливо сказал Владислав, повесив на дверь знакомую табличку «Не беспокоить». — У нас медовый месяц. Чем удивишь мужа своего?

— Да я боюсь удивлять! Как бы опять двойню не привезти отсюда — заискрились глаза

Зои, — Но если только чуть-чуть побаловаться. И потом, теперь ты мой муж, что мне зря стараться, никуда ты от меня не денешься. А я упаду и буду спать!

— Неправду говоришь, Заюшка моя.

— Конечно, неправду, — засмеялась Зоя. — Возле тебя я не усну. Я так рада, что мы с тобой только вдвоем, что ты мой муж, и я тебя очень люблю.

Им было хорошо вместе, им всегда было хорошо. Они были рождены друг для друга. Зоя инстинктивно знала, что надо делать, Владислав чувствовал каждое её движение, угадывал мысли. Она любила секс, он тоже. Пробыли они всего три дня здесь. Зоя беспокоилась за детей, да и Влад тоже дергался.

Когда они уезжали, подъехала машина с тонированными стеклами, из неё вышли Алина и высокий интересный, наполовину седой мужчина. Он бережно подал руку Алине, она бросила на него взгляд, полный любви и нежности. Приехавшие были поглощены друг другом, не заметили Влада и Зою.

— С кем это Алина? — спросил Владислав.

— Не знаю, — ответила Зоя. — Но не с мужем, это точно. Где-то я видела этого мужчину. Вспомнила. Антон как-то с ним пытался вести общие дела. Он похож на представителя одной крупной корпорации — Валентина Орлова. Давай поздороваемся, остановим их. Алина познакомит

— Не надо, Зоя, не надо, — тихо сказал Владислав. — Мы их не видели.

— Правильно, — согласилась Зоя. — И другу своему не говори.

И Зоя и Владислав молчали. Что касается четы Королевых, они вскоре уехали из этого города, после того как Серебров был взят под стражу. А бизнес Вальяжникова быстро пошел на спад. Его магазины поглотила какая-то крупная корпорация. Ни никто в городе не связал это событие с именами Алины Королевой и Валентина Орлова, представителя той самой корпорации. Игорь Вальяжников больше не напоминал о себе семье Елизаровых. Он бросил Юльку и исчез в неизвестном направлении. Материально положение Наумовых резко ухудшились. Оставшиеся небольшие магазины они тоже вынуждены были продать. Юлька пыталась наладить отношения с бывшей подругой. Зоя отказалась с ней встречаться. Свекровь пыталась оказать давление, сначала под её влиянием отец Антона подал в суд, требуя признать его наследником Аделаиды Семеновны. Но у Зою была на руках дарственная, суд отклонил иск Владимира Григорьевича. Неожиданно Арина Андреевна изменила тактику, стала звонить, искать встреч с Зоей, в ней вспыхнула любовь к внучке. Зоя наотрез отказалась от любых контактов с родственниками мужа.

— Но ты не имеешь права прятать от нас внучку, — пела бывшая свекровь. — Она единственная память от Антоши.

— Где вы были, когда Ксюша болела? — сердито ответила Зоя. — Что не помогли нам тогда? Наоборот, заблокировали все банковские карточки, забрали квартиру.

— Мы виноваты, Зоенька. — Но квартиру вернуть не сможем. У нас трудное положение. Мы её продаем. А Ксюшу хотим видеть. Она наша внучка.

— Арина Андреевна, вы всегда утверждали, что Ксения — не дочь Антона, — женщина глубоко вздохнула и выпалила, чтобы раз и навсегда отвязаться от бывших родственников: — Что теперь скрывать? Вы были правы, Ксюша — дочь Владислава.

— Зоенька, ты говоришь неправду, — приторно вежливо возразила Арина Андреевна. Ксюшенька — наша внучка.

— Спросите свою Юлечку, — ответила Зоя. — Она все видела, все знает. От Влада я

родила первую свою дочку. Не от Антона! Я вам советую разыскать Дину! Там тоже родной внук. Любите его!

И бросила трубку. Вскоре выяснилась причина неожиданно вспыхнувшей любви бывшей свекрови. На имя Аделаиды Семеновны обнаружился большой вклад в одном из банков и завещание на Ксению — деньги нельзя было снять до совершеннолетия девочки или если только возникнет экстремальная ситуация — угроза жизни девочке. Это нашлись деньги Антона, оставленные им для дочери. Завещание с вышеуказанными условиями было написано бабушкой еще при его жизни.

Зоя даже благодарно всхлипнула, узнав про этот вклад:

— Все-таки беспокоился Антон о своей дочке.

— Беспокоился? Антон? — язвительно переспросил Влад. — Поэтому и оставил вас без копейки денег.

Он обиженно отвернулся. Зоя задумалась: а ведь прав муж. Она виновато подошла к нему, ласково положила руки на шею смотрящего в сторону мужчины, сделала массаж, разминая шею, потом обняла:

— Не сердись, Владик. Ты, конечно, прав. Я предпочитала не видеть всех этих проблем. Но, прости меня, Боже, я рада, что Антона нет, что с нами ты. Я знаю, что у нас есть надежный защитник, опора нашей семьи. С тобой я спокойна за наше будущее, за будущее наших детей.

— Заюшка, — впрямую спросил мужчина. — Кто настоящий отец Ксении? Я слышал твои разговоры с Ариной Андреевной. Я — отец Ксении?

— Владь, я не знаю, что думать. Может, в самом деле, я носила Ксюшу сорок две недели? — призналась Зоя. — Но какое это имеет значение? Она в любом случае дочь для тебя. Ты же удочеришь её? Уже все документы мы подали.

— Имеет. Я не хочу, чтобы Антона вспоминали, как отца Ксении. Ты же предпочитаешь лишний раз не говорить о Белле.

— Просто Шурочка болезненно реагирует на эти упоминания.

— И я болезненно... — он посадил жену рядом. — И больше не богохульствуй.

— Я богохульствую, — Зоя удивилась.

— Не благодари за смерть Антона. Я бы все равно тебя рано ли поздно ли увел у него, даже будь Антон живым. Ты только моя.

Владислав нашел ответ на вопрос, чья дочь Ксения. Была сделана генетическая экспертиза. После неё Влад и Сергей Петрович шумно отмечали это событие под коньяк и голубцы — Ксения все-таки оказалась дочерью Владислава. Девчонки без причины получили внеочередные подарки. Зоя виновато молчала. Потом путано сказала:

— И все же! В нашем роду ни у кого не было светлых волос. Я знаю. Я спрашивала маму, когда Ксения родилась. Она тоже говорила мне, что девочка похожа на отчима. А папа так радовался этому. Он так любил Ксению.

— Заюшка моя, не ищи оправданий, — радовался Владислав. — Моя дочь, и все. Правда, папка! Верно мамка перед смертью сказала: «Наша девочка!» Ты, Зайка моя, специально нас путала. А мы, Елизаровы, своего не выпускаем.

— Но только у Антона были светлые волосы, — пыталась оправдаться женщина. — Что я должна была думать? В кого Ксения?

Влад переглянулся с отцом.

— В меня, — тихо сказал Сергей Петрович. — У меня светлые волосы были, такие же,

как у Ксюши... Я же родной дед Ксении... Инна была моей первой женой. От меня она ушла к Александру и тебя забрала, мою маленькую дочку. Зоей ее звали... Я бы не выстоял, спился бы еще тогда, если бы не Галина...

— Что? — Зоя испуганно присела на стул.

Рассказ Сергея Петровича

Самым счастливым днем для молодого Сергея Елизарова был день, когда его женой согласилась стать приветливая и ласковая красавица Инна Королькова. Она приехала в их южный город откуда-то с севера. Родителей у неё не было. Растила её тетя Липа, сестра умершего отца. Другая тетка взяла её к себе, когда пришло время учиться после школы. Инна поступила в местное медицинское училище и жила теперь с тетей Ирой. Ей здесь нравилось: пышная природа, теплый климат. Окончив училище, осталась работать медицинской сестрой в южном городишке, хотя её звала к себе третья сестра отца, тетя Марина. У неё был свой дом в деревне Кочетовка рядом с крупным городом А-ком. Детей у тетки не было, дом она обещала оставить племяннице. Но Инне хотелось тепла. Она не любила зим, снега, морозов.

За Инной стал ухаживать шофер больницы, где она начала работать, Сергей Елизаров. Девушка хорошо относилась к нему и только. Красивый, светловолосый, спокойный. Слушается её во всем. Тетя Ира твердила:

— Не бросайся парнями, Инка. Серега, он положительный со всех сторон. В институте заочно на экономиста учись. С ним хорошо жить будешь. Никогда не обидит. И опять же, сирота он. Свекрови у тебя не будет. В нашем городе завод строится. Устройтесь туда, квартиру получите, семейным парам дают общежитие. Выходи замуж, выходи. Чего тебе еще надо. Любви? Так придет время, полюбишь Серегу.

Инна слушала тетку, понимала, что надо уходить из её дома. Это не ласковая тетя Липа, что забрала девчонку после смерти родителей. Но тетя Липа умерла год назад, тетю Марину девушка совсем не знала. Тетя Ира сама еще молодая, глядишь, замуж выйдет. Она прямо не говорила, что приютила племянницу только на время учебы. А теперь намекает. А Инне так хотелось остаться здесь, где столько зелени и нет суровых морозов. И все же Инна долго не соглашалась на этот брак, говорила:

— Я не люблю тебя, Сережка. Как я могу за тебя выйти замуж? Это нечестно с моей стороны по отношению к тебе.

— Ну и что, — отвечал обычно спокойный Сергей Елизаров. — Моей любви хватит на двоих. Будь моей женой, Инна.

Его голубые добрые глаза светились глубоким внутренним чувством. И девушка дала согласие на брак. Все, на первый взгляд, было хорошо у молодоженов. Только одной любви Сергея на двоих не хватило, нет. Инна была глубоко несчастна. Одно лишь радовало молодую женщину — родилась очаровательная малышка Зоя.

Своенравная, боевая красавица Галина Павликова приехала из далекого А-ка в южные края погостить у родственников. Бездетные тетушка с дядюшкой уговорили девушку поступить в местный торговый техникум. Что Галя и сделала. Ей, как иногородней, сразу дали общежитие. Девушка была довольна. Мама с папой шлют денежки, тетушка из деревни тащит сумки с едой Галочке. У Галочки относительная свобода, она живет в общежитии. Но голова у девчонки не кружилась, Галина умела трезво мыслить, с другой головой нельзя в торговлю. Поэтому деловая хваткая девица сказала подругам, увидев на танцах веселого обаятельного красавца Сашку Островецкого:

— До конца следующего лета красавец Сашка, что в политехническом на последнем

курсе учиться, на мне женится. И я навсегда останусь здесь! Мне не страшно никакое распределение. Назад в холод я не поеду.

Подруги смеялись:

— Такого не поймашь. Не женится! Сегодня он с одной, завтра с другой. Сашка всю округу обошел, со всеми девчонками в своем институте перетрахался, медучилище обежал, до нашего общежития добрался, но не женился.

— А на мне женится, — отвечала Галина. — И будем мы с ним жить в теплых краях. И мне хорошо, и ему!

— А вдруг Сашку по распределению отправят в Тьму-Таракань, — язвили девчонки, — с ним поедешь?

— Не отправят, — не сдавалась деловая девица. — Таких не отправляют. У него папа — большая шишка.

— Шишки женятся на шишках, — убеждали Галину подруги. — Папа, небось, уже подсмотрел сыночку пару из своих кругов.

— Нет, Сашка женится на мне, — не сдавалась решительная студентка.

К окончанию института Александр женился на Галине. Причина этого скорого брака была проста и вечна, как сам мир. Избранница Сашки была немного беременна, но для аборта было поздно.

Эти две семьи встретились в общежитии семейного типа. Все они работали на строительстве завода. Надежный Сергей теперь возил директора завода; подающим надежды, перспективным инженером-энергетиком был Александр; в медпункте того же самого завода сидела на приеме внимательная и приветливая медсестра Инна; в торговом ларьке весело отпускала товар боевая красавица-продавщица Галина. Года через два обещали этим семьям отдельные квартиры.

Сегодня Владислав в очередной раз поругался с Галиной.

— Зачем я на ней женился? — спрашивал он себя, направляясь из своей комнаты в общую кухню. — Ведь не люблю ни грамма. С любой бабой готов переспать, а с ней не хочется... А вот сынка Галька мне хорошего родила.

Мужчина вспомнил историю своей женитьбы.

— Все, Сашок, — предупредила его Галина, — отгулялись. Пора жениться. Скоро папашей станешь.

Александр молчал.

— Что молчишь? — спросила деловая девица. — Никуда ты не денешься. Тебя папаша заставит жениться. Он у тебя партийный, пример для всех...

Александр вспомнил отца и сник. С папашей шутки плохи, он, кроме своей карьеры, ничего не желает видеть. Мама, когда сын поставил всех перед фактом, была против, чтобы Саша так рано женился.

— Подумай, сынок, ты еще не нагулялся, — ласково говорила она. — Не будет тебе счастья. А Галине мы будем помогать. Пусть рожает. Можем даже ребеночка забрать себе. Я всегда хотела, чтобы у тебя был братик или сестричка. Пусть внучок у меня будет или внучка... Хватит мне сил, чтобы вырастить... Отец, что ты молчишь? Скажи...

— Он никогда не нагуляется, — резко прервал отец. — Он как помойный мартовский кот, кроме юбок ничего не видит. Напакостил — пусть женится. Мне не нужны

неприятности из-за него. А брак Сашки с простой бабешкой даже на руку нам...

— Зачем портить жизнь мальчику... - пыталась спорить мама.

— В моей семье все отвечают за свои поступки, — продолжал отец. — Не хватало только, чтобы все вокруг шептались, что у меня внуки незаконные растут. Женишься, сынок, женишься. На меня не рассчитывай, помогать не буду. Пробивайся сам. Пойдешь работать на завод. Ты политехнический закончил. Повкалываешь обычным инженером. В общей очереди постоишь на квартиру...

И Александр женился. Да как ударился во все тяжкие после свадьбы, Галина ничего не могла поделать. Она даже жаловалась свекрови, которая хорошо отнеслась к невестке и полюбила сразу маленького Владика. Но сочувствия Галина не получила.

— Не любит Саша тебя, Галочка, совсем не любит, — ответила мать Александра, любуясь новорожденным внуком. — Я тебе это и до свадьбы говорила. Но ты не хотела слышать. Не надо было вам сходитьсь...

А вот папаша реагировал по-другому, ему нужна была примерная семья у сына, он разорался, потребовал не позорить его. Александр поругался с отцом, тот в ответ приказал, чтобы сын жил отдельно, убирался из его дома.

— Получу квартиру, сам уйду, — своенравно ответил Александр.

— Ничего, — не отступал отец. — Иди-ка ты в общежитие, без мамочки поживи. Привык сладко есть на Панины денежки. Не слушаешь, живи сам.

Александру и Галине дали комнату в общежитии. И вот уже несколько месяцев Александр с отцом не встречался. Мама хоть не любила Галину, но была без ума от маленького Владьки. Приходила в общежитие, нянчилась, часто брала внука к себе, когда не бывало дома отца. Тот не любил сына, не полюбил и внука. «Нечего в моем доме сыну торговли делать. И пащенко своего пусть не подсовывает!» — грубо заявил он как-то жене. Та виновато опустила голову. А Александр продолжал гулять от Галины. Что удивительно, он вызывал у окружающих больше симпатий, чем деловая положительная Галина. Сегодня мужчина вернулся в свою комнатку спустя двое суток после очередного загула.

— На рыбалке был, — весело врал он, как всегда, ничуть не смущаясь. — Мы с ребятами засиделись. Решили там ночевать.

— А рыба где?

— Мишка всю себе забрал. Ты же не любишь чистить.

Галина закатила скандал, орала, швыряла вещами. Александр посмотрел на неё и сказал:

— Да ну тебя, Галька. Надоела! Найди себе мужика, что ли. Я женился, а любить тебя не обещал. Чего ты от меня хочешь? Вернулся я к тебе. Чего еще надо?

Галина словно подавилась, застыла после совета мужа. А он пошел в общую кухню.

— Посижу там до утра, — решил мужчина, — а после уйду. Квартиру сниму, у ребят знакомых перекантуюсь, но с Галькой жить не буду. Ну не люблю я её. Как хорошо, раньше Мишка был соседом. Всегда пускал на диванчике прикорнуть. Но им с Анькой дали уже квартиру. А новых соседей я не знаю. К ним на диван не попросишься. Придется на кухне сидеть. Пожалуй, я туда раскладушку принесу. Точно, завтра куплю и принесу. Спать где-то надо, пока квартиру буду искать.

В общей кухне, несмотря на поздний час, сидела худенькая черноволосая женщина с большими печальными глазами.

— Новая соседка, — понял Александр. — Какая симпатичная! Мне всегда нравились

такие: высокие, с тонкой талией и большой грудью. Прямо кинозвезда. Взгляд только потухший. Ничего, оживим. Я это умею.

— Соседка, — начал он заигрывать сразу. — Давайте знакомиться. Я — Александр. А как вас зовут?

— Инна, — подняла голову женщина.

И Александр пропал. Он никогда не верил, что можно моментально влюбиться. Словно молнией ударило среди ночи и осветило все, только призрачный свет молний тут же исчезает, а этот свет, что увидел в глазах грустной соседки Александр, остался для него навсегда. Захотелось обнять эту печальную женщину, вдохнуть жизнь и веселье в красивое бледное лицо. Как остро понял в тот момент Александр, что поспешил с женитьбой. Не своенравная Галина, а эта грустная женщина должна с фигурой богини была стать его женой. На кухню вбежала маленькая девочка, лет трех:

— Мама!

Александр подхватил на руки ребенка, так похожего на грустную женщину.

— Ты кто? — спросил он.

— Зоя, — ответила девчушка, она ничуть не испугалась. — А ты?

— Дядя Саша.

И Александр понял — вот его судьба, эта женщина и маленькая девочка. Он уйдет от Галины, уйдет к этой печальной женщине с маленькой девочкой и будет жить с ними. Вот только сына Владьку жалко.

Грустно сидела на общей кухне Инна и думала:

— Ну, не могу я больше ложиться в одну постель с Сергеем. Он хороший, спокойный, все понимающий, учится на экономиста, последний уже курс. Дипломную пишет. Все тащит в дом, но мне противно. Я не хочу, чтобы он ко мне прикасался. Не люблю я его. Кто придумал, что физическая близость приносит наслаждение, мне каждый раз плакать хочется. Зачем я вышла за Сергея замуж? Послушала тетю Иру. Лучше бы уехала к тете Марине. Да, там холодно. Но, может, встретила бы свою половинку, был бы у меня уютный и счастливый дом... Ночь уже. Поздно. Сережка ждет меня. Сейчас дочку пошлет. Девочке пора давно спать... Она ждет меня... А я все равно не пойду. Я всю ночь лучше просижу на кухне. Зоеньку укачаю на руках. Я уйду от Сережи. Уеду. Тетя Марина зовет меня. Возьму дочку и поеду. Пусть холодно, пусть морозы. Но я больше не могу притворяться. Вот, сейчас прибежит Зоя.

Но вместо Зои вошел высокий черноволосый сосед. Словно электрический ток пробежал по телу женщины. Незнакомец был невероятно красив.

— Соседка — сказал он приятным голосом. — Давайте знакомится. Я — Александр.

— Инна, — словно во сне женщина протянула ему руку.

Вбежала Зоя. Сергей все-таки отправил дочку. Но её взял на руки незнакомец. И девочка доверчиво прильнула к нему. Они просидели всю ночь. Зоя спала на руках Александра, а они говорили. Им было интересно друг с другом. Зое впервые захотелось вновь начать жить, для неё словно после долгой пасмурной погоды засветило яркое солнце.

Любовь лавиной обрушилась на этих двоих людей. Забыл всех женщин Александр, засветились глаза Инны. Впервые ей был не противен мужчина. Днем Александр не раз заскакивал в медпункт, поцеловать Зою, подержать её руку, сказать: «Я соскучился! Я страшно соскучился!» — или просто так, чтобы увидеть. Глаза женщины вспыхивали огнем

счастья. После работы, забрав маленькую Зою, они проводили вместе время. Сергей не понимал, что с женой. На её лице улыбка. Но не для него. Смотрит Инна и не видит, интимные отношения между ними, и так нечастые прежде, прекратились совсем.

Испугалась Галина — с мужем происходило что-то непонятное. Муж не являлся домой с веселой виноватой улыбкой, как бывало после очередной пассии, не врал ничего, на вопрос: «Где был?» — бодро отвечал: «Гулял!» И ни разу не лег в одну постель с женой. Смотрел и не замечал Галины. Только на маленького Владислава смотрел осмысленным взглядом. Галина поняла — она потеряла Александра. Была единственная надежда удержать его — маленький Владик.

У Сергея была еще надежда сохранить Инну и Зою — это новая квартира. Сергей возил директора строящегося завода. Тот, видя, что с его шофером что-то происходит, расспросил.

— Вот что, я помогу тебе, — сказал директор, выслушав рассказ Сергея, и выдал вне очереди ордер на квартиру. — Не будет рядом другого мужика, забудет все твоя Инна. Бабы, они такие. Перебирайтесь на новое место жительства.

Не собиралась сдаваться и Галина.

— Я не отпущу Александра, — сказала она сама себе. — Его отец не последний человек в нашем городе, устрою неприятности. Заставлю Сашку вернуться! Папочка поднажмет. А вот мамочка...

И пошла для начала в парторганизацию завода. Поведение главного инженера-энергетика, Александр к тому времени получил повышение, обсудили, осудили и его, и Инну. Пригрозили, что передвинут в конец очереди на квартиру. А Сергей принес жене ордер.

Плакала Инна, собираясь в свой новый дом. Тяжелыми шагами мерил свою комнату Александр. Там, за стеной, соседи собрали свои немногочисленные пожитки и уезжают в новую квартиру. Вот прозвучали каблочки Инны. Что-то лепетала маленькая Зоя, которую она вела за руку.

— Прости, сынок, своего непутевого папашу, — прошептал Александр, глядя на фотографию сына, сам мальчик все лето был в деревне у родственников Галины.

Мужчина выбежал на улицу. Грузовая машина с вещами уже уехала. В директорскую «Волгу», за рулем которой был Сергей, села Инна, держа на руках маленькую Зою. Автомобиль тронулся с места. Александр бросился наперерез и встал на пути машины. Отчаянно закричала Инна. Громко заплакала, вцепившись в неё, Зоя. Сергей все же затормозил, в последний момент, но затормозил. Удар был сильным. Александр отлетел на клумбу с цветами. Это смягчило удар и спасло ему жизнь. Когда он очнулся, рядом сидела Инна и говорила:

— Саша, Сашенька, родной мой. Я с тобой, я никуда не еду. Слышишь. Не нужна мне квартира без тебя! Не нужна!

Маленькая Зоя плакала, вцепившись в мать. Стоял у машины хмурый Сергей. Александр встал, преодолевая боль, обнял Инну и маленькую Зою, и они ушли. Без вещей, без денег, только документы лежали в сумочке Зои да паспорт во внутреннем кармане у Александра. Им ничего не надо было, только чтобы быть рядом.

Выскочившая из дома Галина отчаянно кричала вслед:

— Сашка! Уйдешь, ты никогда не увидишь сына! Слышишь, Сашка! Никогда Владьки тебе не видать!

Александр ушел. Рыдающая Галина зачем-то села в машину рядом с молчащим Сергеем.

Потом зло сказала:

— Что молчишь? Отпустил жену?

— Отпустил, — глухо произнес Сергей.

Галина зло продолжила:

— Ты остался один, я одна. Мы с тобой оба положительные. Ты надежный мужик, я — пробивная баба! Давай тоже уйдем друг к другу. Едем в твою новую квартиру. Там будем жить! Вдвоем!

Отец Александра пытался образумить сына. Не получалось. Александр пошел на открытый конфликт с ним. А мама, видя, что у сына это все серьезно, тихо попросила, когда он уходил из родительского дома:

— Сынок, ты меня познакомь с Инной. Я верю, что ты выбрал хорошую женщину. Только пусть отец не знает о нашей встрече.

А Галина, сделав сгоряча предложение, так и осталась с Сергеем. Тот стал понемногу пить. И если бы не злая Галина, он стал бы алкоголиком. Та задалась целью жить лучше Александра. Пусть еще они пожалеют, что сошлись. Но в одиночку это сделать было невозможно. Нужен муж, хороший муж. Сергей подошел на эту роль. Мужчина согласился во всем с Галиной, дал развод Инне. На суде выдал одно слово из себя: «Согласен». Жена отказалась от алиментов, сказала, что они с Александром уедут из этого города. Сергей молча со всем соглашался.

Галина бушевала. На разводе вылила ведро грязи на бывшего мужа и его новую жену. Последнее, чем она пыталась пронять Александра, сказала, что выходит замуж, что у сына будет новый отец, новая фамилия, что, если бывший муж хочет развода, то пусть никогда не встречается с сыном. Александр требовал, чтобы ему предоставили возможность видеться с маленьким Владом, и суд это право признал. Но Галина никого слушать не стала. Она сдержала свое слово. Вышла замуж за Сергея Елизарова, он усыновил Владислава.

Да, семьи, считала Галина, разрушили Инна и Александр. Но окружающие быстро об этом забыли. Все знакомые сочувствовали Инне и Александру, что мыкались по съемным квартирам, и осуждали языкатую Галину, которая, по их мнению, поймала тихого положительного Сергея и прибрала к рукам его квартиру.

Отец Александра был очень недоволен разводом Александра, пытался давить на сына, добился, что у них начались неприятности на работе. С Инной он наотрез отказался знакомиться. Но потом вдруг сам навестил её в медпункте, где она работала.

Александр, словно чувствуя, что Инне нужна его помощь, зашел за ней после работы немного пораньше. Там сидел отец. Что он говорил, мужчина не знал, но в глазах Инны были слезы и испуг.

— Вот что, отец, — встал рядом с женщиной сын, — уходи. Это моя жизнь. Не лезь в неё. Что случится с Инной или Зоей, я тебе не прощу. Я на все пойду.

— Еще посмотрим, — зло ответил отец.

С этого момента начались неприятности сначала у Инны. Нагрянувшая проверка обнаружила нехватку сильнодействующих лекарств. Казалось, женщине не выкрутиться, ей грозил суд, могли дать и срок. Помогла мать Александра. Именно в эти дни она познакомилась с Инной и маленькой Зоей. Сын с новой женой снимали комнатку безо всяких удобств у одной древней бабульки. Но даже здесь Инна создала, как могла, уют, а про чистоту и говорить не стоит. Мать Александра сразу полюбила новую невестку и новую внучку, она не спускала девочку с рук. А Сашка рядом с ними просто светился от счастья.

Узнала мать и о неприятностях у Инны. Она ничего не обещала своим детям, не сказала ни слова. Александр так и не узнал, что у отца был неприятный разговор с матерью, что отец чего-то испугался. Только историю с лекарствами замяли, а Инне предложили уволиться по собственному желанию. Женщина была рада и этому, она согласилась, написала заявление, но в другие больницы города её не взяли. Отец Александра перекрыл все пути. Самого Александра в это время понизили в должности, объявили выговор за аморальное поведение и передвинули на последнее место в очереди на квартиру. Мама опять пыталась помочь детям, она опять говорила с отцом, но все кончилось криком отца, какими-то грязными намеками.

— Ты все, оказывается, знал, — только и сказала женщина мужу. — Ты не только знал, ты... ты просто негодяй...

Она, плача, ушла. Муж испугался, бросился за ней, но женщина закрылась в своей комнате, не пустила его. «Посидишь, быстрее успокоишься», — зло сказал отец. Не вышла мать и утром, и к вечеру дверь была закрыта. Александр, приехавший сообщить, что он и Инна уезжают в другой город, испуганный словами домработницы, что хозяйка уже сутки не выходит из комнаты и не разговаривает, выбил дверь в спальню к матери. Мама лежала на полу, она была еще жива. Она прошептала сыну, чтобы оставался с Инной. Прошедшей ночью маме было плохо, приехавшие врачи диагностировали инфаркт, но время было упущено. «Будь счастлив, сыночек» — были её последние слова. Женщину не спасли.

— Это ты во всем виноват, — бросил отец сыну на похоронах матери. — Ты разрушил не только свою семью, но и нашу. Жил бы с Галиной и порядок.

Инне он приказал уйти. «Нет, — ответил сын. — Инна со мной проводит маму в последний путь. И если ты посмеешь сказать ей хоть одно плохое слово, я всем расскажу, что оставил умирать маму одну. Тебе придется потерпеть до конца похорон». Бледная Инна стояла и держалась за руку Александра. Так они были рядом все похороны. Когда упал последний комок земли, Инна и Александр ушли отсюда навсегда. С отцом Александр после виделся всего раз. Он пришел в свой родной дом, чтобы взять на память альбомы с фотографиями мамы. Отец встал в дверях. Испуганная Инна отошла в сторону. Она не слышала всего разговора, слышала, как только отец кричал на Александра:

— Я терпел тебя, пока была жива мать. Я теперь покинь мой дом навсегда. Ты мне чужой. На наследство не рассчитывай. У меня сил еще много. Я, пройдет время, женюсь снова. А ты живи, как хочешь.

Альбомов отец тоже не отдал. У Александра не осталось ни одной фотографии матери. Инна и Александр вскоре уехали в другой город, сняли там квартиру, официально оформили брак. Александр взял фамилию жены — они стали все Корольковы. Связь с отцом оборвалась навсегда. Вскоре Инна родила сына, Андрюшку.

А на Галину хлынула новая волна осуждения. Многие считали, что это она настраивает отца против сына. Это еще полбеды. Люди поболтали бы и забыли. Галина не боялась людских языков. Плевала она на все сплетни. Но она испугалась, когда её вызвал к себе отец Александра и посоветовал покинуть этот город.

— Даю вам полгода, убирайтесь отсюда. Мне надоели сплетни и разговоры. Хватит с меня ваших выходок. Я тебя знаю, ты еще не раз вспомнишь про внука, потребуешь чего-нибудь. Ты баба хваткая, изо всего выгоду сделаешь. Так вот, ни ты, никакой внук мне не нужен. За полгода найди вариант обмена квартиры и уезжайте. Чем дальше отсюда, тем лучше. Не успеешь, останешься без квартиры.

— А где мы жить будем тогда?

— Мне все равно.

Галина задумалась. Она поняла, это не пустые угрозы. Сергей, с которым она тогда уже жила, сказал:

— Поехали, Галочка, в твой А-к. Здесь у нас ничего, кроме несчастья, не было. Начнем с тобой все сначала. Мы поженимся, Владьку я усыновлю, мальчишка и так меня зовет папой. Никто не догадается на новом месте, что он мне неродной. Никто и нас знать там не будет. Начнем с чистого листа.

Именно Сергей дал объявление и нашел выгодный обмен. Свою малогабаритную двушку в хрущевке в южном городе они поменяли на трехкомнатную квартиру в родном городе Галины А-ке. Прожили там недолго, Галина подумала и заявила:

— Хочу в деревню. Я устала от города.

Именно она узнала, что в Кочетовский совхоз, что был в двадцати минутах езды от А-ска, требуется экономист. Более того, как специалисту, ему дают четырехкомнатный коттедж. И Елизаровы переселились в деревню. Городскую квартиру Галина тоже сохранила. Сама Галина тут же стала заведовать кочетовским сельским магазином, Сергея назначили главным экономистом совхоза. У них был достаток, жили они лучше многих, вскоре родилась Ларисочка. Семья Елизаровых была вполне счастлива.

Галина успокоилась. Такой муж, как Сергей, её вполне устраивал. Он, было, начал пить после ухода Инны, но Галина быстро его прижала. Владьку Сергей полюбил, он стал мальчишке настоящим отцом. Про первую жену не вспоминал. Так пробежало несколько лет. Сын перешел в пятый класс. Учился неплохо. В их классе появилась новая девочка. Она жила с родителями на другом конце деревни. Хозяйка этого дома старая тетя Марина Королькова, умерла, свой дом оставила племяннице.

Тетя Марина оставила дом дочери единственного брата — Инне. Александр и Инна поехали хоронить тетку. Неисповедимы пути человеческие. Александр здесь, далеко от родных мест, встретил армейского друга. Он возглавлял местный энергосбыт. Узнав, что Александр — энергетик, вцепился, уговорил остаться, обещая жилье со временем. И Корольковы остались. Пока решили пожить в небольшом, но уютном и крепком еще доме тети Марины. Деревенское житье пришлось им по сердцу. Да и обрушившаяся на страну перестройка лишила возможности получить квартиру в городе. Но Инна и Александр особо не расстроились, им нравилось в деревне. Дом стоит на окраине, тихо, спокойно. До города всего двадцать километров. Служебная машина есть. Школа есть для детей. Нашлась и работа для Инны — медсестрой в местном медпункте. Корольковы остались здесь.

На родительском собрании, спустя полгода после приезда Корольковых, Галина впервые столкнулась с Инной и Александром, родителями новенькой девочки — Корольковой Зои. Они сразу узнали друг друга, но не произнесли ни слова.

Вечером дома, когда дети гуляли, Инна тихо и горько заплакала. Александр хмуро утешал её. С одной стороны он был рад, что будет видеть сына, с другой стороны понимал, что эта встреча нежелательна. Да и не хотел, чтобы Зоя узнала, что она не его дочь.

— Но почему так. Мы столько мыкались по углам, — говорила Инна, — и теперь у нас появился свой дом. У тебя хорошая работа. Мне есть место, где работать. К нам здесь хорошо относятся, уважают. И вдруг эта встреча.

— Все хорошо будет, — отвечал муж, обнимая жену. — Я поговорю с Галиной. Все уже перегорело. Ведь никто не знает, что нас связывало раньше.

— А дети? — тихо сказала Зоя.

— Да, дети, — эхом откликнулся Александр.

Все решила Галина. Она правила бал, она ставила условия. И жила она лучше, чем Сашка: и дом четырехкомнатный, и муж есть, и дети, и живут они состоятельнее.

— Нужны вы мне больно, — заявила она при встрече с Корольковыми. — Живите, я от вас далеко, на другом конце деревни. Не соседи мы, слава Богу. Только учти, Сашка, твой сын зовет отцом другого человека. Сергея. И ты ему никогда не скажешь, что ты его настоящий отец. А иначе, вы меня знаете... Житья не дам. И вашей Зойке вы не скажите, кто её отец. Незнакомы мы с вами.

— А Сергея ты спросила? — задал вопрос бывший муж. — Он-то согласен, чтобы Зоя...

— Он всегда со мной согласен, — ответила Галина. — И ты согласишься.

Галина сдержала свое слово. Корольковы для неё просто не существовали. Не видела она их. Ни разу не обмолвился и Александр. Только внимательно слушал рассказы Зои про одноклассников, улавливая каждое слово про Владьку. А Сергея жена не стала спрашивать, что он чувствует. Сергей как-то стоял возле школы, поджидал Владислава, а в душе жила надежда увидеть Зою, хоть посмотреть, тянуло все-таки к дочке, любил он её, но девочка выскочила с криком:

— Папочка, папочка пришел! Мой папочка! Папка! — и бросилась на шею подошедшему Александру.

За руку Александра держал упитанный мальчик, совместный сын Инны и Александра, друг их Ларисочки. И Сергей Петрович не искал больше встреч с девочкой. Что будет твориться в сердце ребенка, если он скажет, что её любимый папа совсем не папа. Сергей страдал молча. А в Галине все-таки бушевала обида, прорывались иногда негативные слова. По деревне поползли слухи, что Инна — неродная мать девочке. Что якобы она увела Александра из семьи, его жена пыталась остановить машину, на которой они уезжали, бросилась наперерез, и погибла под колесами. Александр недолго горевал, женился на Инне, с которой давно крутил, дочку ему пришлось взять, куда денешься, и они уехали из города подальше в деревню.

Зоя, который задала вопрос об этом неумная Анька Бычкова, домой прибежала вся в слезах. Александр сумел узнать, чего плачет девочка. Вот тогда он и решил рассказать Зое часть правды: это он — неродной отец Зои. А Инна — мама родная, она ни в чем не виновата. Это он чуть не погиб под колесами машины. Александр не сказал одного, что за рулем был Сергей Петрович, родной отец Зои.

Шли годы. Страшное несчастье обрушилось на Елизаровых, утонула Ларисочка. Галина кричала на Александра, обвиняя его в несчастьях, но никто не понял, о чем это она. Решили, что горе затмило рассудок женщины. Росли, выросли дети. Со злостью заметила Галина, что Владиславу нравится одноклассница Зоя. Уж только что Галина Ивановна не выдумала, чтобы развести детей в разные стороны, слава Богу, не дружили дети. Однако повзрослевший Влад все равно тянулся к Зое. Впервые Галина Ивановна благословила его мартовско-котовские склонности — Владислав любил женщин, как и его отец когда-то. Она обрадовалась, когда забеременела Милка, и сын женился на ней. А история упорно повторялась. Влад начал гулять, как когда-то его отец и не мог забыть Зойку.

Зоя чувствовала, что мама и папа почему-то не любят семью Елизаровых, хотя о ней никогда не говорили. Когда девушка поняла, что ей по сердцу Владислав, она сначала рассказывала все родителям, но мама хмурилась, расстраивалась, и папа как-то непонятно

реагировал: радовался, а улыбался грустно. И девочка научилась скрывать свои чувства ото всех. Надо беречь родителей, особенно папу, у него и так сердце слабое. Получил осложнение после гриппа.

Пробежали годы. Упокоился давно на кладбище Александр. Рядом вскоре легла Инна. У детей были семьи. Куда-то исчезла злость, что была у Галины. Видела, что сын не очень счастлив в браке. Что поделаешь. Повторяет судьбу матери. Не везет ему с женами. Только в один день он приехал и привез с собой маленькую девочку, Ксюшу, дочь Зои. Девочка звала Владислава папой. Сын объяснил, что Зоя в больнице, родила недавно, пусть немного её девочка побудет с бабушкой. Но не захотела даже посмотреть на дочь Зои.

— Кого родила Зоя? И какая Зоя? — вот что сразу взволновало мать.

— Моя Зоя. Королькова. Мать, да ты другое послушай. Она сынов она мне родила. Двух сразу! Моих сынов, — пояснил радостный Владислав.

Галина Ивановна вспомнила, что Белла говорила, что Влад ушел от неё к какой-то женщине, что та беременна. В душе Галина Ивановна даже порадовалась, может, счастлив сын будет. Но то, что он ушел к Зое! Всколыхнулась неожиданно старая обида.

Галина Ивановна выгнала сына. Ей не было дела до чувств Сергея, который о чем-то говорил во дворе с маленькой девочкой, своей внучкой, совсем не похожей на Зою, единственную дочь, Ксюша была светловолосая, как и он когда-то, как маленькая Ларисочка.

Жизнь сделала новый виток, он был похож на предыдущий. Когда-то Инна у Галины отобрала мужа, теперь её дочь отобрала у неё сына. Владислав уехал с большой обидой, он перестал звонить, заезжать, забрал и Шурочку.

Впервые не согласился с женой Сергей Петрович, который был рад, что дети соединились. К нему вернулась его дочь. У него три родных внука и Шурочка. Но своенравная Галина долго не хотела смириться.

— Мать, перестань, — уговаривал её муж, — пусть хоть дети будут счастливы.

Его слова возымели свое действие. А может, Галина Ивановна предчувствовала свою смерть. Снилось без конца утонувшая Ларисочка, звала к себе мать. А может, она снилась потому, что Ксюша была на неё похожа, а Галина Ивановна обидела девочку. В те дни женщина во сне увидела Александра, он первый раз приснился ей за все долгие годы. Сашка сказал ей.

— Дура ты, Галька. Я никогда тебя не любил, ты знаешь это. Не было нам с тобой счастья. Зачем того же сыну желаешь? У тебя осталось мало времени совсем. Мы тебя ждем здесь. Благослови наших детей. Без твоего благословения счастья и им не будет.

И опять ушел к своей Инне.

Зоя заставила Влада помириться с матерью. А сама не шла. Галина Ивановна, когда случился сердечный приступ, знала, что это сигнал, что она умрет. Поэтому и не поехала в больницу. Она отжила свое. Пришла Зоя. Галина Ивановна не удивилась. Так и должно быть. Она женщина, она должна чувствовать. Зоя вызвала госпитализацию. Сын успел приехать. Галина Ивановна, когда ей стало хуже, приказала принести икону и благословила счастье своих детей и внуков. И девочку, так похожую на утонувшую Ларисочку, благословила. Она поняла, что это судьба. Связаны навек Зоя и Владислав, они предназначены друг другу. Вот каких славных бутузов родила невестка. И назвали как нарочно: Сашка и Сережка. В них соединилась Галина и Александр. В них и в Ксюше. И Шурочке досталась хорошая мать. Уж лучше Белки. Эти дети — залог счастья. Одно не успела сказать Галина Ивановна, чтобы Зоя

отца забрала. Своего отца. Она не успела сказать, что Сергей — родной отец Зои. Пусть сам скажет... Ему хуже всех бывало, в себе все носил...

Молча, не шелохнувшись, выслушала Зоя Сергея Петровича. После повернулась к Владиславу:

— Ты знал это?

Муж кивнул. Женщина поднялась и ушла в спальню к детям. Минут через пять прибежала испуганная Шурочка:

— Мама плачет.

Владислав тут же поднялся.

— Я не пойду, — глухо сказал Сергей Петрович, — поговори сам с Зоей.

Когда Владислав вошел в комнату, встревоженная Ксюша вытирала слезы Зое:

— Не надо, мама, ну не надо. Не плачь. Шурочка боится, — и сама всхлипнула. — И я тоже.

Готовились зареветь близнецы, они стояли рядом с матерью, чувствуя неосознанно какую-то тревогу.

— Ксюша, иди к дедушке, — попросил Влад. — И мальчиков с собой возьми. Я поговорю с мамой. Я успокою её. Она не будет плакать.

Ксюша моментально выполнила все.

— Ну что ты, моя Заюшка, — Владислав сел рядом. — Ты почему расстроилась? Ты же не умеешь плакать. Тебе было хуже, а ты не плакала. Зачем сегодня-то слезы лить? Папка у нас хороший. Поверь мне. Я с ним вырос. Слова плохого никогда не сказал. И тебя он любит. Что ты плачешь?

— Я не знаю, — протянула Зоя. — Мне вдруг так стало плохо, так обидно. Что же наши родители так накуролесили... Такую сеть сплели. Я так любила отчима. Я, в самом деле, никогда не хотела знать о человеке, которому обязана жизнью. Мне бы было легче, если бы этот человек был чужим, плохим. Я запуталась в своих чувствах. Как мне теперь звать Сергея Петровича? Я не могу сказать папа, но и Сергей Петрович боюсь произнести... Я люблю его Владь, уважаю, но только как твоего отца... А как своего... Я не могу даже представить...

— Заюшка, ничего не изменилось в нашей жизни. Мы по-прежнему вместе. А папка все поймет. Он умный у нас. Зови его, как хочешь. Он не обидится.

— Да, как хочешь, да, не обидится... Сергею Петровичу и так самое тяжелое досталось... Он никогда не плакал, не жаловался... и всегда незаметно помогал нам. Я сейчас вспомнила, как он держал мертвую Ларисочку на руках, как заслонил меня... Как стоял перед машиной, не дал без тебя уехать...

— Мама, — в дверь тихонько заглянула серьезная Ксюша. — Дедушка хочет уйти, он оделся, а уже поздно. Куда он пойдет?

Владислав и Зоя метнулись к двери.

— Пап, ты куда? — остановил отца Владислав.

— Поеду домой, в деревню. Так будет лучше для всех.

— Ты что, дедушка, — Ксюша была удивлена. — А кто нас будет водить в музыкальную школу? На танцы?

— Дедушка, — заплакала Шурочка, обхватив пожилого человека за ноги, — не уходи... Я скучаю без тебя.

Следом дали дружного ревака близнецы, они давно настраивались на это и, как

Шурочка, вцепились в деда. Владислав невольно улыбнулся.

— Видишь, пап, не отпускаем мы тебя.

— Не надо, не уходите... Оставайтесь... — Зоя так и не назвала никак Сергея Петровича, она обняла Шурочку, которая тут же бросилась в ней в надежде, что мама все решит и все будет хорошо, — оставайтесь... Я очень вас прошу и хочу этого. Вы нам нужны... Вы не обижайтесь на меня... Пусть время только пройдет немного... А сейчас давайте спать. Уже поздно. Мне пора купать мальчишек. Шурочка, девочка моя, не надо плакать. Бери мальчиков. Пойдем со мной, поможешь мальчишек помыть...

Женщина пошла в ванную. Следом туда отправились и необычно послушные мальчики с Шурочкой. Владислав снял куртку с отца.

— Зря ты так, папа. Зоя хорошая. Наладится все у нас, — говорил он. — Пойми, ей тоже трудно. Надо было мне её подготовить, а потом говорить. Она же любит тебя. И тебя мы не отпустим... Куда ты собрался в деревню? К кому? В доме сейчас никого... Ты не сможешь один...

— И бабушка Галя велела тебе жить с нами, — тут же влезла Ксюша.

— И моя мама не простит мне, если я вас сейчас отпущу, — это незаметно вышла из ванны Зоя, малыши остались с Шурочкой. — Оставайтесь, пожалуйста.

Сергей Петрович разделся, ушел в бывшую комнату Аделаиды Семеновны, а ныне его, Зоя выкупала малышей, укладывала их спать, Владислав помогал ей, девчонки были с дедушкой. Даже разговорчивая Ксения сегодня была притихшей, она только сидела, прижавшись к Сергею Петровичу светлой головенкой, и молчала. Дедушка даже забеспокоился:

— Ты не заболела, Ксюшенька? Что ты сегодня молчишь? Спать хочешь?

— Хочу, но я вообще не буду сегодня спать, — ответила Ксюша.

— Почему? — удивился Сергей Петрович.

— Я боюсь, что я усну, а ты уйдешь.

Невольно улыбнулся Сергей Петрович и сказал:

— Не уйду. Как же я без вас жить буду? Ведь ты моя первая внучка.

— А не Шурочка разве? — не поняла Ксюша. — Сначала у вас была Шурочка, меня папа после привез к вам.

Зная, что девочка любопытна, да и Бог весть, что она может нафантазировать, Сергей Петрович поспешно сказал:

— Ты моя первая светловолосая внучка. У тебя светлые волосы, и у меня такие были в молодости.

— Дедушка, а почему ты хотел уйти? — этот вопрос задала уже Шурочка.

— Тебя мама обидела? — все-таки Ксюшка всегда держала нос по ветру, понимала: что-то произошло между мамой и дедушкой.

— Нет, вы что? — замахал руками пожилой человек. — Мама меня не обижала.

Но серьезные глазенки девочек требовали ответа, разъяснения, и Сергей Петрович неуклюже соврал, наверно, впервые в жизни.

— Я по бабушке Гале сильно соскучился. Она приснилась мне, просила навестить её. Вот я и собрался в деревню на могилку. А ваша мама не хотела меня отпускать. Мы немножко по... по...п...

— Поссорились, — подсказала Шурочка.

— Поссорились, — повторил Сергей Петрович.

— Ты, дедушка, не расстраивайся, — к Ксении вернулась её деловитость. — Завтра мы уговорим маму. Отпустит она тебя. Чего придумала: не пускать тебя к бабе Гале.

Зоя позвала, и девчонки ушли укладываться спать. Сергей Петрович лежал, сна не было, и думал он о том, как будет завтра объяснять дотошной Ксении, почему не надо ничего говорить маме. Но этого делать не пришлось. Ночью Сергею Петровичу стало плохо. Сильно заболела голова, тошнило, началась рвота. Как видимо, скакнуло вверх давление. Зоя и Владислав встревожились. Проснувшиеся девочки опять испугались и заплакали, но на этот раз Зоя сердито прикрикнула и приказала не мешаться. Мальчики, слава Богу, спали. Вызвали скорую помощь. У отца был гипертонический криз. Медики сделали несколько уколов и сказали, что забирают Сергея Петровича в больницу. Зоя и Влад повели отца в машину скорой помощи.

— Вы только не волнуйтесь, — говорила женщина и держала за руку пожилого человека. — Только не волнуйтесь. Давайте я с вами поеду, подежурю возле вас. Я умею, я так дежурила возле папы...

Женщина осеклась и замолчала при слове «папа».

— Пап, давай я поеду с тобой, — предложил и Владислав. — Ты, Зоя, с детьми останешься. И Шурочка опять плакать начала... И Ксюшка напугана...

— Никому не надо ехать, — вмешался врач со скорой. — Вы в больнице сейчас не нужны, мешать только будете. Все, идите домой, сами говорите, дети у вас.

— Но как же он там, без меня? — Зоя кивнула на Сергея Петровича. — Он тихий скромный, ничего не попросит, терпеть будет... Нет, я с ним... Я нужна моему... отцу.

Она решительно приготовилась сесть в машину.

— Не надо, Зоенька. Не надо, — тихо проговорил Сергей Петрович. — Со мной все в порядке будет. В больнице врачи есть. Посмотрят. Идите к детям, что вы их одних оставили? Вдруг мальчики проснулись. Вылезут из кровати.

Отец видел, что дочь испугана, волнуется, и это ему было приятно.

— Я завтра к вам приеду, с утра приеду, — крикнула Зоя, когда Сергея Петровича уже посадили в машину. — Вы только не смейте умирать. Вы один у нас остались. У меня и у Владьки. Вы нам нужны...

Но так и не смогла выдавить из себя слово «папа».

Утром, как и обещала, Зоя с Владиславом отправилась в больницу. С детьми попросила побыть бабу Клаву. Влад и Зоя сначала переговорили с врачом, тот сказал, что состояние больного стабилизировалось, но пусть он полежит в больнице, его немного поколют, капельниц поделают, надо купить кое-каких лекарств. Влад сразу же поехал, а Зоя пошла в палату. Сергей Петрович, в больничной пижаме, сгорбившись, сидел на кровати и аккуратно ел кусок хлеба с маслом, тут же на тумбочке стоял жидкий больничный чай и тарелка с молочной кашей, которую отец Владислава никогда не любил и не ел. Он не заметил тихо подошедшей и вставшей в дверях женщины. Зоя несколько минут наблюдала за отцом. Вновь к глазам подступили слезы, но уже не от глупой вчерашней обиды, а от острой жалости, что появилась в её сердце. Она представила себе этого скромного человека в тот момент, когда у него навсегда забирали маленькую дочь, вспомнила опять, как он, казалось, безжизненный и равнодушный ко всему, сидел на берегу реки и держал Ларисочку, как он с мертвой девочкой на руках бросился под корягу, потому что защищал другую дочку, которая звала отцом не его.

— Но почему я такая? Мне было обидно за отчима, когда я узнала, что его разлучили с

Владькой, и не пожалела родного отца. А он в таком же положении был, у него тоже забрали ребенка. Ему больше досталось несчастий, утонувшая Ларисочка, смерть Галины Ивановны... Вот он какой седой.

Зоя подошла, села рядом, взяла его руку.

— Пап, ты прости меня за вчерашнее, — тихо сказала она. — Только живи с нами. Я себе не прощу, если что с тобой случится. И мама моя мне этого не простила бы, — и добавила про себя. — И отчим тоже... — а вслух продолжила. — Давай-ка я тебе нормальной еды дам. Вот колбаска, вот мясо, сыр, булочек тебе мы купили. Ты эту больничную бурду не ешь. Я буду сама готовить и привозить. Или Владька, — и повторила: — Папа! Ты нужен нам.

Вернувшийся с лекарствами Владислав увидел, что отец лежит на кровати, уже переодетый в хороший спортивный костюм, что Зоя прихватила из дома, весь довольный, тихо улыбается, а жена кормит остальных четырех обитателей палаты, критикуя больничную еду.

— Владька, надо папу в платную палату перевести, — сказала Зоя, увидев мужа. — Там есть телевизор.

— Не надо, дочка, — попросил Сергей Петрович. — Я лучше с людьми буду. Поговорить есть с кем. А телевизор в холле посмотрим.

— Нет, пап, я сейчас вам сюда маленький телевизор привезу, — сказал Владислав.

— Да не надо, — отказался отец. — Я же ходить умею.

— Чайник нам лучше электрический привезите, — отозвался один из соседей. — Так порой горячего чайку хочется.

К Новому году отца выписали. Особенно радовались девчонки. Деловая Ксюша объяснила, что пока ни в какую деревню он не поедет, потому что слабый после болезни. А баба Галя потерпит, она папе приснилась и велела не пускать одного дедушку никуда. А сын шепнул:

— Пап, ты уж больше не придумывай. А то Ксюха как взяла в оборот Зою: ты почему дедушку не пустила в деревню, а мы и понять ничего не можем. Пришлось и нам с Зоей срочно что-то придумывать.

Зоя, смеясь, добавила:

— А мальчишки без вас не хотят на горшках сидеть. Только посажу, тут же слезают, я уж и книжки им читала, и девчонок караулить заставляла. Требуют: «Деда! Деда!»

— Про политику хотят послушать, — весело добавил сын.

Сергей Петрович видел, что дочь приняла факт, что он — её отец и успокоилась. Успокоился и Сергей Петрович, по-прежнему сажал мальчишек на горшок, вел с ними долгие беседы, тайком покупал внучкам мороженое, водил их в школу, на музыкальные занятия, танцы, рисование, писал с ними в прописях, решал первые задачки, докладывал Зое с гордостью об их успехах.

— Пап! — говорила Зоя. — Ну как хорошо, что ты живешь с нами.

Новый год встретили скромно, в кругу семьи.

Неудача Сирены Арбениной

Приближалась очередная годовщина со дня смерти художницы Светлицкой. Шурочка уже плохо помнила страшные события, очень редко кричала по ночам, обычно это бывало перед тем, как девочка заболела. Зоя боялась этих вскриков, старалась сделать так, чтобы ничто не напоминало о трагедии. Она собрала фотографии Беллы, сложила их и убрала. Как-то девочки нашли их. Шурочка задумчиво посмотрела и узнала:

— Это мама Белла. Она умерла, — тихо сказала девочка.

Зоя с напряженным вниманием смотрела на неё. Но тут к сестре полез её любимчик Сережка, хотел схватить цветной снимок. Шурочка ласково отвела его ручку, закрыла альбом, отдала Зое: «На, мама, спрячь!» Зоя с облегчением вновь убрала фотографии. К этому времени девочки носили одинаковую фамилию — Елизаровы, в графе «отец» у Ксении стояло — Владислав Елизаров, а у Шурочки — мать Елизарова Зоя. Пришлось из-за этого изменить дату рождения. Разница в возрасте между девочками была пять месяцев. Теперь Шурочка стала на пять месяцев младше. В школе учительница попала понимающая, неболтливая, поэтому многие считали, что Зоя дважды родила близнецов. Трагическая смерть художницы Беллы Светлицкой уходила в прошлое.

И вдруг Зоя стала чувствовать какой-то повышенный интерес к своей семье. Раздавались непонятные звонки, просили дать интервью, поделиться воспоминаниями о Светлицкой. Оказалось, местное телевидение готовит передачу о творчестве Беллы. Хотят показать в день смерти знаменитой землячки. Телевизионщики разыскали Ольгу, сестру Беллы, та обещала прилететь к этому событию. Но на все просьбы снять для телешоу Шурочку, поговорить с ней о погибшей матери Зоя отвечала решительным отказом. И Владислав был солидарен с женой. Одна из журналисток, не раз писавшая негатив о Зое, ухитрилась поймать женщину с детьми на улице. Это была небезызвестная семье Елизаровых Сирена Арбенина.

Зоя сидела с Ксюшей и малышами возле художественной школы, где проходили занятия у Шурочки. Сергей Петрович ждал девочку в фойе, она задерживалась. Чтобы малыши не вспотели, Зоя ушла с ними и Ксенией на улицу. Малыши копали лопатками снег. Ксюша играла в снежки со знакомыми мальчишками. Сирена Арбенина имела прозвище «Быстрая Гончая». Каких только скандальных репортажей она не делала. При этом все нарытые ею факты часто оказывались правдой. Вот и сейчас она вынырнула из-за угла и обрушилась на Зою. Зоя узнала эту женщину, когда-то она написала, что молодая жена Антона Наумова наставила мужу рога, родила дочь неизвестно от кого. Антон тогда разбирался с Арбениной, а Зое было все равно, ведь у неё родилась дочка! Потом была статья о свадьбе с Владиславом, где тоже была куча непроверенных фактов. Словом, Зое эта женщина была неприятна, вызывала раздражение. И вот Арбенина обрушилась на Зою с огромным количеством вопросов. Зоя сначала молчала, потом у неё мелькнула одна мысль: «Надо проучить тебя, Быстрая Гончая», — и она вслух сказала:

— Зачем меня спрашивать? Я все равно вам ничего рассказывать не буду. Я не знала Беллу, мы не были даже знакомы. Может, вы с дочерью Беллы хотите поговорить?

— Хочу, — обрадовалась Арбенина. — А можно? Где Шурочка?

— Здесь, — ответила Зоя.

— Подождите, я сейчас камеру достану, — в руках Местной Гончей появилась небольшая портативная камера, и журналистка махнула рукой своему напарнику: — Возьми!

Снимать будешь ты. Зовите девочку.

— Доченька, — фальшиво пропела Зоя, обращаясь к Ксюше и не называя специально по имени, — подойди к мамочке и братикам.

— Иду, мамочка, — весело откликнулась Ксюша и направилась к Зое, удивленно глядя на незнакомую тетю и мужчину с камерой. — Но сразу говорю, я не буду с Сашкой и Сережкой играть.

Девочка остановилась в отдалении, взгляд был насторожен. Проницательная девочка чувствовала, здесь происходит что-то не то.

— Как же так, доченька? — фальшиво удивилась Зоя и добавила строгости в голос. — Ведь они твои братики, ты просто обязана с ними играть. Мы же живем в одной семье.

Ксюша несколько удивленно посмотрела на мать, удивленная фальшивыми интонациями её голоса, потом в камеру. А в уме Арбениной созрел скандальный репортаж — мачеха обижает, не любит девочку, дочь покойной Светлицкой.

— Девочка, — начала искренним голосом Арбенина, — с тобой можно поговорить? Ты разрешишь?

— Мам, можно? — глаза Ксюши уставились на Зою.

Девочка подросла, но по-прежнему была разговорчивой, Зоя, случалось, ругалась на неё за болтливость, и Ксения стала осторожнее со своими высказываниями.

— Говори, — кивнула та. — Можно, все можно. Рассказывай. Эта тетя — журналистка. Она хочет поговорить с тобой.

— Правда? — глаза Ксюшки сразу стали любопытными. — Настоящая журналистка?

— Правда. Мы тебя по телевизору покажем, — пообещала Арбенина.

— Ой, мам, мне по телевизору будет говорить можно? — Ксения была в восторге.

— Можно, — согласилась Зоя. — Можно, доченька. Тебе все можно, — в голосе опять звучали фальшивые интонации.

— Мам, та как-то не так сегодня говоришь, — заметила Ксюшка. — Не по-настоящему. Если нельзя, так и скажи. А то опять потом будешь ругаться.

— Не буду я ругаться сегодня, — Зоя удержалась от смеха. — Говори все, что хочешь.

— Притворяется мамочка, фальшивит, — думала Арбенина. — Но мне это на руку. Какие удачные кадры!

— Девочка, ты помнишь вот эту женщину? — Арбенина достала откуда-то фото Беллы Светлицкой.

— Ой, это наша мама Белла, — воскликнула Ксюша и, видя одобрение в глазах матери, выдала кучу информации, сделав круглые испуганные глаза. — Маму Беллу застрелил злой дядька. Прямо в магазине. Она сразу умерла... Знаете, сколько крови из неё натекло... Я тогда так испугалась... Я все сама видела...

— Хватит, дочка, — остановила её Зоя, пока Ксения не сообщила, что видела все по телевизору. — Не говори больше о смерти мамы Беллы. Не надо.

— А кто это тетя? — Арбенина указала на Зою.

Зоя лучезарно улыбнулась, видя, что камера обращается к ней.

— Это мама Зоя, — ответила Ксюша.

— Ты так её зовешь?

— Нет, она сердится, когда я так её называла, я просто «мама» её зову.

— А кто твой папа?

— Мой папа Владислав Елизаров.

Тут журналистка вспомнила разговоры, что якобы Белла родила от владельца галереи.

— А он тебе родной папа?

— Родной, я это точно знаю, и даже не говорите мне ничего другого, — с досадой ответила Ксюша, — мама тоже мне говорила, что у меня раньше был другой папа. Но я его совсем не помню. Мама вам может рассказать.

— Нет, — весело улыбнулась Зоя. — Я ничего не буду рассказывать, — и добавила, вскакивая за Сережей, который упал и не собирался вставать, а Ксюша не хотела поднимать брата: — Дочка, ты меня огорчила, я так надеялась, что ты сегодня понянчишься с Сережей. Видишь, он падает без конца.

— С Сережкой? Нянчится? Я? Ни за что, — Ксюша была возмущена. — Он вредный, он и сейчас специально валяется. А еще он по ночам орет, спать мешает.

Последние слова предназначались явно для тети журналистки.

— Сережа маленький, — непонятно над чем смеясь, сказала Зоя. — И ты дочка, должна мне помогать. Я же устаю

Опасаясь, что с минуту на минуту появится Шурочка с дедушкой, Зоя сказала:

— Пойдем, дочка, нам пора!

— Подождите, подождите, — засуетилась Арбенина, — есть еще один вопрос. Ответь, девочка, а портрет мамы Беллы у тебя есть?

— Нет, — ответила Ксюша, — мне он ни к чему.

— Так мама говорит? — уцепилась Арбенина.

— Нет, она просто спрятала все фотографии, чтобы их никто не видел...

— А картины мамы Беллы у вас есть в доме.

— Только одна, остальные папа не разрешил повесить, говорит они страшные и мрачные...

— Дочь! Нам пора, — строго повторила Зоя.

На этот раз в интонациях женщины звучало настоящее предупреждение. Ксюша это поняла и не стала ничего больше говорить. Зоя поспешила увести детей. Арбенина ушла. Через минуту из школы вышел с Шурочкой Сергей Петрович. Все пошли домой.

Местное телевидение устроило настоящее шоу. Прилетела в Россию для участия в телевизионной программе, как и обещала, Ольга. Ведущий с воодушевлением рассказывал: «В этот холодный зимний день из жизни трагически ушла наша местная знаменитость — художница Светлицкая...» Дальше следовал рассказ о её жизни, её творчестве. Показывали картины. Включили воспоминания Ольги. Заговорили про дочь Беллы — Александру. Вот тут и появилась Арбенина Сирена. Информацию о Шурочке авторы программы приберегли под конец. Журналистка вспомнила о родных художницы, сообщила, что ей удалось запечатлеть кадры из жизни Александры Светлицкой, дочери погибшей художницы. «Нам удалось задать несколько вопросов девочке, дочери Светлицкой, спросить, как ей живется...» — грустным тоном начала Арбенина. И на экране крупным планом появилось любопытное лицо Ксении. Она отвечала на вопросы Арбениной, временами камера захватывала лицо лучезарно улыбающейся Зои. Сидящая в студии Ольга недоумевала: при чем тут Ксения, если речь идет о Шурочке.

— Вам не жалко эту девочку? — обратилась к Ольге Арбенина?

— А почему я должна её жалеть? — ответила Ольга. — Ей хорошо живется. Я вообще не понимаю, зачем вы показали эти кадры?

— Как зачем? — театрально удивилась Арбенина. — Пусть все знают, как живется

дочери погибшей Светлицкой.

Зоя, которая смотрела эту передачу, увидела, как сердито встала Ольга, намериваясь уйти из студии.

— Я с интересом просмотрела этот репортаж, — сказала сестра Беллы. — Не поняла одного, где Шурочка, моя племянница? На вопросы отвечает другая девочка. Это не Шурочка.

— А когда вы последний раз видели свою племянницу? Может, вы забыли, как она выглядит? — язвительно спросила Арбенина. — Вы же постоянно проживаете за границей. Я уверена, что это дочь Светлицкой и Елизарова.

В это время раздался голос ведущего:

— Звонок в студию. Нам звонит Елизарова Зоя Александровна. Это женщина, с которой растёт Шурочка, дочь погибшей Светлицкой. Зоя Александровна согласна, чтобы её слова слышали все. Зоя, вы готовы ответить на вопросы?

— Да, — ответила женщина.

— Скажите, пожалуйста, кто эта девочка? — ведущий кивнул в сторону экрана.

Усиленный микрофонами, разнесся по экранам голос Зои:

— Ольга права, на экране совсем не Шурочка. Эту девочку зовут Ксения. Это моя родная дочь. Это про неё вы много лет назад, госпожа Арбенина, написали, что она рождена мной не от мужа. Вас называют жестокой, но правдивой, а вы сегодня так откровенно врете. В ваших репортажах нет ни слова правды. Как и в сегодняшнем. Мне стыдно за вас. Вы не думали о горе ребенка, когда планировали говорить с ней про смерть матери, совершенно не считаясь с чувствами девочки, с её душевным состоянием. Неужели вы думаете, я разрешила бы вам говорить с Шурочкой об этом? Да ни за что! Вы назвали меня недостойной матерью, жестокой женщиной, но именно я, недостойная мать, с вашей точки зрения, провела не одну бессонную ночь, когда девочка не могла спать после страшной потери, я, а не вы, укачивали её на руках, когда ей снились кошмары, когда она кричала во сне. Меня, а не вас Шурочка зовет мамой. Да, я прошу девочек порой посидеть с братиками, поиграть, но, поверьте, Шурочка их очень любит. Недавно от нас ушел начинающий журналист Игнат Чистяков. Смотрите его репортаж сегодня вечером по кабельному телевидению сразу после вашей передачи. Там вы и увидите дочь Беллы Светлицкой. Кстати, госпожа Арбенина, девочка носит фамилию своего отца — Елизарова Владислава. Она Александра Елизарова.

В двадцать один ноль ноль по кабельному телевиденью зрители увидели двух девочек. Они показывали свою комнату. Ксюша играла на пианино, Шурочка разложила свои рисунки. Всюду лезли мальчишки, и если Ксюша от них отмахивалась, то вторая девочка целовала и ласково гладила по головке, особенно своего любимца Сережу.

— Сережа совсем другой, он чаще Саши болеет, — пояснила девочка. — И плохо спал раньше. Когда мама очень устает, мы с Ксюшей берем его, ложимся на бабушкину кровать, он спит с нами. Саша тоже стал приходить к нам.

— Шурочка, а ты, что, этого братика любишь больше? — удивился журналист. — По моему они одинаковые.

Девочка задумалась. Выручила Ксения, ей давно хотелось поговорить, но мама хмурила брови, отрицательно качая головой:

— Нет, мы братиков любим одинаково, они оба маленькие, и оба вредные, и совсем разные. Сашка вреднее, — объяснила Ксюша. — А Сережка больше любит Шурочку, чем меня. И Сашка тоже.

— Тебе не обидно?

— Нет, — разумно ответила девочка. — Братики наши еще маленькие. Они вырастут и поймут, что сестричек надо любить одинаково. Да ну их. Пойдемте, мы с Шурочкой вам покажем альбом, где хранятся фотографии мамы Беллы.

— Ты Шурочкину маму тоже мамой зовешь? — удивился журналист.

— Конечно. А как я её еще должна называть? — ответила Ксюша. — Ведь Шурочка — моя сестричка. А мама Белла — ее мама.

Девочка была довольна, наконец-то и ей можно поговорить. Она вместо Шурочки рассказала все: как учатся, играют, представила своего седого интеллигентного дедушку, вспомнила всех других бабушек, дедушек, которых даже не помнила, но знала по рассказам взрослых, соседку бабу Клаву и много еще чего. Камера еще раз общим планом показала дом Владислава и самого хозяина, который держал на руках вырывающихся мальчишек, деловитую Ксюшу и стеснительную Шурочку, которая старалась держаться поближе к Зое. Зоя позвала всех пить чай с тортом «Рыжик».

После этого репортажа Владислава Елизарова разыскало письмо учительницы из далекого железнодорожного поселка, куда несколько лет назад уехала Милка, которая вышла вторично замуж, и увезла старших дочерей Владислава: Лену и Валюшу. Женщина писала, что Людмила Яковлевна Титова сильно пила последние годы, что год назад она бросила детей с отцом и стариками и уехала неизвестно куда.

— Господи! — ахнула Зоя, — ведь это же идет речь о Милке!

«Девочки остались с неродным отцом и его родителями. Но и там не было ничего хорошего, — писала классная руководительница. — Они тоже любили выпить. Пока была жива бабушка, был относительный порядок, хоть накормлены были дети, хотя уроки начали пропускать. А потом, два месяца назад, бабушка, тоже любительница выпить, отравилась суррогатной водкой. И так пьющий отчим, запил по-черному. Через две недели его убили в пьяной драке. Дети остались со старым дедом. Тот испугался, наверно, два раза смерть заглянула в их дом и все в течение двух месяцев, стал пить поменьше. Но детей не согласен оставить у себя. Девочки сами ушли от него сразу после смерти отчима и живут одни в родительской квартире уже почти месяц. Как и на что, толком никто не может сказать. Соседи подкармливают их, но кто знает, всегда ли сыты дети. Да и кто разрешит девочкам, старшей из которых двенадцать лет, жить самостоятельно, без взрослых. В школу девочки часто не ходят. А они неплохие, Валюша вообще очень добрая, ласковая, а вот Лена озлоблена, но и она тянется к хорошему. Вы же отец, Владислав Сергеевич, Лене и Вале. Неужели вам их совсем не жалко?»

Классная руководительница сообщила также, что уже раньше писала и бабушке, Людмилиной матери, и девочки писали, но ответа не было. То ли письмо не дошло, то ли девочки не знали точного адреса. Адрес же Владислава Елизарова удалось узнать случайно, когда увидели сюжет по телевизору о его погибшей художнице Белле Светлицкой. «Лена когда-то говорила, что эта женщина была вашей второй женой, — писала незнакомая учительница. — Вот я решила попробовать написать вам. Судьбой девочек занимается отдел опеки. Их ждет детский дом. Мне удалось уговорить подождать с детским домом, пока не придет ответ от вас».

Расстроенный Владислав молчал несколько минут.

— Господи! — всхлипнула женщина. — Это что же такое?

— Я привезу сюда дочерей, — сказал муж тихо, но твердо Зое, начиная собираться в дорогу. — Я лечу за ними.

— Владик, — Зоя жалко на него посмотрела. — Ты только сам вернись к нам. Ты и нам нужен... А девочки твои... Ну что ж... у нас много комнат. Целых четыре. Уместимся как-нибудь. Привози.

— Спасибо, родная моя, — мужчина благодарно обнял жену.

Раздался резкий звонок в дверь. Зоя вздрогнула и пошла открывать. На пороге стояла вся заплаканная Людмилиная мать, Серафима Федоровна. В её трясущихся руках было смятое письмо, написанное крупным детским почерком. Это Валюша просила бабушку забрать их к себе. На письме неверно был написан индекс и указан другой район, поэтому оно проблуждало несколько подольше.

— Владь, — бормотала баба Сима, — Владь... Милка-то что наделала... И-и-и... —

завыла она тонко и пронзительно. — Девчонок в детдом отдают.... Внучек моих родных... И-и-и... Владь! Что делать-то?

Владислав улетел за девочками в этот же день один. У матери Людмилы не было с собой паспорта, мужчина не хотел терять времени.

— Подождете меня здесь, — сказал он бывшей теще... — Я завтра же вернусь с Леной и Валюшей.

— А как же я? И-и-и... внучки там... И-и-и... Мать неизвестно где шляется... И-и-и... Пьет... Может в живых уже нет... И-и-и...

— Поезжайте за паспортом, прилетайте после, я не буду еще сутки ждать рейса, денег на билет дам, — отрубил мужчина. — Что с Людмилой, я не знаю... а девочкам там плохо... Я за ними... Чем раньше, тем лучше..

После отъезда мужа Зоя села за телефон, дозвонилась до местного отдела горно, переговорила с представителями опеки, сообщила, что за девочками уже улетел их отец, попеняла, что раньше не сообщили о пьющей матери, они бы давно забрали детей. Серафима Федоровна, тихонько поскуливая, смотрела на женщину.

— Ну вот, баба Сима, — сказала она, — не отдадут девчонок никуда. Все знают, что отец за ними летит. Завтра будете обнимать своих внучек.

Вернулся Владислав через четверо суток, привез Леночку, Валюшку и... третью девочку, дочь Милки от второго брака — худенькую, бледненькую, трехлетнюю Аллочку. Валюшка наотрез отказалась расставаться с маленькой сестренкой, расплакалась, обняла ничего не понимающую тихую малышку, потом прерывающимся голосом сказала отцу, что останется с ней, в детдоме. Тяжело вздохнул Владислав, он понимал, что надо спросить Зою, на неё большая часть ляжет забот. Улететь сразу назад в этот день не получилось. Аллочка — чужая, надо с ней как-то решить вопрос. Хотя в глубине души мужчина знал, как он его решит. Привезет и эту прозрачную малышку в свой дом. Ночью он спал плохо, ворочался в этой неухоженной квартире, похожей на сарай, ругал себя, что не проконтролировал, как живут дочери. Давно надо было лишить Людмилу материнства, забрать девочек. Милка, наверно, поэтому и не ездила последние годы к матери в деревню. Боялась, что узнают про её пьянство. Вдруг он услышал, как сердито шепчет средней сестре старшая дочь:

— Дура ты, Валька, уедет отец наш и нас тут оставит. Что ты вцепилась в Алку? Пусть её в детдом отдают. Она маленькая, красивенькая, её сразу удочерят. Таких сразу забирают. А мы с тобой уже никому не нужны. Мы уже большие.

Валюшка плакала, соглашалась. Утром девочка опять сказала отцу, что без Алочки она не поедет. В тоне кроткой ласковой девочки прозвучали слезы и одновременно твердость. Владислав молчал.

— Валька, — крикнула Лена. — У Алки здесь дед есть. Он будет к ней ходить в детдом, брать в гости. Или у себя пусть оставляет. У нас никого нет! Ну пойдешь ты в детдом. Все равно вместе не будете. Алку заберут в какую-нибудь семью, а ты что?

— Вот тогда я попрошу папу взять меня, — ответила Валюшка, робко глядя на Владислава.

— А если он не приедет за тобой? — не сдавалась старшая.

— Все равно не поеду, — тихо ответила девочка. — Я с Аллочкой останусь. Сколько получится, столько и буду.

Она пошла к проснувшейся малышке, стала одевать её. Крупные слезы катились из глаз Валюшки. Аллочка доверчиво улыбалась чужому дяде. С грустью отметил Владислав

грязные трусики, дырявые колготки, застиранное платице. Да и родные дочери выглядели не лучшим образом. Не чувствовалось женской руки.

— Вот что, Валюша, собирай и Аллу с нами, летим вместе, — сказал он. — Зоя согласна. Я позвонил ей.

— Кто такая Зоя? — спросила Лена.

— Зоя, это будет ваша новая мама. Она моя жена, — ответил отец.

— А где же тетя Белла? — спросила старшая дочь, которая не раз слышала от матери, что стерва Белка увела их отца из семьи.

— Беллы нет, её убили, — коротко сказал Влад. — Её застрелили случайно в магазине...

— А у вас ведь была дочка... Где она? — этот вопрос, мужчина понял, очень важен для двенадцатилетней девочки.

— Она живет со мной...

— И Зоей? — настороженно спросила Лена.

— Да, Зоя ей заменила мать. У вас, девочки, будут там две сестры, Ксюша и Шурочка, им по восемь лет. И еще два братика-близнеца, — Владислав улыбнулся, вспомнив своих крепеньких мальчишек. — Сашка и Сережка, мальчикам по полтора годика. Аллочка будет с ними играть. Скучно не будет.

— Пап, а откуда у нас там две сестры, ведь у тебя была только одна дочь... — не поняла Лена.

— Вторую девочку родила Зоя. Она тоже моя дочь, — пояснил отец. — Шурочка и Ксюша — хорошие девочки. Вы подружитесь. У нас получается большая семья. Дедушка еще с нами живет.

— Дедушка Сережа? — уточнила Лена.

— Да.

Радостная Валюшка особо не слушала этих разговоров. Главное, Аллочка будет с ними. А Леночка заметно успокоилась, услышав, что у отца новая жена, не Белла.

Пришел дед. Он не возражал, что Владислав забирает и Аллочку. Старик спрашивал, что делать, если Милка появится здесь.

— Скажите, что я забрал детей и подаю документы на лишение её родительских прав. Назад детей она ни в коем случае не получит.

Старик мялся, не уходил.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил Владислав.

— Денег ему нужно, — сердито сказала Лена. — Все пропил уже.

— Нужно, — согласился старик. — Твои девки у меня деньги украли. Я поэтому и не оставил их с собой.

Мужчина вопросительно посмотрел на дочерей.

— Да пили они все тут без просыпу после смерти бабушки, — угрюмо сказала старшая дочь. — Даже Алку кормить забывали. Если бы не Валька, померла бы она с голоду. Валька и деньги, что от похорон бабушки остались, тайком у них забрала. Мы сюда убежали, закрылись...

— Я не украли, пап. Я просто взяла... Мы покупали что-нибудь покушать на них, — виновато сказала Валюшка. — Только хлеб, колбасы немножко и лапшу китайскую. Аллочке один раз маленькую шоколадку купила, всего одну, и все... Ей очень хотелось... Она любит сладенькое... У нас даже сахара нет. А Аллочка все конфетки, что ты вчера купил, скушала.

Я и свои ей отдала... Правда, моя хорошая?

Валюшка нежно поцеловала улыбающуюся сестренку. Владислав опять почувствовал страшную вину. Надо быстрее увозить детей из этой клоаки. К Зое. Она отмоеет, согреет, накормит. Его взгляд упал на прозрачную Аллочку, которая протянула ручку к хлебу. Валюшка тут же дала маленькой сестренке кусок булки, отрезала колбасы. Девочке бы каши сейчас, супчику... Маленькая ведь... Разве можно такой пищей кормить малышку? Ребенок разучился есть в этом аду.

— Лена, я же высыпал вам регулярно деньги, вы их получали? — спросил Владислав.

— Нет, — сказала девочка, — отчим еще ругался, что от тебя ничего не дождешься.

— Ладно, разберусь, — сказал мужчина и обратился к старому человеку. — Сколько у вас взяли девочки денег?

— Ладно, про те деньги забудь, что я не понимаю: девчонки есть хотели, — махнул старик. — Сына помощи похоронить.

— Да он у вас уже месяц как погиб, — все, что смог выговорить Влад.

— Не отдали, следствие шло.

Вот и задержался Владислав еще на два дня поэтому. Помог старому человеку похоронить сына, договорился, где надо, сунул денег. Отдали тело. Оплатил похороны. Зашел и в почтовое отделение. Выяснилась неприятная вещь: почтовые переводы Титова Людмила Яковлевна получала регулярно.

— Вот сволочь, — выругался про себя Владислав, — здесь где-то рядом Милка, а на детей ей плевать.

На другой день после похорон, забрав только документы девочек, попросив их одеться получше и не брать никаких вещей, улетел с ними домой, к Зое.

За то время, что не было Владислава, Зоя много думала. Мысли о том, что дочерей Владислава от первого брака отдать в детдом, не возникало. Она решала вопрос, как всех разместить. Одна комната её и Владислава. Здесь с ними пока и мальчики. Другая — Ксюши и Шурочки. Третья — там живет отец. Четвертую хотелось сохранить как зал, но что поделаешь. Надо делать перестановку. Там теперь разместятся девочки Милки. Пока на диване будут спать. И нужна еще одна кровать для маленькой девочки. «Вот вернется Владислав, тогда все и переделаем», — решила Зоя. Купила только срочно детскую софу для чужой малышки и поставила в зал.

Прихватив мать Милки, бабу Симу, Зоя поехала в аэропорт встречать мужа. С напряженным вниманием она вглядывалась в идущих людей. О малышке все уже знали. Вот показался Владислав, рядом шли девочки, малышку мужчина нес на руках. Зоя ужаснулась: как бедно и неряшливо одеты девочки. Срочно надо купить им новую одежду. Баба Сима расплакалась и повисла на старших внучках. Угрюмо молчала Лена, Валюшка говорила:

— Ну что ты, бабушка, ну что ты? Мы приехали, мы с тобой теперь. Не надо плакать.

— Пойдемте в машину, — сказала Зоя, взяв легонькую Аллу на руки. — Девочка не болеет? — озабоченно спросила она, удивившись легкости малышки.

— Нет, она просто плохо кушает, — ответила Валя. — И кровь из носа у неё часто идет.

— Да и нечего было особо есть, — угрюмо добавила Лена. — Вот поэтому и не ест.

Как и Владислав, Зоя почувствовала себя виноватой. Мужчина сел за руль. Спереди села баба Сима. Зоя с девочками сзади. С первой минуты женщина чувствовала к себе настороженное отношение Лены. Валюшка робко улыбалась. Лена неожиданно спросила:

— Когда поедem в деревню?

— Зачем? — не поняла Зоя.

— Мы будем жить с бабушкой, — твердо ответила Лена.

За ней это же повторяла и Валюшка, держа на руках Аллочку — хрупкое создание с голубыми глазами и льняными локонами.

Зоя промолчала.

— Да, нелегко мне будет, — подумала она.

Ксюшка восторженно взвизгнула при виде новых сестер, начала обнимать, целовать. Более сдержанная Шурочка, как всегда, прижалась к матери, мальчишки бросились к отцу. Тот, счастливый, подхватил свих бутузов и подбросил вверх по очереди. Мальчишки смеялись.

— Какие хорошенькие, — протянула Валя, обнимая братишек. — Тетя Зоя, мне можно их поцеловать?

— Можно, если они согласятся, — ответила Зоя.

Лена смотрела на них неприязненно, таким же взглядом она наградила и Шурочку, стоявшую возле Зои улыбнулась только Ксюше, которая уже тащила сестричек в свою комнату, где им были приготовлены подарки.

— Нет, — остановила Зоя. — Все в ванную. Сначала всем вымыться после дороги. Пойдемте, я вам покажу и помогу.

Она хотела сама отмыть девчонок, как следует. Да и мелькала мысль, нет ли вшей. Надо проверить. Уж больно грязные у всех были волосы. Но Лена не согласилась, застеснялась и Валюшка. Выручила баба Сима:

— Ты, Зоюшка, вымой Аллочку, у меня спину прострелило, не могу нагибаться, и иди на кухню, я помогу девочкам помыться. А ты за обедом сама уж догляди, вдруг что не так сделаю, — и шепнула тихонько. — Я посмотрю им головы.

Зоя подумала:

— Почему так. Ведь Серафима Федоровна первая чистюля была на деревне. Мама всегда говорила, что у неё самые чистые простыни на деревне. Почему Милка выросла страшной неряхой?

Но пока, откинув эти мысли, она приказала выбросить одежду, в которой прилетели девочки, чем опять вызвала неудовольствие старшей дочери, Валюша же была всем довольна. А маленькая Аллочка уже радостно плескалась в воде, к ней пытались залезть мальчишки. Её, закутанную в огромное полотенце, унес в комнату Владислав к великой радости Ксюши и Шурочки, которые принялись наряжать маленькую сестренку в костюмчик одного из близнецов. Вышло ничего, в длину коротковато, а в ширину даже свободно. Следом прикатились Саша и Сережа. Им нравилась новая сестричка. Ксюша и Шурочка смотрели за малышами. Баба Сима закрылась со старшими девочками в ванной. Зоя накрывала на стол, Сергей Петрович ей помогал.

На отмытых, похорошевших девочек надели Зоины халаты. Владислав сам вымылся побыстрому под душем, и, наконец, все сели за первый совместный обед. Заодно и поговорить, как и где будут жить дальше. Девочки стояли на своем — в деревне, с бабушкой.

— Вот что, Зоя, — сказала баба Сима, — Леночка дело говорит. Куда тебе семь детей? Давай моих внучек ко мне. Силы у меня есть. Пусть девочки живут со мной в деревне. Дом у меня крепкий, теплый. Варений, солений достаточно, Прокормлю. (Лена кивала, подтверждая слова бабушки.) А ты, Владь, всегда можешь приехать к ним. Наладится наша жизнь. Жаль только Милку непутевую.

Владислав подумал:

— Объявится вскоре, денег-то я больше высылать не буду! Надо Зою предупредить.

— Нечего её жалеть, — сердито сказала Лена. — Могла бы и не пить!

Девочка промолчала, что она как-то видела пьяную мать, когда та получила алименты на почте. Лена попросила денег, у девочки не было теплой куртки, чтобы ходить в школу, но мать не дала.

— У отца родного попроси, — сказала она. — Он богатый. Только вы ему не нужны.

После чего исчезла в компании такого же бомжа, как и она.

Старшие девочки ели с аппетитом все: и суп, и картошку с отбивными, и салат из тепличных огурцов. А Аллочка не умела есть толком. Она, сидя на коленях у Валюшки, схватила хлеб, кусала его, тянулась к колбасе, отталкивала ложку с супом. Но Зоя понимала, что малышке лучше съесть супа. Женщина сама взяла ложку, посадила девочку на высокий стульчик одного из близнецов и стала кормить. Правдами-неправдами, но тарелку супа девочка съела. Зоя подвинула ей колбасу: «Теперь ешь, сколько хочешь», — но девочка показала на чашку.

— Пить! — сказала она и сама тонкими ручонками взяла чашку и стала пить, — тят, кусня, — сказала девочка. — Сладенький тят.

— Что? — не поняла любопытная Ксюша. — Что за тят?

— Это чай. Аллочка любит сладкое, — несмело пояснила Валюшка. — Я иногда ей приносила из школы что-нибудь вкусенькое, когда нам бесплатно давали пряники или девочки меня угощали. Бабушка и отчим конфет не покупали.

— Пей свой сладенький чай. Мама еще нальет. И сахарку положит Аллочке, — подбодрила Ксения. — Еще конфету возьми.

У Зои все холодело внутри. Она думала:

— Я считала, что мне с Ксенией жилось плохо после смерти Антона. Что же пережили девочки?

— Ничего, — сказала Ксюша, чмокнув в щечку маленькую девочку, — мы теперь каждый день Аллочке будем по шоколадке покупать, по большой-пребольшой. Так, моя маленькая?

— Нет, — вдруг возразила Шурочка, — лучше фрукты и йогурты. Они тоже сладкие. Аллочка еще маленькая, ей вредно много есть шоколада.

— Правильно говорит девочка, — поддержал Сергей Петрович. — А из деревни привезем молочка от Зорьки, быстро на кашке и молоке девочка вес наберет. Станет кругленькая, как братики.

Он ласково смотрел на малышку. Валюша улыбнулась, а Леночка подумала:

— Какая противная эта Шурка, только и подлизывается к своей мамочке. Шоколадки вредны, видите ли! Тебе, может, и вредно, а Алка их и не пробовала их раньше толком.

Девочка не знала, что уже когда-то Зоя также приучала к полезной и вкусной еде Шурочку, и девочка повторяет её слова. Ксюша же ответила:

— А мы с папой потихоньку от мамы все равно купим Аллочке шоколадок. Правда, пап. Ты дашь нам денежек на шоколадку для Аллочки?

— Нет, я буду маму слушаться, — ответил Владислав.

Зоя улыбнулась. В целом все сложилось неплохо. Сытая Аллочка стала засыпать. Зоя отнесла её в кроватку. Девочка доверчиво обняла её за шею, пролепетала, засыпая: «Мама». Практичная мудрая, как старушка, Ксюша поняла это так:

— Аллочку мы, конечно, оставим у нас. Аллочка маленькая, ей нужны мама и папа, особенно мама. А вы, Лена и Валя, можете жить с бабушкой в деревне.

— Но девочки, вам надо учиться, — пытался отговорить Сергей Петрович. — Лучше остаться в городе.

— Школа есть в деревне, — упрямо произнесла Лена. — Я буду жить с бабушкой. Я все умею делать. Мы проживем...

— Валюшка, а ты? — спросил отец. — Ты тоже хочешь в деревню?

Валюшка не ответила, она играла с близнецами. Девочка вообще любила детей.

— Валя будет со мной, — ответила Лена. — И Алла тоже.

— Да, — встрепенулась Валюшка. — Я как Лена.

— Девочки, — прервала их спор Зоя. — Сегодня все равно останетесь у нас. Папе надо отдохнуть. Да и вас не в чем везти. Вы не против, если я сама сейчас поеду и куплю вам одежду. Вы меня уж простите, но старую я уже упаковала в пакеты и выброшу. Если вам что не понравится из купленного, обменяем. Я сохраню чеки и ценники.

Валя кивнула. Лена молчала.

— Я куплю сегодня только необходимое, а завтра возьму вас в магазин, сами еще выберете себе нарядов.

На этот раз довольны остались обе девочки.

— И я с вами, и я с вами, — закричала Ксюша. — Мне тоже надо чего-нибудь купить.

— Нет, — возразила Зоя. — У тебя и так полон шкаф одежды. Так, Шурочка?

— Так, — подтвердила девочка.

— Тогда я куклу Аллочке выберу, — не сдавалась Ксения. — Аллочке нужна кукла.

— Сначала свои перебери, — засмеялась Зоя, — и отдай их Аллочке. У тебя сколько этих кукол?

— Все равно Аллочке надо новую купить, — упрячилась Ксюша.

Зоя купила девочкам все: начиная от белья и кончая куртками и обувью, у женщины был отличный глазомер, она не ошиблась ни в чем. И Валюша, и Лена были очень довольны: давно им никто не покупал одежды. Выручали соседи, отдавая старую одежду. Приодев новых дочерей, на второй день Зоя отвезла их в огромный «Детский мир», где девочки выбрали сами себе джинсы, футболки, туфли, словом, все то, что составляет гардероб девочки-школьницы. Заодно закупила с запасом школьных принадлежностей. Ксюша тут же притащила на кассу наборы косметики для подростков и «Маленькую фею» для Аллочки и, конечно же, куклу. Зоя посмеялась и оплатила все. Сама она покупала одежду для малышки. Все это влетело в копеечку, но и Влад, и Зоя чувствовали себя счастливыми, глядя, как оживились глаза серьезной Леночки и откровенно радуется Валюшка. Аллочка ничего не понимала. Её больше всего интересовал чай. «Сладенький», — говорила малышка и пила его без конца. А с ней и близнецы. Сергей Петрович теперь сидел в окружении трех горшков. Зоя как-то подсунула детям вместо чая сок. Ничего, тоже выпила девочка. Ксюша потихоньку кормила девочку конфетами и печеньем.

Через день Владислав со старшими дочерьми и бывшей тещей отправился в деревню. Девочки и баба Сима настояли на своем. Аллочку Зоя оставила. Ей все казалось, что девочка болеет, хотя температуры не было.

— Завтра схожу с ней к врачу, сдам анализы, если все хорошо, привезу к вам, — сказала Зоя. — Вы уж в деревне без меня устраивайтесь.

Лена пыталась возражать, что не оставит Аллу с чужой женщиной. Зоя рассердилась.

— Что ты такая упрямая? — сказала она. — Пойми же, я добра хочу девочке. Аллочка вся прозрачная. Может, у неё глисты. Смотри, вся светится. Потом не забудь, вам сначала надо устроиться там самим. В деревне народ любопытный, будет без конца приходить. Сквозняки, простудите девочку...

— Не спорь с мамой, — влезла Ксюша, — тебе хуже будет, я знаю.

А Шурочка подошла, поцеловала Аллочку, обняла Зою и сказала:

— Не надо, Лена, расстраивать маму. Она и так с вами устала.

— Лена, — Зоя заставила взять себя в руки. — Анализы сдадим, если все в порядке. Аллочку вам привезем сразу же. Бабушка Сима согласна.

Недовольно блеснули глаза старшей дочери Владислава, но спорить не стала, подумала только:

— Противная какая эта Зоя! «Аллочку не пушу, я знаю лучше». И хорошо, что не будем с ней жить. Сразу видно, что она только своих детей любит, мальчишек и Шурку. Все их целует. А Ксюшку нет. Та к ней даже и не лезет.

Лена допустила, как и многие, ту же ошибку: она решила, что дочь Зои — Шурочка, а Ксения — дочь Беллы.

Новая мама Аллочки

Девочки Владислава устроились на новом месте. Их без разговоров приняли в школу. Зоя только ахнула, просмотрев их личные дела. Лена год назад была отличницей. У Валюши мелькали единичные тройки. А потом все хуже и хуже. В последней, третьей четверти сплошь были не аттестованы.

— Не переживайте, тетя Зоя, — простодушно пояснила Валя. — Просто мы в школу не ходили. У Лены не было теплой куртки, я с Аллочкой оставалась. А так мы любим учиться. У нас хорошие были учителя. Жалели нас.

С начала последней четверти девочки пошли в новую, деревенскую школу. То ли их здесь тоже жалели, то ли они хоть немного старались, но положительные оценки, в виде троек, за год они получили.

Зоя, как всегда собиралась на лето в деревню, там уже вовсю строился новый дом. Стояли стены, надо было заниматься внутренней отделкой, да и несколько грядок хотел посадить Сергей Петрович. Но совсем непредвиденные события разрушили все планы. Аллочка заболела. Поднялась температура.

Участковый детский врач была очень недовольна вызовом, да еще к ребенку, не состоящему на учете. «Все в порядке, — заявила она. — Просто истощен ребенок. Следите за питанием».

Зоя попросила назначить анализы, но и в этом ей отказали. Женщина расстроилась. Прошел месяц. Зоя с тревогой всматривалась в девочку, которая не прибавляла в весе.

— Я же чувствую, что-то не то с ребенком, — жаловалась она Елене, соседке. — Она бледненькая, у неё синяки под глазами. Каждая царапина воспаляется и долго не заживает. Девочка быстро устает, сонливая, я ни одного стишка с ней не смогла выучить. Сегодня опять кровь из носа потекла.

Лена рассказала о знакомом детском враче, к которому всегда обращается.

— Это жена хорошего приятеля моего Костика, её зовут Марина Юрьевна, а вот фамилию забыла. Раньше она была Желябьева. Да зачем нам фамилия, у меня есть телефон. Давай позвоним. Маринушка не откажет... — предложила соседка.

Марина Юрьевна, едва взглянув на ребенка, очень обеспокоилась состоянием девочки. Нахмурилась, помрачнела. В глазах пробежали отзвуки какого-то далекого горя. Она заставила тут же, в этот день, сдать анализы, сама пошла с ними в лабораторию. Когда-то у Марины Юрьевны умер маленький сын от рака крови. И вид бледной Аллочки напомнил малыша Маринушки. Женщина была права в своих подозрениях. Анализы маленькой Аллочки показали очень высокие лейкоциты. Приговор был страшен. Лейкемия. У Зои оборвалось все внутри. Какая уж тут деревня! Малышку пришлось положить в больницу. Зоя была в растерянности. Как оставить одну девочку и куда деть своих близнецов. Хорошо, что выручал Сергей Петрович. Именно в эти дни позвонила Ольга. Услышав расстроенный голос женщины, Ольга забеспокоилась, вдруг что с Шурочкой. Уставшая Зоя ей рассказывала по телефону, что пришлось взять детей Влада от первого брака, что Аллочка серьезно больна:

— В больнице одна малышка, мотаюсь туда-сюда. Аллочке всего три года, трусики некому вовремя переодеть, — жаловалась она. — Отец мой, в смысле дед, измучился с близнецами и девчонками. Устал. Без конца сидит в няньках. Баба Сима тоже не бросит старших, хоть и рвалась сюда. Знаешь, Ольга, я смертельно устала. Но я бы все вытерпела. За

что малышке такая болезнь? Ей и так досталось в пьющей семье. А девочка просто ангел. Глазки голубые, волосы беленькие, вьются. Она такая беспомощная, худенькая, маленькая, плачет так жалобно, когда я ухожу и оставляю её одну.

Ольга прилетела через три дня. Не просто прилетела, она привезла документы, подтверждающие, что одна из зарубежных клиник забирает девочку для проведения курса лечения. Женщина сразу же с самолета пошла с Зоей навестить малышку. У Ольги своих детей не было. И в тот момент, когда Зоя ей рассказывала об этой девочке, глубоко в подсознании бездетной женщины родилась мысль — это её девочка, надо лететь за ней. Но пока Ольга даже себе не решилась признаться в этих мыслях. Она сразу полюбила это голубоглазое создание, только не было уже льняных локонов у Аллочки, исчезли после курса химиотерапии. Лечение плохо помогало. Владислав уже искал пути отправить малышку на лечение за границу. Опять возникал вопрос, с кем? Ольга осталась с девочкой. Зоя пришла вечером, принесла еду, одежду: и Ольге, и малышке. Вот тут в больнице у кровати уснувшей Аллочки Ольга заговорила с Зоей о том, что её муж — врач, что пусть отправят девочку с ней, за границу. Там очень неплохо поставлен вопрос лечения детей с таким диагнозом. С лечащими врачами Ольга уже обо всем переговорила.

— Вот, посмотри, Зоя, с моей стороны есть все бумаги. Дело только за вами, — закончила она такими словами.

— Господи, но мы не успели оформить опеку на Аллочку, — вздохнула Зоя. — Неизвестно, где Людмила, её мать. Я не знаю, что дальше будет. Как добиться её разрешения на выезд за границу?

— Прорвемся, бабушка ведь есть, — уверенно сказала Ольга. — А теперь, Зоя, Владислав, я хочу остаться с девочкой и на ночь. Поезжайте домой. Я здесь останусь. Я буду с малышкой. Мне разрешили.

Зоя благодарно вздохнула.

В считанные дни оформили все документы. Сказать к чести чиновников, видя страшный диагноз, подписали все бумаги в течение двух дней. Лишь один, розовый и гладкий, заупрямился. Он пытался по этим документам, что были на руках Ольги, отправить другого ребенка. «Почему мы должны именно эту девочку выбрать? — говорил он. — Нет матери? Но есть кому заботиться о ней. Вы отец? — чиновник обратился к Владиславу. — Не отец? Но вы же заботитесь о ребенке. Вы — семья обеспеченная, найдете деньги». И отодвинул в сторону все бумаги. Зоя разрыдалась от отчаяния. Ольга зло выругалась. Владислав вечером успокаивал жену, сказал, что даст на лапу этому господину, и вопрос будет исчерпан. А Ольга не теряла времени, она по-своему решила этот вопрос. Она обратилась к своей давней приятельнице, Сирене Арбениной, той самой скандальной журналистке, которую побаивались многие.

После печально известной и неудачной передачи, Сирена несколько не расстроилась, не впервые. Это неплохой пиар. Карьера её не пошла на спад. Наоборот, лишний шум ей был на пользу. В сущности, она была неплохая женщина. Узнав о проблемах маленькой девочки, Сирена тут же почувствовала, что это её звездный час. Она тут же развила активную деятельность, забыв, как посмеялась над ней Зоя. Уже этим вечером зрители кабельного телевидения увидели бледную малышку, похожую на ангела, что лежала в местном отделении гематологии, и розового гладкого чиновника, который пытался объяснить, что таких детей много, что другим тоже нужно лечение за границей. Сирена поступила умно, она задала вопрос сначала чиновнику, потом зрителям: «Как выбрать между двумя детьми?»

Кто из них имеет больше права на жизнь? Кто возьмет на себя роль господина Бога?» Замолчал чиновник. Сама Сирена тоже не ответила. Вместо этого на экране появились атрибуты счета для детей, нуждающихся в лечении. Документы были подписаны на другой день, а на счет, что был указан в передаче, стали поступать деньги. На эти деньги отправили на лечение за границу того ребенка, из-за которого была задержка. А Арбенина начала делать регулярные репортажи на эту тему.

Ольга увезла девочку. Она перед отъездом познакомилась и со старшими сестричками, которые накануне приехали, чтобы проводить в дальнюю дорогу сестренку. Кто знает, может, они видят её в последний раз?

Серьезная Лена очень понравилась Ольге. Она и Аллочка были похожи, обе в мать, такие же голубоглазые и светловолосые, в отличие от черноволосой кареглазой Вали. С Ольгой Леночка была очень приветлива, не молчала угрюмо, как с Зоей и отцом. Женщина чувствовала какой-то надрыв в девочке-подростке, видела, что нет понимания между ней и семьей. «А ведь им всем очень трудно! — подумала Ольга. — Мне по душе эта девочка. Жалко её».

— Знаешь что, Леночка, приезжай ко мне учиться, — сказала Ольга.

— А вы возьмете? — спросила Лена, глаза её вспыхнули радостью.

— Возьму, — улыбнулась Ольга. — Будешь вместо дочери мне. А то Зоя не отдала мне дочь Беллы, может, согласится тебя отпустить. Я вот хочу у них выпросить и Аллочку. К сердцу припала девчушка мне. Я уже не молода, а детские голоса люблю. А может, мне всех вас троих забрать? — пошутила она под конец.

Шутка шуткой, но эта мысль запала в сердце Ольги. Но пока её заслонили проблемы, связанные со здоровьем Аллочки.

Ольга улетела с девочкой за границу. Леночка очень расстроилась, прощаясь с малышкой, ревела в голос Валюшка. Ольга обещала, что пригласит и их к себе, пусть родители оформят загранпаспорта. Но сейчас, в первую очередь, надо вылечить Аллочку. И опять же странно. Леночка, расставшись с сестрой, еще больше отдалилась от отца и его новой семьи. Валюшка, наоборот, привязалась. Ольга не сразу забрала старших девочек. Долго лечила Аллочку. Состояние девочки улучшилось, но Ольга и не думала везти назад девочку. Она звонила и говорила, пусть малышка побудет еще здесь, что она под наблюдением врачей. Зоя и Владислав соглашались. А потом Ольга с мужем уехала в Америку. Аллу увезла с собой, оформила удочерение. Людмилу к тому времени лишили родительских прав. Зою и Влада Ольга спрашивать не стала. Просто позвонила и сказала с виноватой интонацией, что они удочерили девчушку, что пусть Зоя и Владислав не сердятся. «Не могу я с ней расстаться, — заключила такими словами Ольга. — У вас куча своих детей. Зачем вам чужая девочка?» Зоя немного обиделась, но потом рассудила: Ольга права, ей и так хватает детей. Судя по словам Ольги, она полюбила Аллочку. Что же пусть у девочки будет мать. Это же хорошо. Лена опять обиделась на родителей. «Отдали Аллочку, — говорила она бабе Симе, — конечно, ведь она им чужая. А нас спросили?» Девочка подросток противоречила сама себе, такой уж этот возраст. Расстроилась и Валюшка. Опять плакала. А баба Сима была благодарна Ольге за младшую внучку — хоть этот ребенок пристроен, нашел свою мать. Милка-то пропадает где-то, может, убили уже. А Зойке забот и так хватает.

Сирена Арбенина сдружилась с Зоей. Она даже гостила у них летом в деревне, все просила разрешения рассказать об их большой семье, в голове её складывался интересный

план телепередачи. Но ни Зоя, ни Владислав не соглашались.

Сидя как-то вечером на улице, возле стен недостроенного дома, Зоя спросила:

— Нина (это было настоящее имя журналистки), ты не обидишься за этот вопрос? Почему ты в своих репортажах всегда обо мне давала негативную информацию? Ты же совсем не такая, как я тебя представляла по твоим передачам.

— Разве? — удивилась новая подруга.

— Когда родилась Ксения, ты написала, что жены олигархов рожают не от мужей.

— А разве это не так? — засмеялась журналистка.

— Так, — смутилась Зоя. — Но я-то тогда была уверена, что Антон — отец Ксюши. И Антон в этом не сомневался.

— Ладно, Зоя, скажу тебе правду. Я тебе в те дни завидовала самой черной завистью. Я ведь была любовницей твоего Антона. Только, чур, тоже без обид. У него много было женщин. Белка тоже имела виды на состоятельного разведенного мужчину. И вдруг ты появляешься ниоткуда. Мы как глянули на тебя, поняли, нам не совладать с тобой. Молодая, красивая и даже умная. Антон был для нас потерян. Я всегда хотела ребеночка. Просила Антона на прощание мне помочь. Он отказался, сказал, что скорее сделает стерилизацию, чем будет плодить детей.

— Да, Антон никогда не хотел детей.

— А потом ты вдруг рожает. И всюду счастливая рожа Антоши. Я тогда подумала, как так, я с ним несколько лет трахалась, прости за грубость, а не залетела. Уж очень он аккуратен был, а тебе удалось. Вот тогда я и подумала, что Антон тут ни при чем. И решила подпортить ему жизнь. Тем более мне так хотелось ребеночка.

Зоя смотрела вопросительно.

— Ладно, договорю все до конца, — продолжила Арбенина. — Белка знала, что я мечтаю о малыше. Она предложила воспользоваться, чур, опять без обид, Владиславом. «Он жеребец, — сказала она. — Он трахает все, что шевелится».

— И что? — Зоя с ужасом думала, что сейчас у Влада обнаружится еще один ребенок.

— Отказал мне твой Владька, — засмеялась Арбенина, — не переживай. Он сказал, что баб для себя выбирает сам. Вот и получилось: стоит мне на мужичка посмотреть, а ты отбиваешь.

— Но у тебя есть ребенок? — тихо напомнила Зоя.

— Владька твой тут ни при чем. Это искусственное оплодотворение. Я и Ольга вдвоем обращались в клинику. Мне повезло с первого раза. У Ольги без конца были выкидыши. А потом она вышла замуж за иностранца. И я вышла. Мой Арбенин — самый лучший мужик на свете. И дочь любит. Они сейчас у свекрови в деревне.

— А ты почему не с ними?

— Знаешь, Зой, если и боится кого-нибудь Быстрая Гончая по имени Сирена Арбенина, то это своей свекрови. Знаешь, эта стерва считает, что я неправильно воспитываю дочь.

— А как она относится к твоей девочке?

— Обожает просто. При этом утверждает, что внучка вся в неё.

Зоя засмеялась. Объяснение её вполне устроило.

В деревне

Старшие девочки по-прежнему жили с бабушкой, в деревне. Отправив на лечение Аллочку, сюда же на лето приехала с детьми и Зоя. Их участок был окружен высоким забором. Владислав, начиная строительство, первым делом приказал построить мощный забор.

— Вот и хорошо, — подумала Зоя, — а то за домом речка. А мальчишки всюду лезут. А через такой забор не перелезут.

И стала чаще выпускать полуторагодовалых близнецов во двор. Но и здесь мальчишки лезли всюду. Сразу за старым домом стояли стены нового. Во дворе было много мусора. Им занялся Сергей Петрович, он убирал двор, увозил мусор на тачке. Вскоре рядом с ним трудились и близнецы: они возили старые коляски девочек, в которые для виду дедушка что-нибудь кидал. Дружба Сергея Петровича и внуков процветала. Своенравные малыши беспрекословно признавали авторитет деда. Сергей Петрович посадил-таки, как и собирался, несколько грядок лука и моркови. Малыши туда не лезли. Даже Зое объясняли, качали отрицательно головками: «Нельзя туда». Зоя посмеивалась и мечтала о цветниках. Но в этом году пока не выйдет. Строительство. А вот в следующем, когда будет готов дом...

Валюшка обрадовалась приезду семьи отца, стала частым гостем в их доме. Скучая по Аллочке, она подружилась с Ксюшей и Шурочкой, привязалась к малышам, которые просто обожали Валюшу. Мальчишки росли, им было все интересно. Терпеливый Рыжик, гроза местных кошек, благополучно переживший любовь Шурочки и Ксюши, при виде близнецов тут же срывался с места и залезал на чердак. Когда Сашка с Сережкой появлялись во дворе тети Риммы, то дворовый Шарик, довольно-таки крупный добродушный пес, трусливо поджимал хвост и прятался в будке, не ожидая, когда начнут исследовать его глаза и уши. Остальная живность терпела, как могла. Петя очень любил двоюродных братиков, мечтал, когда подрастут, будет ходить с мальчишками на рыбалку. А пока уж он с ними что только не вытворял. Вот посадил трусливого Сережку на поросенка, мальчишка упал, разбил губу, разревелся. Тихая обычно Шурочка коршуном налетела на обидчика, попало и Петьке, и поросенку. А старший брат уже поймал ленивую курицу для Сашки. Мальчишка чуть не задушил её, схватив за голову. А Петька уже нес показать маленького гусенка плачущему Сереже. Близнецы тоже любили Петьку, когда Зоя навещала невестку, мальчишек невозможно было оторвать от старшего проказливого брата, они выполняли все его приказы. Римка ругалась, грозилась отлупить крапивой, но шалости продолжались. Зоя каждый раз обещала Петьке, что больше не придет сюда и мальчиков не приведет. «Мне животных ваших жалко, — говорила она. — Сколько же можно их тискать, гладить, таскать за хвост». Петька клялся, что не будет учить мальчишек плохому, что не будет давать в руки малышам ничего живого, но стоило Сереже с Сашей чем-то заинтересоваться, и все повторялось: Петя ловил кур, гусей, утят, маленьких поросят и прочую живность для исследования мальчишек. Как-то с Зоей пришла Валюшка. Тот вечер прошел спокойно. Девочка не дала озорнику ничего натворить. Она не отходила от близнецов.

— Вот, — обрадовалась Зоя. — Без Вали не буду ходить в гости.

— Золото, а не девчонка! — вынесла вердикт Римка, глядя на ласковую девочку.

Валя часто оставалась ночевать в доме родителей. Девочка тянулась к отцу, к Зое. Ей явно не хватало материнского внимания. Зоя полюбила её, старалась приласкать, обнять,

просто погладить по головке. Валюша отвечала тем же. Леночка сердилась, потихоньку ругалась на сестру, что не живет дома, та виновато шла к бабушке. Ласковая, приветливая, Валюша очень скучала по Аллочке, поэтому с каждым днем все больше привязывалась к маленьким братикам, с удовольствием возилась с ними. Зоя была рада. С Валюшей и ей было легче, да и муж радовался, что дочь рядом. Владислав как-то вспомнил, как он называл младшую дочку — Лапочка. Это детское прозвище вновь прижилось. Его с удовольствием произносили Ксюша и Шурочка, которые просто обожали Валюшу, его пищали близнецы, «Ляпуська», — получалось у них. А Зоя объединила два слова — Лапочка Валюша, так она звала среднюю дочь мужа. Как хотелось, чтобы и Леночка перестала хмуриться, начала улыбаться, полюбила отца. Влад пытался поговорить откровенно с Леной, выяснить, что не так, что не нравится старшей дочери. Но своими разговорами только все ухудшил. Девочка замкнулась и замолчала, перестала совсем заходить в дом отца. Зоя боялась, что она может окончательно озлобиться. Как все ни старались, отношения между Владиславом и старшей дочерью ни в какую не складывались. Зоя решила сама поговорить с Леной. Вся неприязнь шла от неё. Валюшка была проще. А может, дело было в переходном возрасте Леночки?

— Лена! — спросила Зоя, как-то придя в дом Серафимы Федоровны с свежее испеченным тортом «Рыжик». — Почему ты так плохо к нам всем относишься? Не хочешь, чтобы Валя ходила к нам? Что тебе сделали мы плохого? Я, папа, Шурочка, мальчики? Ты только немного разговариваешь с Ксенией.

— Тетя Зоя, я ничего против вас не имею, — ответила не сразу на её слова Лена. — И мне кажется, если бы папа тогда ушел сразу к вам, я бы его простила. Вы бы не разрешили ему нас забыть.

— Да не забывал вас отец, — воскликнула Зоя. — Он всегда вас вспоминал. Да и деньги постоянно посылал, и немалые.

— Лучше бы не посылал, мама и отчим только пить начали, когда он стал много присылать, — ответила грустно девочка. — Но папа ушел от нас не к вам, а к тете Белле, она была жестокая и злая. Я помню, как она сказала, когда мы были летом у бабушки, а папа заехал к нам: «Чего ты с ними без конца возишься? Деньги дал и поехали!» И папа даже не поговорил с нами, не поиграл. Уехал тут же. Знаете, как я плакала, как было обидно. Я ведь ждала его. Никогда ему не прощу этого.

— Леночка, — пыталась оправдать мужа Зоя. — Может, у папы были срочные дела. Девочка молчала. Зоя поняла: никакого оправдание ей не будет принято.

— Но сейчас-то папа здесь. Он любит вас.

— Может, и любит. Но с нами не живет, — ответила Леночка. — А с вами.

— Лена. Но мы же — семья. Приходи и ты к нам. Живи с нами. Вместе папу будем вечером ждать.

— Нет, он все равно нас меньше любит, — упрямо опустила голову девочка.

— Почему ты так думаешь.

Девочка не стала говорить, что ей обидно, что Владислав всегда сначала подхватывает на руки мальчишек, да и остальные его облепят, он всех перецелует, а потом только идет к ней, к Леночке.

— Ты неправа, — тихо сказала Зоя, не дождавшись ответа.

— Нет, права, — обиженная еще больше своими мыслями, девочка вздернула головку и сердито продолжила. — И вы, тетя Зоя, тоже всех по-разному любите.

— Это ты уже придумываешь, — Зоя даже обиделась.

— Нет, не придумываю. Вот вы Шурочку чаще обнимаете, чем Ксюшу. И она к вам без конца липнет. Вы это знаете?

— Да, — честно сказала Зоя, — знаю, но Шурочке это нужнее... А Ксюша на меня не в обиде, она все понимает.

— Откуда вы знаете? Может, и обижается на вас Ксюша, — буркнула девочка и окончательно замолчала, она опять замкнулась.

— А почему ты мальчиков не любишь? Они-то крошечные совсем, плохого тебе ничего не делали. Они всех любят, кто к ним хорошо относится. Я не прошу нянчиться с ними, но сегодня к тебе подбежал Сережа, он тебе конфету нес, а ты оттолкнула его. Ты нехорошо поступила.

Лена подумала: «Нужна мне ваша слюнявая конфета, весь шоколад растаял. Если вам так хочется дать мне конфет, купили бы килограмм, я бы поела. Небось, Шурка все донесла. Она так громко сегодня орала во дворе, что я злая, что я никого не люблю, что мамочка её расстраивается». Лена не понимала, что в ней говорило обычное чувство ревности, девочке хотелось сказать: «Вокруг близнецов и так все прыгают: Шурка с ними сюсюкается, Валька все бежит к ним, Петька приходит, носится с ними, как дурак, и отец, когда приезжает, первым делом сыночков своих сгребает в охапку: как я соскучился! Одна Ксюшка от мальчишек убегает. Правда, Ксюшка днем орала на меня из-за Сережки еще больше Шурки. А чего орать... Мне что-то не дали весь пакет с конфетами. Я бы по-честному всем поделила. Уж лучше бестолковых близнецов. Могла бы тетя Зоя и сейчас конфеток принести. Мне днем не досталось». Произнося про себя эту обвинительную речь, Лена забыла про принесенный торт, про сладости, что всегда были в доме бабушки, а их покупала Зоя, как, впрочем, и всю прочую еду и одежду.

Сегодня днем случилось следующее. Близнецы раздавали конфеты. Началось это с того, что Ксюша, как всегда, захотела конфет перед обедом, но не пошла сама просить конфеты, а послала за ними мальчишек. Смеясь, поучала: «Скажите маме, чтобы много дала. Не уходите, пока все не отдаст». Так и получилось. Мальчишки не отстали от матери, пока не выполнили приказ деловой сестрички. Зоя им дала целый пакет и велела всех угощать. Сама не пошла во двор. Знала, там Лапочка Валюша, она проследит, да и Ксюша с Шурочкой любят справедливость, не дадут Петьке большую часть себе захватить. Гордые мальчишки важно принесли пакет и под руководством Пети делили конфеты. Старший брат устроил своеобразную игру: он вытаскивал конфету из пакета и спрашивал?

— Это кому? Валюше? Правильно. Неси, Санек! Она батончики любит. А это Шурочке...Шурке, конечно, Сережка отнесет...А мне сразу две давайте, и ты, Санек, и Сережка...Я один у вас брат... Девчонок много...

Мальчишки с огромной радостью по очереди разносили всем конфеты, весело смеялись, когда старшие дети наперебой выпрашивали у них конфетку. Всем было очень весело. Но вот Ксюша что-то шепнула, и Сережа зажал ручонкой шоколадный батончик и понес сидевшей в стороне Лене.

— На, — протянул малыш ручку.

— Брысь отсюда, — брезгливо сказала старшая сестра и, развернув малыша, слегка поддала под зад.

Малыш не удержал равновесия, упал, но конфету из ручонки не выпустил. Ему было не больно, он не испугался, ему было обидно, никто так не поступал по отношению к нему, он скривил ротик, собираясь плакать. Ксюшка и Шурочка тут же бросились к брату, подняли

его. Подбежала Валюша, обняла малыша, стала целовать.

— Я возьму конфетку, — приговаривала она. — Сережа даст своей Валюше конфетку.

— Я хочу, я хочу конфетку, дай мне, Сереженька. Я люблю батончики. Я хочу, чтобы Сережа мне дал, — кричали Шурочка с Ксюшей, отвлекая братика, который готов был расплакаться.

— Нет, мне нужна конфетка, — Петя шутливо отпихивал Ксюшу. — Я хочу, чтобы Сережа дал мне конфетку. Я плакать буду, если Сережка мне не отдаст конфету, а-а-а-а, — Петя закрыл лицо и притворился, что хнычет.

Сережа сразу обнял измазанными ручонками брата и отдал конфетку ему. Петя взял батончик, показал Лене кулак, а Шурочка, увидев, что её любимец успокоился, затих в ласковых руках Валюши, подошла к Лене и сердито закричала на неё:

— Ты, Ленка, злая! Не смей обижать мальчиков! Уходи от нас! Без тебя лучше. Мама и так устает, у неё куча дел и детей. А ты только вредничаешь.

— И папа из-за тебя расстраивается, — кричала и Ксения. — Ты противная. Еще раз обидишь Сережку, я тебе... я тебе...

— Ну и что ты мне сделаешь? — встала насмешливо Лена.

— А давайте я ей прямо сейчас накостыляю, — предложил Петька. — Чтобы она малышню не обижала. А что, вместе справимся....

На громкие голоса детей подошел Сергей Петрович. Он давно за всем наблюдал. Драки между детьми допустить нельзя было.

— Что за шум? — спросил дедушка.

— Спросите свою мелюзгу, Сергей Петрович. Валька, пошли домой! — ответила Лена высокомерно и ушла.

На душе у девочки было нехорошо. Да и шоколадные батончики она любила. Валюша виновато наклонила голову и не пошла, она осталась с детьми. Дети быстро забыли про Леночку и весело играли дальше.

Это все рассказал Зое отец. Вот и пошла поговорить с девочкой женщина. Из разговора она сделала один вывод — сегодня до души Леночки достучаться не удалось.

— И все же, Леночка, будь поласковее с отцом, с сестрами, — тихо попросила Зоя. — Они любят тебя. Ты сама всех отталкиваешь.

Ну никак она не могла понять эту девочку.

Лена опустила голову и не произнесла больше ни слова. Не стала есть торт, ушла в другую комнату. И Зоя оставила эти разговоры. У девочки переходный возраст, вон как ершится. Пусть пройдет время, надо потерпеть.

Так постепенно пробежало это лето.

День рождения

В октябре Владиславу исполнялось тридцать пять лет. Шурочка и Ксюша шушукались, шептались, готовили подарки. Зоя думала о семейном ужине. Много гостей решили не приглашать, только свои, родные. Из деревни приедут Андрюша с Римкой и Лену с Валюшей привезут. Серафима Федоровна отказалась ехать.

Семейное мероприятие приурочили к выходным дням. Но на работе Владислав решил угостить сотрудников именно в день рождения, десятого октября. Он знал, его обязательно поздравят, преподнесут подарок. Надо делать ответный жест, организовать стол, угостить людей. Зоя сказала:

— Не переживай, Владь. Я все сделаю по высшему разряду. И напитки, и закуску. Скажи только во сколько. Я даже горячего привезу. У тебя там одни женщины, а женщины любят покушать.

Владислав засмеялся и согласился.

— Заодно, — добавил он, — я тебя покажу, наконец-то, моим сотрудникам. И детей привези. Мальчишек моих женщины ни разу не видели, только Шурочку с Ксенией. И ты ни разу ко мне не заехала. Могла бы и проверить, а вдруг кто твоего мужа соблазняет. Знаешь, какие женщины у меня все красивые.

— Поэтому, Владь, и не еду. Ревновать потом буду, — отшутилась Зоя. — Но сегодня обязательно буду. И детей привезу. Пусть посмотрят на большое семейство самого красивого мужчины в вашей конторе.

— Зоя, учти, мои сотрудницы обожают розыгрыши. Предупреждаю, смотри, не попадись! Подсунут тебе какого-нибудь электрика с линии.

— Мне это не страшно, Владь! — она не закончила мысль. — Я же...

— Заюшка, договаривай, — Владислав знал, какие слова остались не произнесенными, он любил их слышать.

Зоя засмеялась:

— Я вспомнила: давно не говорила, что люблю тебя...

Десятого октября, погода выдалась славная, солнечная, приветливая, хоть и прохладная. Девочки с утра спели папе песню, подарили нехитрые свои подарки: Шурочка нарисовала картинку, Ксюша её раскрасила. Вечером на пианино обещала сыграть, а Шурочка будет петь. «Специально, пап, для тебя!» — сообщили девочки. Мальчишки тоже вручили папе подарки. Ксюша и Шурочка весь день накануне учили их. И вот мальчишки вспомнили, побежали и быстро принесли папе красивый брелок для ключей — с игрушечной машинкой.

— А я попозже поздравлю, — озорно подмигнула Зоя. — Ночью!

К трем часам Зоя повезла продукты и напитки в офис мужа. Она, оставив все в машине, — сумки были очень тяжелые — пошла за Владиславом. Её остановила грозная секретарша:

— Вы к кому?

— К Владиславу Сергеевичу, — Зоя даже испугалась сурового тона женщины.

— Его нет, и принимать сегодня не будет, — секретарша отвернулась, давая понять, что диалог закончен.

— Приветливые, красивые, ишь, как нахвалил своих работниц! — подумала Зоя, но вслух сказала. — Но Владислав Сергеевич очень мне нужен.

Сердитая секретарша не повела даже бровью. Зоя в растерянности оглянулась. Одна из сотрудниц, с живым озорным лицом, спросила Зою:

— Какой у вас вопрос? Может, мы вам поможем?

— Да не знаю, — ответила женщина. — Мне бы лично нужен Владислав Сергеевич.

— Он всем нужен, — сердито ответила секретарша. — Ходят по пустякам вот такие расфуфыренные, глазки строят... Знаю я вас...

— А вы все, Зинаида Антоновна, нашего шефа охраняете, блюдете, так сказать, — засмеялась другая сотрудница, с ярко накрашенными глазами.

— И буду блюсти, у Владислава Сергеевича хорошая семья. Нечего вертихвосткам на него вешаться, — сердитая секретарша грозно удалилась.

— Интересненько, — ревниво подумала Зоя, — очень интересненько, кто тут на Владьку вешался? Не уйду теперь, пока не узнаю.

И тихо села на стул, прислушиваясь к разговору.

— Говорила тебе, не получится, — сказала сильно накрашенная женщина.

— Мы неудачно кандидатку подобрали, не в его вкусе. Та была блондинка с пустым лицом, да еще Зина её шуганула... Знаешь, какую надо... — засмеялась озорница.

— Какую?

— А вот такую, — она показала глазами на Зою. — Эта в его вкусе. Ключет. Наш шеф брюнеток любит. И чтобы грудь побольше.

Зоя с интересом вслушивалась в непонятный диалог.

— Послушайте, — неожиданно обратилась к Зое веселая сотрудница. — Помогите нам. Разрешите один спор.

— Какой?

— Вот вы яркая красивая женщина. Наверняка, когда идете по улице, мужчины оглядываются.

— Бывает, — согласилась Зоя.

— Наш начальник раньше был страшный бабник, — продолжила озорница. — А сейчас, говорят, он верен только жене. А я не верю в это. Бабники не меняются.

— А что от меня-то надо? — Зою еще больше заинтересовал разговор.

— Сейчас наш Владюша вернется...

— Она Владьку Владюшей зовут, — отметила Зоя. — Еще интереснее...

Она не сразу поняла поэтому, что ей предлагают.

— Вы очень яркая интересная женщина. Попробуйте подцепить нашего начальника. Охмурить, так сказать. Ну не может бабник так переродиться!

— Не получится, Кать, говорю тебе, — вмешалась накрашенная. — Много изменилось, ты здесь не работала последнее время. Наш Владюша стал абсолютно другой.

— А я говорю, коты не меняются.

— А почему вы сами не попробуете? — осторожно спросила Зоя. — Вы тоже красивые женщины.

— С этим строго у нас. Наш Владюша за все годы, что работает здесь, ни с кем романа не крутил. Это его принцип. Ему надо со стороны женщину...

Зое стало смешно: за кого её приняли и что предлагают — соблазнить собственного мужа! А что если разыграть этих дамочек, чтобы впредь неповадно было экспериментировать.

— А что означает охмурить, — спросила она. — В чем это должно выразиться? Ваш

Владюша должен меня, простите за прямоту, трахнуть?

Женщины засмеялись.

— Ну до этого не стоит доводить, — испугалась накрашенная. — У него семья все-таки. И детей куча!

— Давайте на поцелуях остановимся. Пусть наш Владюша вас хотя бы поцелует. Хоть в щечку, — дала указания озорница.

— Можно ручку.

— Нет, ручку он у всех целует.

— Хорошо, — согласилась Зоя и пошла к выходу.

— Вы куда? — окликнула её озорница.

— Я должна подготовиться, быть во всеоружии. Когда ваш Владюша прибудет?

— Через час точно.

— Через час я буду здесь. Только сделайте так, чтобы ваша церберша меня пропустила, — Зоя кивнула на дверь, куда скрылась секретарша.

Женщина вышла. Остановилась возле машины. «Черт побери, — спохватилась она, — а продукты-то я не отдала». Тут подъехал Владислав. Зоя обрадовалась.

— Вот бери, Владь, а я быстро домой смотаюсь. Я напитки забыла. Через час буду.

Она быстро поцеловала мужа и уехала. Влад в недоумении посмотрел ей вслед.

— Чего-то темнит моя Зайка. Буду ждать сюрприза.

Через час с ярким макияжем, тщательно причесанная и одетая в открытое черное платье, Зоя была на месте. Увидела озорниц.

— Я готова, девушки, — она распахнула пальто на минуту, чтобы девицы увидели её откровенный наряд.

— Самое оно, Владюша не устоит, — прокомментировала озорница. — Он просто тащится от больших бюстов.

— Устоит, — возразила другая. — Говорят, его жена сравнима только с богиней. У неё, как у модели, фигура.

Девушки отвлекли суровую секретаршу, Зинаида Антоновна куда-то ушла, и Зоя наконец-то попала к мужу.

— С днем рождения, родной мой, — она поцеловала Владислава.

Жена сегодня была невероятно красива. Черное обтягивающее платье выгодно подчеркивало её фигуру, делая женщину сексуальной. И Влад почувствовал знакомое возбуждение.

— Заюшка, знаешь чего я больше всего хочу? — прошептал, обнимая, муж. — Я хочу в нашу спальню.

— Владька, — засмеялась Зоя. — А твой кабинет изнутри запирается?

— Запирается, — Влад нехотя оторвался от Зои, подошел к двери и повернул ключ.

— Значит, нам ничто не помешает, — Зоя приникла к мужу. — Мой Владик-Славик, но почему с каждым днем я только больше тебя люблю?

— Потому что ты моя женщина, — Владислав жадно целовал жену. — Мы, как в твоей сказке, предназначены друг другу.

Веселые операторши несколько озадаченно переглянулись между собой. Такого они не ожидали. Владюша закрыл дверь изнутри на ключ, а там незнакомка в потрясающем наряде. Что это означает?

— Я выиграла, — совсем не радуясь, сказала сотрудница с озорным лицом.

— А я все равно не верю, — отозвалась сильно накрашенная, в её голосе тоже больше не звучало веселья. — Здесь что-то не то. Она зайти не успела, может, сама дверь и закрыла, может, случайно закрылась. Посмотрим, когда откроют. Я всегда по мужику легко определяю, клюнул он на бабу или нет.

Обе сели ждать результата. Вышла Зинаида Антоновна.

— Что грустим? — весело спросила она.

— Неожиданный результат, — уклончиво отозвались веселые операторши.

— Неожиданного ничего не бывает, — ответила строгая Зинаида Антоновна. — Все в мире взаимосвязано. И наш Владислав Сергеевич любит только жену.

... Зоя поправила свою прическу.

— Владь, застегни молнию на спине, — попросила она. — Хорошо, что платье немнущееся, — женщина засмеялась. — Какие мы с тобой бессовестные.

— Просто я очень тебя люблю, — ответил Влад, застегивая молнию, и, не удержавшись, еще раз поцеловал изящную шею жены.

— Дай-ка я костюм твой приведу в порядок, — проговорила Зоя, стряхивая видимые только ей пылинки, поправляя воротник и галстук. — А в спальне лучше. Я бы обняла тебя сейчас и не разлучалась до утра.

— И я, — откликнулся Влад. — Но мы еще наверху. Идем, познакомлю тебя с моими прекрасными сотрудницами.

— Да, идем. Надо уже и стол накрыть. Надеюсь, твои женщины мне помогут.

У двух сотрудниц смущенно забегали глаза. Глава энергосбыта вышел из своего кабинета, обнимая женщину за талию. Что-то непонятное. Неужели перестарались? Сотрудницы даже малость струхнули, зато довольно улыбалась секретарша.

— Дорогие мои женщины, познакомьтесь, — начал Владислав, держа Зою по-прежнему за талию, — моя прекрасная половина, моя лучшая половина, любимая моя половина... словом, это моя жена... Зоя.

Женщина приветливо улыбнулась, обняла мужа, поцеловала в щеку, подмигнула двум удивленным женщинам. В изумлении переглянулись озорницы. Это заметил и Владислав:

— Девочки, пожалуйста, сегодня без розыгрышей, — попросил он. — Никаких мне наживок. Не клюну. Я женат. Кто, по вашим планам, сегодня должен был мне строить глазки? Вы знаете, я этого не боюсь. У меня на страже Зинаида Антоновна.

Зоя захохотала.

— Владь, они меня тебе подсунули. Я глазки строила. Не видел разве? Девочки, вы лопухнулись, — обратилась Зоя к озорницам. — Но я выполнила все ваши условия. Владюша клюнул. И еще как клюнул. Даже наживку проглотил. Владь, давай поцелуемся, а то не поверят. Ну, как в Голливуде давай! Откровенно и бессовестно.

Зоя обняла мужа, прижалась к нему, приникла к его губам, Владислав ответил тем же.

— Все правильно, — сказала приветливо довольная Зинаида Антоновна. — Это я, Зоя Александровна, девочкам вас подсунула. Сказала, что знаю вас (я видела из окна, что вы приехали), что вы любите дурить головы мужчинам, завоевывать их, что вы обожаете розыгрыши — словом, подходящая кандидатура, но при этом добавила, что не пропущу вас. Вот они и старались. Я же знала, что вы жена Владислава Сергеевича. Ваше фото лежит у него в столе. Так что, девчонки, — смеющаяся Зинаида Антоновна повернулась к озорницам, — я вас переиграла.

— Зоя, — Владислав счел нужным пояснить это жене. — Наши женщины, с тех пор как

я женился на тебе, регулярно мне устраивают испытания, следят, как я реагирую на красивых женщин. Но верная Зинаида Антоновна всегда на страже.

— Ну а кто, по вашему мнению, выиграл спор, — смеялась Зоя. — Я выполнила все ваши условия...

Озорницы молчали. У Влада зазвонил телефон.

— А вот и дедушка наш с детьми, — сказал он. — Уже здесь. Сейчас зайдут.

Словно по команде распахнулась дверь, и вкатились два коlobка в одинаковых куртках. Следом шел интеллигентный седой человек. Влад подхватил мальчишек на руки. Близнецы спасли озорниц, все внимание переключилось на детей. Женщины восторженно ахали, удивляясь схожести мальчишек и отца. Владислав сиял, держа сыновей на руках, он гордился Зоей, он гордился сыновьями, отцом, он был счастлив.

— А девочки где? — спросил Владислав.

— У них музыка с рисованием, — ответила Зоя. — Но если хочешь, я привезу их попозже. Их скоро забирать.

— Я заберу их, и мальчишек увезу, — сказал отец. — А вы уж тут отдохните. Девочки сказали не поедут, они будут сюрприз готовить папе.

Зоя быстро стала накрывать столы. Женщины ей помогали. Жена начальника им всем понравилась.

Через три дня Зоя подала мужу небольшую фотографию в рамке. На ней Владислав увидел все свое семейство.

— Поставишь на стол, чтобы все видели. И никаких больше испытаний! Передай, что я сержусь.

— Поставлю, — согласился он. — И передам.

Но это была уже не первая фотография. По его просьбе Зинаида Антоновна подобрала рамку для фотографии Зои, что лежала в столе. Теперь все могли видеть жену и детей главы энергосбыта.

Старшие дочери

Лена и Валюша учились плоховато. Зоя, проверив оценки за первую четверть, увидев у Лены в дневнике одни тройки, а Валюши еще и двойки по математике, забила тревогу, пригрозила перевести девочек в город. Баба Сима пожаловалась, что Валя и Лена стали часто уроки пропускать. Зоя, как учитель, знала, если эти пропуски не придушить в самом начале, потом не справишься. Она стала контролировать посещение, звонила каждое утро классному руководителю по телефону, и если девочки не были в школе, бросала все, садилась за руль и тут же ехала в деревню. Находила девчонок, если спали, поднимала, отправляла в школу, пусть порой даже к последнему уроку. Опять же это все шло от старшей сестры. Проговорилась та же баба Сима, что Лена порой командует Вале: «Сегодня не пойдем в школу, ну её, спать хочется!»

Зоя стала выяснять причину пропусков. Может, какой конфликт, может, кто обидел девчонок. С Валею был полный порядок. Её полюбили в классе. Она сдружилась с новыми товарищами, нашла подружек. С Леной было не хуже. Новые друзья отнеслись к девочке с пониманием. Класс вообще подобрался дружный, отверженных в нем не было. Зоя еле разобралась, в чем дело. С Валюшей-то ясно: слушается старшую сестру. Она после первых же приездов Зои стала ходить в школу без проблем, не прогуливала больше. У Лены нет-нет, а случались пропуски. Зоя предположила, что причина в следующем: Лена, бывшая отличница, из первых учениц скатилась к троечникам. Это задевало самолюбие девочки. Вот она и выбрала способ самозащиты — прогулять школу и избежать лишней двойки. Тогда Зоя наняла репетиторов. У Леночки была отличная память, прекрасные способности, оценки резко поползли вверх. Окончательно Зоя справилась с этой проблемой, когда Ольга, с которой она регулярно перезванивалась, сама прислала письмо Лене, где просила лучше учиться, чтобы после девятого класса она могла её забрать к себе. «Особенно, прошу тебя, Леночка, учи английский, — писала Ольга. — Язык тебе здесь будет очень нужен». Лена сама попросила записать её на какие-нибудь курсы. До города было недалеко. Зоя тут же нашла учительницу, которая занималась частным образом и давала хорошие знания. Лена основательно засела за учебники. Во второй четверти двоек и троек у Лены не было, редко мелькали четверки. У Валюши дружным рядом стояли тройки. И репетиторы не помогли. Зоя переговорила с учителями. Все в голос сказали одно: «Хорошая девочка, старается, но маловато способностей».

— Не понимаю, — ответила женщина, — девочка не производит впечатления дурочки, у неё живой нормальный ум. Может, мне забрать её в город?

— Не рвись, Зоя, — посоветовала Надежда Николаевна. — Расстаньтесь с мечтой об институте для Валюши, присмотрите ей хороший колледж, где она получит хорошую специальность. Кому-то надо и поварами со швеями быть.

И Зоя прислушалась к этому совету, хотя впоследствии пожалела. Валюша была добрая, ласковая, но в системе не занималась, никто её этому не научил. И сейчас она лишь время от времени учила уроки. А баба Сима беспокоилась лишь об одном, чтобы девочки были чистенькие, накормленные, а учение... Бабушка говорила как обломовские родители: «Учеба никуда не уйдет, лишь бы внукам хорошо жилось, и так уже настрадались девочки за свою короткую жизнь...» Валя с удовольствием помогала бабушке по дому, порой выполняла устные уроки, тройки ей ставили все учителя, полюбив девочку за ее добрый

характер, иногда и четверки мелькали. Как когда-то у Милки. Бабушка была и этим довольна. Валюшу все любили, строго не спрашивали. В школе её тоже стали звать Лапочкой.

Вот так, с трудом, но наладилась учеба. Только наладили учебу, как возникла новая проблема.

Девочкам давали карманные деньги, определенную сумму, в том числе и на обеды в школьной столовой. Но и тут Зоя заметила непорядок. Почему-то девочки не обедают. Ей донесла всезнающая Римка. Она в тот год работала поваром в школьной столовой. Зоя выслушала, вздохнула. Женщина стала уставать от проблем, постоянно возникающих из-за старшей дочери Владислава. И в этот раз она была уверена, что все дело в Лене. Владиславу она пока не стала говорить. Мужу и так хватало забот на работе, да дом достраивал. Влад порой благодарно обнимал жену и шептал:

— Заюшка моя. Как мне тебя благодарить за твое терпение? За заботу о моих старших девчонках?

Зоя в ответ прижималась к мужу, обнимала его и говорила:

— Владь! Ты только нас никогда не бросай. Мне больше ничего не надо. Будь всегда с нами. А остальное все приложится.

— Ну, ты придумаешь! — удивлялся Владислав. — Не бросай нас! Куда же я без вас, особенно без тебя...

Сегодня Зоя поехала в очередной раз в деревню. Во-первых, заболела учительница английского, легла на операцию, уроки временно отменялись, во-вторых, надо выяснить, куда деваются деньги, что девочки получают на столовую. Толком женщина не поняла, что означают слова старшей дочери Влада «непредвиденные экстренные расходы», сказанные по телефону в ответ на вопрос, почему Лена и Валя не ходят обедать. В тот день Зоя впервые сильно обиделась на Лену и никак не могла побороть эту обиду.

Приехав, Зоя сначала стала расспрашивать Валю. Та, видя, что женщина уставшая, расстроена, призналась, что деньги отдает Лене. «Я хорошо кушаю дома, тетя Зоя, бабушка всегда нам завтрак готовит, я не голодная в школе, а Лене денег не хватает», — простодушно пояснила девчушка. Зоя обратила строгие глаза к Лене.

— Что у тебя за траты? На что не хватает денег? Ты, может, курить начала?

— А вам какое дело, вы мне не мать, вы вообще чужая женщина. Зачем приезжаете сюда? Вас никто не зовет. А денег вы мало даете нам, — нахально заявила старшая дочь Владьки.

— Ленка! — крикнула баба Сима. — Вас отец кормит! Одевает! Денег тебе мало! Думай, что городишь!

— Ну и что, — нисколько не смутилась девчонка. — Папаша наш получает целую кучу. Почему она, — девочка кивнула на Зою, — решает, сколько нам давать?

Про еду и одежду девочка-подросток благополучно забыла.

— И сколько же тебе надо? — Зоя смотрела в упор.

Лена назвала.

— Да это больше моей пенсии! — ахнула бабушка.

— А не многовато ли, еще подавишься? — тихо спросила Зоя. — Или, может, вспомнишь, что кроме тебя и Вали еще есть дети в семье, четверо, между прочим. Они тоже кушать хотят и ходят в одежде. И дом у нас еще недостроенный.

— Во-первых, дети не все папины, — ответила девочка-подросток. — Во-вторых,

работает отец, наш отец, а не вы. Это его деньги. Тратьте на себя поменьше, и на Шурку тоже. Думаете, я не вижу, какая у вас дорогая одежда. И дом отец для вас строит. Не для нас.

— Что же, — грустно произнесла Зоя, — сегодня ты ясно дала мне понять, что я вам чужая. Ты каждый раз напоминаешь мне это. Я принимаю твои условия, Лена. И с этого момента деньги я вам не даю. Ты их просишь у отца, а не у его жены. Сама просишь! Я ничего не буду ему говорить и не даю вам ни копейки. У меня их нет, я не работаю! Но обедать в школе вы будете. Я не дам вам позорить имя отца. До меня дошли местные сплетни, что Владислав подбросил вас старой бабке, что она тянет вас на свою пенсию. Спасибо, девочки, постарались.

Зое было обидно за мужа.

— Тетя Зоя, я не говорила такого, — виновато пробормотала Валя. — Я никогда плохо не говорю ни про папу, ни про тебя...

— Но и ты не ходила обедать. Как ты сказала, почему не кушаешь? У тебя нет денег. Вот и стали говорить люди, что вы не нужны отцу, что он жалеет для вас денег.... Не может дать на обеды.

Валюша еще ниже склонила голову. Девочке было стыдно. Лена упрямо вздернула подбородок.

— Милка, вылитая Милка, — подумала Зоя, глядя на неё. — Как тогда в юности, когда сказала, что станет женой Владьки. И я сдалась без боя. Нет, Милка, подруженька моего детства, теперь Зоя другая... Да и ты неизвестно где, что с тобой стало, жива ли... А Владька мой... За Владьку я горло перегрызу... Он и так измучился... Не дам я глупой девчонке позорить его имя, даже если это его дочь...

— Я завтра оставлю деньги Римме, — продолжила вслух женщина, — и запрещаю вам давать наличными. Что хотите, то и покупайте в школьной столовой, но в разумных пределах. И только себе, а не друзьям. Если обедать не будете, никаких сладостей вам продавать тоже не будут. Я договарюсь. Да, и последнее, — Зоя вовремя вспомнила про английский, решила воспользоваться тем, что Лена не знает про болезнь учительницы. — Английский я тоже больше я не оплачиваю. Месяц закончился. Мы всегда платили вперед. Надо отдавать деньги за уроки. Тебе, Лена, придется попросить денег у отца. Уже на следующий урок. Ты знаешь, Марина Анатольевна без денег заниматься не будет.

— Как это не оплачиваете? — забеспокоилась Лена. — Меня тетя Оля заберет в США, мне надо знать английский.

— Отец оплатит, он не откажет, — сказала Зоя. — Но ты попросишь сама у него денег. Валюша, — женщина повернулась к другой девочке.

— Тетя Зоя, а мне и не надо денег, — поспешно заговорила Валя. — Только ты не расстраивайся. Я поговорю с Леной, она больше не будет угощать новых подружек шоколадками и сувениры покупать... и подарки дарить...

— Валька! — крикнула старшая девочка. — Замолчи!

— Что Валька, что замолчи? — не выдержала баба Сима. — Тебе, Ленка, понравилось богатой быть. Как же, думаешь, я не знаю, что ты в магазине на всех подружек покупала конфеты и всякую там дребедень. Своих денег не хватило, у Вальки отобрала. Нам что-то с Валькой ты конфеток не принесла...

— Так у нас всегда конфеты есть, — ответила Лена. — Вон тетя Зоя много привезла. Зачем еще приносить... Ешьте.

— Так, — протянула Зоя. — На друзей, значит, тратила... Мало оказалось... У сестры

забрала... Хватило совести! Теперь у тебя один выход: у сестры денег нет, отбери у бабушки пенсию!

— Я не такая! — обиженно закричала девочка. — У меня есть совесть, что я не понимаю, что это бабушкины деньги, что у неё их немного...

— Не понимаешь, — отрезала женщина. — Взяла у сестры, значит, сможешь и старой бабушки взять. Нет у тебя совести!

Зоя собралась и ушла. Весь другой день она думала: правильно поступила или нет. Не слишком ли резко? Но сколько можно гладить по головке своенравную девицу. В ответ одни гадости. «Дай Бог мне терпения! — вздохнула Зоя. — Обижена на меня Леночка. Хоть и сказала, что не держит зла. Как же поступить? Какое решение правильное?»

Через два дня женщина поехала в школу, долго говорила с Надеждой Николаевной, директором школы, и с классным руководителем, те согласились с ней.

— Слишком часто вы шли у Лены на поводу, — поддержала женщину директор школы. — Я тебя, Зоя, понимаю, девочка не родная, характер трудный, но пора ей сказать «Нет». Правильно, оставьте их без карманных денег.

— Но ведь девочкам иногда нужны бывают деньги, и в кино сходить, и они собирают на что-нибудь... Да и порой хочется что-нибудь вкусненькое... У бабы Симы пенсия совсем небольшая, — расстроено говорила Зоя.

— Если деньги на что-нибудь собирать будут, я сама отдам за девочек, а ты после вернешь, — сказала Надежда Николаевна. — Все равно почти каждую неделю приезжаешь.

— Или я, — добавила классная руководительница.

— Вот и хорошо, — грустно улыбнулась Зоя. — А на вкусненькое Римма даст. Я ей оставлю денег.

Но неприятности не кончились. Лена не осмелилась просить денег у Владислава. А как порой опять хотелось что-то купить для себя, для подружек, которые интересовались, почему Ленка стала вдруг такая жадная. Лена сама не ожидала, что она так наврет им в ответ. Девочка сказала подружкам, что отец в командировке, а мачеха жадная, денег не дает. Валюша, до которой дошли эти слухи, стала ругаться с сестрой, но все без толку. Лене понравилась её выдумка, подружки некоторые сочувственно вздыхали, и она продолжала разглагольствовать, что Зоя живет за счет отца, сама, как королева одета, а им жалеет дать хоть немного денег. Разговоры дошли и до Римки, донес возмущенный Петька. Грозная Римка встретила Лену на пороге столовой.

— А ну иди сюда, — она указала на закуток, где мыли посуду. — Что ты там треплешь про мать?

— У меня нет матери, — угрюмо ответила девочка.

— Это ты про Милку.

— У меня никакой нет матери!

— Вот и дура, что так говоришь. Родная твоя мать еще не померла. Но Бог с ней, она неизвестно где. А Зоя здесь. Зойка добрая, она могла бы вполне тебе заменить мать. Уж точно была бы лучше Милки. Так вот, ты кончай орать на каждом углу, что Зоя денег жалеет. Совесть у тебя есть? Ты говоришь, матери у тебя нет. Есть! Только ты не видишь! Зоя вас приняла как дочерей, всей душой. Что смотришь недовольно. Я чужая тебе, мне все можно сказать. Ты, когда с родной матерью жила, чистых трусов не носила и хлеба вволю не ела. А сейчас щечки округлились, одета с иголочки. Не на пенсию бабы Симы.

Девчонка молчала. Тетя Римма говорила правильно, но детский максимализм видел

только обиду, а она жгла душу: Лену лишили карманных денег.

— Смотри, — предупредила Римка напоследок, — услышу еще, язык оторву. Я не Зойка, миндальничать не стану! При всех подойду и дам тебе хорошую оплеуху.

Римка вполне могла это сделать. Девочка притихла. Но это воспитательное мероприятие имело кратковременное воздействие. Лена на какое-то время прикусила язык, но вскоре опять сказала лишнее.

Дети собирали деньги на подарок к Восьмому марта классной руководительнице. Надежда Николаевна пропустила как-то это событие, хотя её дочь училась в одном классе с Леной, и не отдала деньги. Лена моментально этим воспользовалась и сказала одноклассникам, что она не сдаст денег.

— Почему? — спросил Олежка Попов, сын Сашки Попова, такой же здоровяк, как и отец. — У тебя родаки богатые.

— А мамочка Зоя так распорядилась, — ответила девчонка. — Не дает она больше нам денег. Кончилась её любовь к нам.

— А ты у отца попроси.

— Он все деньги мачехе отдает, — пожаловалась Лена. — Та сама не работает. Удобно устроилась, папиными денежками распорядается. Мы с ней поссорились... Словом, не сдам я. Мамочка не даст.

— Слушай, Ленка, — сказал тот же самый Олег. — Темнишь ты что-то. Папочка, мамочка! Работает, не работает! У меня тоже мать не работает, тоже только один отец деньги зарабатывает. И поменьше твоих. Но тоже матери отдает, не считает, что это только его деньги. Я сдал на подарок. И Валька твоя сдала, я знаю.

— Ей баба Сима дала, — с ходу нашлась Лена.

— А тебе?

— А пенсия маленькая у бабушки, больше нет, — врала девчонка. — Ведь еду еще надо покупать.

— Врешь ты все, — высказалась младшая сестра Наташки Прохоровой, подрастающая стервочка Олеська. — Да у твоей мамочки Зои самой денег куры не клюют, зачем ей еще у папаши брать? Ты думаешь, мы не знаем, что она богачка самая настоящая. Зачем ей деньги твоего папочки? Она ведь женой олигарха была. Её первый муж, знаешь, какой был богатый. Ему все магазины принадлежали в городе... Я тебе точно это говорю. Мне Наташка рассказывала, она в бывшем магазине твоей мачехи работает.

— И я это знаю, — поддержала Олеську спокойная Жанна, дочь Надежды Николаевны. — И еду тетя Зоя вам тащит сумками, каждую неделю привозит, баба Сима говорила. Кончай ты врать про мачеху. Если не любишь её, боишься спросить денег, то так просто и скажи всем. Разве мы не поймем?

— Зоя Александровна учила мою сестру, Наташку, — продолжила Олеська. — Они её Моделью Супер-Зоей звали. Она знаешь, как одевалась. Это она еще замуж не вышла за твоего отца, вдвоем с Ксюшкой жила. Помните, как мы из начальной школы бегали смотреть её наряды...

— А наша Ленка богатых просто не любит, — заржал неожиданно Олег Попов. — Она принципиально мачеху презирает и её детей, Ксюшку и мальчишек, потому что они богатые.

— Особенно Ксюху ты, Ленка, не должна любить, — поддержала злая на язык Олеська Прохорова. — Ведь Ксюха богаче всех, ей достались все миллионы её отца.

— Не Ксюхе, а Шурке, — поправила разозленная Лена.

— Шурка тоже богатая, — согласилась Жанна. — Её мать ведь художница была, я видела её картины в галерее, ходила туда с мамой, они хоть и страшные, но знаешь, какие дорогие. Но Ксюшка все равно богаче.

— Это у Ксюшки мать была художница, не путайте! — крикнула Лена. — А Шурка — родная дочь моей мачехи...

— Вот, все миллионеры обижают нашу Ленку. Зажали тысячу на подарок, — смеялись уже все одноклассники. — Ленка, раз ты богатых не любишь, ты заодно и от отца откажись. Это же он тебя привез сюда от матери-пьяницы к Супер-Зое... Он тоже не бедный...

— У меня нет матери, — со злой обидой прокричала девочка. — Вы понимаете, её просто не существует для меня

— Умерла что ли? — спросила Олеська.

— Да, умерла! — крикнула Лена, подумав: «Лучше пусть думают, что мать у меня мертвая, чем пьяница!»

Из глаз хлынули злые слезы. Лена убежала. Ребятам стало неудобно. Они почувствовали, что перегнули палку. Жанна бросилась догонять подругу и извиняться. Но Лена не стала с ней говорить.

Успокоившись немного, девочка пошла домой. На душе было нехорошо: опять наговорила про Зою, и не хотела, а само как-то получилось, и деньги нужны, на подарок сдали все. Бабка принципиально с пенсии не дает, сторону мачехи заняла. Можно, конечно, у отца попросить денег, но тогда он все узнает, что говорила Лена про его жену, девочка была уверена, что Зоя ничего не рассказала, даже, как она толкнула маленького Сережу. Нет, отец отпадал. Придется идти к тете Римме. Мачеха ей оставляла денег. А тетя Римма злая, опять будет орать, если уже узнала про последние слова Лены.

— Быстрее бы меня забрала тетя Оля, — думала девочка. — Вот приеду к ней в Америку. Там никто не знает, что у меня мать была пьяница. Все будут считать меня дочерью тети Оли. Я буду хорошо вести, постараюсь не огорчать её. Как все-таки нашей Алке повезло. А Зоя все-таки рада, что сбаврила Алку.

Дома Лена долго расспрашивала бабу Симу про Зою. Ребята все правильно сказали: мачеха, оказывается, была женой олигарха. Баба Сима не знала, что от Антона Зоя и Ксюша ничего не получили. «На её деньги строится дом, — словоохотливо рассказывала бабушка, передавая деревенские слухи. — Это Зоя уговорила Владислава отдать старый дом своему брату, отцу Петьки, а на новый дала денег. Своих денег. Так что все правильно сказали ребята. У Зойки денег много.

— Бабушка, а почему ты говоришь, что Ксюша — дочь Зои? Ты путаешь. Шурка — её дочь, — поправила бабушку девочка, думая, что старая женщина оговорилась.

— Ничего я не путаю, — сердито отозвалась баба Сима. — Ксюшку Зоя родила. А дочь Беллы — Шурочка.

— Но почему тогда тетя Зоя её так часто обнимает? — воскликнула Лена. — И та все ей — мама, мама, мамочка... А Ксюшку все больше ругает.

— Какая же ты дура, — ответила баба Сима. — Зойка и Вальку нашу без конца приголубливает. Потому что девчонкам ласки хочется. А Зойка добрая. Она бы и тебя обняла и пригладила, да ты свои колючки вперед выставляешь. Нехорошо ты делаешь. Помиришься с Зоей. Другая бы на её месте могла бы сделать так, чтобы ваш отец вообще к вам не появлялся, платил бы алименты через суд и все. Зойка не такая. Она все по справедливости хочет, чтобы вам хорошо было...

Лена и сама понимала, что нехорошо она делает. Но было обидно, что не ее мать здесь, не она разъезжает в машине, красиво одевается, не Лена, а Ксюша и Шурка с Валькой бросаются навстречу отцу, когда он летом приезжал домой в деревню после работы... В сердце девочки жила обида. Разум никак не мог возобладать над эмоциями...

Деньги на подарок классной руководительнице отдала Римка в этот же день. Валя пришла попросить для своей учительницы.

— Тетя Римма, вы даже можете не давать мне деньги в руки, — глядя в пол, виновато говорила девчушка. — Отнесите сами. Тетя Зоя приедет, я скажу ей сама. Она добрая, даст.

— И не дам, и отнесу сама, — подбоченилась Римка.

— Спасибо, — тихо произнесла Валя, повернулась и пошла.

— Ты куда? — крикнула женщина. — Подожди. Ну словно неродная!

Валюша остановилась. Римма сунула ей в руки большое крутобокое красное яблоко:

— Вот возьми, съешь. Только сама! Я тебя знаю. Или бабке отнесешь, или Петьке моему отдашь. Тот стервец сразу выпросит.

— Съем, тетя Римм, — пообещала Валюша. — Я люблю яблоки. Может, наша Аллочка ела бы такие яблоки маленькая, и не заболела бы.

У Валюши капнули слезы.

— Ну ты чего, — Римка обняла девчонку. Валюша всегда ей нравилась. — У вашей Алки теперь все есть. Это хорошо.

— Хорошо, — согласилась девочка. — Только я очень скучаю по Аллочке. Но все равно пусть она с тетей Олей живет. Там врачи, говорят, лучше. И муж тети Оли тоже врач. Он не даст больше заболеть нашей Аллочке.

— Ладно, ешь яблоко. И вот еще возьми, — растроганная Римма дала еще шоколадку. — Знаю, любишь. Петька говорил.

Девочка любила сладкое, но после ссоры старшей сестры с женой отца ничего, кроме обеда в столовой не брала.

— Нет, тетя Римм, не надо. Не хочу, — и сейчас отказалась девочка.

— Валь, это я угощаю. От тети Риммы возьми!

— Нет, — упрямо повторила девочка. — Мне стыдно перед папой и тетей Зоей. Я не буду тратить лишних денег.

— Ага, обедают Зойка с Владькой от одной шоколадки. А ну, бери! — прикрикнула Римка.

Римма понесла деньги и сообразила, что и за Лену надо внести, тоже, наверно, хотят что-нибудь подарить своей классной руководительнице. Вздохнув, она взяла второе яблоко и шоколадку. Хоть и вредная эта Ленка, но ребенок еще, пусть вкусенького погрызет.

Когда Римма пришла, в классе громко шумели, но Лены не было. Римма отдала деньги, спросила, что случилось, куда делась Лена. Ребята опустили глаза и не ответили. Но их беспощадные в детском максимализме слова возымели действие. Лена с этого момента перестала говорить гадости о жене отца. Но до перемирия было еще далеко.

Лена уехала

Пролетело три года.

Стояло очередное лето. Владислав ехал в Кочетовку, где он построил свой дом. Большой. Там свободно. Места хватает всем. Семья сейчас там.

Полгода назад умерла Милка. Она допилась до того, что стали отказывать почки. Дочь бабы Симы нашлась в одной из деревенских больниц, в убогом социальном отделении. Баба Сима получила письмо от медсестры, которая удалось узнать адрес умирающей бездомной женщины. Медсестра писала, что Людмила очень тяжело больна, что она находится в больнице. Мать Милки прибежала с письмом в дом Владислава. А куда еще?

— Надо забирать оттуда Милку, — сказала Зоя, прочитав письмо. — Сначала на лечение её определить. А потом посмотрим.

— Я поеду, заберу, — бестолково топталась баба Сима. — Силы еще у меня есть.

Но ехать пришлось Владу. Через два дня пришло известие о смерти Милки. Владислав поехал туда, тело Людмилы привез, и её похоронили на местном кладбище рядом с отцом. Валюшка рыдала на похоронах, баба Сима держалась, только вытирала уголком платка бегущие без перерыва слезы. Лена отказалась подходить к гробу, не стала прощаться с матерью. После похорон все быстро успокоились, зажили по-старому. Баба Сима хоть и плакала, но она давно была готова к этой горестной вести, знала: к добру водка не приведет. Валя быстро забыла свои слезы, была все такой же ласковой, приветливой, а Лена неожиданно стала без конца ходить на могилу матери, нарочито подчеркнуто горевать. Зоя посмотрела на эту фальшь и устало махнула рукой: «Пусть, если девчонке так хочется». Владислав давно забрал себе дочерей от первого брака. Но никак не могли ни Зоя, ни он найти общего языка со старшей дочерью. Валюшка, лапочка, приняла отца и его новую жену, подружилась с сестричками и просто влюбилась в братиков. После ссоры Зои с Леной Валюша очень переживала, похудела, плохо стала кушать. Часто плакала, отказывалась приезжать в дом отца. Зоя, видя такую картину, догадалась, что старшая сестра давит на младшую, заставляя подчиняться себе, требует, чтобы и Валюша не разговаривала с отцом и его женой. Вот добрая девочка и мучилась, побаиваясь сестру и стремясь всем сердцем туда, где ей было хорошо, где её любили и жалели. Вале не хватало ласки, хотелось, чтобы её пожалели, погладили, и ей надо было любить кого-нибудь, заботиться. Когда она жила с отчимом и матерью, у неё была Аллочка. Малышка тоже любила старшую сестричку, а та следила за ней, как могла. Поэтому и выжила Аллочка с пьющей матерью, не умерла лишь благодаря Валюше.

Теперь у старших дочерей Владислава было все в материальном плане. Замкнутой Лене этого хватало, она никого не пускала себе в душу, а Вале нужно было, чтобы её любили, чтобы она любила. Аллочка получила новую маму, баба Сима к ласке не была склонна. Она готовила еду, стирала, следила за чистотой. А тетя Зоя больше не приезжала. Валя всю зиму не видела ни её, ни сестренку, ни малышкой. Никому не было дела до душевного мира девочки. Девочка заскучала. Перестал звенеть её ласковый голосок. Она начала бояться, что когда-нибудь и отец перестанет приезжать, как не стала ездить тетя Зоя. И все из-за Ленки. И еще появилась недавно одна проблема. У девочки начались месячные. Она была испуганна появлением крови на трусиках. Что это такое, Валя не знала. Она вспомнила, что у младшей сестренки часто кровь текла из носа. «Вдруг у меня рак, как у Алочки?» — думала

испуганная девочка. Но через два дня пятна перестали появляться. А беспокойство осталось. Была бы здесь тетя Зоя, она бы догадалась, так думала Валя, ведь догадалась про Аллочку. Но Зоя не ехала в деревню. Однако и Зое покоя не было.

Зоя, словно почувствовала, что нужна Лапочке Валюше, решила навестить девочек, приехала с Владом. Может, что изменилось? Леночка стала другой. Нет, та по-прежнему что-то буркнула и ушла в свою комнату, не выходила, пока Зоя и Влад были у бабы Симы. А вот Валюша изменилась. Сначала Зоя, глядя на унылую, бледную девочку, подумала, что та болеет. Но Серафима Федоровна сказала, что здорова внучка, только ест плохо. Зоя забеспокоилась ни на шутку. Еще больше добавила беспокойства Римма, к которой они заехали за молоком. Та рассказала, что у Валюши нет аппетита, совсем не берет сладостей. «Да скучает она по тебе! — подвела итог сомнениям невестка. — Мать нужна девчонке, а не старая бабка да эгоистичная сестра. Возьмите её себе, а то засохнет девчонка». Дома встревоженная Зоя долго говорила с мужем. Владислав через неделю поехал в деревню. Разговор с Леной опять ничего не дал. Старшая дочь отвечала лишь «да» или «нет». Грустная Валя сидела рядом с отцом, прижавшись к нему. Сегодня днем на трусиках опять появились пятна крови. И больше, чем в первый раз, немного болел живот. Валюшка взяла несколько чистых носовых платочков и подложила, чтобы не протекло на платье. Владислав, глядя на невеселую дочь, вдруг вспомнил Ксюшу, когда девочка болела. Он носил её на руках, а она прижималась к нему, словно искала защиты. И он всей душой желал защитить девочку от болезней. Так и сегодня захотелось взять на руки несчастную Валюшу. Вместо этого он ласково погладил свою Лапочку по голове. Дочка расплакалась. Причину слез так и не объяснила. Слезы брызнули с новой силой, когда отец сел в машину, чтобы ехать домой. Мужчина заглушил мотор и сказал:

— Все, Валюша, хватит слезы лить. Собирайся, едем со мной. С нами будешь жить. Зоя тебя любит, она тебе будет рада.

Валя робко возражала, но побежала в дом, чтобы быстро взять необходимые вещи. Влад зашел следом, надо самому сказать бабе Симе, что заберет Лапочку с собой. Бабушка понимающе кивнула головой. «Пусть едет, скучает без вас Валюшка». Лена все также молча сидела в другой комнате, что-то сердито бубнила. Но отец не прислушивался. Уходя, он разобрал брошенное старшей дочерью слово: «Предатель и предательница!» Владислав остановился. Подошел к старшей дочери. Лена наклонила голову к книге.

— Лена! Что я тебе сделал плохого? — тихо спросил он. — Что плохого ты видела от Зои? Почему мучаешь сестру?

Дочь молчала.

— Живи, как хочешь, не говори ни с кем, — сказал он. — Но Валюшку я тебе не дам мучить. С нами она будет жить.

— В няньках, — язвительно оборонила Лена.

— Пап, ты её не слушай. Я люблю играть мальчиками, — тут же поспешно проговорила Валя и, поцеловав бабушку, поспешила к выходу.

Владислав не ответил старшей дочери, он повернулся и пошел. Валюша выскочила из дома быстрее его и уже сидела в машине.

— Пап, я где теперь буду учиться? — спросила она.

— Об этом я не подумал. Надо Зою спросить. Решите вместе, — ответил отец.

Он привез девочку. Зоя обрадовалась. Ласковая дочка Владислава никогда не была в тягость ей. Радовалась и Валя. На другое утро ушли страхи, связанные с незнанием своего

растущего организма.

Валя пока поселилась в комнате сестренки, к их великой радости. Спать легла на маленькой софе, что осталась от Аллочки. Утром девочка, к своему ужасу, застилая постель, увидела темное пятнышко крови на простыне. Она постаралась быстрее все убрать, потом стирает, чтобы никто не видел. Но вездесущая и все знающая Ксюша тут же все увидела, поняла и донесла матери, что Валюша стала взрослой уже девушкой — Ксюша знала все. Зоя отправила девочек с бабушкой в школу, мальчишек посадила смотреть мультфильмы, сама присела рядом с испуганной Валюшей.

— Ты почему не попросила у меня прокладок? — спросила она съездившуюся девчужку.

Валя смотрела, ничего не понимая.

— Пойдем, — сказала Зоя. — Я дам тебе. Подложишь в трусики. Ты меня прости за вопрос: у тебя сильно течет или только мажет? Живот болит?

— Тетя Зоя, вы откуда догадались?

У Вали замерло сердце, точно, как у неё. Ведь тетя Зоя первая забила тревогу, когда заболела Аллочка. И тут она сразу все поняла. Зоя внимательно посмотрела на Валю. «Господи, — пронеслось в голове, — девочка не понимает, не знает, что происходит с ней».

— Валя, — начала осторожно женщина. — А тебе кто-нибудь рассказывал о том, что с тобой происходит?

— Я сама догадалась, — грустно ответила девочка. — У меня рак.

— О Господи, сплюнь, — несуетливая Зоя даже перекрестилась. — Валюша, никогда не говори этого слова! Пойдем со мной. Я тебе кое-что дам почитать.

Зоя достала большую детскую книгу, что она покупала для Ксюши и Шурочки, готовя их к этому событию. В книге крупными буквами, простым языком были описаны сложные процессы взросления девочки, были и рисунки.

— Вот сейчас ты будешь читать эту книгу. И ты спросишь все, что тебе непонятно. Я объясню.

Но тут что-то не поделили близнецы, Зоя поспешила к ним. Валя впервые не побежала на голос детей, а осталась читать.

— Тетя Зоя, — она через час пришла с книгой в комнату, где Зоя одевала малышкой к прогулке (их уже ждал дедушка). — Так это у всех бывает?

— Да, — ответила женщина.

— Каждый месяц?

— Да! И если происходит задержка, это означает, что женщина или нездорова, или у неё будет ребенок. Сейчас я тебе дам календарик, в нем ты будешь отмечать эти дни. Каждая женщина должна всегда знать свой женский график.

Зоя закончила одевать малышкой и выпустила их на свободу, те сразу потопали, но не к деду, а к Вале.

— Нет, — Зоя перехватила их и выпроводила к деду в прихожую. — Вы быстро на улицу. А ты, Валюша, пойдешь сейчас в ванную и под струей теплой воды приведешь себя в порядок. Вымоешь все аккуратно, с мылом. Вот тебе прокладки, приклеишь к трусикам. Будешь менять их каждые четыре часа, или чаще, если надо. Смотри сама. Утром и вечером, а если надо и чаще будешь мыться ниже пояса. Женщина должна быть чистой. Ты все поняла?

— Все, — ответила повеселевшая Валя и заторопилась. — Саша, Сережа, ждите меня на улице. Сейчас няня Валя к вам придет. А то замучили бабушку и маму Зою. Вот только в

ванную сбегаю и сразу к вам. Тетя Зоя, а вы можете дома остаться, я бабушка и справимся вдвоем с мальчиками. Так, Сергей Петрович.

— Справимся, — согласился уже одетый дед. — Мы ждем тебя, Валюша.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Зоя. — Я тогда быстро сбегаю в магазин и сразу домой. Буду обед готовить.

Вечером, по-доброму улыбаясь, Зоя рассказала мужу, как вылечила их любимую Лапочку. А Владислав и так заметил, что повеселела добрая девочка.

Валюша каждую свободную минуту возилась с близнецами. Звала жену отца «мама Зоя». Документы её из деревенской школы Зоя забрала и через неделю отвела в большую городскую школу. Отвела с опаской. Валя слабо училась и в деревне. Школу помогла выбрать Сирена Арбенина. Она знала все про городские школы. Журналистка посоветовала бывшую железнодорожную школу, где училась и её дочь. Зоя осталась довольна школой, хотя было жаль, что Валя не вместе с девочками, те учились в гимназии. Оказалось, Валюша может и неплохо учиться по некоторым предметам. Зоя взяла под контроль все уроки. Ни разу не было случая, чтобы она не проконтролировала выполнение домашних заданий у девочки. Но тройки и двойки за контрольные по математике Валя получала часто. Сказались недочеты прошлых лет. Зоя расстраивалась из-за плохих оценок. Ксюша в этих случаях предлагала совсем не пускать в школу Валю. Пусть сидит с братиками, больше пользы будет. Сама Валя говорила:

— Мама Зоя, правильно Ксюша говорит: а зачем мне учиться? Я в институт не пойду. Я окончу школу, выйду замуж, рожу ребеночка. Или сразу двух, как вы.

— Валюшка, но образование нужно, — втолковывала Зоя.

— Мама Зоя, я готовить люблю. Ну зачем мне институт. Я на повара пойду учиться, — не сдавалась Валя.

— В пищевой институт, — предлагала Зоя.

— Нет, мам, в лицей или колледж надо Валю отдать, — советовала Ксения.

Пыталась Зоя Валюшу отдать в какой-нибудь кружок, секцию, но тут покладистая Валя воспротивилась.

— Мама Зоя, а когда я буду играть с Сашей и Сережей? Ты и так меня не пускаешь к ним, пока я не выучу все уроки. А если еще чем заниматься? У меня совсем тогда не будет на них времени.

И Зоя смирилась, услышав такой довод. Глядя на это, наотрез стала отказываться от музыки Ксения, Шурочка продолжала посещать свою художественную школу. Мать расстроилась из-за Ксении и Вали, пожаловалась мужу. Владислав поговорил с дочерьми. Ксюша нехотя продолжила свои занятия музыкой, а Валюша вдруг попросила записать её на танцы. Зоя обрадовалась. Вскоре на танцы стали ходить и Ксюша с Шурочкой. У Сергея Петровича и Зои забот прибавилось, у Вали все меньше оставалось времени для маленьких братиков, но танцевать ей нравилось. А в выходные дни малыши были в распоряжении Валюши. В деревню Валя ездила регулярно с отцом, скучала по бабушке. Она больше не боялась старшей сестры.

Как ни странно после этого немного улучшились отношения между родителями и Леной. Она все силы тратила на учебу, опять начала заниматься английским языком, иногда, очень редко, ночевала в городе у родителей, но жить с ними отказывалась наотрез, она осталась с бабушкой в деревне. И отца, и Зою называла строго по имени и отчеству — Зоя Александровна и Владислав Сергеевич. Владиславу было больно это слышать. Зоя е

очередной раз пыталась поговорить с повзрослевшей девочкой, но Лена так и не открыла душу, не было родственной теплоты, душевной близости. Зоя смирилась с этим.

Через год, в июне, когда девочка сдавала экзамены в девятом классе, семья Влада приехала в деревню, в новый дом. У каждого была своя отдельная комната, даже для четырехлетних близнецов выделили отдельную спальню рядом с комнатой родителей. Все были счастливы, довольны, устраиваясь на новом месте. Была обставлена комната и для Лены, но девочка даже не зашла туда, чем опять обидела Зою, которая очень старалась и надеялась, что, может быть, они, наконец, заговорят по-человечески.

После окончания экзаменов, которые были сданы на одни пятерки, Леночка попросила отца подписать разрешение на выезд за границу ей и сестре. Ольга выполняла свое обещание забрать к себе Лену и Валюшу. В глазах старшей дочери читалось, если отец откажет, то между ними навсегда установится ненависть.

— Можно, я подумаю? — только и спросил Владислав.

— А что думать, — непримиримо ответила Лена и ушла. — Я все равно уеду. И Валька поедет! У тети Оли нам лучше будет! И там Алка. А кровных братьев и сестер разлучать нельзя. Мы все будем жить у тети Оли. Она согласна.

Долго сидел в тот вечер на крыльчке Владислав. Курил сигарету за сигаретой. Стемнело. Зоя уложила младших детей, села рядом, обняла его за плечи.

— Владь, не расстраивайся. Сколько человек мечтает, чтобы их дети учились за границей. Пусть Леночка едет. Мы же не отказываемся от неё.

— Все так. Но ведь и Валюшу от нас забирают.

Зоя не ответила. Это было так. Когда-то Ольга оставила у себя, не спросив её, маленькую Аллочку, теперь еще и Валюшу... Было обидно. Скрипнула калитка. Это вернулась с гуляния Валюшка, ей разрешалось приходить попозже. Девочка села возле родителей.

— Папа, мама Зоя, — начала она тихо. — Я не хочу уезжать. Я хочу остаться здесь, с вами. — Девочка заплакала. — А Ленка кричит на меня, говорит, что я дура. Да, там у тети Оли Аллочка, я очень по ней соскучилась, а здесь братики, Ксюша, Шурочка. Как же я без них буду? И без вас я скучать буду. Мама Зоя, не отдавай меня...

Зоя обняла девочку. Её обрадовали слова их Лапочки.

— Не хочешь, не поедешь, оставайся, — сказал отец.

— Мама Зоя, я хочу жить всегда с вами, — призналась Валюшка.

— Значит будешь!

— А как сказать Ленке? — тихо сказала Валя. — Она кричит на меня, говорит, что я предаю Аллочку. Но это не так. Я люблю её...

— Я поговорю с Леной, — Зоя встала, ей показалось, что кто-то из близнецов зовет её. — Она не будет больше так говорить

— Сиди, мама, сиди, я подойду, — Валюшка убежала. — Я справлюсь!

На другой день Зоя пошла с Валею к бабе Симе, приступила к нелегкому разговору. Лена выслушала, не стесняясь Зою, обозвала сестру дурой. Валя упрямо молчала, потом сказала:

— Мама Зоя, я лучше домой пойду, помогу дедушке, а то Саша с Сережей его уже наверно, заездили.

Зоя кивнула, соглашаясь, и продолжила разговор с Леной. Валюшка быстро выскочила во двор, но не ушла, из раскрытого окна доносились голоса.

— Лена, нельзя так относиться к своим родным, к сестре, к отцу, — устало сказала

Зоя. — Ты только о себе думаешь. У других тоже есть чувства, желания.

— А как я должна к отцу относиться? — сразу вспыхнула девочка. — Он бросил маму. Он бросил нас. Если бы не бросил, она бы не пила и не умерла... И сейчас бы она здесь была, а не вы...

— Нельзя быть такой непримиримой, — ответила Зоя, постаравшись не слышать слова про Людмилу. — Папа любит тебя.

— Любит! Легко любить на расстоянии, ничего не делая.

Зоя разозлилась:

— А ничего не делал отец для вас. И сейчас не делает! Алименты не платил много лет. Вас к себе не забрал! Чужую девочку не привез с вами, не платил за её лечение....

— Вот как вы заговорили, — обиженно произнесла Лена. — Чужую девочку...

— Я сейчас еще хуже заговорю, — зло ответила Зоя, не давая возразить вредной девчонке. — Ты считаешь себя взрослой. Тогда и будь взрослой, прикинь, в какую сумму обошлось нам здесь лечение Аллы. Тебе не нравится, что я назвала её чужой. А она и есть чужая. Аллочка мне не дочь, и Владиславу не дочь, да, она — чужая девочка. Ты же любишь правду, называешь меня мачехой, чужой бабой... Что отворачиваешься? Знаю я все! Но про меня ладно, трепли языком, а про отца не смей! Покажи мне еще кого-нибудь, кто бы стал оплачивать лечение чужому ребенку.

— А вам, что, стало жалко денег, — закричала Лена. — Не ваши деньги, а отца. Вы своих не дали! Вы тоже хороша штучка. Я думала, отец ушел к вам после смерти тети Беллы, а вы его увели. Еще Белла была жива, когда родились ваши близнецы. Не ушел бы к вам отец, был бы с тетей Беллой, может, и не оказалась бы она в тот день в магазине, где стреляли... Это из-за вас убили тетю Беллу, а Шурочка осталась без матери. Из-за вас! Она когда-нибудь поймет... Я сама ей все расскажу!

— Какая же ты дрянь, маленькая противная дрянь, — ответила Зоя. — Поезжай за границу. Но Валя не поедет. Даже не заикайся! Я тебе запрещаю с ней говорить...

— Что, испугались, что Шурка вас не будет любить, — продолжала кричать, не слушая, старшая дочь Владислава. — Вот сегодня прямо приду к вам и расскажу, напомним Шурке, что папаша жил с вами, а она с Беллой, что тетя Белла погибла, защищая Шурочку, что она — настоящая мать, которая любила свою дочку, а вы развлекались с папочкой...

Зоя размахнулась и дала звонкую пощечину Лене. Поток обидных слов оборвался. Лена задыхнулась от неожиданности, схватилась за щеку и молчала. Честно сказать, она испугалась.

— Замолчи немедленно, глупая девчонка, — четко и медленно заговорила Зоя, взяв за плечи Лену. — И слушай меня внимательно. Ты не придешь и не посмеешь ничего говорить Шурочке. Это не твое дело. Заруби раз и навсегда себе на носу, — в голосе женщины слышалась настоящая ярость, Лена испугалась. — Не лезь, маленькая дрянь, туда, куда не знаешь. Я долго терпела тебя. Но запомни, глупая девчонка, в тот момент, когда ты решишься что-то наплести Шурочке, напомнить ей о тех страшных днях, ты расстанешься с мечтой уехать за границу. Не забудь, еще согласие матери надо. Милка умерла. А я жива! Я приняла за тебя ответственность. И если ты обойдешься без моей подписи на документах, то без подписи отца тебя не выпустят из страны. А её не будет, если ты не прикусишь свой дурной язык. Я сделаю так, что останешься здесь, в деревне! С нами ты тоже жить не будешь! — Зоя устало вздохнула. — Господи, но почему так? За что? Сколько тебе делали хорошего, а человеческого спасибо не заслужили, ни я, ни отец. Смотри! Помни мои слова.

Не получишь выезда за границу. И не тронь моих детей! Не смей плохо говорить об отце!

Женщина, взяв себя в руки выпустила плечи девочки. Лена осторожно сразу отодвинулась в сторону.

— Это не все ваши дети, — строптиво, по инерции, пискнула девчонка.

Она понимала, что проиграла, что все только ухудшила, рассердив так сильно жену отца. Да и девочка попросту испугалась гнева Зои. Женщина повернулась, пошла к выходу.

— Ты просто завидуешь, — спокойно уже, держась за ручку двери, сказала Зоя. — Ты завидуешь своим братьям и сестрам, завидуешь, что мы любим друг друга, что мы дружны, хорошо живем. Уезжай, раз отказалась от нас. А Валюша будет жить с нами.

Разговор слышала Валюшка. Она все стояла во дворе около раскрытого окна с бабой Симой, которая сокрушенно шептала:

— Ну что Ленка говорит! Но что она говорит! Вгонит меня в могилу. Пусть уж едет... А я тут буду... С вами... С Зойкой...

Вечером девочка все рассказала отцу. Тот уже был в курсе, когда Зоя, криво улыбаясь, сообщила, что окончательно испортила его отношения со старшей дочерью, и расплакалась. «Все, Владь, больше не могу! Я пыталась и по-хорошему, и по-плохому, и никак не пыталась, выжидала время. Ничего не получается. Не любит меня Лена и не хочет ничего понимать. Отпусти ты её. Может, расстояние подействует. Может, повзрослеет». Владислав пошел к старшей дочери. Серdito подписал все документы.

— Можешь ехать, — сказал он старшей дочери. — Но предупреждаю тебя, не смей плохого слова говорить о Зое. Она — моя жена, вас приняла всех, она стала матерью всем. Могла бы по-человечески сказать спасибо.

— Спасибо, папочка, — язвительно отозвалась старшая дочь. — Надеюсь, мы больше не увидимся.

Владислав не ответил, вышел. Старая бабка, мать Людмилы, сильно сдавшая за последние два года, подошла к внучке, серdito ткнула её старческим кулачком в лоб.

— Правильно Зойка сказала, ты дрянь.

— Бабуль, ты чего? — отступила удивленная Лена.

— Повторяешь сплетни про Зойку. Кого наслушалась, дура? Аньку Бычкову. Так вот, тебе случайно Анька не сказала, что к ней твой папаша начал бегать от Людки, а не к Зойке. Вот и злится Анька, что не женился на ней. А твоя мать Людка, была такая же дура, как ты. Заладила свое, выйду за Владьку замуж, выйду. И вышла. Ты должна была родиться. Владька бы не женился на Людке, если бы не Зойка. Зойка приказала ему, а сама уехала, за старика замуж вышла. Всю жизнь Владька её любил, а она его. Вместе они теперь. Зойка все Владиславу простила, приняла его. Что, дура, лезешь в их жизнь? Разлучить хочешь? Сплетни поэтому собираешь. Ты бы по-хорошему с отцом и мачехой поговорила, подписали бы они сразу все бумаги, собрали бы тебя, по-хорошему проводили. И про Алку молчи. И лечение Алочки обошлось в огромную сумму. Зоя была женой богатого человека. Откуда мы знаем, кто платил за лечение вашей сестры. Она или Владька? Что ты Зойке про деньги без конца говоришь? Тебе мало от них достается? Да ты одета лучше всех в деревне. Уезжай. Может, чужая тетка тебе ума вложит? Научит считать. А Вальку не тронь. Если бы не Владислав, не было бы её. Милка аборт хотела делать. Он не дал. Помирился. Увез её, дуру, в городскую квартиру, а та сбежала оттуда. Какой же мужик выдержит, он там, жена здесь. Твоя мать не умела мечтать и работать. Ленивая была. Хотела, чтобы Владька жил с ней в деревне, свиней кормил, а она при нем, лежала бы на кровати и гордилась бы, что мужик ей

красивый достался. А отец твой в это время начал работать у Зойкиного отца в энергосбыте, стал не последним человеком. А Милка все его в деревню тянула. И не он первым к Белке ушел, а ваша мать замуж решила выйти за вашего отчима, она с ним еще до Владьки хвостом крутила. Насолить Милка хотела Владьке, чтобы вас никогда не видел. Дура ты, Ленка, такая же, как и мать. Да ты и похожа на неё. Та тоже про Зойку сочиняла, что она богатому старику себя за деньги продала... Проституткой называла... Да Милка гуляла еще больше Владьки. Вот смотрю на тебя и думаю: а от Владьки ли она тебя родила? Может, и нет. Совсем ты на него не похожа. А что ты про дочь Белки наговорила? Расскажешь ей пойдешь! Как же? Даст тебе Зойка это сделать! Она от безумия спасла девчонку после смерти матери. У вас мать пила! Да, беда страшная! Но в тебя не стреляли, на тебя не падала мертвая мать, ты не лежала рядом рядом, не притворялась мертвой, чтобы пьяный подонок тебя не убил, а рядом кровь течет, кровь матери. А тебе всего шесть лет! Тебя не отрывали от тела матери чужие люди, ты не выла, как волк от страха и ужаса. И если бы Зойка в это время не оказалась рядом? Страшно подумать, что могла бы быть с Шурочкой. Ты это собралась рассказать Шурочке? Как тебя Зойка не разорвала на части после твоих слов? Удивляюсь! Думаешь, ей легко было выходить Шурочку после того, как мать убили на её глазах... Дура ты, трижды дура. Сражаешься со всем белым светом. Все. Уезжай. Уезжай, уезжай! От греха подальше! А то я помру с тобой раньше времени. Ты уедешь, ко мне Валька будет каждый день прибегать. Я знаю, это она из-за тебя сюда не ходит лишний раз. Да и другие внучата будут прибегать.

— Какие еще внучки?

— Ксюня с Шурой, и мальчишек Валя приведет. Я люблю с Ксюней говорить. Она, как старушка, все знает, все расскажет.

— Это она тебе про Шурку рассказала? Наврала, небось...

— Дура ты все-таки, Ленка. Ты при живой матери врала, что Милки нет в живых, (это страшный грех мать оговорить мертвой), ты стыдилась, что где-то у вас была мать-пьяница. А про Шуру по телевизору показывали. Мать же — художница известная у неё. Целая передача была... А Ксюня ничего не говорила. Внучки мои умные, они понимают, что нельзя ребенку этого напоминать...

— Да они тебе не внучки.

— Ты, Ленка, я сказала, просто дура. Внуки они мне. Все! И мальчишки! Я их люблю. И они меня любят, бабушкой зовут. Ты уедешь, будешь далеко. Бабка тебе станет не нужна. Хорошо, я пока на ногах, а если слягу... Мне только на помощь Зойки можно рассчитывать...

Лену проводили. Плакала Валюшка, но твердила, что не поедет никуда. Она даже отказалась ехать в аэропорт, осталась с близнецами и девочками дома. Зоя и Владислав стояли молча. Вот зарегистрировали билеты. Сейчас уйдет за черту дочь, так и не сказав доброго слова отцу. Лена подошла к людям, которые приняли её, пытались согреть, а она их отвергла, и тихо сказала:

— До свидания... папа... И прости меня...

— Иди, дочка, — вымученно улыбнулся Владислав, — иди. Это ты меня прости, что не сразу разобрался, что к чему, не взял вас у матери, и вы жили в ужасных условиях...

Зоя стояла молча.

— Зоя Александровна, — обратилась Лена, — и вы меня простите. Вы старались... Это я не хотела видеть... Вы простили меня?

Женщина не отвечала. А потом улыбнулась одними губами и сухо сказала:

— Поцелуй Аллочку. Скажи, пусть не болеет. Счастливого тебе пути.

Уходя, Лена оглянулась. Зоя и отец смотрели ей вслед. Отец обнимал свою жену, она вытирала слезы. И Лена вдруг поняла, в чем дело, почему она не хочет принимать отца: она завидовала ему, его счастью, взаимопониманию, что царило между Владиславом и Зоей, завидовала той любви, что они давали детям. Лена хотела бы жить в такой семье, иметь таких родителей. Ну что ж, пусть Валюше все достается.

Дети растут

Лена уехала к Ольге. Если верить их словам, они нашли общий язык. «Первый год Лена пока не будет учиться, — сообщала Ольга, — она будет изучать язык и готовиться к дальнейшей учебе. Девочка уже стала сама зарабатывать себе деньги — сидит с детьми. У неё очень хорошо это получается. Аллочке нашей исполнилось пять лет. Лену она не узнала, но внешне девочки очень похожи. Все сразу догадались, что они сестрички».

«Тетя Оля не работает, — писала бабе Симе Лена, — она занимается Аллочкой. С здоровьем у сестренки в порядке. Муж тети Оли очень любит Аллочку».

«Мой муж подружился с Леной, — рассказывала Ольга. — Он хочет, чтобы она изучала медицину. Лена согласна. Вы воспитали чудесную девочку, умную, уважительную, серьезную. Спасибо тебе, Зоя, за Аллочку, за Лену! Это благодаря тебе и Владиславу у нас есть дочки. Жаль, что не захотела ехать Валя. Мы всегда мечтали иметь много детей».

Вот об этом думал Владислав, когда ехал в деревню. Путь его лежал мимо его родного дома. Андрей и Римма потихоньку расплачивались за него. У Римки здесь было огромное кулацкое хозяйство, побольше, чем Галины Ивановны, покойной матери. И дом, и двор — все содержалось в образцовом порядке. Владислав удивлялся порой: его нисколько не тянуло в родной дом. А вот туда, где дети, Зоя, хотелось всегда. Мужчина как-то спросил отца, не жалеет ли он, что продали дом. «Нет, — ответил Сергей Петрович. — Я смотрю на Зою, и мне кажется, это Инна ходит по двору...» Он оборвал слова. Владислав подумал: «А ведь отец, наверно, всю жизнь её любил. Интересно, мать это знала?»

Внимание мужчины привлекли идущие по тротуару две девочки, лет десяти. Светленькая и темненькая, обе с модными косичками-дракончиками. Обе шли в коротких брючках и ярких футболках. Через плечо висели сумочки.

— Как взрослые, — усмехнулся мужчина. — Рыженькая поплоней, вон как уже соблазнительно подрагивает попкой. Вторая более изящная, уже видна будущая идеальная фигура. Ох, и покрутит головы мальчишкам в свое время.

Девочки обернулись на звук мотора и превратились в Шурочку и Ксюшу.

— Вы куда собрались? — притормозил возле них Владислав. — Уже поздно.

— Мы на дискотеку, — заявила Ксюша, она быстро подбежала и поцеловала отца в щеку. — Не волнуйся, папа, все будет в порядке.

— И мама вас отпустила?

— Да, — ответила Шурочка

— Я проверю, — сказал мужчина. — Чтобы дома были в одиннадцать.

— Но, папа, мама... — начала тихо Шурочка.

— В одиннадцать! — строго повторил Владислав. — И ни минутой позже!

— Хорошо, хорошо, папочка, придем в одиннадцать, как ты сказал, — покорно ответила Ксения, толкнув локотком сестру. — Правда, Шурочка? В одиннадцать. Как ты и сказал. Да ты не волнуйся, пап, мы с Петькой! Он будет следить за нами.

— Да уж, надежный сопровождающий, — засмеялся отец.

От ворот Римкиного дома бежал, махая рукой, Петя, сильный, рослый мальчик. Девочки, улыбаясь, пошли дальше.

— Растут наши красавицы, в сельский клуб ходят, и Петька жених настоящий, — подумал Владислав и поспешил домой.

— Как все же мне повезло с моей Зайкой-Зойкой, — думал он. — Она никогда не жаловалась. Даже когда у нас в доме оказалось семь детей. И все мои! Правда, кроме Аллочки. И Заюшка моя промолчала. Она отогрела Шурочку, выходила после смерти матери, не дала заболеть. Сколько ночей не спала с ней! А что было, когда болела маленькая Аллочка. На Валюшку-лапочку и Зою страшно было смотреть. Бог пожалел, прислал нам Ольгу. Аллу удалось спасти. Ольга забрала её за границу. Зоя плакала сначала, привыкла к малышке, но там лучше девочке, и медицина лучше. Жива наша Аллочка. Пусть живет с новой мамой. А в нашем доме осталось пять детей. Леночка уехала к Ольге. Так и не простила меня до конца старшая дочь. Но звонит регулярно бабушке, мне пишет письма. А с Зоей не разговаривает.

Мысли мужчины оборвались. Он подъехал к воротам. Старый уже отец их быстро открыл. Сергей Петрович по-прежнему тихо жил с ними, помогал Зое, как мог. Она звала его отцом. Только не слышалось в её голосе настоящего дочернего чувства, звучало большое уважение, жалость. Зоя как-то честно сказала мужу:

— Ну не могу я иначе. Я очень отчима любила. Он мой отец. Не мучай меня, Владь, не упрекай, что я холодна с Сергеем Петровичем, я очень уважаю его.

И Владислав понял. Зоя заботилась обо всех. Она растила и любила всех детей Владислава. Другое дело, что не все дети не приняли. Лена не смогла назвать её матерью, как не смогла и Зоя. Мужчина въехал во двор. Навстречу ему выкатились его мальчишки, упитанные крупные пацаны. Лицо Владислава сразу просияло непроходящей гордостью: сыновья и сразу два.

— Папка приехал, папка! — их звонкий вопль огласил двор.

Поспешила навстречу и Зоя.

— Какая же она до сих пор красивая, — думал мужчина, любясь по-прежнему идеальной фигурой жены. — Нам уже за тридцать пять давно, а моя Зайка просто девушка, и не единой морщинки.

— Зоя, ты отпустила девочек на дискотеку? — спросил он, обнимая мальчишек. — Я их встретил по пути домой.

— Да, — ответила жена. — До десяти часов. Ты сердишься, Владик?

— Да, малы они еще по дискотекам ходить... — начал отец, и тут до него дошло, он-то приказал дома быть в одиннадцать. — До скольких ты им сказала?

— До десяти, — повторила жена.

— Зоя, я не знал, что до десяти, приказал быть в одиннадцать, — смущенно произнес мужчина. — То-то Ксюшка сразу согласилась. Я же чувствовал, тут что-то не так. У Ксюхи личико сразу примерное стало: «Да, папочка, как скажешь! Обязательно придем!»

Зоя весело засмеялась.

— Не переживай, Владик. Там будет и наша Валюшка. Ты знаешь свою Лапочку. Она с девчонок глаз не спустит. И домой к десяти отправит.

— Как же ты решилась их отпустить?

— О! Они целую стратегию разработали. Ко мне пришел Петя и попросил, чтобы я отпустила девочек с ним на дискотеку. Ему, видите ли, Римма разрешила. Он присмотрит за Ксюшкой и Шурочкой, с Валею он тоже договорился, она согласна на себя ответственность взять. Я разрешила, поверила. А потом, эти хитрецы, пошли к Римке. Запустили к ней Шурочку, Римма не всегда Ксении верит, так вот Шурочка и говорит, что я разрешила им ходить на дискотеку, что они просят отпустить с ними Петю, что они за ним последят, что

Валюша там тоже будет, она за Петьку отвечает, и за него она согласна ответственность взять.

Влад засмеялся:

— А как их раскусили?

— Да Римка позвонила мне и спросила, как долго их отпускаю. А тут и Валюшке пришла. Я Валюшу и спросила, до скольких она на себя ответственность берет. Лапочка наша расшумелась, что с малышкой не пойдет, что брать их не собиралась, над ней и так смеются, что она всегда с детьми возится, а еще на дискотеку приведет. А Ксюшка обняла её и что-то шептать. Та заулыбалась и говорит: «Ладно, только до десяти». Словом, мы решили их отпустить. Пусть попляшут. Да и светло еще в десять.

Зою прервал телефонный звонок. Это было Римма.

— Алло. Да, Римм, Владик разрешил до одиннадцати. Нет, на этот раз не договорились. Лопухнулся он малость. Не переживай, Валюшка все равно их живо в десять спровадит.

— Это точно, — согласился Владислав, слушая разговор Зои с невесткой. — Ну что, парни, прокатимся?

Мальчишки радостно загалдели, влезли в машину. Влад посадил Сережу за руль, сегодня его очередь рулить первым, на обратном пути они с Сашей поменяются местами, рулить будет другой брат.

Когда Валя училась в девятом классе, она начала серьезно дружить, увы, не с ровесником, не с парнишкой, который бы тоже еще учился в школе. Это был взрослый уже человек. На десять лет старше Вали. Зоя сначала запаниковала, когда узнала про эту дружбу. Только пока женщина не догадывалась, что избранником юной Валюши стал Валерий, сын Надежды Николаевны, дальней Зоиной родственницы, директора Кочетовской школы. Как уберечь девушку? Как объяснить все ей, чтобы не наделала глупостей, и при этом не обидеть, не оскорбить её первую любовь? Зоя ничего не могла придумать. Она попросила Владислава самому поговорить с дочерью. Тот позвал дочь и тут же смутился.

— Знаете, что, поговорите без меня, я лучше с малышами посижу, кажется, они дерутся, Ксюша с Шурочкой не справятся, — Владислав быстро ушел в другую комнату.

— Так, сбежал, — подумала Зоя.

Она какое-то время молчала. Потом спросила:

— Валя, извини меня, если вдруг обижу тебя. Когда-то я тебе рассказывала об особенностях женского организма. Нам теперь надо поговорить о том, как женщина становится матерью и о... предохранении.

— Мама Зоя, я даже не думаю обижаться, — ответила Валя. — Я знаю, ты переживаешь за меня. Мне не надо предохраняться. У нас с Валерой только дружба. Он хороший.

— С каким Валерой? Кто он?

— Валерик. Сын Надежды Николаевны. Мам Зой, правда, поверь мне, мы только дружим, — ласковая Валюшка обняла Зою. — Мама Зоя, я люблю тебя. Если ты очень расстраиваешься из-за нашей дружбы, я скажу Валерику, чтобы не приезжал ко мне. Я не буду дружить с ним больше. Скажу, что ты не разрешаешь.

— Где вы познакомились? — вздохнула Зоя.

Непосредственность девочки радовала и ставила в тупик. Как запретить эту дружбу?

— Еще в деревне. Знаешь, Валера думал, что я уже взрослая.

Карие, огромные глаза девушки смотрели на Зою. Дочь Влада превращалась в юную девушку и становилась с каждым днем красивее. Зоя вспомнила, как расстроилась мать, узнав о её детской любви к Владиславу. Мама тогда не сказала ничего, только погрустнела. Но Зоя чувствовала, что-то не то происходит в доме. Она стала скрывать свои чувства. А не мешали бы в детстве и юности Зое и Владу, может, не было бы всех этих ошибок. Зоя посмотрела на замершую в ожидании Валю. А ведь девочка влюбилась. Первая любовь! Как сейчас говорить, что рано еще, что её избранник не для неё, потому что старше намного.

— Знаешь что, дочка, я не буду тебе давать советов. Никаких. Поступай, как подсказывает сердечко, — сказала женщина. — Только прошу, не надей глупостей. И давай я все-таки тебе расскажу о противозачаточных средствах.

— Мама Зоя, не надо, — попросила Валюша. — Зачем мне это? Я, наоборот, хочу ребеночка родить.

— Что? — Зоя никак не ожидала таких слов.

— Да ты не думай ничего такого. Я еще не скоро буду рожать. Валерик сказал, как мне исполнится восемнадцать, мы сразу поженимся. Мам Зой, вот тогда я сразу Валерику рожу ребеночка.

— Ох, Валюшка, и муть у тебя в еще голове, — вздохнула Зоя, сраженная логикой

всеобщей любимицы. — Лучше бы об учебе думала. Опять за контрольную двойку принесла.

— Валерик тоже сказал, чтобы я хорошо училась. И еще, мам, — лицо девочки стало озабоченным, — он подарки мне дарит. Я не знаю, брать или нет?

— Какие подарки?

— Вот, колечко подарил. И деньги мне хотел дать. Он же работает. Но деньги я не взяла. А колечко вот оно.

Валюша протянула коробочку. На бархатной подушечке лежало золотое колечко с жемчужинкой.

— А что спрашивать, уже взяла, — ответила женщина.

— Я верну, мама Зоя, ты только не расстраивайся. Ты скажи, как надо поступать в таких случаях?

— Знаешь, Валюша, учись сама принимать правильные решения. И не только когда речь идет о подарках.

— Я поняла, поняла. Подарков брать не буду. И глупостей не наделаю, — заверила Валюша и неожиданно попросила: — Мам, а может, ты еще нам девочку родишь? Я люблю маленьких. Будет у нас вместо Алочки.

Зоя засмеялась от неожиданного поворота мыслей девушки.

— Нет, уж, дочка. Ждите, когда сами будете рожать. Мне вполне вас хватит.

Валюша вздохнула: «А жаль!» — и пошла к девочкам, которые уже давно выставляли свои любопытные носики.

— Покажи, покажи колечко, — донесся из-за двери голосок Ксюши.

— А померить можно....

— Надо мне с Надеждой встретиться, — подумала Зоя. — А о предохранении я так и не поговорила...

Разговор с матерью Валерия немного успокоил Зою.

— Мой Валерка все никак не мог найти по сердцу девчонку, — говорила Надежда Николаевна. — Все жадные какие-то попадались. Им только деньги нужны. А ваша Валя — явление исключительное. Сама доброта и красота. Валера, как увидел, так и влюбился. Валято у вас крупная, высокая, вся в отца. А какая красивая! Валерка даже и подумать не мог, что она только в девятом классе. Я ему сказала: «Дружишь со школьницей, ты за неё и отвечаешь. Влюбился, жениться хочешь. Береги свою будущую жену, охраняй, расти сам». Насчет подарков тоже скажу. Пусть цветы да конфетки дарит. А колечко-то он к Восьмому марта покупал Валюше. Пусть уж останется...

— И пусть бережет Валюшку, ну ты поняла, в каком плане... — смутилась Зоя.

— Да он и так охраняет её, — сказала Надежда. — И об этом я ему сказала. Но если что произойдет, будем с тобой бабками, поможем растить... У тебя опыт большой...

— Сплюнь, — испугалась Зоя.

— А чего, — развеселилась неожиданно Надежда. — Я помню тебя и Владьку еще школьниками. Кто мог предположить, что у вас будет такая куча детей. А уж внука или внучку раз плюнуть вырастить.

Красавицу Валюшу выдали замуж в семнадцать лет. Причина была проста и вечна, как мир, — беременность. Владислав расстроился, испугался, что дочь повторяет судьбу матери. Зоя возразила:

— Нет, Владик, немного не так. Валюша наша влюблена по уши и о ребеночке мечтает с четырнадцати лет. А самое главное, Валера любит нашу девочку. Посмотри, он то погладит

её, то обнимет. Светится весь. Я думаю, они будут счастливы.

— Любит, — согласился муж. — Еще бы! Такую красавицу отхватил! Хотя надо ему все-таки вставить, всю учебу сорвал девчонке.

— Наверно, Надежда уже вставила. Ну что, дедушка, будем ждать внука...

— Или внучку...

Молодых взяла в свой дом Надежда Николаевна. Валюша родила девочку. Назвала Аленкой.

После долгих поисков удалось выполнить посмертную просьбу Аделаиды Семеновны — разыскать наследников второго сына Григория Островецкого, что был рожден красавицей Лилианой, женой Ивана. Лиля назвала сына Александром. Мальчик взял лучшие черты внешности матери: темноволосый, с крупными карими глазами. Александр был очень хорош собою.

Красавица Лилиана замуж, казалось, выходила по любви. Жили они с Иваном хорошо. Но вот беда, не было у них детей. Желание иметь своего ребенка ни на минуту не покидало женщину, с годами становилось только сильнее.

— Как же я хочу сыночка, — говорила грустно она мужу. — Но почему так. Все мои подруги родили, и уже не по разу. Только я не слышу слова «мама».

Лилиана даже тайком ходила в церковь и молилась, просила Бога подарить ей малыша. Ведь Ваня был партийным работником, а она первой дамой области. Они должны быть атеистами. Как Лиля завидовала Аделаиде, когда та приехала с мужем и сыном, маленьким Владимиром. Лилиана возилась с малышом и готова была не отдавать часами ребенка матери. В глазах красивой женщины в эти дни поселилась тоска, граничащая с безумием. С Аделаидой женщина быстро подружилась. Ада была женщина с юморком, но на жизнь смотрела реально, она как-то и сказала то ли в шутку, то ли всерьез:

— Смотрю я на тебя, Лилиана, ты просто предназначена быть матерью, в тебе любви и нежности целые горы. А сколько терпения! Давай, Лилька, мы сами, по-бабски, решим твою проблему.

— Как так?

— Вот ты говоришь: у тебя и Ваньки все в порядке. А ребеночка нет и нет. Знаешь, так иногда бывает. Надо тебе, Лилька, просто-напросто сменить мужика, переспать с другим. Хотя бы разок. А лучше несколько раз. Чего ужасаешься, моя подруга так сделала. Съездила на юг. Теперь счастливая мамаша.

— А папаша? Муж её?

— Ничего. Обрадовался. Говорит всем, что это его ребенок. Подруга моя еще одного хочет родить. Опять на юг поедет... Давай, Лиль, и ты решишь... А то еще руки на себя с тоски наложишь.

— Ну ты что? А с другой стороны, мы и так уже на юге. У Вани ответственная работа. Мне так нельзя. Мы здесь с Ваней на виду у всех.

— Тогда приезжай к нам на север. Знаешь, какие могучие мужички среди холода водятся. Богатыри! А женщин мало. А таких красавиц, как ты, вообще нет.

— Ну ты скажешь, — окончательно смутилась женщина. — С чужим мужчиной?

— Лиль, — в глазах Ады зажглась то ли усмешка, то ли решимость, — а я тебе на часок своего Гришку уступлю. А что? Все равно по бабам бегает. Он тебе мигом ребенка сделает. И не чужой! А личность с Ванькой у него одинаковая.

— Что ты говоришь? — даже испугалась Лилиана. — Ты же его жена.

— Ну и подумай. Уж сколько раз Гришка мне изменял! Я очередной ему скандал учиню, волос немного подергаю. А потом прощу.

— Ада!

— Шучу, шучу, — засмеялась Аделаида. — Хотя в каждой шутке есть доля истины. Мой

Гришка ни одной юбки не пропускает. И на тебя масляными глазами смотрит. Да и с Ванькой у них одно лицо. Ванька ввек не догадается, когда ты принесешь ребеночка из роддома. Пусть хоть на мать, хоть на отца будет похожим... А у твоего Ваньки, точно, все в порядке по мужской части?

— Вроде в порядке, — ответила Лилиана. — Как твой Гриша, тоже порой увлекается другими дамами.

— Вот свинья, — вырвалось у Ады. — Тогда обязательно надо подумать над моими словами. Жалко мне тебя, Лилька!

Лилиана смущенно отмахнулась. А ведь выполнила свое обещание Ада, прислала в баню к женщине Григория. Лилиана сразу догадалась, что это не Иван, хоть и одинаковы были на лицо братья.

Аделаида и Григорий прожили все лето у них. Надо сказать, о случае в бане знали все, но каждый скрывал друг от друга. Лилиана от Ивана, Иван от Лилианы. Григорий от жены. Аделаида от мужа. Их история шла, как цепная реакция. Первой эта мысль пришла в голову Аделаиде. Ляпнула женщина и задумалась. Муж её, Гриша, гулял, как мартовский кот, но всегда возвращался к жене. Каялся, просил прощения. Ада прощала, она любила своего мужа, но страсти не было в женщине, холодновата была. Причина холодности крылась в том, что Ада рожала своего Вовку с большими осложнениями, еле спасли женщину, но матку удалили. Догадывался об этом Гриша или нет, Ада так и не узнала. Просто сказали Грише, что больше Аде рожать нельзя. Аделаида потерять мужа боялась. Научилась прощать его недолговечные связи. Порой даже посмеивалась и давала советы. Вот и сказала мужу вроде как в шутку:

— Гришка, ты уже и здесь подцепил бабу. Я это чувствую. Видела, вчера на пляже перемигивался с одной грудастой блондинкой.

Григорий обнял свою умную половину.

— Адка, ты все равно лучше. Сама знаешь, я брюнеток больше люблю. Я тебя ни на кого не променяю.

— Даже на такую красавицу, как Лилька? — закинула удочку жена.

— Даже на Лильку, — в глазах мужа промелькнуло сожаление.

— А тебе её не жаль?

— А почему я её жалеть должен?

— Да братец твой никак её ребеночка смастерить не может. Я так думаю: в нем причина. Мутный твой братец какой-то. Врет, что у него все в порядке. Слабоват, наверно!

— Не лезь ты в их дела.

— Я и не лезу. Я только счастья Лиле хочу. Нравится она мне. Хорошая баба. А какая несчастная!

— Я что-то не понимаю тебя, — прищурился Григорий.

— Гришунь, а ты бы пожалел по-мужски Лильку, сделал бы ей ребеночка, — выпалила Аделаида.

Гришка остолбенел на минуту, потом сказал:

— Ну ты даешь, женушка! Я, конечно, не святой, и Лилька мне нравится, но не до такой же степени я свинья. Я в доме брата. А ты — мне жена. Чего говоришь-то?

— И ты в отпуске, кроме жены никого не замечаешь, ну, например, вчера в магазине перемигивался с рыжей продавщицей, — язвительно отозвалась Ада. — И на рыбалку два дня назад не ездил? Без удочек?

Григорий примолк.

— Но ведь ты здесь, ты моя жена, ты об этом знаешь... Как я смогу?

— Понимаю, тебе легче, когда жена узнает после, — ответила Ада, — а еще лучше не узнает совсем. А ты мне не говори. Я и знать не буду.

— Но Ванька — брат.

— А мне Лильку жалко. Наложит еще на себя руки. Посмотри, как она с Вовкой возится! А с Ванькой сам разберешься. Хотя лучше и ему не говорить! Не собирается он, кстати, ни в какую командировку? Я бы в это время на экскурсию смоталась бы.

— Адка! Ты всерьез?

Вот после этого разговора с женой Григорий то ли в шутку, то ли всерьез и предложил брату свою помощь, сидя за столом наедине с ним, когда Иван выпил и признался, что детей нет из-за него, что Лилиана очень хочет ребеночка. «Хоть соседа об одолжении проси, — ляпнул пьяненький Иван. — Так Лилька ребеночка хочет!» Григорий и предложил Ваньке заменить его разочек. Ванька икнул, хлопнул полстакана водки и пьяным заплетающимся голосом признался, что и у него были такие мысли. А Григорий предложил и не напоминал. После этого разговора прошла неделя. Ада слышала про местную ворожею, что умеет лечить бесплодие, и стала уговаривать Лилю съездить к ней. Та отказалась. «Ваня рассердится», — так объяснила она. Аделаида сказала: «Тогда я сюда её привезу, скажем Ваньке, что это моя подруга. Пусть пошепчет над тобой». И уехала. Где-то задержалась... А Лилиана нянчилась с Вовкой, она с большим желанием осталась с мальчиком.

— Вань, — расплакалась она, уложив малыша спать, — я тоже хочу ребеночка, давай из детдома возьмем, раз у нас не получается ничего.

— Давай, — ответил муж. — Завтра все узнаю.

— Завтра выходной, — ответила жена.

В голове у Ивана пронеслась мысль: «Баню будем топить сегодня, париться! Адка уехала к какой-то подруге, а Гришка здесь!» И пошел растапливать баню. По пути о чем-то поговорил с братом. Григорий зашел в дом, пошутил с Лилей, посидел, поиграл с проснувшимся сыном и вдруг засобирился на рыбалку.

— Пойду, пока Адки нет, — сказал он. — А то она меня с ночевкой не пустит. А так вернется, а меня нет уже. Ворчи, не ворчи, дело сделано. Ребята, вы за Вовкой присмотрите?

— Конечно, — тут же откликнулась Лиля.

Григорий не пошел на рыбалку. Он сидел в густых кустах за домом и курил без конца. Там и нашел его Иван.

— Иди, Лиля в бане, она там одна. Вовку выкупала, отдала домработнице, сама в бане осталась. Иди быстрее, иди!

— Вань, а может, не надо, мы же братья?

— Я лучше буду племянника воспитывать, чем чужого ребенка. Своя все-таки кровь. Иди. А то Лилька просит в детдом съездить.

— Не пожалеешь?

— Нет.

Иван остался в кустах, потом ушел к соседу, и они там засели за бутылку. Григорий, надев футболку брата, направился в баню.

Лилиана сразу поняла — это не муж, когда Григорий обнял её и начал ласкать. Иван был совсем другой. Его прикосновения не вызывали у женщины дрожь в коленях и жар внизу живота. Лиля отпрянула в сторону.

— Мне уйти? — спросил Григорий, который все понял.

— Нет, — вырвалось против воли у Лилианы. — Но вдруг Иван зайдет?

— Не зайдет, — ответил Григорий. — Он к соседу пошел, я видел. Сказал мне, что надолго, чтобы я крикнул, когда баня освободится.

И Григорий шагнул к женщине. Шагнула и Лиля.

— Только ты ничего не скажешь Ивану, — сказала женщина. — Я его люблю.

— Ну и что, а я люблю свою Адку, — ответил Григорий и обнял женщину:

— Какая же ты красивая! — шептал он. — Ты — необычная женщина. Таких не бывает.

Я просто сплю, и ты мне снишься, — а сам думал: — Я бы на месте Ваньки никому не позволил бы прикоснуться к тебе.

После Григорий сразу ушел. Возле кустов сидел пьяный уже Иван.

— Иди домой, — глухо сказал Григорий. — Я на рыбалку. Она ни о чем не догадалась. Знаешь, Ванька, я напьюсь сегодня. Вернусь в дупель пьяным. И тебе, и Адке легче в глаза смотреть будет. И Лиле тоже!

— Да ладно, — отозвался Иван. — Не переживай.

— Но все же я напьюсь.

— А я пойду еще добавлю. Чтобы ничего не помнить!

И Иван, и Григорий напились. Иван, чтобы Лиля ничего не заподозрила. А Григорий знал: не сможет забыть этой прекрасной женщины, она будет сниться ему долгими сибирскими ночами. Он готов был даже бросить свою Адку с Вовкой.

Лилиана вела себя так, словно ничего и не было. Вернулась поздним вечером Аделаида, посмотрела на мирно спящих братьев, поморщила нос от запаха перегара. «А ну их, пусть лежат, просыхают», — сказала она. Ада привезла женщину, которая умела ворожить и снимать порчу, лечила бесплодие. И пока мужчины спали, ворожея поколдовала над Лилианой и заявила, что ей надо по утрам в росе обмываться пять дней подряд, тогда она забеременеет. Аделаида заставила это делать Лилиану, и сама с ней каталась ранним утром по траве.

— Ада, ты тоже хочешь еще ребеночка? — спросила Лиля.

— Хочу, — честно сказала женщина. — Только у меня его не будет никогда больше. Вот так-то, Лилечка. Вырезали мне все. Еле спасли во время родов. Не женщина я больше. Оно и теперь. Гришка не знает. Да, ладно, у меня есть Вовка. А что с тобой катаюсь, так просто тебя караулю, а то мой Гришка и так на тебя туманными глазами смотрит, а если голую увидит, то прощай твоя честность мужу.

— А если Иван тебя увидит? — спросила Лиля. — Твоя честность не пострадает? Ты тоже красивая.

— Нет, они вдвоем не пойдут подглядывать. Кроме того, я Гришку люблю, и мне далеко до тебя. Не беспокойся за своего Ваньку.

Уехали Ада и Григорий из дома брата через два месяца. В последний день радостная Лилиана сказала о своей беременности. Иван обрадовался. Ада бросила мимолетный взгляд на мужа. Тот сидел, как ни в чем не бывало. Григорий нигде ни намеком, не жестом не проявил себя. Лишь подарил Лиле перед отъездом небольшой брусочек золота.

— На всякий случай, — пояснил он. — Для твоего ребенка. Все бывает в жизни. Ты, Вань, не ругайся. Золото — это надежно.

Точно такой же брусочек дал он и Ивану.

— Ох, Гришка, — сказал Иван, взяв золото, — завязывал бы ты со своими делишками.

— Когда-нибудь завяжу. Адка тоже ругается. Но в семье Островецких всегда умели делать деньги. Кстати, Вань, а где золото, что было у нашей мамы? Я имею в виду драгоценности.

— Вот оно, — Иван показал на свой большой дом. — Дом построил.

— А моя половина? — спросил Григорий. — Ты все истратил? Впрочем, не отвечай. Я не в претензии. Пообещай, если со мной что случится, ты должен об Аде и Вовке позаботиться. У них должен быть угол. А золота мне своего хватит.

Через несколько лет Григория арестовали. Золота не нашли. Ада утверждала, что Гришу ложно обвинили. Жила очень бедно. Иван забыл о семье брата. Но не тронула Аделаида этих золотых брусочков, что было у неё немало. И помнила слова мужа, сказанные во время последнего свидания в тюрьме:

— Одна половина твоя и Володьки, а вторую отдашь Лилиане и её сыну. Ивану ничего не говори про это золото.

— Значит, от тебя все-таки мальчишка у Лилианы? — скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла жена.

— От меня, — признался Григорий. — Осуждаешь?

— За что? Я сама все это придумала, Лильку уж очень было жалко. Так что себя надо осуждать.

Аделаида честно пыталась выполнить наказ мужа. Когда Григория не стало, его тело жена увезла в его родной городок, к неудовольствию Ивана, и там похоронила. Брат мужа явно дал понять, что не оставит Аду и её сына в своем доме. Ада и сама не стремилась. Не надо было сказать Лиле о золоте. Лилиана узнав о золоте, встала на колени перед Адой:

— Не надо, Адочка миленькая, мне золота. Только ничего Ивану не говори. Я всю жизнь боюсь, что он узнает, чей сын Сашенька. И так с сыном его мир не берет. Вот вырастет Саша, отдашь ему. Заодно и скажешь, кто его отец. Я не осмелюсь.

— Лиля, ты плохо живешь с Иваном? — тихо спросила Аделаида.

— Знаешь, Ада, я когда-то удивлялась тебе, что ты прощаешь своего Гришу, говоришь, что он всегда к тебе возвращается. Я бы тоже на это согласилась, если бы это был Григорий.

— Ты тоже любишь моего Гришу?

Молчание было ответом. Потом женщины обнялись и заплакали.

Долгие годы бедно жила Ада, не напоминая о себе семье Ивана. Изредка получала письмо от Лили. А потом они перестали приходить. Лишь спустя несколько лет Ада узнала о смерти Лилианы. Исчез, словно растворился и её единственный сын Александр Островецкий. Иван на письмо Ады ответил, что у него нет больше сына, в грубой форме потребовал, чтобы Ада больше не писала сюда. И Ада не стала этого делать.

Сашка Островецкий пошел темпераментом в родного отца Григория. Любил женщин, и женщины его любили. Но ни одна не трогала его душу. Мама всегда говорила сыну:

— Не спеши, сынок, есть на свете твоя половина. Встретишь, поймешь, тебе она предназначена.

Отец орал, требовал, чтобы сын вел себя приличнее. Сашка выслушивал очередную порцию брани и мечтал уйти из дома отца. Жалко было маму. Понимал уже взрослый парень, что родители несчастливы.

Своенравная Галина давно положила глаз на Сашку. Женится Сашка. А как ему было не жениться, если беременна была Галина. Её мать, приехавшая разбираться, быстро вспомнила, что Иван — партийный работник. Отец стукнул кулаком — женись. Ему не

нужны были неприятности, и женился Сашка Островецкий. А мама была против. Она была права, счастья не было. Только из-за маленького Владика приходил к Галине Александр. А потом он встретил Инну. И ушел к ней. Галина не сдавалась. Отцу грозили неприятности. Вызвали на ковер Инну, угрожали, устроили пропажу медикаментов в медпункте, обещали женщину отдать под суд, отобрать дочь Зою, отправить девочку в детдом. Лилиана уладила эти неприятности, она добилась обещания от мужа, что не будет он больше тревожить сына.

— Да не сын он мне! — заорал взбешенный Иван. — Гришкин он сын. Все его выходки. Такой же бабник, как мой братец.

— Ты знал? — спросила Лиля.

— Знал, с первого момента знал. Это я Гришку к тебе в баню отправил, чтобы он тебя обрюхатил. Как же ты не различила, женушка? — ехидно ответил муж.

— Ты негодяй, — тихо ответила жена. — Но только зря думаешь, что я вас не различила. Очень хорошо различила. Далеко тебе до брата, Ваня, очень далеко. Я осталась с тобой, но Гришу всю жизнь помнила, каждую ночь вспоминала, каждый раз, когда ты спал в моей постели.

— Ненавижу, — крикнул Иван, — ненавижу! Тебя! Гришку! Сашку! Всех вас ненавижу!

— Ты всегда был плохим братом, ты ни разу не вспомнил, как живет Ада после смерти Гриши, не поинтересовался, как растет его сын.

— Я второго его идиота растил.

— Не смей так называть моего мальчика. И запомни! Ты больше не будешь ему мешать. Ты не тронешь его и Инну. Дело, сфабрикованное тобой, закроют. Маленькая Зоя останется с матерью. В противном случае все узнают, как партийный работник Иван Островецкий подложил свою жену под брата. Смеешься? Не поверят. Тогда я, Ваня, про золото скажу! Я вообще скажу, что все золото, что не нашли у Гриши, хранишь ты. И покажу брусочек, что дал мне Гриша на прощание.

— Ты не посмеешь!

— Посмею! — твердо ответила жена и вышла из комнаты. — И брусочек золотой будет доказательством!

Взбешенный Иван тяжелыми шагами мерил комнату. Он уже как-то пытался забрать у жены этот золотой брусочек. Не дала. Иван и искал его тайком. Не нашел. Свой-то он давно сбыл. Потом Иван куда-то ушел. Домой не вернулся. Лилиана позвонила сыну. Александр быстро приехал. Лиля чувствовала себя уже плохо, но промолчала. Она только просила, чтобы Саша женился на Инне, если любит её. Александр уговаривал мать уйти с ними.

— Нет, — сказала она. — Здесь и мой дом. Пока я с Иваном, я не дам ему испортить твою жизнь. Вот, сынок, держи, — она протянула золотой брусочек. — Это для тебя. Не спрашивай, откуда у меня это. Найдешь пути перевести его в деньги. Будь счастлив. Ты должен быть счастливым. Не слушай Ивана, живи с Инной.

На другой день ссора Ивана и Лилианы продолжилась. Иван усиленно продолжал искать золотой брусочек, вместо него нашел дарственную на дом. Да, его большой дом был оформлен на имя жены. А она оформила дарственную на имя маленького Владислава. Что только не выслушала Лилиана в тот вечер. Сердце заныло сильнее прежнего, начались головные боли. Женщина поднялась и ушла в свою комнату. Иван долго еще кричал, стучал к жене, та не открыла. Ссора их закончилась тяжелым сердечным приступом Лилианы. Иван не стал вызывать скорую помощь, ушел опять. Вернулся он уже тогда, когда приехавший по просьбе домработницы сын выбил дверь в комнату матери и сидел с ней в ожидании скорой

помощи. Лилиана была еще жива. Она прошептала: «Хорошо, сынок, что ты пришел. Будь счастливым. Оставайся с Инной. Не повторяй моих ошибок. Я всю жизнь любила твоего отца. Слышишь, Саша, твоего отца. Только его».

Лилиана умерла. Стоящего тут же в комнате, у окна, отца словно громом поразили произнесенные женой слова, которая не смотрела в его сторону, а только слабеющими пальцами сжимала руку сына. Иван сторбился и замолчал. Перед похоронами он сухо приказал сыну вернуться в его дом с Галиной и сыном. «Кому-то надо вести дом», — сказал он, про себя думая, как же сделать так, чтобы объявить дарственную недействительной. Александр ответил отказом. Инна и Зоя стали частью его жизни.

— Тогда уходи навсегда. Ты мне не сын, — угрюмо произнес отец, — твоя мать родила тебя не от меня. У меня не могло родиться такое чудовище. Ты позоришь мою фамилию.

— Кто мой отец? — спросил Александр.

— Брат мой, Гришка, преступник, вор, его в тюрьме зарезали. За его могилой все ухаживала Лилиана, — ответил отец.

— Мать похороним рядом с ним, — твердо сказал Александр.

— Нет, не позволю! — вскипел Иван. — Мой братец-кобель всю жизнь мне испортил. Пусть отдельно лежит от своих сучек.

— Не оскорбляй мою мать, — тихо сказал Александр. — Ты похоронишь её рядом с братом. Или я твоим вышестоящим инстанциям расскажу, что ты не оказал вовремя помощь умирающей жене, что я не твой сын. На похоронах я буду с Инной. Тебе придется потерпеть.

И ушел. После похорон Лилианы Иван и Александр больше не виделись.

Александр развелся с Галиной. Женился на Инне, которая оформила развод с Сергеем и вернула свою девичью фамилию — Королькова. Эту фамилию после регистрации брака взял и Александр. Он добился изменения не только фамилии, но и отчества, он стал Александром Григорьевичем Корольковым, удочерил Зою. Инна ему еще родила сына Андрея. Они все были Корольковы.

Нанятый детектив сообщил, что Иван вторично женился. Жена была намного моложе. Звали Вика. Иван умер совсем недавно. Его похоронили со всеми почестями, он много лет руководил городом. Могила отдельная. Так он сам приказал. А вот дом, в котором жил Иван, его вторая жена не может оформить на себя. Иван Островецкий, когда строил его, все оформил на свою первую жену. Когда начались у Ивана проблемы с сыном, то Лилиана успела сделать дарственную на маленького внука — на Владислава. Иван ничего не смог изменить. Просто заставил уехать Галину из этих краев и всю жизнь об этом молчал. Лишь после его смерти, когда вдова захотела оформить наследство на себя, выяснилось, что владелец этого дома Владислав Островецкий.

— Это ваша недвижимость, Владислав Сергеевич, — сказал детектив, заканчивая рассказ.

Владислав молчал.

— И вот еще, — добавил следователь. — Я был в том доме. Вдова выбрасывала ненужные вещи. Я кое-что забрал. Альбом. На всякий случай. Это альбом покойной Лилианы.

Зоя открыла альбом и первым делом увидела такое знакомое, такое родное лицо своих близнецов. Это был маленький Александр.

— Говорила же, на папу моего похожи наши мальчики, — воскликнула женщина и осеклась по привычке, глянув на отца.

По-доброму улыбнулся Сергей Петрович:

— Зато Ксюша вся в меня. И пусть Владька не утверждает, что она на него похожа. А это, смотрите, — он держал в руках черно-белое фото, — это наша Валюша.

На фото была молодая, ослепительно красивая Лилиана. На руках она держала ребенка. «Я самая счастливая мамочка на свете», — было там написано.

— А я все думаю, в кого наша Валюша уродилась такая красавица! — воскликнула Зоя.

— Дайте, дайте и нам посмотреть, — прибежали девочки.

А Владислав уже держал другую фотографию. Ксюша встала рядом с ним, прислонившись светлой головенкой:

— Ой, это бабушка Ада со своим дедушкой Гришей. Пап! А дедушка как на тебя похож! — воскликнула девочка.

Долго еще они смотрели старые черно-белые снимки, вглядываясь в лица далеких бабушек и дедушек... Как хорошо, что нанятый Владиславом детектив привез этот альбом.

— Что же это получается, — сказала Зоя вечером мужу, когда уже все дети спали, а Сергей Петрович в своей комнате читал книгу. — Ты второй наследник золота Аделаиды Семеновны. И у тебя есть дом в далеком южном городке.

— Не совсем так, — ответил Владислав. — Я и брат твой Андрей — наследники. Он тоже внук Григория. А ты приемная дочь его сына Владислава. Ты тоже имеешь право на дом. Зоя, надо как-то все рассказать Андрею и Римме.

Римка и Андрей выслушали эту историю. Практичный ум Римки моментально схватил нужное.

— А золота много? Сколько в деньгах?

Владислав ответил.

— А что с южным домом будете делать?

— Наверно, продавать.

— И Андрюша тоже наследник?

— Да, — ответил Владислав, все еще не понимая, куда клонит Римка.

— А нельзя ли нам из его доли уплатить долг вам за дом?

— И за корову, — добавил Андрей.

— Зорьку мы вам подарили, — засмеялся Владислав.

— Нет, — ответил брат. — И вы поймете, почему я так говорю. Римма, принеси.

— Не надо, Андрюш, — жена брата была очень серьезна.

— Нет, надо. Зоя и Владислав тоже могли бы промолчать.

Римка вышла с какой-то тряпицей в руках, развернула. Все увидели небольшой брусочек золота.

— Откуда это? — спросила удивленная Зоя.

— Мама дала перед смертью, — ответил брат. — Она переживала, что дом на тебя записали, а мне ничего, вот и отдала нам это.

Это был тот самый брусочек золота, что когда-то Григорий дал будущему сыну. Александр хранил его всю жизнь. Но не искал родственников покойного отца. У него была Инна, Зоя, Андрюша, он был счастлив.

Андрей согласился с предложением жены уплатить долг из наследственной доли. Теперь он чувствовал в доме Владислава себя полновластным хозяином. Золото так и осталось лежать в банковских ячейках. Владислав построил дом на свои средства и те золотые брусочки, что были в комодке Аделаиды Семеновны. А дом на юге выкупила молодая

вдова Ивана, которая к тому времени вновь вышла замуж за состоятельного бизнесмена. Ни Зоя, ни Владислав не стремились туда. В том доме не было счастья.

Римка в немолодом уже возрасте решилась на второго ребенка. Родила нечаянно двойню — девочек. Назвала Аделаидой и Лилианой. Андрей был горд. Они с Владом неделю отмечали это событие, пользуясь отсутствием Риммы.

В роду Островецких двойни рождались регулярно, по отцовской линии. Владислав и Андрей были из рода Островецких. Обычно близнецами бывали мальчики. Но что-нибудь да не так в этом мире.

Больше книг на сайте - Knigolub.net